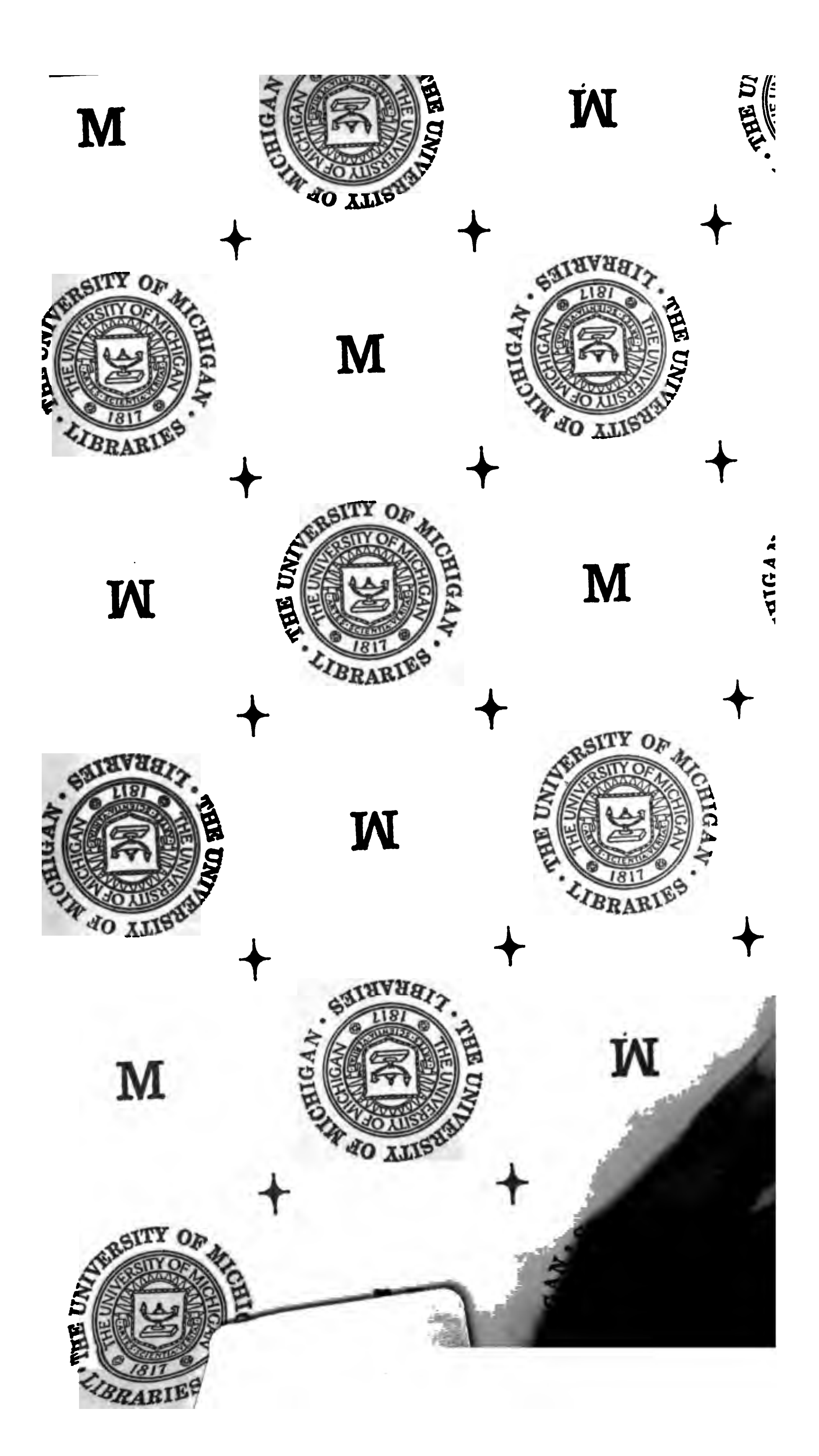
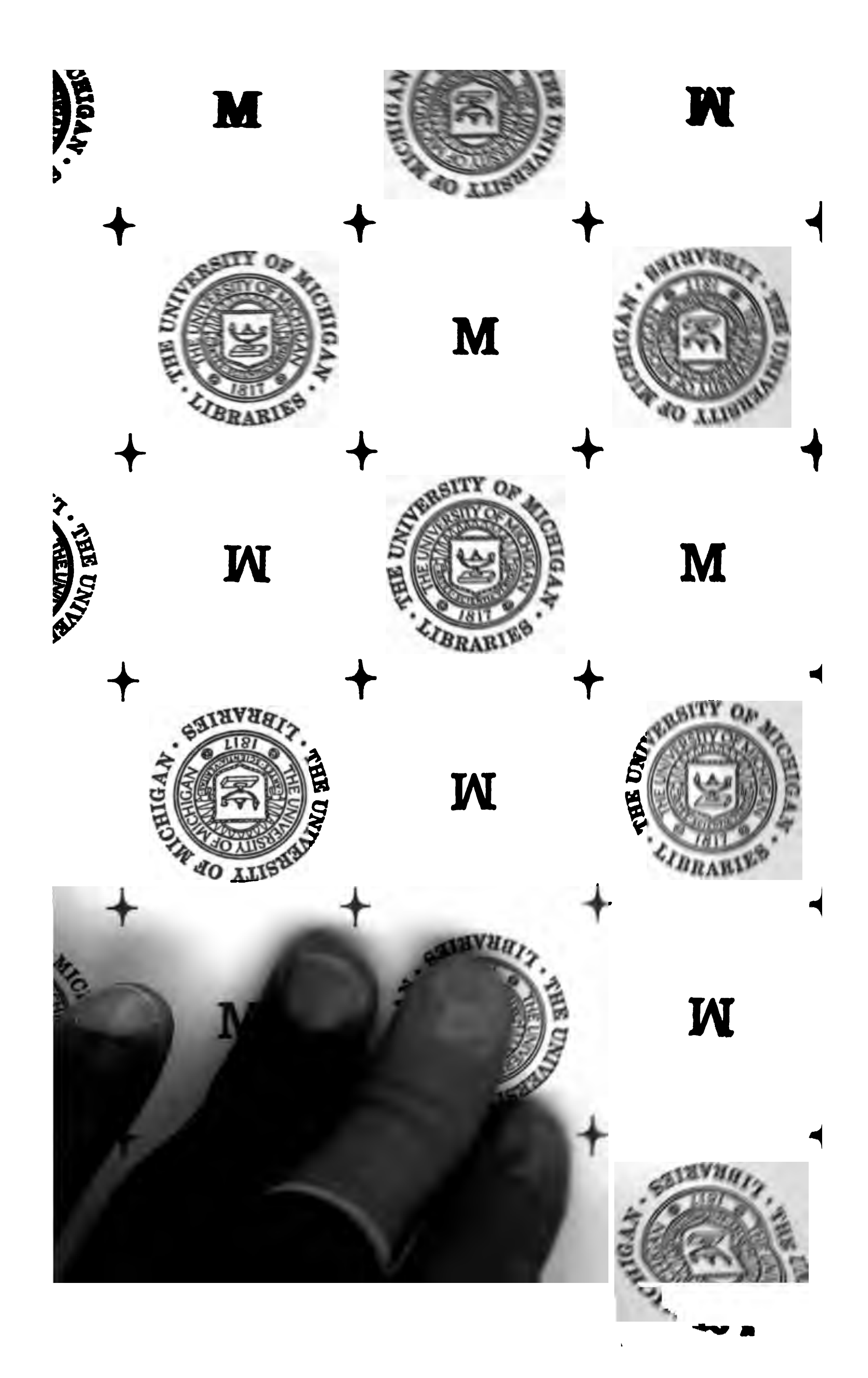

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M


THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
LIBRARIES

ГРОДНЕНСКІЙ СЕЙМЪ

1793 ГОДА.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Д. ИЛОВАЙСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи Катковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

1870.

ИСТОЧНИКИ.

Въ основу настоящей монографіи легло богатое собраніе дипломатической корреспонденціи, которое хранится въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, именно польскія дѣла 1792 и 1793 годовъ, заключающіяся въ связкахъ 70, 71, 72 и 73. Тутъ находятся депеши русскаго посольства въ Польшѣ, а также рескрипты и инструкціи препровождавшіеся къ нему изъ Петербурга (за немногими исключеніями, вся эта корреспонденція на французскомъ языкѣ). Излишне распространяться о достоинствѣ этихъ матеріаловъ. Русскій посланникъ въ Польшѣ находился въ самомъ центрѣ событій, а въ данномъ случаѣ онъ былъ ихъ главнымъ двигателемъ; такимъ образомъ донесенія его знакомятъ насъ не съ одною ихъ наружною или официальною исторіей, а также и съ ихъ закулисною стороною, то-есть съ самими пружинами механизма.

При помощи своихъ польскихъ друзей и многочисленныхъ агентовъ посланникъ имѣлъ возможность собирать подробныя свѣденія обо всемъ происходившемъ вокругъ и сообщать ихъ своему правительству. А такъ какъ монографія наша имѣетъ довольно специальный характеръ, ограничиваясь сравнительно небольшимъ объемомъ времени, и главною своею задачею полагаетъ разработку подробностей, то означенная корреспонденція представляетъ такой матеріалъ, безъ котораго исполненіе этой

задачи было бы невозможно. Она служитъ также лучшею провѣркою и для всѣхъ прочихъ нашихъ матеріаловъ. *

Затѣмъ идутъ слѣдующіе матеріалы и пособія для нашего труда:

Korrespondent Krajowy y Zagranïczny. Roku 1793. Варшавская газета, помѣщавшая довольно подробные отчеты о засѣданіяхъ Гродненскаго сейма. Послѣ закрытія Тарговицкой конфедераціей органовъ патріотической партіи (какова напримѣръ была Gazeta Narodowa y obca) польскія газеты въ то время выходили подъ строгимъ надзоромъ конфедераціи, или что то же подъ русскимъ вліяніемъ, и слѣдовательно отчеты ихъ составлялись въ одномъ извѣстномъ направленіи. Но для насъ Корреспондентъ важенъ собственно со стороны сообщаемыхъ имъ подробностей и офиціальныхъ дипломатическихъ документовъ.

Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sivers Denkwürdigkeiten. Von K. L. Blum. Dritter Band. Leipzig und Heidelberg. 1858. Весь этотъ трудъ посвященъ дѣятельности Сиверса, какъ чрезвычайнаго русскаго посланника въ Польшѣ въ эпоху Гродненскаго сейма. Онъ заключаетъ въ себѣ многіе документы изъ офиціальной корреспонденціи посланника, и даже иногда такіе которыхъ мы не встрѣтили въ Архивѣ М. И. Д. Но главный интересъ этотъ томъ представляетъ со стороны переписки Сиверса съ его дочерьми. Тутъ онъ откровенно высказываетъ свои впечатлѣнія, планы и сужденія объ окру-

* Что касается до системы ссылокъ, то мы считаемъ излишнимъ обременять свою книгу безпрерывными указаніями на самые документы изъ этой корреспонденціи, ограничиваясь наиболѣе важными изъ нихъ или тѣми, которые разногласятъ съ другими нашими матеріалами. Но тѣ источники, изъ которыхъ мы черпаемъ подробности, не встрѣчающіяся въ посольской корреспонденціи или встрѣчающіяся съ меньшою полнотою, по большей части обозначаются. Когда случается намъ указывать на нѣкоторые дипломатическіе акты изъ этой корреспонденціи, уже существующіе въ печати, то мы предпочитаемъ дѣлать ссылку на печатные источники (каковы напримѣръ газета Корреспондентъ, Ферранъ, Ангебергъ, Блумъ, Германъ, Вегнеръ и пр.).

жающихъ его лицахъ, и эта семейная переписка прекрасно дополняетъ его офиціальную корреспонденцію. Что касается до цвѣта, въ который окрашена біографія Сиверса, то авторъ ея, при несомнѣнныхъ достоинствахъ своего обширнаго труда по отношенію къ фактической обработкѣ, не избѣжалъ сильнаго пристрастія и большихъ натяжекъ по отношенію къ своимъ воззрѣніямъ. Онъ безъ мѣры прославляетъ своего героя и слишкомъ рѣзко нападаетъ на политику Екатерины. Въ своемъ стараніи выдѣлить Сиверса изъ этой политики, Блумъ доходитъ иногда до того, что впадаетъ въ явныя несообразности. Напримѣръ, онъ жалуется на неискренность императрицы къ его герою: будто бы, отправляя его посломъ, она не открыла ему своихъ видовъ на Польшу, и будто бы онъ не зналъ заранѣе, орудіемъ какого дѣла онъ призванъ былъ служить, между тѣмъ какъ Игельштромъ получилъ болѣе подробныя инструкціи и глубже былъ посвященъ въ планы Екатерины. Въ доказательство онъ приводитъ сущность инструкціи Игельштрому и только начало перваго рескрипта Сиверсу.

Geschichte des Russischen Staates von Hermann. Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit 1791—1797. Gotha. 1866. Содержитъ въ себѣ дипломатическую корреспонденцію, заимствованную изъ государственныхъ архивовъ Берлина, Дрездена и Лондона. Значительная часть этого тома посвящена польскимъ дѣламъ.

Recueil des traités et conventions concernant la Pologne 1762—1862. Par le comte d'Angeberg. Paris. 1862. Значительное и полезное собраніе дипломатическихъ и другихъ документовъ, относящихся преимущественно къ эпохѣ польскихъ раздѣловъ, хотя въ подборѣ этихъ документовъ не всегда видно безпристрастіе, о которомъ издатель говоритъ въ предисловіи.

Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Documenta do Historyi drugiego i trzeciego podziału. Wydał W. Kalinka. Poznań, 1868. Это изданіе заключаетъ въ себѣ до-

вольно интересную корреспонденцію Станислава Августа съ разными лицами, впервые обнародованную. Особенно заслуживаютъ вниманія его письма къ Букатому, польскому послу въ Лондонѣ.

Переходя къ отдѣлу польскихъ мемуаровъ, мы должны вообще замѣтить, что они принадлежатъ къ тѣмъ источникамъ, которыми надобно пользоваться весьма осторожно. При томъ же, по большей части они были писаны въ старости, много лѣтъ спустя послѣ событій, о которыхъ разсказываютъ; при чемъ память не всегда служила вѣрно авторамъ. Тѣмъ не менѣе они представляютъ интересный матеріалъ, особенно для характеристики лицъ, общественнаго и семейнаго строя Польши въ данную эпоху.

Memoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu' à la fin de 1815 de Michel Oginski. Paris, 1826—1827. Такъ какъ эти мемуары пользовались нѣкоторымъ авторитетомъ и на нихъ часто основываются иностранныя сочиненія о данной эпохѣ, то мы въ теченіи своего разсказа не разъ указываемъ на ихъ недостатокъ добросовѣстности.

Pamiętniki Iana Dukłana Ochockiego. Wilno. 1857. Интересныя по бытовымъ чертамъ, но весьма хвастливыя воспоминанія.

Pamiętniki Bartołomieja Michałowskiego od roku 1786 do 1815. Warszawa, 1857. Въ родѣ предыдущихъ, но болѣе скромны по тону.

Pamiętniki księdza Kitowicza do panowania Stanisława Poniatowskiego. Poznań. 1845.

Pamiętniki Kajetana Koźmiana. Poznań. 1858.

Два послѣднія сочиненія принадлежатъ къ наиболѣе добросовѣстнымъ изъ польскихъ мемуаровъ.

Pamiętniki czasów moich Iuljana Ursyna Niemcewicza Lipsk. 1868. Сообщаютъ много интересныхъ чертъ; но многое невѣрно и перепутано. Самъ авторъ сознается, что записывалъ въ старости по памяти и въ безпорядкѣ. По отношенію къ Россіи онъ отличается желчною

непріязнію, и доходитъ до того, что извѣстную распущенность польскихъ нравовъ въ концѣ XVIII вѣка приписываетъ ничему иному какъ вліянію русскихъ войскъ.

Pamiętniki pulkownika Gąsianowskiego z. r. 1793—1794. Lwòw. 1861. Страдаютъ явными невѣрностями и противорѣчіями.

Cżasy Stanisława Augusta Poniatowskiego przez jednego z posłòw wielkiego Sejmu napisane. Poznań. 1867.

Къ тому же отдѣлу можно отнести: Историко-полемическое сочиненіе извѣстнаго Гугона Коллонтая: *O Ustanowieniu i upadku Konstitucyi polskiey 3 Maja 1791.*

Żywot Tomasza Ostrowskiego. Paryż. 1836.

Pamiętniki o Ianie Sniadeckim przez Michala Bolińskiego. Wilno, 1865.

Polska w roku 1793 wedlug podròży Fryderyka Szulc'a. Drezno. 1870. Это есть переводъ изъ нѣмецкой книги, изданной въ Берлинѣ въ 1795—1797 гг. подъ заглавіемъ: *Reise eines Lieflanders von Riga nach Warschau etc.* Наблюдательный лифляндецъ развертываетъ передъ нами яркую и безпристрастную картину польскихъ нравовъ и обычаевъ въ эпоху паденія.

Изъ русскихъ мемуаровъ къ нашей монографіи имѣютъ нѣкоторое отношеніе:

Записки Храповицкаго. Чт. Об. Ист. и Др. 1862
и *Записки Л. Н. Энгельгардта.* Москва. 1867.

Изъ общихъ обзоровъ и брошюръ по данному вопросу укажемъ:

Histoire des trois demembremens de la Pologne par Ferrand. Paris. 1820. Весьма пристрастное сочиненіе, имѣющее цѣну собственно по своимъ приложеніямъ, заимствованнымъ изъ Лейденской газеты прошлаго столѣтія.

Panowanie Stanisława Augusta. Ioachima Lelewela. Poznań. 1859. Сочиненіе подобное предыдущему, только въ сокращенномъ видѣ.

Dzieje Polski od 1733 do 1832 roku. Skreslil H. Scmitt. W Krakowie. 1867.

Sejm Grodzieński ostatni. Uśtęp od 26 sierpnia do 23

września 1793. Zestawil Leon Wegner. Poznań. 1866. Книга посвящена описанію самыхъ бурныхъ засѣданій Гродненскаго сейма, на которыхъ рѣшена уступка земель Пруссіи; снабжена кромѣ того обширнымъ введеніемъ и приложеніями. Авторъ ея извѣстенъ исторіей Революціи 3 мая и другими сочиненіями изъ той же эпохи; по своимъ воззрѣніямъ почти не отличается отъ трехъ предыдущихъ.

Die österreichisch-preussische Allianz und die zweite Theilung Polens. Von Herman. Gotha, 1861. Полемическая брошюра, направленная противъ Зибеля по поводу несходныхъ мнѣній о политикѣ Леопольда II.

Polens Untergang und der Revolutionskrieg. Von H. Sybel (Historische Zeitschrift. 1870. Erstes Heft). Продолженіе той же полемики, интересное по многимъ даннымъ, заимствованнымъ изъ Вѣнскаго государственнаго архива.

Изъ русскихъ сочиненій о данной эпохѣ мы имѣемъ двѣ интересныя монографіи:

Исторія паденія Польши. Соловьева. Москва. 1863. Это сочиненіе основано преимущественно на архивныхъ матеріалахъ.

и *Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой*. Костомарова. Петербургъ. 1870. Построено преимущественно на источникахъ изданныхъ.

Трудъ Смита, *Suworow und Polens Untergang*, къ сожалѣнію прекратился на 1792 годѣ.

Не перечисляемъ многихъ другихъ пособій, которыя имѣлись подъ рукой для справокъ или разныхъ соображеній, какъ напримѣръ: *Полное собраніе законовъ*, *Encyklopedja powszechua*, *Herbarz Polski*, *Historyczne Pamiątki znamienitych osób Dawnej Polski* Бартошевича, сочиненія нѣмецкихъ историковъ: Шлоссера, Хейсера, Зибеля и т. д. Не указываемъ также и русскихъ газетъ того времени, по крайней скудности ихъ извѣстій относительно нашей политики; мы встрѣчаемъ въ нихъ только манифесты и указы, то-есть то, что можно найти въ полномъ собраніи законовъ. Точно также недавно

изданный *Архив Государственнаго совѣта* почти ничего не прибавляетъ къ нашимъ источникамъ.

Кромѣ того мы пользовались еще слѣдующими неизданными матеріалами:

Нѣсколько документовъ изъ рукописнаго отдѣла *Виленской публичной библіотеки* и изъ *библіотеки Красинскихъ въ Варшавѣ.*

Journal de la diète de Grodno 1793. Рукопись принадлежитъ Петербургской Археографической Коммиссіи. Это довольно краткія записки о сеймовыхъ засѣданіяхъ, отзывающіяся полуофиціальнымъ тономъ, неизвѣстнаго автора. Можетъ быть это были бюллетени, составлявшіеся какимъ-либо иностраннымъ посольствомъ для своего двора.

Opisanie Sejmu Grodzieńskiego w. r. 1793. Записки Людвика Гинета, посѣщавшаго засѣданія въ качествѣ арбитра. Рукопись находится въ одной частной библіотекѣ въ Варшавѣ; копія съ нея передана автору хранителемъ главной Варшавской библіотеки И. Ѳ. Скимборовичемъ. Она заключаетъ замѣтки о нѣкоторыхъ сеймовыхъ засѣданіяхъ, начиная съ 10 августа н. ст. Авторъ ея горячій сторонникъ оппозиціи.

Въ послѣднія времена республики рѣчи произносимыя на сеймѣ немедленно печатались и издавались тедрадями. Кромѣ того на обязанности сеймоваго секретаря, какъ извѣстно, лежало вести дневникъ сейму или діаріушъ, который потомъ также предавался печати. Такой дневникъ послѣдняго польскаго сейма остался ненапечатаннымъ, вѣроятно по причинѣ наступившаго вскорѣ разгрома Рѣчи Посполитой. Послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ, намъ удалось наконецъ отыскать копію съ сеймоваго дневника, находящуюся въ частной библіотекѣ одного варшавскаго обывателя, именно г. Ласкаго. Она озаглавлена такъ: *Diariusz Sejmu Extraordynaryinego pod związkiem konfederacyi Targowickiey 1793 roku dnia 17 junij w Grodnie zebranego za uniwersalami Króla imsci w Radzie Nieustaiącej po przywróceniu iey przez Konfederacyą Targowicką.* При-

водимъ по-русски продолженіе этого длиннаго заглавія: „списанный безпристрастнымъ перомъ одного изъ присутствовавшихъ тогда; въ немъ заключается значительная часть рѣчей напечатанныхъ, но съ удержаніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя часто переходили въ печать уже въ выраженіяхъ смягченныхъ или съ цвѣтами краснорѣчія на дѣлѣ несуществовавшими." Внизу на томъ же заглавномъ листѣ еще есть замѣтка; въ ней говорится что это трудъ Матвѣя Нелюдовича скарбоваго литовскаго коммиссара, благодаря припискамъ котораго (кто-то) написалъ еще болѣе полный діаріушъ, и для памяти потомству положилъ его въ библіотеку гродненскихъ ксендзовъ доминикановъ. Для насъ не совсѣмъ ясно, говорится ли въ этой замѣткѣ о данномъ экземплярѣ или еще о другой какой копіи. Во всякомъ случаѣ, экземпляръ г. Ласкаго не есть простая копія съ сеймоваго дневника; такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ дополненія, сдѣланныя послѣ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются многія подробности, которыя не могли войти въ дневникъ, долженствовавшій имѣть офиціальный характеръ; вообще діаріушъ этотъ сочувственно относится къ оппозиціи и враждебенъ Россіи. Даже помимо послѣдующаго разгрома подобный діаріушъ едва ли могъ появиться въ польской печати, которая тогда находилась подъ русскимъ надзоромъ. Кромѣ приписокъ, и самая первоначальная его редакція повидимому носитъ также оппозиціонный характеръ, и это обстоятельство находится въ согласіи съ нѣкоторыми данными о сеймовомъ секретарѣ Езёрковскомъ, которыя мы встрѣчаемъ въ приведенномъ выше сочиненіи Pamiętniki o Janie Sniadeckim (хотя тамъ онъ ошибочно названъ секретаремъ Тарговицкой конфедераціи). А что первоначальная редакція принадлежала именно ему, на это есть указанія въ самомъ дневникѣ; напримѣръ, неоднократныя упоминанія о его неусыпныхъ занятіяхъ, вопросъ поднятый на сеймѣ о вознагражденіи за его труды, и пр. Въ діаріушѣ притомъ вшиты печатные

списки съ именами пословъ и сенаторовъ, и съ отмѣтками голосовъ при всякомъ вотированіи. (Отсюда мы заимствовали тотъ списокъ, который приложенъ въ концѣ нашей книги.) *

---

* Къ сожалѣнію, означенный діаріушъ (заключающій болѣе 1.200 писанныхъ страницъ) мы имѣли въ своихъ рукахъ на короткое время, такъ что могли только просмотрѣть его и отмѣтить наиболѣе крупные варіанты сравнительно съ другими нашими матеріалами. Тѣмъ не менѣе приносимъ г. Ласкому нашу благодарность. Равнымъ образомъ просимъ принять отъ насъ благодарность всѣхъ тѣхъ, которые оказывали намъ дружеское содѣйствіе при розыскѣ матеріаловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и бывшей Польши.

ВВЕДЕНІЕ.

Избирая предметомъ своего изслѣдованія нѣсколько мѣсяцевъ изъ исторіи Рѣчи Посполитой въ эпоху раздѣловъ, мы не будемъ останавливаться на причинахъ и обстоятельствахъ ея паденія. Прибавимъ только одно соображеніе къ тому, что уже писано объ этомъ предметѣ.

Всякому сколько нибудь знакомому съ ходомъ Польской исторіи извѣстно, что Польша пала жертвою своей анархіи и что анархія эта была слѣдствіемъ крайняго ослабленія центральной власти и чудовищнаго развитія шляхетскаго сословія, въ себѣ одномъ воплотившаго все Польское государство и весь Польскій народъ. Но эти очевидныя или ближайшія явленія въ свою очередь были также слѣдствіемъ разныхъ причинъ и условій. Тутъ на первомъ планѣ представляется намъ народный типъ или народный характеръ.

Народы завоевавшіе себѣ важное мѣсто въ исторіи цивилизаціи обыкновенно отмѣчены многими и разнообразными достоинствами ихъ характера. Храбрость, энергія, предпріимчивость, упругость и тому подобныя качества составляютъ въ большей или меньшей степени принадлежность народовъ историческихъ. Но выше всѣхъ этихъ качествъ стоитъ у нихъ способность творческая или способность организаціи. Въ тѣсной связи съ этой способностью находится *народный инстинктъ самосохраненія*. Мужество и талантливость Польскаго народа неподвержены никакому сомнѣнію. Но едва ли можно сказать,

чтобы онъ въ достаточной степени обладалъ тою способностью и тѣмъ инстинктомъ, которыя мы сейчасъ назвали. Изъ ряда многихъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль, укажемъ только на два наиболѣе выдающіеся: вопервыхъ, добровольное призваніе на свою землю Нѣмецкаго ордена; вовторыхъ, пассивное отношеніе къ чрезмѣрному размноженію еврейскаго населенія внутри своего организма. Всѣмъ извѣстно, какую роль въ Польской исторіи игралъ потомъ Нѣмецко-Прусскій орденъ; но далеко невыяснено то участіе, которое приняли Евреи въ разложеніи польскаго организма. Остановимся нѣсколько на этомъ важномъ вопросѣ.

Польскіе писатели обыкновенно указываютъ, какъ на актъ особеннаго добросердечія и гуманности своихъ предковъ, на то радушіе, съ которымъ они принимали въ свою среду толпы еврейскихъ переселенцевъ, спасавшихся изъ Германіи отъ жестокихъ гоненій, особенно сильныхъ во времена Крестовыхъ походовъ. Но что въ сущности означали всѣ эти гоненія на Евреевъ въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ Западной Европы? Обыкновенно ихъ объясняютъ средневѣковымъ варварствомъ и религіознымъ фанатизмомъ. Но почему же никакое иное племя не подвергалось такой ненависти въ средѣ западноевропейскихъ народовъ и никакое иное исповѣданіе невозбуждало такъ часто религіознаго фанатизма? Мы позволимъ себѣ искать нѣсколько другой источникъ для этой ненависти и этихъ преслѣдованій. Тутъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ инстинктъ самосохраненія, которымъ въ высокой степени одарены всѣ народы предназначенные къ долгой исторической жизни. Такіе народы обыкновенно принимали въ себя чуждые элементы только въ той степени, въ какой могли ихъ себѣ усвоить, и безъ пощады устраняли или старались устранить то, что могло бы камнемъ засѣсть въ ихъ организмѣ или парализовать ихъ внутреннія отправленія. Евреи изъ всѣхъ этнографическихъ особей безспорно представляютъ элементъ наиболѣе трудный для усвоенія. Ихъ из-

вѣстная, упорная привязанность къ своей религіи и связанныя съ нею условія быта поддерживаютъ ихъ отчужденность отъ мѣстнаго населенія и сообщаютъ имъ способность при удобныхъ обстоятельствахъ всегда организовать status in statu. Къ этой отчужденности присоединяется еще чрезвычайно важная черта, которая по преимуществу возбуждаетъ противъ Евреевъ враждебные инстинкты со стороны мѣстныхъ населеній—это ихъ, такъ сказать, эксплоататорскій характеръ. Никто не будетъ отрицать того, что Евреи народъ даровитый и дѣятельный; но ихъ даровитость и дѣятельность направлены весьма односторонне. Это дѣятельность по большей части непроизводительная. Нѣкоторое количество артистовъ, медиковъ и ученыхъ еврейскаго происхожденія не измѣняютъ нашего общаго положенія, потому что мы говоримъ о массѣ. Мѣстность, гдѣ размножается и густѣетъ еврейское населеніе, обыкновенно бѣднѣетъ—это фактъ. Мы не видимъ примѣровъ, чтобы существовали цвѣтущія колоніи евреевъ-талмудистовъ, воздѣлавшія какой-либо уголокъ земли, хотя бы и богатый дарами природы, но дотолѣ пустынный. Напротивъ, Евреи стремятся только туда, гдѣ уже скопилось значительное населеніе, и чѣмъ гуще это населеніе, чѣмъ оно зажиточнѣе, тѣмъ болѣе представляетъ оно матеріала для эксплуатаціи Евреевъ, и тѣмъ быстрѣе послѣдніе размножаются. Евреи сами рѣдко что-либо производятъ; всѣ ихъ способности устремлены на то, чтобы быть посредниками между производителями и потребителями. Работы полевыя, строительныя, фабричныя и тому подобныя, требующія значительнаго физическаго труда—такія работы обыкновенно чужды Евреямъ; нѣкоторое количество плохихъ ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ едва ли могутъ быть приняты въ разсчетъ. Мелкая торговля, откупа, арендаторство, корчмарство, ростовщичество, факторство и т. п.—вотъ ихъ обычныя занятія, и нигдѣ эти занятія недостигли такихъ размѣровъ и такого деморализующаго значенія какъ въ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Въ свою

очередь польская анархія, эгоизмъ аристократіи и продажность властей имѣли весьма вредное вліяніе на характеръ и привычки Еврейскаго племени. Это племя населило тамъ почти всѣ города и мѣстечки и послужило немалою помѣхою къ развитію средняго сословія въ государствѣ; занявъ его мѣсто, оно тѣмъ самымъ увеличило пропасть между высшими и низшими классами, то есть между шляхтою и посполъствомъ. Шляхта осталась изолированною представительницею націи, и, когда пришло время защищать свою самобытность, оказалось, что за нею нѣтъ массы, нѣтъ народа. Разумѣется не Евреи виновны въ томъ, что въ Польшѣ не выработалась сплошная Польская нація. Они только пользовались недостатками польскаго характера, особенно его недостаточнымъ инстинктомъ самосохраненія. Противъ Евреевъ раздавались въ Польшѣ голоса и съ церковной каѳедры, и въ литературѣ, и на сеймахъ. (Начиная извѣстнымъ проповѣдникомъ конца XVI вѣка Скаргою и заключая лучшимъ публицистомъ конца XVIII вѣка Сташичемъ). Но эти іереміады постигала таже участь, какую имѣли и всѣ другія жалобы на злоупотребленія и неустройства Рѣчи Посполитой. Злоупотребленія всегда находили своихъ покровителей и защитниковъ; а если и случалось проводить на сеймѣ какое-либо постановленіе, стѣснявшее эксплуататорскую дѣятельность Евреевъ, то послѣдніе умѣли обходить подобныя постановленія и въ государствахъ лучше организованныхъ, нежели анархичная Рѣчь Посполитая. На сеймѣ и въ литературѣ также никогда не было недостатка въ людяхъ заинтересованныхъ или просто близорукихъ, которые спѣшили заглушить предостереженія людей болѣе чуткихъ.

Поляки до сихъ поръ остаются при своемъ непониманіи той роли, какую Евреи играли въ разложеніи Польши. Доказательствомъ тому служитъ большинство польскихъ историковъ и публицистовъ. Это большинство основываетъ свои мнѣнія о Евреяхъ на началахъ терпимости и гуманности, забывая, что гуман-

ность прежде всего должна быть обращена на свой собственный народъ, на огражденіе его отъ всѣхъ разъѣдающихъ и гнетущихъ элементовъ. Подобные писатели и сеймовые ораторы, толкуя объ отчужденіи еврейства отъ мѣстныхъ населеній, исходатъ изъ того положенія, что ихъ обособленіе и корпоративное устройство есть только слѣдствіе ихъ неполноправности и тѣхъ стѣсненій, которымъ они всегда подвергались; что если они не сдѣлались земледѣльцами, то виною тому правительства, которыя не давали имъ права пріобрѣтать въ собственность землю; что если они привыкли сосредоточивать свою дѣятельность только на пріобрѣтеніи денегъ, то это потому что деньги они легче могли укрыть отъ жадности своихъ преслѣдователей; что если они уклоняются отъ военной службы, то опять таки потому что они неполноправны, и т. п. * Мы съ своей сто-

* Для образца укажемъ на интересную брошюру: Die Debatten über die Judenfrage in der Session des galizischen Landtages vom J. 1868. На этомъ сеймѣ внесенъ былъ проектъ объ участіи Евреевъ на равнѣ съ христіанами въ общинномъ самоуправленіи Галиціи. Нѣсколько голосовъ рѣшились было поставить на видъ ихъ эксплуататорскій характеръ. Но большинство ораторовъ цѣлымъ потокомъ фразъ, взывающихъ къ либеральности и гуманности, разгромило этихъ смѣльчаковъ какъ ретроградовъ и обскурантовъ. Пальма первенства между ораторами большинства осталась за извѣстнымъ Смолкой, который своимъ аргументамъ предпослалъ историческій очеркъ Евреевъ въ Польшѣ — очеркъ весьма бойкій и краснорѣчивый, но въ высшей степени исполненный невѣрностей и искаженій. Самый крупный изъ польскихъ историковъ новаго времени, Лелевель, также ратовалъ за Евреевъ. Совсѣмъ на другой почвѣ поставленъ еврейскій вопросъ у Нѣмцевъ. Степень германской цивилизаціи и численныя отношенія къ Евреямъ таковы, что Нѣмцы, кажется, могли бы добродушно смотрѣть на ихъ уравненіе въ гражданскихъ правахъ. Однако этого мы не видимъ. Напротивъ, часть публицистики до послѣдняго времени тамъ ратовала противъ этого уравненія, во имя нѣмецкаго патріотизма. (Говоримъ о германскихъ собственно публицистахъ, ибо едвали не большинство брошюръ и монографій о данномъ вопросѣ принадлежитъ самимъ Евреямъ и христіанамъ еврейскаго происхожденія).

Что касается до насъ лично, то просимъ не толковать нашихъ словъ въ томъ смыслѣ, что мы проповѣдуемъ какія либо стѣснительныя мѣры;

роны предполагаемъ противное, и приведенныя тотчасъ причины и слѣдствія взаимно переставляемъ. Нѣкоторое наблюденіе надъ этимъ вопросомъ привело насъ къ тому заключенію, что неполноправность Евреевъ и ихъ стѣсненія по большей части являлись слѣдствіемъ ихъ упорнаго обособленія и ихъ эксплуататорскаго характера. Во всякомъ государствѣ есть или были элементы инородческіе и неполноправные; неполноправность однако не мѣшала и не мѣшаетъ имъ оставаться населеніемъ болѣе или менѣе рабочимъ и производительнымъ.

Конституція 3 мая была послѣднею и самою значительною попыткой къ возрожденію со стороны умирающей Польши. Но въ жизни народа также какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка законъ своевременности дѣйствуетъ одинаково. Сильное средство не спасаетъ больнаго организма, когда оно приходитъ слишкомъ поздно и когда организмъ уже не въ состояніи выдержать борьбу съ неблагопріятными условіями. Мало того, въ подобномъ случаѣ возбужденіе обыкновенно ускоряетъ конецъ. Раздѣлы Польши были естественнымъ слѣдствіемъ ея исторіи; она существовала еще довольно долго при полномъ безсиліи, и посреди могущественныхъ сосѣдей, стремившихся къ расширенію своихъ пре-

надѣемся, что времена преслѣдованій и нетерпимости прошли. Но рекомендуемъ русскому обществу обратить серьёзное вниманіе на Еврейскій вопросъ, на его изученіе и на средства къ его благополучному разрѣшенію. Этотъ вопросъ, можетъ быть, важнѣе Польскаго для будущихъ судебъ Россіи. Правительства предшествующія Екатеринѣ II тщательно оберегали нашъ организмъ отъ наплыва еврейскаго элемента. Принимая участіе въ Польскихъ раздѣлахъ, знаменитая императрица повидимому и не подозрѣвала, какую трудную задачу она оставляла послѣдующимъ поколѣніямъ въ массѣ еврейства Западной Россіи. Время покажетъ, достаточно ли окрѣпъ нашъ организмъ, чтобы усвоить эту массу. Будемъ надѣяться, что просвѣщеніе и уничтоженіе всякаго status in statu помогутъ сліянію съ нами этого многострадальнаго, и, повторяемъ, даровитаго племени.

дѣловъ. Такое существованіе обусловливалось соперничествомъ сосѣднихъ державъ между собою, и могло продолжаться только до тѣхъ поръ, пока послѣднія не пришли къ взаимному соглашенію. (Точно также какъ въ наше время Турція существуетъ благодаря столкновенію на Востокѣ различныхъ интересовъ великихъ державъ.) Но обратимся къ событіямъ послѣдовавшимъ за Майскимъ переворотомъ и находящимся въ тѣсной связи съ предметомъ нашей монографіи. Напомнимъ только важнѣйшіе факты.

По смерти Іосифа II рушился тѣсный союзъ Россіи съ Австріей. Преемникъ его Леопольдъ II началъ дѣятельно противодѣйствовать видамъ Пруссіи и Россіи на Польшу, чѣмъ побудилъ ихъ ко взаимному сближенію. Приближавшаяся война съ Французской революціей однако парализовала его политику. Въ февралѣ 1792 года Леопольдъ II умираетъ. Сынъ его Францъ II также попытался было поддержать стремленія патріотической партіи въ Польшѣ и содѣйствовать ея соединенію съ Саксоніей подъ одною наслѣдственною короною. Но 20-го апрѣля Франція объявила войну Австріи, и послѣдняя должна была искать союза съ Пруссіей и Россіей. Англія, около того же времени, въ виду приближавшейся борьбы съ Французами, оставила свое враждебное настроеніе противъ Россіи (по поводу Турецкаго вопроса), и также стала искать общаго союза съ тремя сѣверными державами. Тогда Екатерина II воспользовалась удобною минутою, чтобы уничтожить перемѣны произведенныя въ Польшѣ Майскимъ переворотомъ и снова подчинить ее своему вліянію. Главнымъ предлогомъ къ русскому вмѣшательству служило конечно ниспроверженіе конституціи 1775 года, которая была гарантирована Россіей. Чтобы еще болѣе придать этому вмѣшательству видъ законности, Екатерина обратилась къ многочисленнымъ противникамъ 3 мая между польской аристократіей, и употребила обычное въ Польшѣ средство, т. е. учрежденіе генеральной конфедераціи, выставившей своимъ знаменемъ возвращеніе старинныхъ правъ и вольностей.

Во главѣ вельможъ, недовольныхъ конституціей 3 мая, стали Щенсный Потоцкій, генералъ коронной артиллеріи; и Северинъ Ржевускій, польный коронный гетманъ. Щенсный Потоцкій, владѣвшій огромными помѣстьями на Украйнѣ, при началѣ Четырехлѣтняго сейма примыкалъ къ партіи патріотовъ; но, когда его всѣмъ извѣстное тщеславіе и гордость подверглись на этомъ сеймѣ нѣкоторымъ испытаніямъ, онъ покинулъ Варшаву и перешелъ въ противный лагерь. Северинъ Ржевускій въ молодости заявилъ себя горячимъ противникомъ Россіи; вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и краковскимъ епископомъ Солтыкомъ онъ, какъ извѣстно, во время сейма 1767 года былъ арестованъ Рѣпнинымъ и отправленъ въ Калугу. Въ послѣдствіи Ржевускій воротился въ отечество, но уже съ измѣнившимися взглядами и симпатіями. Къ этимъ двумъ лицамъ присоединился коронный гетманъ Францишекъ Браницкій, нѣкогда другъ Станислава Августа, а теперь одинъ изъ его непріятелей, образецъ разгульнаго польскаго рубаки, человѣкъ безъ политическихъ убѣжденій, но постоянный сторонникъ Россіи и къ тому же женатый на племянницѣ Потемкина.

Конфедерація составлена ими собственно въ Петербургѣ; но оффиціально она завязана была въ маѣ 1792 года въ украинскомъ мѣстечкѣ Тарговицѣ подъ защитою Русскихъ войскъ, которыя подъ начальствомъ генерала Каховскаго по окончаніи Турецкой войны изъ Бессарабіи вступили въ польскіе предѣлы *). Щенсный Потоцкій въ качествѣ маршала конфедераціи публиковалъ ея актъ, въ которомъ выставлены были главными пунктами: охраненіе католической религіи, вольность и равенство всей шляхты, цѣлость границъ Рѣчи Посполитой, возвращеніе республиканскаго правленія и отмѣна Майской конституціи. Всѣ обыкновенные суды объявле-

*) Кромѣ упомянутыхъ трехъ вождей въ основаніи этой конфедераціи приняли участіе: князь Антоній Четвертинскій, Юрій Вьельгорскій, Антоній Злотницкій, Адамъ Мошинскій, Загурскій, Сухаржевскій, Кобылецкій, Швейковскій, Томашевскій и пр.

ны закрытыми впредь до успокоенія края. Манифестъ приглашалъ націю сохранить полное довѣріе относительно Русской помощи, полагаясь на великодушіе Екатерины II и на ея трактаты съ Рѣчью Посполитой. Въ то же время русскій посолъ въ Варшавѣ Булгаковъ подалъ польскому правительству декларацію отъ 7-го (18-го) мая о составленіи новой генеральной конфедераціи и вступленіи русскихъ войскъ въ польскіе предѣлы для защиты старыхъ правъ и вольностей.

Посреди тревогъ и волненій, произведенныхъ этою декларацією, Варшавскій сеймъ рѣшилъ принять двѣ мѣры: во первыхъ, вручилъ Станиславу Августу всѣ нужныя полномочія для того, чтобы вооруженною рукою дать отпоръ русскому вторженію; во вторыхъ отправилъ въ Берлинъ Игнатія Потоцкаго, чтобъ умолять прусскаго короля о помощи, на основаніи союзнаго договора 29 марта 1790 года. Прусскій король на эти мольбы далъ слѣдующій остроумный отвѣтъ: онъ заключалъ договора съ Польскою республикой, а съ того времени республика, безъ его согласія, обратилась въ монархическое государство; слѣдовательно, договоръ для него болѣе не обязателенъ; притомъ же въ Польшѣ начали распространяться французскіе демократическіе принципы, къ которымъ онъ заодно съ остальными сосѣдями не можетъ относиться равнодушно. Не болѣе удачно было и обращеніе къ Вѣнскому двору, куда отправился хлопотать о поддержкѣ майской конституціи Адамъ Чарторыйскій. Австрійскій кабинетъ отвѣчалъ, что его величество, король Венгріи, во взглядѣ на майскую конституцію согласенъ съ кабинетами Петербургскимъ и Берлинскимъ.

Партія приверженцевъ 3 мая попыталась съ однѣми собственными силами вступить въ борьбу съ Россіей. Она могла выставить въ поле только 45,000 войска. Изъ нихъ 30.000 отдано подъ начальство королевскаго племянника Іосифа Понятовскаго, съ тѣмъ чтобъ онъ оборонялъ Украйну; остальныя 15,000 поручены Людовику принцу Виртембергскому для защиты Литвы. Армія эта

конечно не могла продержаться долгое время противъ русскихъ войскъ, съ разныхъ сторонъ вступившихъ въ Польшу въ числѣ около 100,000 человѣкъ, и тотчасъ начала отступать внутрь страны. Единственное сколько-нибудь серьезное дѣло этой войны было сраженіе генерала Костюшки противъ Каховскаго подъ Дубенкою, между Бугомъ и Австрійскою границею. Поляки были выбиты здѣсь изъ своей крѣпкой позиціи и принуждены продолжать отступленіе.

Между тѣмъ другое русское войско, подъ начальствомъ генерала Кречетникова вступившее въ Литву, не встрѣтило почти никакого сопротивленія и безпрепятственно заняло Вильну. Здѣсь 14 (25-го) іюня торжественно въ каѳедральномъ костелѣ была провозглашена Литовская конфедерація, также для возстановленія старинныхъ вольностей. Маршаломъ ея назначенъ литовскій канцлеръ престарѣлый князь Александръ Сапѣга; а за отсутствіемъ его вице-маршаломъ сдѣланъ литовскій ловчій Іосифъ Забѣлло. Но главными вождями и основателями Литовской конфедераціи явились два брата Коссаковскіе: вопервыхъ, Шимонъ, когда-то дѣятельный и отважный членъ Барской конфедераціи, а теперь генералъ русской службы и при началѣ Литовской конфедераціи наименованный польнымъ литовскимъ гетманомъ; во вторыхъ, Іосифъ, носившій титулъ епископа Ливонскаго и бывшій въ то же время коадьюторомъ Виленскаго епископа Масальскаго.

Епископъ Ливонскій владѣлъ тонкимъ, хитрымъ умомъ и большими дипломатическими способностями; ему суждено играть одну изъ важнѣйшихъ ролей въ томъ эпизодѣ, который служитъ предметомъ нашего изслѣдованія. Одинъ современникъ изъ противнаго лагеря (Нѣмцевичъ) описываетъ его такими чертами: „Это былъ прелатъ огромнаго роста съ физіономіей барса и со взглядомъ лисицы. Будучи ревностнымъ противникомъ партіи реформы, онъ во время Четырехлѣтняго сейма рѣдко возвышалъ голосъ на сеймѣ, а все работалъ въ тихомолку и шепотомъ. Русскаго посланника Булгакова онъ посѣ-

щалъ большею частію тайкомъ, по ночамъ, и тутъ сообщалъ ему всѣ нужныя вѣсти и надѣлялъ своими совѣтами. Онъ никогда не выступалъ открыто противъ какого либо проекта; мало того, даже расхваливалъ его; но потомъ посредствомъ своихъ единомышленниковъ умѣлъ ставить ему препятствія, затягивать, и если не совсѣмъ устранять, то по возможности парализовать". Свидѣтельство другаго современника, посторонняго наблюдателя Поляковъ (Шульца), показываетъ, что Іосифъ Коссаковскій былъ гораздо дальновиднѣе своихъ политическихъ противниковъ, и, если не на сеймѣ, то въ частныхъ разговорахъ откровенно предсказывалъ имъ послѣдствія ихъ увлеченій. „Однажды, во время четырехлѣтняго сейма — разсказываетъ этотъ наблюдатель—я встрѣтилъ у епископа Ливонскаго двухъ молодыхъ пословъ изъ партіи революціонной. Епископъ представлялъ имъ опасности, которымъ подвергается Рѣчь Посполитая, выступая такъ рѣзко противъ Россіи и уничтожая все, что связывало ее съ этою державою. Онъ доказывалъ имъ, что Польша была слишкомъ слаба бороться съ Россіей, въ случаѣ замиренія послѣдней съ Швеціей и Портой; что Полякамъ недостаетъ сильной и всѣми военными запасами снабженной арміи, и что Пруссія съ Австріей, когда дойдетъ до дѣла, оставятъ патріотическую партію на мели. Словомъ, онъ предсказалъ имъ все то, что послѣ случилось. Послы, низко кланяясь, на все отвѣчали: такъ, такъ; а когда онъ сталъ совѣтовать имъ, чтобы согласно съ тѣмъ поступали, то они забавнымъ образомъ начали выступать съ своимъ *но*; оказалось, что епископъ говорилъ навѣтеръ".

Между тѣмъ какъ вожди коронной конфедераціи, то есть Потоцкій и Ржевускій, были представителями старой республиканской партіи и наивно мечтали проводить свои планы, опираясь на безкорыстную помощь Россіи, вожди Литовской конфедераціи, то есть Коссаковскіе, понимали дѣла въ ихъ настоящемъ видѣ, и являлись самыми рѣшительными сторонниками Россіи, го-

товые служить ея видамъ со всевозможнымъ усердіемъ, но только не безкорыстіемъ.

Когда вооруженное сопротивленіе оказалось безполезнымъ, а помощь ни откуда не являлась, въ Варшавѣ мѣсто прежняго одушевленія и надеждъ заступило уныніе. Еще нѣкоторые рьяные патріоты, въ родѣ Игнатія Потоцкаго и сеймоваго маршала Малаховскаго, совѣтовали продолжать отчаянную защиту; но Станиславъ Августъ упалъ духомъ, и обратился къ Булгакову за совѣтомъ: что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? За тѣмъ онъ послалъ польскимъ войскамъ приказъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій и отправилъ письмо къ императрицѣ съ предложеніями союзнаго договора и съ просьбою дать ему въ наслѣдники внука ея Константина Павловича. Екатерина отвѣтила королю простымъ требованіемъ, чтобы онъ немедленно отказался отъ конституціи 3 мая и приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи. Станиславъ Августъ былъ въ отчаяніи, и грозилъ отреченіемъ отъ короны; но, по обыкновенію, кончилъ тѣмъ, что подписалъ свой акцессъ или приступъ къ конфедераціи; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ доказалъ, что корона была ему дороже всего на свѣтѣ. Вожди патріотической партіи поспѣшили оставить Польшу, и удалились за границу, преимущественно въ Дрезденъ. Тогда еще скорѣе пошло составленіе провинціальныхъ конфедерацій, которыя становились подъ знамя Тарговицкой. Эти конфедераціи завязывались конечно людьми приверженными къ Россіи и подъ покровительствомъ русскихъ отрядовъ.

Въ сентябрѣ въ Брестѣ Литовскомъ коронная конфедерація торжественно соединилась съ Литовскою, и съ тѣхъ поръ стала называться генеральною конфедераціей обоихъ народовъ. Изъ Бреста она вскорѣ перенесла свою резиденцію въ Гродно. Послѣ королевскаго акцесса эта конфедерація de jure и de facto сдѣлалась польскимъ правительствомъ. Теперь она еще съ бо̀льшимъ усердіемъ принялась издавать универсалы и декреты, объ-

являя своей задачей уничтоженіе перемѣнъ, произведенныхъ майской конституціей и возстановленіе старыхъ республиканскихъ порядковъ. Но главное усердіе ея вождей конечно обращено было на преслѣдованіе своихъ личныхъ цѣлей. Такъ, фамилія Коссаковскихъ, захвативъ въ свои руки суды конфедерацкіе въ Литвѣ, поспѣшила воспользоваться ими для обогащенія себя и своихъ кліентовъ.

Между тѣмъ Пруссія и Австрія, отправляясь въ походъ противъ Французской революціи, обсуждаютъ вопросъ о вознагражденіяхъ за издержки предстоящей войны. Починъ въ этомъ вопросѣ принадлежалъ конечно прусской дипломатіи, которая оставалась вѣрна Фридриховой политики расширенія и округленія прусскихъ предѣловъ на счетъ безсильной Польши. Чтобы расположить въ свою пользу Вѣнскій кабинетъ, прусскіе дипломаты указали на возможныя для него пріобрѣтенія отъ Франціи, а, въ случаѣ препятствій съ этой стороны, они подали надежду на столь желанное Австріей пріобрѣтеніе Баваріи, которую можно будетъ промѣнять на Бельгію. Въ этомъ смыслѣ ведены были переговоры между союзниками во время Майнцкаго свиданія Франца II съ прусскимъ королемъ въ іюлѣ 1792 года, то-есть передъ вступленіемъ союзныхъ войскъ во Францію.

Когда походъ окончился неудачею и союзники принуждены были очистить Францію, въ октябрѣ австрійскіе и прусскіе дипломаты собрались въ Люксамбургѣ и сообща съ русскимъ посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ Алопеусомъ обсуждали дальнѣйшій планъ дѣйствій. 25 октября прусскіе министры подали австрійскимъ ноту, которая выражала рѣшительную волю короля Фридриха Вильгельма продолжать войну съ Франціей только въ такомъ случаѣ, если Пруссія получитъ вознагражденіе въ Польшѣ, и это вознагражденіе должно быть обезпечено ей Россіей и Австріей. Вѣнскій дворъ отвѣтилъ, что онъ былъ бы согласенъ на требованіе Пруссіи, если бы могъ немедленно промѣнять Бельгію на Баварію; но

послѣ занятія Бельгіи Французами онъ можетъ согласиться только на условное вознагражденіе Пруссіи въ Польшѣ, то-есть на такое, которое не исключало бы и участія въ немъ Австріи. Пруссія настаиваетъ на своемъ требованіи и старается отклонить виды Австріи на совмѣстное вознагражденіе въ Польшѣ. Опасаясь лишиться союзника въ трудной борьбѣ съ Франціей, Австрія наконецъ согласилась на занятіе Пруссаками нѣкоторой части польскихъ областей, но съ условіемъ, чтобы Пруссія и Россія содѣйствовали Бельгійско-Баварскому обмѣну. Пруссія дала на это свое согласіе, хотя и въ довольно уклончивыхъ выраженіяхъ. Послѣ того Вѣнскій дворъ уже самъ началъ поддерживать въ Петербургѣ прусскія требованія на счетъ Польши.

Настоянія Пруссіи конечно поставили русскую императрицу въ немалое затрудненіе, хотя Пруссаки предлагали ей также присоединить къ своей Имперіи значительную часть польскихъ провинцій. Нѣкоторое время русская дипломатія уклонялась отъ рѣшительнаго отвѣта. Но обстоятельства наконецъ принудили ее уступить. Пруссаки въ одно время и грозили своимъ выходомъ изъ коалиціи, составленной противъ Французовъ, и указывали Петербургскому двору на сильное волненіе умовъ въ Польшѣ, быстро возраставшее съ успѣхами французскаго оружія. Донесенія изъ Варшавы нашего посла Булгакова въ нѣкоторой степени подтверждали внушенія Пруссаковъ. Притомъ Екатерина видѣла, что поведеніе генеральной конфедераціи могло только усилить, а не успокоить это волненіе. Императрицу еще сдерживало опасеніе, чтобы Австрія также не потребовала участія въ новомъ раздѣлѣ Польши; но когда Вѣнскій кабинетъ самъ началъ ходатайствовать о вступленіи прусскихъ войскъ въ Польшу, Екатерина наконецъ рѣшилась уступить еще нѣсколько польскихъ провинцій въ пользу безпокойнаго сосѣда, въ надеждѣ тѣмъ съ большимъ удобствомъ подготовить остатокъ Рѣчи Посполитой къ будущему слiянiю его съ Россiей.

Въ декабрѣ 1792 года нашъ вице-канцлеръ Остерманъ передалъ прусскому посланнику графу Гольцу согласіе императрицы на вступленіе прусскихъ войскъ въ Польшу; причемъ съ обѣихъ сторонъ условились о новыхъ границахъ Россіи и Польши. Окончательный договоръ о раздѣлѣ былъ подписанъ 12-го (23) января 1793 года. Россія присоединяла къ себѣ Украйну, Подолію, Волынь и большую часть Литвы, всего 4157 квадратныхъ миль съ тремя мильонами населенія; а Пруссія брала Данцигъ, Торнъ и часть Великой Польши въ сложности 1061 квад. миля съ полутора мильонами жителей. Содержаніе этого трактата сочли нужнымъ держать пока въ секретѣ отъ Австріи, такъ какъ все еще опасались ея желанія участвовать въ новомъ польскомъ раздѣлѣ.

Изъявивъ согласіе на второй раздѣлъ, императрица рѣшила отозвать изъ Варшавы Булгакова *) и назначить на его мѣсто Якова Сиверса. Въ молодости онъ служилъ при нашихъ миссіяхъ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ и участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. При Екатеринѣ онъ былъ новогородскимъ губернаторомъ, потомъ начальникомъ Тверскаго намѣстничества и принималъ дѣятельное участіе въ ея реформѣ областнаго управленія. Нерасположеніе къ нему Потемкина, Вяземскаго и другія непріятности побудили его оставить службу въ 1782 году. Съ тѣхъ поръ онъ проводилъ тихую уединенную жизнь въ своемъ лифляндскомъ помѣстьѣ Бауенхофѣ. Императрица цѣнила его рѣдкія способности, его блестящее по тому времени образованіе, трудолюбіе и мягкія, пріятныя манеры, и потому надѣялась найти въ немъ искуснаго исполнителя для такой щекотливой задачи, какъ соглашеніе Поляковъ на добровольную уступку провинцій.

---

*) Имѣющіеся у насъ подъ рукою неизданные матерьялы показываютъ, что императрица въ это время была недовольна образомъ дѣйствія въ Варшавѣ Булгакова и Каховскаго.

I.

Назначеніе Сиверса чрезвычайнымъ посломъ.—Его первыя дѣйствія въ Варшавѣ.—Характеристика важнѣйшихъ лицъ.

13го ноября 1792 года Яковъ Ѳеимовичъ Сиверсъ былъ внезапно потревоженъ посреди своего сельскаго уединенія. Въ Бауенгофъ прискакалъ изъ Петербурга курьеръ съ письмомъ отъ графа Платона Зубова: онъ именемъ императрицы, въ лестныхъ выраженіяхъ, предлагалъ Сиверсу постъ чрезвычайнаго и полномочнаго посланника въ Варшавѣ. Послѣдній не колебался ни одной минуты. Продолжительное удаленіе отъ государственной дѣятельности очевидно его тяготило, и теперь, когда онъ, пристроивъ своихъ дочерей, остался одинокъ, предложеніе явилось очень кстати. Яковъ Ѳеимовичъ отвѣчалъ Зубову, что хотя и чувствуетъ себя не совсѣмъ способнымъ по причинѣ разстроеннаго здоровья и отвычки отъ дѣлъ, но охотно принимаетъ дипломатическую службу, которой были посвящены годы его молодости. Девять дней спустя онъ былъ уже въ Петербургѣ. А 24го ноября, въ день своихъ именинъ, Екатерина дала коллегіи иностранныхъ дѣлъ указъ о томъ, что̀ дѣйствительный тайный совѣтникъ Сиверсъ назначается полномочнымъ и чрезвычайнымъ посланникомъ при Польской республикѣ. На̀ путешествіе и обзаведеніе пожаловано ему 30.000 рублей, при 20.000 годоваго жалованья, и столовыхъ по 800 червонцевъ въ мѣсяцъ. Тѣмъ же указомъ предписано отозваніе изъ Варшавы Булгакова, который однако долженъ былъ оставаться тамъ до прибытія новаго посла. Около того же времени начальникомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, на мѣсто Каховскаго, назначенъ баронъ Игельштромъ; а войска расположенныя въ Литвѣ, Волыни и Подоліи ввѣрены Кречетникову.

Пребываніе Сиверса въ Петербургѣ продлилось болѣе пяти недѣль. Время шло между визитами къ разнымъ вельможамъ, придворными обѣдами, балами, спектаклями и прочими удовольствіями, пока въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ приготов-

лялись инструкціи и другія бумаги для нашего посла. Между тѣмъ онъ, по возможности, старался ближе ознакомиться съ тѣмъ вопросомъ, въ которомъ предстояло ему принять самое дѣятельное участіе, то-есть съ положеніемъ Польши. Новое назначеніе не застало его врасплохъ уже потому, что изъ своего сельскаго уединенія онъ, по иностраннымъ газетамъ, усердно слѣдилъ за ходомъ европейской исторіи. Въ Петербургѣ, разумѣется, главнымъ источникомъ для Польскаго вопроса послужили ему бесѣды съ самою императрицей, въ которыхъ она раскрывала предъ нимъ пружины своей политики, свои виды и планы. Въ то же время онъ могъ войти въ личныя сношенія съ нѣкоторыми представителями русской партіи между самими Поляками, такъ какъ въ нашей столицѣ находилась тогда депутація отъ Тарговицкой конфедераціи, имѣвшая во главѣ гетмана Браницкаго. Офиціальное назначеніе этой депутаціи состояло въ томъ, чтобы принести благодарность русской императрицѣ за ея покровительство Польской республикѣ. Кромѣ конфедератовъ, въ Петербургѣ можно было встрѣтить и другихъ знатныхъ Поляковъ, находившихся тамъ по своимъ частнымъ дѣламъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Огинскій, хлопотавшій въ то время о снятіи секвестра со своихъ имѣній. Мемуары его увѣряютъ, будто высшее петербургское общество отличало этихъ Поляковъ отъ членовъ конфедераціи и принимало первыхъ гораздо благосклоннѣе, чѣмъ вторыхъ. Далѣе, тотчасъ послѣ своего назначенія, Сиверсъ поспѣшилъ войти въ дружескую переписку со своимъ предмѣстникомъ Булгаковымъ, и предложилъ ему много вопросовъ, чтобы заранѣе составить себѣ понятіе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя ожидаютъ его въ Варшавѣ. Въ отвѣтахъ своихъ Булгаковъ распространился болѣе всего объ экономической части русскаго посольства, то-есть о помѣщеніи, прислугѣ, экипажахъ, сервировкѣ и т. п. Сиверсъ обратился за свѣдѣніями еще къ одному изъ предмѣстниковъ, именно къ графу Штакельбергу, который долго былъ нашимъ посланникомъ въ Польшѣ. Штакельбергъ отвѣтилъ вѣжливымъ письмомъ, но уклонился отъ сужденій о политикѣ, говоря что новый посланникъ, конечно, получитъ всѣ нужныя наставленія отъ нашей безсмертной государыни.

Наконецъ Сиверсу врученъ высочайшій рескриптъ, помѣченный 22мъ декабря 1792 года. Онъ заключаетъ въ себѣ об-

щій взглядъ императрицы на отношенія къ Польшѣ, и излагаетъ причины, побуждавшія ее согласиться на новый раздѣлъ, котораго требуетъ прусскій король. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе этого пространнаго рескрипта:

Вліяніе, пріобрѣтенное „нами" на правительство Польши, устремлялось всегда на утвержденіе ея вольности и независимости. Но вмѣсто признательности мы встрѣтили злобу и кровопролитные мятежи, которые окончились раздѣломъ 1773 года. Наше участіе въ раздѣлѣ было вынуждено обстоятельствами; мы не только показали въ этомъ случаѣ большую умѣренность, но и воздержали „лакомство и алчность" другихъ дворовъ. Можно было надѣяться, что это событіе образумитъ Поляковъ и побудитъ ихъ соблюдать тѣсное согласіе съ нашею державой. Но время скоро показало, что ихъ вѣроломство и неблагодарность не могутъ быть исправлены и самыми бѣдствіями. Они, какъ только увидѣли насъ озабоченными двумя войнами (Турецкою и Шведскою), тотчасъ поспѣшили расторгнуть всѣ торжественныя обязательства, и 3го мая 1791 года ниспровергли форму правленія утвержденную нашимъ ручательствомъ. Эта перемѣна не согласовалась съ пользой нашего государства, и мы рѣшили ее уничтожить по замиреніи съ Портою Оттоманскою. Чтобы не прибѣгать къ открытой войнѣ и напрасному пролитію крови, мы прибѣгли къ средству, издавна въ Польшѣ употреблявшемуся, то-есть къ составленію генеральной конфедераціи (Тарговицкой), которая и была обнародована подъ защитой нашего оружія. Король приступилъ къ этой конфедераціи, но неискренно. Сами члены присланной сюда конфедератской делегаціи сознаются, что какъ скоро войска наши выступятъ изъ предѣловъ Польши, то все установленное конфедераціей немедленно будетъ ниспровергнуто. Но насъ не столько заботитъ это обстоятельство, сколько распространеніе между Поляками гнуснаго якобинскаго ученія Французовъ, которое изъ Польши можетъ перейти и къ ея сосѣдямъ. Мы убѣдились, что никогда не будемъ имѣть въ польскомъ народѣ спокойнаго и безопаснаго сосѣда. А такъ какъ прусскій король грозитъ оставить союзъ съ римскимъ императоромъ, если мы не согласимся на вознагражденіе его польскими землями; притомъ, по извѣстной горячности своего нрава, онъ, пожалуй, и безъ нашего согласія силою завладѣетъ этими землями; поэтому мы рѣшили: „земли и гра-

ды, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные, и единую вѣру съ нами исповѣдающіе, избавить отъ соблазна и угнетенія имъ угрожающихъ и присоединить ихъ къ державѣ нашей".

Далѣе, рескриптъ предписываетъ спѣшить отъѣздомъ, въ Гроднѣ остановиться на нѣсколько дней и разными обѣщаніями ободрить соединенную тамъ конфедерацію (коронную и литовскую), которая безпокоится движеніемъ прусскихъ войскъ и слухами о новомъ раздѣлѣ. Послѣ раздѣла Польшу надобно поставить въ достаточно сильное оборонительное положеніе, чтобъ она могла служить барьеромъ, предупреждающимъ столкновеніе Россіи съ Пруссіей. Пруссія, по всей вѣроятности, и потомъ будетъ хлопотать о новомъ расширеніи границъ со стороны Польши, чтобы придти въ равновѣсіе съ Австріей и Россіей. Это обстоятельство поставить на видъ Полякамъ, чтобъ убѣдить ихъ въ необходимости дружбы съ Россіей. Подобнаго же содержанія рескриптъ былъ врученъ и Игельштрому, которому предписывалось распредѣлить въ Польшѣ свои войска сообразно съ предстоявшимъ раздѣломъ между Россіей и Пруссіей и вообще принять всѣ военныя мѣры предосторожности.

Въ началѣ 1793 года Сиверсъ отправился изъ Петербурга къ мѣсту своего назначенія. Дорогою онъ дня два промедлилъ въ Ригѣ, въ бесѣдахъ съ своимъ пріятелемъ, княземъ Н. В. Репнинымъ, въ то время лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ, нѣкогда нашимъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Изъ Риги Сиверсъ заѣхалъ въ Митаву, и посѣтилъ герцога курляндскаго Петра Бирона въ его загородномъ дворцѣ. Здѣсь уже началась посольская дѣятельность Якова Ефимовича. Онъ имѣлъ отъ императрицы порученіе, вопервыхъ, сдѣлать герцогу строгое внушеніе по поводу его распрей съ курляндскимъ сеймомъ, то-есть съ дворянствомъ. Курляндія, какъ извѣстно, считалась леномъ Польской республики, но въ дѣйствительности вполнѣ зависѣла тогда отъ Россіи, особенно съ тѣхъ поръ какъ Екатерина возвратила герцогскій престолъ знаменитому Эрнесту Бирону и облагодѣтельствовала эту фамилію. Герцогъ Петръ, сынъ и преемникъ Эрнеста, изъявилъ Сиверсу крайнее сожалѣніе, что навлекъ на себя неодобреніе своей высокой и единственной покровительницы, и увѣрялъ въ готовности ей повиноваться. Второе требованіе, порученное нашему послу, относилось къ

раздачѣ арендныхъ имѣній: Сиверсъ долженъ былъ поставить на видъ, чтобъ эти имѣнія раздавались преимущественно тѣмъ курляндскимъ дворянамъ, которые находились въ русской государственной службѣ или вообще оказали услуги русскому правительству. Петръ Биронъ обѣщалъ исполнить желаніе государыни. Третій пунктъ разговора касался свояченицы герцога, то-есть супруги его покойнаго брата принца Карла, урожденной Понинской, которая просила увеличить ея пенсію. Скупой герцогъ распространился въ жалобахъ на расточительность брата и его жены; но впрочемъ изъявилъ готовность исполнить ея просьбу. Прощаясь съ русскимъ посломъ, герцогъ и герцогиня униженно, со слезами на глазахъ, увѣряли его въ своей преданности къ священной особѣ ея величества. 20го января Сиверсъ прибылъ въ Гродно, мѣстопребываніе генеральной Тарговицкой конфедераціи, и остановился у русскаго повѣреннаго при ней, барона Бюлера. Онъ нашелъ здѣсь умы чрезвычайно взволнованными.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ носились зловѣщіе слухи о новомъ раздѣлѣ Польши и поддерживали умы Поляковъ въ тревожномъ состояніи. Вдругъ въ Гродно прискакалъ курьеръ изъ Варшавы, отъ короннаго канцлера Малаховскаго, съ деклараціей прусскаго посла Бухгольца, отъ 16го января н. ст. Послѣдній именемъ своего короля возвѣщалъ польскому правительству о предстоящемъ вступленіи прусскихъ войскъ въ Великую Польшу, и приводилъ причины этой мѣры, а именно: распространеніе вреднаго якобинскаго духа между Поляками, особенно въ Великой Польшѣ, связь ея съ французскими якобинскими клубами и необходимость для Пруссіи обезпечить свой тылъ въ войнѣ съ Франціей. * Можно себѣ представить какое впечатлѣніе произвела эта декларація на Тарговицкую конфедерацію. Всѣ поняли что дѣло идетъ о новомъ раздѣлѣ. Въ то время баронъ Игельштромъ, по пути къ своему посту въ Варшаву, остановился на нѣсколько дней въ Гроднѣ. Маршалъ конфедераціи Щенсный-Потоцкій и всѣ ея наличные члены обратились къ русскому главнокомандующему съ предложеніемъ стать въ ихъ главѣ, собрать польскую армію и идти противъ Пруссаковъ. Игельштромъ

* Текстъ деклараціи см. въ *Recueil des traités et conventions concernant la Pologne*, 297, и у Феррана. III. 332. О занятіи Данцига съ его округомъ послѣдовалъ особый прусскій манифестъ, отъ 24го февраля.

возразилъ, что союзъ существующій между Россіей и Пруссіей не позволяетъ ему сдѣлать ничего подобнаго. Онъ уѣхалъ, а конфедерація продолжала показывать патріотическій пылъ: рѣшено было драться съ Пруссаками и собрать посполитое рушеніе. Канцлеру Малаховскому отправлено повелѣніе отвѣтить Бухгольцу требованіемъ, чтобы прусскія войска не вступали въ Польшу; а коменданту Варшавы Ожаровскому посланъ приказъ приготовить лошадей подъ артиллерію. Болѣе всѣхъ горячился польный гетманъ Северинъ Ржевускій, только что воротившійся изъ Петербурга, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ депутаціей. Глава этой депутаціи, великій гетманъ коронный Браницкій, подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ остался въ Петербургѣ, и Ржевускій былъ теперь главнымъ начальникомъ военныхъ силъ въ Польшѣ.

25го января нов. ст. прусское войско, раздѣленное на шесть колоннъ, перешло границу и съ разныхъ сторонъ вступило въ польскія земли. Въ Гроднѣ поднялась цѣлая буря; конфедераты переходятъ отъ одного рѣшенія къ другому; они хотятъ то созвать посполитое рушеніе, то разорвать конфедерацію. Въ это самое время прибылъ Сиверсъ; его встрѣтили какъ „ангела хранителя", по собственному его выраженію. Волненіе умовъ не помѣшало устроить въ честь русскаго посла нѣсколько обѣдовъ и вечернихъ собраній. Сиверсъ, при содѣйствіи братьевъ Коссаковскихъ и стараго Сапѣги, на сколько могъ, постарался успокоить конфедератовъ, что̀ ему и удалось отчасти, благодаря его мягкимъ, пріятнымъ манерамъ, щедрымъ обѣщаніямъ всякаго покровительства со стороны Россіи, а также и намекамъ на строгія мѣры въ случаѣ упорства. Между прочимъ онъ не преминулъ втолковать Полякамъ что всѣ ихъ несчастія происходятъ отъ жадности Пруссіи. Затѣмъ онъ оставилъ Гродно, поручивъ дальнѣйшее наблюденіе за конфедераціей тому же барону Бюлеру, человѣку умному и ловкому.

Сиверсъ спѣшилъ въ Варшаву, гдѣ господствовало тогда всеобщее уныніе, произведенное вступленіемъ прусскихъ войскъ. Уныніе это умножалось еще слухами о томъ, что цесарскія войска также войдутъ въ Польшу. Послѣ удаленія за границу вождей Конституціоннаго сейма, многіе члены этого сейма еще оставались въ Варшавѣ. По извѣстію Огинскаго, они вездѣ находили радушный пріемъ и были желанными гостями въ польскихъ семействахъ. А приверженцы Тарговицкой

конфедераціи, наоборотъ, встрѣчали вездѣ холодность и презрѣніе. Патріоты не могли выносить ихъ общества и при всякомъ случаѣ выказывали къ нимъ свою антипатію, несмотря на присутствіе въ городѣ сильнаго русскаго гарнизона. Король, хотя и приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи, но, не взирая на всѣ приглашенія ея маршала, не ѣхалъ на соединеніе съ нею въ Гродно и продолжалъ оставаться въ Варшавѣ. Онъ подъ рукой распускалъ слухъ, что, въ случаѣ новаго раздѣла, отречется отъ короны, лишь бы назначили ему хорошую пенсію, съ которою онъ окончитъ свои дни въ Италіи. Племянникъ его Іосифъ Понятовскій, на требованіе конфедераціи присягнуть ей въ качествѣ шефа пѣхотной гвардіи, прислалъ Ожаровскому изъ Вѣны дерзкій отвѣтъ, который въ то же время и напечаталъ. Напрасно Станиславъ-Августъ пытался замять поступокъ племянника, и велѣлъ уничтожить тѣ экземпляры отвѣта, которые появились въ Варшавѣ. Іосифъ написалъ еще болѣе дерзкое письмо маршалу конфедераціи Потоцкому, и предлагалъ ему дуэль.

При печальныхъ политическихъ обстоятельствахъ, Варшава около того времени поражена была еще экономическимъ бѣдствіемъ, а именно многими банкрутствами. До 1792 года ея денежный рынокъ, вслѣдствіе продолжительнаго внѣшняго мира, изобиловалъ звонкою монетой, а во время самыхъ значительныхъ контрактовъ, въ Дубно около Новаго года и въ Варшавѣ около Иванова дня, въ кассахъ банкировъ и землевладѣльцевъ можно было видѣть отъ двухъ до трехъ милліоновъ голландскихъ дукатовъ. Аккуратность, съ которою банкиры платили проценты, пріобрѣла имъ такой кредитъ что и самый незначительный помѣщикъ ввѣрялъ имъ свои сбереженія, чтобъ увеличивать свой капиталъ посредствомъ семи или восьми процентовъ. Зато и люди имѣвшіе привычку жить сверхъ своего состоянія легко могли доставать взаймы деньги у тѣхъ же банкировъ; эта легкость, въ свою очередь, не мало способствовала еще большему развитію роскоши и расточительности. Чрезмѣрныя выдачи рано или поздно должны были подорвать многіе частные банки, при первыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Эти обстоятельства настали въ 1792 году, послѣ неудачной войны съ Русскими. Земледѣліе уменьшилось, и торговые обороты упали; нѣкоторые вельможи, компрометированные предъ русскимъ правительствомъ, поспѣшили обратить часть своихъ имуществъ

въ наличныя деньги и удалились съ ними за границу. Звонкая монета начала исчезать изъ обращенія. Извѣстіе о вступленіи прусскихъ войскъ, пришедшее во время дубенскихъ контрактовъ, окончательно произвело панику въ торговыхъ и финансовыхъ оборотахъ.

Къ довершенію печальной картины, изъ Парижа пришла вѣсть о казни Людовика XVI. Теперь польскій народъ, обвиняемый въ сочувствіи якобинцамъ, еще менѣе могъ ожидать пощады со стороны сосѣднихъ державъ. Между тѣмъ Пруссаки медленно, но постепенно занимали города одинъ за другимъ. Тѣ польскіе гарнизоны которые не отступали заранѣе, были вытѣсняемы силой и даже забираемы въ плѣнъ. Въ Торунѣ магистратъ велѣлъ запереть ворота; Пруссаки разбили ихъ топорами, и вошли въ городъ. Польскіе отряды начали было стягиваться къ Ловичу. Щенсный-Потоцкій и Ржевускій продолжали разсылать приказы о принятіи разныхъ мѣръ для защиты отечества, и особенно для обороны Ченстохова. Вопреки обѣщаніямъ даннымъ Сиверсу, конфедерація вслѣдъ за его отъѣздомъ выдала протестъ противъ вступленія прусскихъ войскъ и универсалъ о томъ, чтобы нація готовилась къ посполитому рушенію. Но Игельштромъ отмѣнилъ всѣ приказы конфедераціи о вооруженіяхъ, не допустилъ сосредоточенія польскихъ войскъ и двинулъ ихъ небольшими частями въ юго-восточныя провинціи. Онъ поставилъ на видъ Полякамъ простую дилемму: императрица или за прусскаго короля, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ ваши вооруженія тщетны, а во второмъ—излишни; довольствуйтесь ея могущественною защитой. *

Посреди этихъ смутныхъ обстоятельствъ, новый русскій посланникъ, въ субботу, 29го января 1793 года, прибылъ въ Варшаву и остановился ночевать въ ея предмѣстьѣ, Прагѣ. На другой день поутру онъ совершилъ свой въѣздъ въ городъ. Отчасти на саняхъ, отчасти въ лодкѣ, онъ перебрался чрезъ Вислу. На берегу его ожидала карета Булгакова, и отвезла ко дворцу графа Борка, одному изъ красивѣйшихъ зданій Варшавы, которое нанимало тогда русское посольство за 2.000 дукатовъ въ годъ. Рота русскихъ солдатъ, стоявшая здѣсь на караулѣ со знаменемъ, отдала ему честь. Булгаковъ заранѣе сдѣлалъ всѣ приготовленія чтобы принять его достойнымъ образомъ. Явился Игельштромъ съ рус-

* *Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Konstitution.*

скими генералами. Они вмѣстѣ отобѣдали, и Сиверсъ нашелъ, что серебряная столовая посуда, поваръ и вино были превосходны. Иностранные дипломаты поспѣшили поздравить нашего посланника съ пріѣздомъ, нѣкоторые въ тотъ же день, другіе на слѣдующій, то-есть въ понедѣльникъ. Во вторникъ папскій нунцій, не дожидаясь визита Сиверса, пріѣхалъ къ нему первый; такой чести онъ не оказывалъ другимъ посламъ. „Но чего не дѣлаютъ въ нуждѣ?“ замѣчаетъ по этому поводу посланникъ въ письмѣ къ своей дочери. Дѣло въ томъ, что Тарговицкая конфедерація, опираясь на русскую силу, начала безцеремонно распоряжаться не только гражданскими дѣлами, но и церковными; причемъ два епископа, стоявшіе во главѣ этой конфедераціи, Масальскій и Коссаковскій, мало обращали вниманія на представленія нунція. Въ тотъ же день Сиверсъ обмѣнялся визитами съ великимъ короннымъ маршаломъ графомъ Мнишкомъ, которому сообщилъ свои вѣрительныя грамоты.

Черезъ день послѣ того, то-есть въ четвергъ, Сиверсъ торжественно представился королю. Ровно въ 12 часовъ онъ сѣлъ въ карету и отправился къ королевскому зáмку. Улицы и окна были наполнены народомъ. На зáмковомъ дворѣ стоялъ подъ ружьемъ цѣлый баталіонъ. Сиверсъ прошелъ нѣсколько переднихъ залъ, въ которыхъ толпились придворные кавалеры, всѣ въ траурѣ по случаю смерти Людовика XVI. Коронный маршалъ принялъ посла у дверей аудіенцъ-залы. Король, въ пурпурной мантіи, стоялъ у трона подъ балдахиномъ. Когда посолъ, подвигаясь впередъ, сдѣлалъ три обычные поклона, Станиславъ-Августъ ступилъ два или три шага ему навстрѣчу, потомъ сѣлъ на свое кресло, и сдѣлалъ послу знакъ сѣсть на другое, стоявшее напротивъ. Послѣдній сказалъ привѣтствіе и вручилъ свою посольскую грамоту. Король отвѣчалъ довольно длинною рѣчью. Сиверсъ нашелъ что Станиславъ-Августъ, съ которымъ онъ познакомился лѣтъ сорокъ тому назадъ на берегахъ Темзы, былъ еще красивый, хорошо сохранившійся мущина, съ блѣднымъ лицомъ. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, посолъ всталъ и сдѣлалъ опять три поклона, подвигаясь къ двери, а король опять ступилъ къ нему нѣсколько шаговъ. Въ передней залѣ маршалъ представилъ послу первыхъ сановниковъ республики.

Послѣ этого церемоніальнаго представленія назначена бы-

ла на слѣдующее утро частная аудіенція въ кабинетѣ короля. Здѣсь, разговаривая съ глазу на глазъ, посолъ объявилъ Станиславу-Августу неудовольствіе императрицы на его поведеніе, а именно: на его участіе въ Конституціонномъ сеймѣ и въ революціи 3го мая, на сношенія съ польскими эмигрантами и, наконецъ, на его уклоненіе отъ поѣздки въ Гродно и дѣйствительнаго соединенія съ Тарговицкою конфедераціей. Склонить Станислава-Августа къ этой поѣздкѣ и было теперь ближайшею задачей Сиверса. Онъ представлялъ королю, что тамъ его величество будетъ вдали отъ варшавскихъ интригъ и разныхъ вредныхъ вліяній, что тамъ удобнѣе принять мѣры для созванія новаго сейма и что, наконецъ, это единственное средство возвратить расположеніе императрицы. Король не оставилъ ни одного пункта безъ оправданія. Станиславъ-Августъ, какъ извѣстно, владѣлъ способностію говорить красно и много. Всѣ эти пункты онъ разсматривалъ съ своей точки зрѣнія, и доказывалъ свою невинность ссылаясь на обстоятельства, отъ него не зависѣвшія. Участіе свое въ конституціи 3го мая онъ объяснялъ невозможностью идти противъ потока и противъ голоса цѣлой націи. Съ эмигрантами польскими, если онъ имѣлъ сношенія, то единственно для того, чтобы склонить ихъ возвратиться въ отечество. Въ заключеніе онъ распространился въ жалобахъ на генеральную конфедерацію за причиняемыя обиды, и особенно на графа Потоцкаго, который оскорбляетъ его королевское достоинство на каждомъ шагу и совершенно не признаетъ за нимъ никакого авторитета. Соединеніе съ этою конфедераціей, по его словамъ, безполезно, а путешествіе въ Гродно было бы для него величайшимъ униженіемъ, не считая препятствій со стороны его нездоровья, недостатка денежныхъ средствъ и зимняго времени года. Онъ усердно просилъ посланника донести государынѣ о его печальномъ положеніи.

И такъ на первый разъ Сиверсъ не добился отъ короля согласія на поѣздку. Но подобное упорство не могло быть продолжительно; противъ него имѣлось могущественное средство: долги короля и его безденежье. Сумма королевскихъ долговъ простиралась болѣе чѣмъ до полутора милліона дукатовъ, что̀ составляло до 30.000.000 злотыхъ. Между прочимъ, банкиру Тепперу онъ долженъ былъ полмилліона дукатовъ, и Тепперъ, какъ на одну изъ глав-

ныхъ причинъ своего банкротства, указывалъ на несостоятельность короля и другихъ своихъ должниковъ между польскими магнатами. Это банкротство въ особенности причиняло много заботъ нашему посланнику, потому что Тепперъ былъ довѣреннымъ банкиромъ русскаго правительства. У него хранилась главная посольская касса, которую считали опаснымъ держать въ посольскомъ домѣ при анархическомъ состояніи польскаго общества: самый домъ могъ быть сожженъ и разграбленъ.

Когда Сиверсъ прочелъ переводъ изданнаго конфедераціей универсала о посполитомъ рушеніи, онъ немедленно призвалъ къ себѣ великаго канцлера Малаховскаго, и потребовалъ, чтобъ остановлено было публикованіе этого документа, и чтобъ онъ не былъ сообщенъ иностраннымъ посламъ. А въ Гродно онъ отправилъ ноту съ изъявленіемъ своего крайняго удивленія и прискорбія. Спустя нѣсколько дней, прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ конфедераціи: она оправдывалась въ своемъ поступкѣ, и даже увѣряла, что ея универсалъ былъ невѣрно понятъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она прислала другой универсалъ, въ успокоительномъ тонѣ: здѣсь она совѣтовала націи всю надежду возложить на великодушіе мудрой Екатерины. Сиверсъ, чрезъ барона Бюлера, отвѣчалъ что онъ доволенъ новымъ универсаломъ.

Какъ лицо облеченное чрезвычайнымъ полномочіемъ со стороны могущественной Русской императрицы, нашъ посланникъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Варшаву, сдѣлался центромъ, около котораго начали вращаться интересы высшаго варшавскаго общества. Вниманія его заискивала почти вся польская знать, около него увивались всякаго рода интриганы, льстецы, сообщатели новостей и т. п. Уже въ первую недѣлю онъ жаловался, что здоровье его едва выдерживаетъ безконечные визиты и обѣды. Онъ только еще былъ на трехъ обѣдахъ, а ему говорятъ о тридцати предстоящихъ. Вотъ что̀ онъ разказываетъ въ письмахъ къ одной изъ своихъ дочерей:

„Воскресенье я обѣдалъ у нунція, гдѣ кушалъ превосходное, поистинѣ неаполитанское мороженое и много говорилъ о Неаполѣ. Въ понедѣльникъ обѣдалъ у короля. Представь себѣ какъ бѣдно онъ живетъ: онъ обѣдаетъ въ своей передней; налѣво его кабинетъ, направо спальня, она же вмѣстѣ и гостиная; вообще онъ занимаетъ только три комнаты, за

исключеніемъ парадныхъ залъ, назначенныхъ для аудіенцій. Насъ было за столомъ 17, въ томъ числѣ двѣ племянницы короля, то-есть графиня Мнишекъ и графиня Тышкевичъ. Столъ сервированъ хорошо, хотя и безъ пышности. Король говорилъ мало и только со мною. Но замѣтно, что печаль застилаетъ его душу. Онъ носитъ лорнетъ въ петлицѣ своего кафтана и маленькіе карманные часы за обшлагомъ лѣваго рукава. Прощаясь со мной, онъ представилъ мнѣ своего частнаго секретаря Фризе, какъ довѣреннаго человѣка, къ которому я могу обращаться въ случаѣ, если имѣю нужду сказать что-нибудь королю неофиціальнымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ Фризе былъ у меня уже разъ десять. Во вторникъ я обѣдалъ у примаса. У него прекрасный домъ. Во всемъ замѣтно, что онъ много путешествовалъ и сдѣлалъ много покупокъ въ Италіи." Тутъ Сиверсъ съ особымъ удовольствіемъ распространяется о садѣ примаса и о цвѣтахъ, до которыхъ самъ былъ большой охотникъ. Узнавъ объ этомъ пристрастіи посланника, нѣкоторые владѣтели садовъ и оранжерей поспѣшили прислать значительное количество горшковъ съ цвѣтами для украшенія его жилища. Обѣдъ у примаса былъ великолѣпенъ и продолжителенъ. За столомъ находилось пять или шесть дамъ. Послѣ стола еще съ часъ занимались разговоромъ. Зная, что посланникъ не любитъ картъ, его не принуждали играть. „Вечеромъ, продолжаетъ онъ, я отправился въ италіянскую оперу. Театръ довольно великъ, съ тремя рядами ложъ и парадизомъ. Господинъ Булгаковъ имѣлъ ложу подлѣ самой сцены, и платилъ за нее 40 дукатовъ въ мѣсяцъ. Какъ ты думаешь насчетъ такой цѣны? Вездѣ въ другомъ мѣстѣ на эти деньги можно нанимать отличный домъ. Оркестръ былъ хорошъ, театръ довольно полонъ. Давали *Нину или помѣшательство отъ любви*. Опера очень серіозная; первый пѣвецъ и примадонна пѣли недурно."

Затѣмъ Сиверсъ описываетъ еще цѣлый рядъ обѣдовъ. Въ середу онъ угощалъ у себя дипломатическій корпусъ и русскихъ генераловъ; въ четвергъ обѣдалъ у сестры короля, пани Краковской или, какъ онъ ее называетъ, madame de Cracovie, вдовы гетмана и краковскаго каштеляна Браницкаго. Въ пятницу онъ посѣтилъ нѣмецкій театръ, который помѣщался въ домѣ князя Радзивила и существовалъ по подпискѣ. „Здѣсь много Нѣмцевъ, которыхъ привлекло сюда правительство саксонскихъ королей, замѣчаетъ Сиверсъ, многіе

мущины и дамы изъ Великой Польши говорятъ по-нѣмецки." Въ воскресенье обѣдъ у великаго канцлера Малаховскаго, въ понедѣльникъ у другой сестры короля, графини Замойской, во вторникъ у другаго брата, князя Казиміра Понятовскаго, прежняго великаго подкоморія, и т. д. Изъ всѣхъ людей, предлагавшихъ свои услуги посланнику, наиболѣе полезнымъ для него сумѣлъ сдѣлаться нѣкто тайный совѣтникъ Бокампъ, хитрый, проницательный интриганъ, родомъ Голландецъ, во время Семилѣтней войны бывшій агентомъ Фридриха Великаго въ Турціи и въ Крыму. Бокампъ, выдававшій себя за отличнаго знатока Поляковъ и Польши, написалъ для Сиверса нѣсколько характеристикъ, относящихся къ важнѣйшимъ лицамъ Польской республики. Онъ обозначилъ ихъ нумерами, не называя по имени. Приводимъ сущность этихъ характеристикъ.

Подъ первымъ нумеромъ разумѣется самъ король Станиславъ-Августъ. „Пріятность его манеръ, а также кротость характера очаровываютъ всѣхъ его окружающихъ. Онъ созданъ для общества; о дѣлахъ говоритъ чрезвычайно хорошо и говоритъ охотно. У него удивительная память и множество талантовъ; онъ знаетъ гораздо болѣе чѣмъ обыкновенно знаютъ люди въ его положеніи. Онъ хочетъ всѣмъ нравиться, и у него никогда не вырывается ничего такого, что̀ можетъ кого-нибудь въ обществѣ оскорбить или привести въ замѣшательство. Всѣ эти достоинства дѣлаютъ его весьма пріятнымъ придворнымъ, но не болѣе. Ему не достаетъ нѣкоторыхъ качествъ необходимыхъ для его сана." Слѣдуетъ оборотная сторона медали: „Онъ не знаетъ ни людей, ни наиболѣе важныхъ дѣлъ. У него нѣтъ собственнаго мнѣнія; подчиняясь вліянію окружающихъ, онъ нерѣдко мѣняетъ свои сужденія о людяхъ и о дѣлахъ. Онъ всю жизнь былъ водимъ на помочахъ. Подсказанное ему мнѣніе онъ такъ хорошо усвоиваетъ и такъ пріятно объясняетъ, что только проницательные и опытные люди на этотъ счетъ не обманываются. Онъ не умѣетъ истинно ни любить, ни ненавидѣть. Изъ представленнаго очерка слѣдуетъ: кто хочетъ овладѣть имъ, тотъ долженъ дѣйствовать посредствомъ лицъ имѣющихъ на него наибольшее вліяніе; а эти лица должны быть руководимы однимъ безраздѣльнымъ авторитетомъ."

Слѣдующій очеркъ относится къ примасу Михаилу Понятовскому, брату короля. „Во многихъ отношеніяхъ онъ пред-

ставляетъ противовѣсіе своему брату, преимущественно въ отношеніи твердости, настойчивости и рѣшительности. Братъ боится его и часто скрываетъ отъ него то что̀ дѣлаетъ не къ чести себѣ. Онъ тугъ на привязанности, даже и къ прекрасному полу; но умѣетъ систематически и сильно ненавидѣть. Онъ не терпитъ равнаго себѣ и не примыкаетъ никогда къ той партіи которой не можетъ быть главой. Онъ не на столько уважаетъ родственныя связи, чтобы не приносить ихъ въ жертву своему честолюбію. Онъ созданъ болѣе для монархіи чѣмъ для народнаго правленія, и, еслибы могъ, то сдѣлался бы Мазариномъ.“ Ближайшее знакомство съ примасомъ не подтвердило вполнѣ эту характеристику, въ глазахъ русскаго посланника. Въ послѣдствіи Сиверсъ въ письмѣ къ Игельштрому выразился о немъ такимъ образомъ: „Князь примасъ извѣстенъ вамъ достаточно: если нѣсколько польстите его тщеславію, то можете дѣлать съ нимъ что̀ угодно.“

Третья характеристика Бокампа изображаетъ сестру упомянутыхъ братьевъ, пани Крако̀вскую, то-есть Изабеллу, вдову гетмана Браницкаго. „Вся ея внѣшность говоритъ въ ея пользу: манеры приличныя и исполненныя достоинства, обхожденіе ласковое, осанка почтенной матроны, тонъ пріятный, отзывающійся откровенностію. Она нерѣдко высказываетъ своему брату, нумеру первому, нелестныя для него истины, почему онъ часто дѣлаетъ глупости у нея за спиной и говоритъ о нихъ уже послѣ. Ея симпатіи обращены къ Франціи. Она желала бы убѣдить всѣхъ, что здѣсь, въ Польшѣ, существуетъ такая же королевская фамилія какъ и въ другихъ странахъ; а слѣдовательно фамилія эта должна оказывать и такое же вліяніе на дѣла. Подобную мысль поддерживаютъ въ ней пріѣзжіе иностранцы, привыкшіе у себя дома къ иному порядку.“

Далѣе слѣдуютъ еще два очерка, которые относятся къ великому секретарю литовскому графу Мошинскому и великому канцлеру коронному Малаховскому. Они считались самыми надежными приверженцами Россіи. Извѣстно, что послѣ переворота 3го мая Малаховскій одинъ только изъ польскихъ министровъ отказался подписать свое имя подъ новою конституціей, хотя братъ его былъ вождемъ этого переворота. Изъ всѣхъ министровъ онъ одинъ продолжалъ носить старое польское платье и усы. Бокампъ замѣчаетъ, что

„наружностью и характеромъ онъ напоминаетъ настоящаго Сармата, что онъ пользуется заслуженною репутаціей по твердости своего характера и непоколебимо преданъ русскому правительству". Графъ Мошинскій не менѣе его преданъ Россіи; но онъ проницательнѣе и гибче Малаховскаго. „У него необыкновенная вкрадчивость, такъ что многіе невольно высказываютъ ему свои тайны. Дворъ ласкаетъ его, и часто считаетъ своимъ тамъ, гдѣ онъ менѣе всего принадлежитъ двору; а это всегда случается, какъ скоро онъ замѣтитъ что не держатся настоящей дороги въ отношеніи къ Россіи, которая всегда была для него путеводною звѣздой". Бокампъ совѣтуетъ Сиверсу опереться преимущественно на этихъ двухъ сановниковъ и сдѣлать ихъ центромъ русской партіи. Относительно Малаховскаго надежды его не оправдались. Великій канцлеръ не захотѣлъ служить долѣе русскимъ интересамъ, когда убѣдился, что дѣло идетъ о новомъ раздѣлѣ; онъ вскорѣ удалился съ политическаго поприща и не игралъ роли въ послѣдующихъ событіяхъ. Но Фридрихъ Мошинскій дѣйствительно сдѣлался главнымъ пособникомъ Сиверса при выполненіи его задачи и вступилъ съ нимъ въ самыя дружескія отношенія. Поэтому мы остановимся еще нѣсколько надъ этимъ лицомъ, для чего воспользуемся его собственною защитительною рѣчью, которую онъ произнесъ предъ своими судьями, когда въ революцію 1794 года его схватили и бросили въ тюрьму какъ извѣстнаго приверженца Россіи. *

Его отецъ умеръ короннымъ подскарбіемъ и не оставилъ никакихъ счетовъ. Сынъ собралъ его регистры и въ послѣдствіи возвратилъ въ казну собственность республики, между тѣмъ какъ наслѣдники другихъ подскарбіевъ удерживаютъ у себя эту собственность, хотя и добываютъ росписки въ обратномъ ея полученіи. Затѣмъ онъ вполнѣ посвятилъ себя службѣ республики. Почти одиннадцать лѣтъ работалъ въ качествѣ коммиссара скарбовой коммиссіи, и показалъ что̀ можетъ сдѣлать трудолюбіе, соединенное съ ревностію къ общественному благу. О томъ могутъ свидѣтельствовать лучше всего цѣлыя кипы бумагъ, исписанныхъ его собственною рукой и находящихся въ коммиссіи. Потомъ онъ сдѣланъ былъ вице-комендантомъ кадетскаго корпуса, и отдалъ всего себя воспитанію будущихъ защитниковъ отечества. А когда

* Blum. III, 241.

республика, вслѣдствіе Барской конфедераціи, страдала безденежьемъ, онъ содержалъ корпусъ на свой счетъ. Нѣсколько разъ былъ сеймовымъ посломъ, но не извлекалъ для себя изъ того ни малѣйшей выгоды. Имени его не найдутъ ни въ какомъ постановленіи направленномъ на пагубу отечества; равнымъ образомъ ни въ какой сеймовой конституціи, посредствомъ которой назначался бы ему какой-нибудь подарокъ: староство, поіезуитское имѣніе или что-нибудь подобное. Проходя постепенно по разнымъ должностямъ, онъ достигъ званія литовскаго секретаря; но всѣ эти должности пріобрѣлъ не куплею, а заслугами. Онъ былъ посломъ на Четырехлѣтнемъ сеймѣ, и здѣсь работалъ надъ тѣмъ чтобъ изыскать источники для пополненія казны безъ отягощенія гражданъ новыми податями. Но онъ долженъ сознаться, что его почти трехлѣтняя работа въ назначенной по этому вопросу коммиссіи осталась безплодною. Во время революціи 3го мая онъ находился въ отсутствіи изъ Варшавы; но такъ какъ начала ея, основанныя на наслѣдственномъ тронѣ, согласовались съ его убѣжденіями, то онъ охотно присталъ къ ней. Когда русскія войска вступили въ Польшу и завязалась Тарговицкая конфедерація, онъ удалился за границу и жилъ нѣсколько времени въ Дрезденѣ; но, угрожаемый секвестромъ своихъ имѣній и судебнымъ преслѣдованіемъ, воротился въ отечество и послѣдовалъ примѣру короля, то-есть приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи.

Такъ говорилъ о себѣ самъ Мошинскій и, конечно, говорилъ не безпристрастно. Судя по разнымъ отзывамъ современниковъ, это былъ человѣкъ умный, дѣловой, но большой эгоистъ и чрезвычайно скупой. *

* Напримѣръ, одинъ изъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что комендантъ этого корпуса, князь Адамъ Чарторыйскій, все свое комендантское жалованье обращалъ на содержаніе нѣсколькихъ заслуженныхъ офицеровъ; но что ему не приходилось слышать, чтобы Мошинскій подобнымъ образомъ отказывался отъ своего жалованья; также какъ князь Адамъ, онъ рѣдко бывалъ въ Варшавѣ, и когда пріѣзжалъ, то не нанималъ приличнаго для себя помѣщенія, а бралъ отдѣльный павильйонъ въ зданіяхъ кадетскаго корпуса. Между тѣмъ онъ былъ очень богатъ, и особенно славился своими бриліантами. Авторъ воспоминаній разъ видѣлъ на немъ брильянтовъ, украшавшихъ его генеральскій мундиръ, шпагу, ордена и перстни, по крайней мѣрѣ на милліонъ злотыхъ. О наружности Мошинскаго воспоминанія замѣчаютъ, что онъ

Къ портретамъ, набросаннымъ Бокампомъ, прибавимъ нѣсколько словъ о лицахъ окружавшихъ короля, и именно о тѣхъ, которыя по своему вліянію на него въ послѣдующихъ событіяхъ обратили на себя особенное вниманіе нашего посланника. Трое изъ нихъ, великій конюшій Кицкій, главный экономъ Рыксъ и еще нѣкто Крута, оказались люди до того вредные по своимъ интригамъ, что Сиверсъ собирался выслать ихъ изъ предѣловъ Польши; о чемъ онъ говоритъ въ упомянутомъ письмѣ къ Игельштрому. * Только два лица изъ королевской свиты заслужили его одобрительный отзывъ: это секретарь Фризе и ксендзъ Гигіоти, которые обнаруживали преданность русскимъ интересамъ, но, конечно, преданность небезкорыстную. А что касается до женщинъ, игравшихъ, какъ извѣстно, большую роль въ жизни Станислава - Августа, то въ данную эпоху, по замѣчанію Сиверса, ни одна изъ нихъ не имѣла особеннаго значенія, ни даже его открытая фаворитка, то-есть пани Грабовская. **

По поводу упомянутыхъ характеристикъ, приведемъ и то что̀ написалъ прусскій посолъ Бухгольцъ своему двору о двухъ главныхъ представителяхъ русской политики въ Польшѣ, то-есть объ Игельштромѣ и Сиверсѣ:

былъ очень некрасивъ, малаго роста, сутулый, но силу имѣлъ необыкновенную. (Изъ записокъ Северина Букара. См. *Pamiętniki Ochockiego*. Т. IV.)

* *Seim Grodzieński ostatni.* Вегнера. Прилож. VII.

** Въ другомъ мѣстѣ объ этой Грабовской Сиверсъ выразился еще съ большимъ пренебреженіемъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, она состояла въ тайномъ бракѣ съ королемъ, отличалась семейными добродѣтелями и не хотѣла мѣшаться въ придворныя интриги. (См. *Pamiętniki Michalowskiego* и *Pamiętniki Ochockiego*). Замѣчательно, что ни въ офиціальной, ни въ частной корреспонденціи нашего посланника мы не встрѣтили имени маркизы Люлли, молодой французской эмигрантки, которая въ эпоху Гродненскаго сейма была счастливою соперницей пани Грабовской. По словамъ Охоцкаго, эта тщеславная, расточительная Француженка совершенно опутала престарѣлаго Донъ-Жуана и заправляла всей его политикой (II, 347). Отзывъ Охоцкаго, основанный на провинціальныхъ слухахъ, очевидно преувеличенъ; но также очень можетъ быть, что маркиза, наравнѣ со многими другими, за деньги служила интересамъ сосѣднихъ державъ, только Сиверсъ почему-либо не считаетъ удобнымъ говорить о ней въ своей корреспонденціи.

„Генералъ-аншефу Игельштрому около 65 лѣтъ. Онъ нѣсколько обветшалой, но видной наружности; это очень свѣтскій человѣкъ; онъ въ совершенствѣ говоритъ на многихъ языкахъ и легко схватываетъ понятія. Во всѣхъ его манерахъ отражается гордое сознаніе заслугъ оказанныхъ отечеству. Говорятъ, онъ высокомѣренъ и строгъ съ подчиненными. Вѣрно то, что армія боится его не менѣе чѣмъ и сами Поляки." Отзывъ слишкомъ благосклонный: предыдущая дѣятельность Игельштрома не давала ему никакихъ особыхъ правъ гордиться своими заслугами отечеству. Мы даже недоумѣваемъ, на чемъ былъ основанъ выборъ этого лица на такой важный постъ, какъ командованіе нашими военными силами въ Польшѣ въ то критическое время. Императрица, конечно, видѣла въ немъ точнаго, безпрекословнаго исполнителя своей воли; она принимала въ разчетъ его знакомство съ Польшей, такъ какъ онъ служилъ тамъ еще подъ начальствомъ князя Репнина; но ея мнѣніе о его способностяхъ, по всей вѣроятности, было преувеличено. „Въ Сиверсѣ, продолжаетъ Бухгольцъ, нашелъ я почтеннаго старика съ симпатичною наружностью. Обращеніе его совсѣмъ не похоже на то, которымъ нѣкогда отличались Русскіе. Съ большою мягкостію характера онъ соединяетъ величайшую вѣжливость и много такту. На многихъ языкахъ онъ объясняется съ замѣчательною ясностію и точностію; а работаетъ, на сколько я могъ замѣтить, съ большою легкостію. Здоровье его, кажется, весьма слабо, но онъ очень себя бережетъ." *

II.

Король медлитъ отъѣздомъ.—Дипломатическія уловки.—Денежныя затрудненія.—Сиверсъ въ Гроднѣ.

Нашъ посланникъ началъ готовиться къ отъѣзду въ Гродно. Этотъ городъ, издавна служившій, на ряду съ Варшавой, мѣстомъ сеймовыхъ собраній, еще въ іюлѣ 1792 года былъ выбранъ Екатериной для предстоявшаго чрезвычайнаго сейма. ** Понятно, почему онъ былъ предпочтенъ Варшавѣ. Многочисленное населеніе столицы, подъ вліяніемъ послѣднихъ

* Hermann. *Gesch. des Russisch. Staates.* Ergänzungs-Band. 415.

** См. *Записки Храповицкаго.*

событій, находилось въ возбужденномъ состояніи; общественное мнѣніе, руководимое патріотическою партіей, оказало бы слишкомъ сильное давленіе на сеймъ, каковъ бы ни былъ его составъ, и, конечно, онъ могъ гораздо удобнѣе выполнить свое назначеніе въ провинціальномъ городѣ. А назначеніе его состояло въ томъ, чтобы подписать формальную уступку земель двумъ сосѣднимъ державамъ. Но рѣчь объ этой уступкѣ русскій и прусскій посланники должны были начать послѣ; а пока говорили только о пересмотрѣ конституціи. Употребляя подобные извороты, дипломатія, конечно, имѣла въ виду достиженіе цѣли съ возможно меньшими пожертвованіями, то-есть безъ новой войны, безъ новаго пролитія крови. Предстояла нелегкая задача: во что бы то ни стало принудить націю къ формальной уступкѣ земель, то-есть къ тому что достигается только послѣ упорныхъ и разорительныхъ войнъ. Союзныя державы знали съ кѣмъ имѣли дѣло, и надѣялись покончить его мирно съ помощію обычныхъ въ то время дипломатическихъ уловокъ; они думали повторить только тѣ маневры, которые съ успѣхомъ были уже употреблены при первомъ раздѣлѣ Польши. Послѣдствія показали, что разчеты дипломатіи на этотъ разъ были не совсѣмъ вѣрны.

Король продолжалъ писать жалобныя письма къ императрицѣ, и отказывался отъ поѣздки въ Гродно, ссылаясь на свое безденежье, на долги, на слабое здоровье, весеннее разлитіе рѣкъ, на приближающееся время его обычнаго говѣнія и т. п. Наконецъ онъ рѣшился высказать прямо свое опасеніе, что тамъ его насильно заставятъ подписать новый раздѣлъ. Съ своей стороны, русскій посолъ старался опровергнуть всѣ его доводы, и говорилъ, что никакого насилія ему не можетъ быть сдѣлано. Для образчика подобныхъ переговоровъ приведемъ сообщеніе посла вице-канцлеру отъ 19го февраля (2го марта). Наканунѣ этого дня Сиверсъ обѣдалъ у короля въ его загородномъ Уяздовскомъ дворцѣ. Послѣ обѣда король пригласилъ посла въ кабинетъ, чтобы поговорить съ нимъ о своихъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Онъ началъ длиннымъ вступленіемъ, въ которомъ изобразилъ свое стѣсненное положеніе и старался найти оправданіе своимъ долгамъ; затѣмъ передалъ послу записку; въ этой запискѣ онъ предлагалъ потребовать отъ генеральной конфедераціи, чтобъ она назначила

ему

коммиссію для устройства его дѣлъ и для уплаты его долговъ. Посолъ обѣщалъ ему похлопотать о томъ.

„Онъ еще много говорилъ мнѣ о разныхъ предметахъ, продолжаетъ посолъ, и наконецъ признался въ своей боязни, что его, съ помощію какого-нибудь постыднаго насилія, заставятъ подписать новый раздѣлъ Польши. Я усердно увѣрялъ его, что никакого насилія не будетъ причинено ни ему, ни кому-либо другому: это слишкомъ противорѣчило бы образу мыслей моей государыни. Я сказалъ, что главная цѣль его поѣздки въ Гродно, это—удалиться отъ варшавскихъ интригъ, принять нѣкоторыя предварительныя мѣры, опредѣлить сроки сеймикамъ и сейму, на которомъ все вниманіе будетъ посвящено возможно большему усовершенствованію конституціи 1775 года. Такимъ образомъ приблизится тотъ моментъ, когда ея императорское величество соблаговолитъ вполнѣ открыть свои виды и тѣ способы, на основаніи которыхъ возможно примиреніе съ ея величествомъ, если онъ съ своей стороны докажетъ искреннюю преданность ея волѣ. Онъ осыпалъ меня еще тысячью вопросами, и заключилъ увѣреніемъ, что остается успокоеннымъ и довольнымъ послѣ этого разговора.“

Въ тотъ же день курьеръ изъ Петербурга, вмѣстѣ съ рескриптомъ Сиверсу, привезъ и письмо императрицы къ Станиславу-Августу. На слѣдующее утро посолъ вручилъ его королю. Послѣдній былъ тронутъ милостивымъ содержаніемъ письма и выразилъ послу свою благодарность.

— Но, прибавилъ онъ,—ея величество ничего не говоритъ о путешествіи въ Гродно.

Сиверсъ отвѣчалъ что, напротивъ, онъ получилъ точный приказъ убѣдить короля къ этому путешествію. Король опять распространился въ жалобахъ на свое безденежье и на опасности, которыя ожидаютъ его, если онъ, по требованію конфедераціи, созоветъ посполитое рушенье, что̀, конечно, погубитъ его въ глазахъ императрицы; а если онъ не подчинится этому требованію, то сдѣлается позоромъ въ глазахъ націи. Сиверсъ снова старался успокоить его, и говорилъ, что въ Варшавѣ онъ подвергнется тѣмъ же опасностямъ, но не будетъ имѣть той поддержки отъ русскаго посла, какую найдетъ въ Гроднѣ. Далѣе король просилъ Сиверса, чтобъ онъ побудилъ канцлера наложить печати на контору Теппера,

такъ какъ кредиторы хотятъ насильно войти въ нее, чтобы видѣть книги.

Сиверсъ горячо вступился въ это дѣло, потому что оно затрогивало интересы русскаго посольства: предмѣстники его ассигновали на домъ Теппера уплату пенсій за услуги русскому правительству; обнародованіе банкирскихъ книгъ повредило бы многимъ лицамъ и сдѣлало бы ихъ подозрительными въ глазахъ націи, хотя теперь они болѣе и не получали этихъ пенсій. Посолъ поспѣшилъ подать ноту канцлеру, и печати дѣйствительно были наложены. Спустя нѣсколько времени, генеральная конфедерація назначила коммиссію по дѣлу Теппера. При ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ, Сиверсъ высказалъ мнѣніе, что Тепперъ, несмотря на свое критическое положеніе, не заслуживаетъ никакого снисхожденія: онъ обманулъ многихъ и особенно дурно поступилъ съ русскимъ главнокомандующимъ; король уплатилъ Тепперу 42.000 дукатовъ, чтобы дать ему возможность выдать эту сумму Игельштрому, но Тепперъ значительную часть ея удержалъ у себя.

Упорство короля по вопросу о поѣздкѣ въ Гродно, недостатокъ денегъ и другія затрудненія, встрѣченныя Сиверсомъ, очевидно подѣйствовали на него; такъ что въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ рѣшается предложить мѣстомъ для сейма Варшаву, въ случаѣ удачнаго выбора сеймовыхъ пословъ. Но, спустя нѣсколько дней, адъютантъ Зубова привезъ ему новый рескриптъ (отъ 21го февраля) и новое письмо императрицы къ Станиславу-Августу.

Екатерина писала Сиверсу между прочимъ слѣдующее: „Наши переговоры съ королемъ Прусскимъ относительно Польши приведены къ концу. Вы получите инструкціи, чтобы наложить руку на окончаніе дѣла вамъ ввѣреннаго. *Вы знаете мотивы, заставившіе меня предпочесть Гродно Варшавѣ для сцены, которая должна произойти.* * Вы должны отправиться въ Гродно; король пусть ѣдетъ туда или вмѣстѣ съ вами, или прежде, или послѣ, смотря по вашимъ соображеніямъ, но только чтобъ это было при началѣ вашей операціи; а она начнется подачей декларацiи, которая

* Въ посольской корреспонденціи мы не находимъ прямаго объясненія этихъ мотивовъ. Вѣроятно рѣчь о нихъ была въ Петербургѣ, когда Сиверсъ получалъ отъ императрицы изустныя наставленія.

будетъ послана къ вамъ на дняхъ. Я отвѣчаю на послѣднее письмо короля и тороплю его предпринять путешествіе немедленно. Поручаю вамъ облегчить это путешествіе. Я знаю о денежныхъ затрудненіяхъ короля, но желала бы помочь ему только въ случаѣ абсолютнаго безденежья и совершенной невозможности обезпечить себя другими средствами. Уполномочиваю васъ ссудить ему изъ вашей экстраординарной суммы до 10.000 дукатовъ. Но прежде этого вы предупредите прусскаго министра, что справедливость требуетъ, чтобъ издержки были раздѣлены на равныя доли, такъ какъ мы дѣйствуемъ заодно и по общему дѣлу. Я уже сообщила мои намѣренія двору Берлинскому относительно издержекъ для достиженія нашей цѣли; не сомнѣваюсь, что этотъ дворъ послѣдуетъ моему совѣту и отдастъ въ распоряженіе своего посла въ Варшавѣ экстраординарную кассу, на подобіе той, которую я ввѣрила вамъ."

Послѣ такихъ рѣшительныхъ приказаній Сиверсу оставалось только въ точности ихъ исполнить. Въ тотъ же день онъ отправился къ королю и передалъ ему письмо императрицы. Король началъ читать его вслухъ, и казался тронутымъ его благосклонными выраженіями. Но когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ отъ него рѣшительно требовали немедленной поѣздки въ Гродно, онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Боже мой! Меня хотятъ принудить къ подписи моего позора, то-есть новаго раздѣла! Пусть бросятъ меня въ тюрьму, пусть сошлютъ въ Сибирь, нѣтъ, я никогда не подпишу!

— Государь, прервалъ его Сиверсъ,—все это плоды вашего воображенія; никогда не будетъ и рѣчи о томъ, чтобы васъ принуждать и дѣлать то о чемъ вы говорите. Вы останетесь королемъ, въ чемъ ручается вамъ письмо императрицы; я завѣряю васъ ея именемъ; чего же вы хотите болѣе?

Послѣдовало повтореніе прежнихъ разговоровъ: зачѣмъ ѣхать въ Гродно? полезно ли это? необходимо ли? Король хотѣлъ опять писать императрицѣ, или по крайней мѣрѣ подождать отвѣта на свое послѣднее письмо. Но Сиверсъ называлъ такой образъ дѣйствія рѣшительно безполезнымъ и даже оскорбительнымъ для ея величества, послѣ того какъ король въ трехъ письмахъ сряду изъявлялъ готовность подчиниться ея волѣ. Наконецъ Станиславъ-Августъ объявилъ, что онъ поѣдетъ, причемъ не упустилъ замѣтить что обѣщанные

20.000 дукатовъ не покроютъ всѣхъ издержекъ этого путешествія. Нѣсколько разъ онъ принимался плакать, и упросилъ посла, хотѣвшаго выѣхать на слѣдующій день, остаться еще нѣсколько времени въ Варшавѣ. Посолъ согласился тѣмъ охотнѣе, что онъ и безъ того былъ задержанъ разлитіемъ рѣкъ.

Отъ короля Сиверсъ отправился къ князю примасу; отъ примаса къ пани Краковской. У обоихъ онъ вынудилъ обѣщаніе сдѣлать все возможное, чтобъ уговорить короля къ поѣздкѣ въ Гродно. Хотя Станиславъ-Августъ и согласился на эту поѣздку, но предстояло еще много хлопотъ, чтобъ ускорить ее. Снова начались ссылки на разлитіе рѣкъ, на приближеніе Страстной недѣли, во время которой онъ исповѣдывался, на безденежье и пр. Снова поднимался вопросъ, не удобнѣе ли созвать сеймъ въ Варшавѣ чѣмъ въ Гроднѣ? Сиверсъ наконецъ потерялъ терпѣніе и прибѣгнулъ къ суровымъ мѣрамъ. Онъ написалъ холмскому епископу Скаржевскому, какъ предсѣдателю коммиссіи по дѣлу Теппера, что часть королевскихъ доходовъ надобно подвергнуть запрещенію: она пойдетъ на уплату долговъ Tепперу, и такимъ образомъ доставитъ генералу Игельштрому средства платить за фуражъ и провіантъ. Письмо подѣйствовало. Примасъ поспѣшилъ пріѣхать къ Сиверсу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ обсудить средства ускорить созваніе сейма. Король объявилъ, что отправляется въ путь, но не прежде Святой недѣли, которая въ тотъ годъ начиналась 23го марта стараго стиля. Сиверсъ принужденъ былъ согласиться на этотъ срокъ. Онъ пишетъ въ Петербургъ, что король, по пріѣздѣ въ Гродно, вмѣсто краснаго яйца получитъ декларацію союзныхъ державъ объ уступкѣ провинцій; а къ тому времени будутъ готовы универсалы для королевской подписи и приняты будутъ всѣ мѣры для скорѣйшаго созванія сейма.

Между тѣмъ какъ нашъ посолъ продолжалъ увѣрять Поляковъ, что никакого раздѣла не будетъ, въ Варшавѣ почти никто уже не сомнѣвался въ дѣйствительности раздѣла и въ той роли, которая назначалась предстоявшему сейму. Въ интимныхъ разговорахъ короля съ нѣкоторыми лицами уже обсуждался вопросъ, какъ держать себя на этомъ сеймѣ. Когда борьба съ оружіемъ въ рукахъ казалась болѣе невозможна, то естественно явилась мысль о пассивномъ сопротивленіи. Огинскій, только что принявшій на себя должность литовскаго подскарбія, разказываетъ, будто онъ

первый предложилъ эту мысль Станиславу-Августу. Однажды онъ пришелъ къ королю и началъ склонять его къ слѣдующему рѣшенію: всѣмъ угрозамъ и всѣмъ требованіямъ русскаго посла противопоставить непоколебимую твердость, и на предстоявшемъ сеймѣ ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на трактатъ о раздѣлѣ. Такимъ поступкомъ король смылъ бы съ себя то пятно, которое легло на него съ того времени, какъ онъ отказался стать во главѣ арміи и приступилъ къ Тарговицкой конфедераціи; онъ снова возвратилъ бы себѣ любовь націи и уваженіе Европы; его примѣръ увлекъ бы все собраніе къ такому же геройскому поведенію. Русскій и прусскій послы будутъ поставлены въ тупикъ, встрѣтивъ единодушное и неожиданное сопротивленіе. Они принуждены будутъ или отсрочить засѣданія, или распустить сеймъ и созывать новый. А между тѣмъ выигрывается время; новыя событія могутъ измѣнить положеніе дѣлъ; особенно можно ожидать этой перемѣны со стороны Французской революціи.

Во время патетическихъ рѣчей Огинскаго, въ кабинетъ короля вошли графы Мошинскій и Тышкевичъ, заранѣе предупрежденные подскарбіемъ, и, когда король сообщилъ имъ его планъ, то, къ удивленію своему, услыхалъ отъ нихъ выраженія полнаго сочувствія этому плану. Король сначала, казалось, принялъ къ сердцу убѣжденія Огинскаго; но потомъ мало-по-малу сталъ высказывать разныя сомнѣнія въ томъ, чтобы подобный способъ дѣйствія могъ имѣть какія-либо серіозныя послѣдствія.

Огинскій понялъ что съ этой стороны ждать нечего, что старый король останется вѣренъ своей слабости и безхарактерности. Тогда онъ отправился къ Сиверсу, и сказалъ ему, что для освобожденія своихъ имѣній отъ секвестра онъ принялъ на себя должность подскарбія, но только послѣ торжественнаго увѣренія со стороны Зубова что о раздѣлѣ Польши не будетъ и рѣчи; но такъ какъ слухи о новомъ раздѣлѣ растутъ съ каждымъ днемъ, то онъ не считаетъ согласнымъ со своею честію продолжать министерскую службу и проситъ его уволить. Въ отвѣтъ на это заявленіе Сиверсъ началъ снова свои увѣренія въ томъ, что толки о раздѣлѣ суть выдумки пустыхъ и безпокойныхъ головъ, что дѣло идетъ только объ умиротвореніи Польши и обезпеченіи за нею хорошаго государственнаго устройства. Слова Сиверса нѣсколько

успокоили патріотическій пылъ подскарбія, и онъ остался при своей должности.

Такъ повѣствуетъ самъ Огинскій. * Но мы имѣемъ поводы сомнѣваться въ точности и добросовѣстности его разказа. Въ донесеніяхъ Сиверса не упоминается ни о какихъ патріотическихъ заявленіяхъ со стороны новаго подскарбія; напротивъ, онъ постоянно причисляется къ лицамъ наиболѣе преданнымъ русскому правительству. По всѣмъ признакамъ, Огинскій, какъ и многіе другіе его соотечественники, въ то время игралъ двойную или даже тройную роль: въ кабинетѣ русскаго посланника онъ былъ покорнымъ его слугою; въ польскомъ кружкѣ изображалъ изъ себя рьянаго патріота; а когда приходилось стоять между двухъ огней, напримѣръ на сеймѣ, онъ отличался скромностію и не бросался впередъ со своими заявленіями.

„Здѣсь все надобно дѣлать деньгами, безъ денегъ ничего", пишетъ Сиверсъ. А между тѣмъ съ этой стороны онъ находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Въ рѣдкой депешѣ онъ не жалуется на свое безденежье. Императрица назначила ему 100.000 рублей на текущіе расходы и 200.000 руб. для чрезвычайной кассы; то и другое изъ почтовыхъ доходовъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга Безбородко увѣрялъ его что суммы эти уже готовы; но въ Варшавѣ до самаго конца февраля онъ получилъ изъ нихъ только 10.000 рублей. Экстраординарная касса, принятая отъ Булгакова, по счетамъ простиралась до 18.000 голландскихъ червонцевъ; но въ томъ числѣ около 15.000 билетами Теппера, а Тепперъ объявилъ себя банкротомъ. Сиверсъ принужденъ былъ занимать по нѣскольку тысячъ дукатовъ у другихъ варшавскихъ банкировъ, которые охотно предлагали ему свои услуги, въ надеждѣ получить на мѣсто Теппера выгодное званіе придворнаго ея императорскаго величества банкира. Прусскій его товарищъ сообщилъ, что берлинскій дворъ предписалъ ему во всемъ сообразоваться съ русскимъ посломъ, и что онъ ожидаетъ 50 или 60 тысячъ дукатовъ для своей экстраординарной кассы. Сиверсъ замѣтилъ, что этого мало, и чрезъ нѣсколько дней Бухгольцъ объявилъ, что ему назначено 100.000 дукатовъ; изъ нихъ 10.000, опредѣленные съ каждой стороны на путешествіе короля, онъ передалъ Сиверсу, такъ какъ

* См. его мемуары. Т. I, глава 6.

Станиславъ-Августъ не хотѣлъ ничего брать изъ прусскихъ рукъ. Нашъ посолъ завидуетъ своему товарищу, и въ одной депешѣ вице-канцлеру Остерману восклицаетъ: „Не достаетъ еще, чтобъ я занималъ деньги у г. Бухгольца!“ Между прочимъ онъ обратился съ просьбой о помощи въ Ригу, къ пріятелю своему князю Репнину. Послѣдній по собственному опыту зналъ, что безъ денегъ въ Польшѣ нельзя ничего сдѣлать; онъ немедленно отнесся къ генералъ-прокурору за разрѣшеніемъ послать Сиверсу 10.000 дукатовъ изъ суммъ рижской казенной палаты. Но генералъ-прокуроръ отвѣчалъ отказомъ, и извѣщалъ, что деньги уже посланы. Вслѣдъ затѣмъ изъ Петербурга дѣйствительно прискакалъ въ Варшаву курьеръ съ деньгами; но ихъ достало только на уплату долга банкирамъ, и Сиверсъ вскорѣ опять долженъ былъ занимать у нихъ. Послѣ того деньги присылались еще нѣсколько разъ, но всегда въ недостаточномъ количествѣ. Сиверсъ усердно жалуется императрицѣ, описываетъ свое положеніе мрачными красками, намекаетъ на интриги окружавшихъ ее лицъ, которыя препятствуютъ исполненію ея приказаній, и проситъ наказать ихъ достойнымъ образомъ. Такія жалобы встрѣчаемъ мы до самой второй половины іюня, когда прибывшій изъ Петербурга курьеромъ капитанъ Ахматовъ вручилъ послу 50.000 талеровъ. Но и тутъ новая непріятность: Сиверсъ просилъ прислать вексель на Голландію какого-нибудь петербургскаго или рижскаго банкира, а ему прислали сумму въ талерахъ, тогда какъ эти деньги не были въ ходу въ Варшавѣ, и мѣнять ихъ было трудно, потому что варшавскіе банкиры почти всѣ уже объявились несостоятельными.

Денежныя затрудненія русскаго посольства въ Польшѣ могутъ быть объяснены отчасти плохимъ состояніемъ нашихъ финансовъ; но такъ какъ внѣшняя политика принадлежала къ тѣмъ статьямъ бюджета въ которыхъ мы не отличались особенною бережливостію, то въ данномъ случаѣ могла быть и другая причина. Авторъ извѣстной біографіи Сиверса, Блумъ, на основаніи нѣкоторыхъ его намековъ, всѣ затрудненія приписываетъ интригамъ Зубова и компаніи. Мы не раздѣляемъ увлеченій біографа, который постоянно старается изобразить своего героя жертвою всякаго рода интригъ и простирающимъ свое благодушіе до того, что онъ не зналъ будто бы, какая роль назначалась ему въ пред-

стоявшей драмѣ. Но не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что петербургскія придворныя отношенія дѣйствительно оказывали вліяніе на ходъ нашего дѣла въ Польшѣ. Зубовъ имѣлъ особое влеченіе къ занятіямъ внѣшнею политикой; а такъ какъ самъ онъ къ подобной дѣятельности нисколько не былъ приготовленъ, то взялъ себѣ въ помощники Моркова, несомнѣнно даровитаго и опытнаго дипломата, но большаго интригана. * Морковъ и секретарь Зубова Альтести (родомъ изъ Рагузы), подъ видомъ помощниковъ, скоро сдѣлались руководителями фаворита въ его дипломатическихъ стремленіяхъ. Такъ какъ офиціальный глава министерства иностранныхъ дѣлъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ былъ человѣкъ, хотя довольно честный, но недалекій и уклончивый, то Зубовъ съ товарищами почти безпрепятственно распоряжались дѣлами этого министерства и по мѣрѣ силъ парализовали высокій полетъ и энергію Екатерининской политики. Сиверсъ посылалъ свои офиціальныя донесенія на имя вице-канцлера, а полуофиціальныя на имя Зубова. Но зависимость отъ фаворита, конечно, была ему не по сердцу. Воспоминаніе о прежней благосклонности Екатерины, которая когда-то оказывала ему большое довѣріе и удостоивала личной корреспонденціи, это воспоминаніе и сознаніе всей важности порученнаго ему дѣла не позволяютъ ему успокоиться на офиціальныхъ сношеніяхъ, и еще при такихъ посредникахъ. Онъ старается поставить себя къ нимъ въ независимое положеніе, пытается войти въ непосредственную переписку съ императрицей, и прямо къ ней обращается со своими соображеніями и запросами. Небрежность, съ какою относились въ Петербургѣ къ его денежнымъ затрудненіямъ, скоро показала ему, что попытки устраниться отъ вліянія фаворита не могутъ пройти безнаказанно. Нѣкоторые признаки не замедлили обнаружить предъ нимъ и то обстоятельство, что главный его помощникъ въ Польшѣ, то-есть начальникъ русскихъ войскъ, Игельштромъ, находится въ болѣе дружескихъ сношеніяхъ съ петербургскими дипломатами, и что этотъ человѣкъ не прочь подставить ему ногу, чтобы самому занять его мѣсто. Станиславъ-Августъ также

* Напримѣръ, въ это время онъ всѣми силами старался оттереть отъ дѣлъ своего прежняго покровителя, Безбородко, чтобы заступить его мѣсто на дипломатическомъ поприщѣ.

старался завязать съ фаворитомъ сношенія помимо нашего посла. Все это должно было значительно ослабить его вліяніе на ходъ событій. *

Прежде нежели покинуть Варшаву, Сиверсъ принялъ нѣсколько энергическихъ мѣръ, чтобъ обезпечить по возможности спокойствіе столицы на будущее время. Броженіе въ варшавскомъ обществѣ поддерживали преимущественно два элемента: агенты революціонной Франціи и участники 3го мая. Послѣ казни Людовика XVI Екатерина II издала указъ, въ силу котораго французскіе корабли не допускались болѣе въ русскія гавани, и всѣ Французы находившіеся въ Россіи должны быть высланы. Могли остаться только тѣ, которые присягой очистили себя отъ всякаго сочувствія революціоннымъ принципамъ; а пріѣздъ въ Россію дозволялся только лицамъ, имѣвшимъ на то особое разрѣшеніе отъ русскихъ посольствъ. ** Сиверсъ распространилъ дѣйствіе этого указа на Польшу, и велѣлъ арестовать нѣкоторыхъ Французовъ. Въ числѣ послѣднихъ находился зубной врачъ польскаго короля и прежній секретарь французскаго посольства Бонно, который втайнѣ продолжалъ играть роль политическаго агента. Говорятъ, его выдалъ прежній его товарищъ по этой части, Оберъ, который теперь состоялъ на службѣ при русскомъ посольствѣ. Когда полиція подвергла Бонно аресту и начала отбирать его переписку, онъ обнаружилъ

* Въ примѣръ интригъ и шпіонства, которымъ подвергался Сиверсъ, Блумъ приводитъ Американца Литльпажа. Этотъ авантюристъ былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ Станислава-Августа. Когда Сиверсъ уѣхалъ въ Гродно, Литльпажъ явился къ нему съ рекомендаціями отъ Игельштрома и короля. Онъ отправлялся въ Петербургъ подъ предлогомъ искать счастія при нашемъ дворѣ, и просилъ посла о покровительствѣ. Но Сиверсъ угадалъ въ немъ шпіона и посредника въ сношеніяхъ Зубова съ Варшавскимъ дворомъ, и воротилъ его назадъ, объявивъ, что на его путешествіе въ Петербургъ надобно подождать согласія императрицы; а къ Зубову написалъ, что присутствіе въ Петербургѣ подобной личности можетъ быть только вредно. Ни король, ни Игельштромъ послѣ того не заводили рѣчи о Литльпажѣ. Отдѣлавшись отъ одного шпіона, Сиверсъ не такъ былъ счастливъ относительно другаго, именно подполковника графа Морелли, котораго сама императрица прислала курьеромъ и велѣла оставить его при русскомъ посольствѣ.

** *П. С. З.* № 17.101.

гордость настоящаго республиканца. „Уваженіе къ этому мѣсту, восклицалъ онъ: — здѣсь заключаются бумаги принадлежащія великой націи, которая отомститъ вамъ за нападеніе на ея отечество!“ Когда представили его Сиверсу, послѣдній встрѣтилъ его вопросомъ: „По какому праву осмѣлились вы вести преступную переписку съ врагами моей государыни?“— „По такому же праву по какому вы меня спрашиваете,“ отвѣчалъ Бонно. Сиверсъ потомъ доносилъ Екатеринѣ, что, пробѣгая бумаги Бонно, онъ не разъ приходилъ въ ужасъ отъ его сообщеній республиканскому правительству и отъ его якобинскаго образа мыслей, особенно по поводу казни Людовика XVI. Потому посланникъ не возвратилъ его въ руки варшавской полиціи, а препроводилъ въ Петербургъ. О тонѣ захваченной у него переписки можно судить по слѣдующей фразѣ; въ одномъ письмѣ отъ Дюмурье говорилось: „Si la France est heureuse, la Pologne est sauvée.“

Въ то же время Сиверсъ потребовалъ отъ варшавской полиціи, чтобы тѣ польскіе эмигранты, которые осмѣлились снова появиться въ Варшавѣ, не подписавъ отреченія отъ конституціи 3го мая, были въ 24 часа высланы изъ города и отправлены на житье въ свои имѣнія; а въ случаѣ неповиновенія подвергнуты полному изгнанію. Такому же наказанію должны подвергнуться и тѣ, которые, хотя подписали свое отреченіе, но позволятъ себѣ возмутительныя рѣчи въ какихъ-либо собраніяхъ. Отъ генеральной конфедераціи посланникъ вытребовалъ декретъ запрещавшій ношеніе военнаго знака отличія, который былъ установленъ польскимъ королемъ во время послѣдней войны съ Русскими. Сиверсъ постарался распространить подобныя же мѣры и за границей. Такъ какъ самое большое скопленіе польскихъ эмигрантовъ находилось по сосѣдству, въ Саксоніи, то онъ сдѣлалъ представленіе правительству курфирста о томъ, чтобъ учредить надъ ними строгій надзоръ, а при случаѣ подвергать ихъ аресту и захватывать ихъ бумаги. Онъ разчитывалъ при этомъ, какъ писалъ Зубову, что если курфирстъ и не исполнитъ его требованія, все-таки эмигранты будутъ напуганы. Въ Вѣну, къ русскому послу графу Разумовскому, онъ написалъ, чтобы тотъ настаивалъ на удаленіи королевскаго племянника Іосифа Понятовскаго, какъ наиболѣе мятежнаго изъ польскихъ патріотовъ и навлекшаго на себя особое неудовольствіе императрицы своимъ

дерзкимъ письмомъ къ Щенсному-Потоцкому. Екатерина велѣла показать на немъ примѣръ строгости и потребовать отъ конфедераціи, чтобы наложили секвестръ на его имѣнія въ Литвѣ и Польшѣ, что̀ и было исполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація издала декретъ, которымъ отмѣнялись всѣ распоряженія сдѣланныя по войску въ предыдущемъ году, когда главнокомандующимъ былъ Іосифъ Понятовскій. Станиславъ-Августъ не замедлилъ обратиться къ нашему послу съ горькими жалобами на несчастія своей фамиліи, и успѣлъ чрезъ него выхлопотать, чтобы староство Велюнское (въ Самогитіи) было оставлено въ пожизненномъ пользованіи матери Іосифа, урожденной княгини Кинской, которая жила у своихъ родственниковъ въ Богеміи.

Покидая Варшаву, Сиверсъ поручилъ канцелярскія дѣла служившему при посольствѣ надворному совѣтнику Беккеру; къ нему должны были приносить всѣ новости тѣ агенты низшаго сорта, которые состояли на русскомъ жалованьѣ, то-есть шпіоны. Ему предписано было ежедневно или черезъ день присылать въ Гродно эстафеты, но предварительно сообщать свои донесенія Игельштрому. Послѣдній оставался въ столицѣ, чтобы наблюдать за охраненіемъ ея спокойствія. Онъ обязался между прочимъ настаивать на непремѣнномъ отъѣздѣ короля изъ Варшавы въ назначенный срокъ, то-есть 4го апрѣля (23го марта). Замѣчательно, что въ Варшавѣ оставался еще Булгаковъ и продолжалъ посылать отъ себя донесенія въ Петербургъ. По отъѣздѣ Сиверса, онъ говоритъ въ своей депешѣ слѣдующее: „Въ бытность здѣсь посла все мое время было занято объясненіемъ ему дѣлъ; такъ что теперь только могу приняться за свои домашнія и путевыя распоряженія.“

8го (19го) марта Сиверсъ отправился въ Гродно. „Во вторникъ, около 4 часовъ пополудни,“ пишетъ онъ своей младшей дочери, „я выѣхалъ изъ Варшавы, ѣхалъ всю ночь при лунномъ свѣтѣ и по хорошей дорогѣ; на слѣдующій день переправился черезъ Бугъ, покрытый плывущими льдинами; въ часъ пополуночи достигъ Бѣлостока, гдѣ отдыхалъ нѣсколько часовъ; а вчера (21го марта) прибылъ сюда, въ Гродно, при громѣ пушекъ, въ добромъ здоровьѣ, но очень утомленный. При выходѣ изъ коляски меня встрѣтили начальники войскъ расположенныхъ въ окрестностяхъ и много народу.“ Сиверсъ остановился въ домѣ королевской экономіи, въ

томъ самомъ, который занималъ графъ Штакельбергъ во время сейма 1784 года. Сюда заранѣе отправлены были изъ Варшавы вина и другіе припасы, необходимые для угощенія членовъ предстоявшаго сейма. Сиверсъ извѣщаетъ Зубова, что ему недостаетъ только портрета ея величества съ соотвѣтствующимъ балдахиномъ, которые и просилъ ему доставить. Въ одномъ изъ писемъ къ старшей дочери онъ такъ описываетъ свое гродненское помѣщеніе: „Это трехъэтажный домъ; низъ занятъ хозяйственными принадлежностями; въ главномъ этажѣ находятся мои комнаты и парадныя залы; но онѣ низки. Третій этажъ занятъ всякаго рода чиновниками; въ немъ восемнадцать комнатъ, но ихъ оказалось недостаточно; понадобилось еще нѣсколько въ другомъ домѣ, кромѣ флигеля съ кухней, гдѣ также отведено три комнаты для караула, который состоитъ изъ роты солдатъ. До сихъ поръ живу здѣсь уединенно; столъ накрывается на 16 или 18 приборовъ, и еще другой на 10 или на 12. Но на слѣдующей, Святой, недѣлѣ мой домъ откроется (для публики) баломъ и ужиномъ. Будетъ 150 гостей, въ томъ числѣ 45 дамъ и дѣвицъ.“

„Вчера, въ Великій Четвергъ, продолжаетъ онъ, я былъ въ церкви, въ прежней іезуитской, и видѣлъ церемонію омовенія ногъ, совершаемую епископомъ. Многаго не доставало, чтобъ эта церемонія была такая же трогательная какою я видалъ ее въ Новгородѣ и Твери. Церковь очень красива, но много суетныхъ украшеній. Я сидѣлъ на стулѣ и читалъ нѣкоторыя молитвы по польской книжкѣ, которую очень хорошо понималъ. Но тамъ я схватилъ насморкъ. Вотъ уже три дня какъ все здѣсь покрылось снѣгомъ, и онъ только сегодня утромъ началъ таять. Варшавскій климатъ замѣтно отличается отъ здѣшняго; можно подумать, что мы переѣхали на сто миль сѣвернѣе.“

Сиверсъ нашелъ коронную конфедерацію въ состояніи анархіи. Она была безъ руководителя, то-есть безъ маршала. Когда не оставалось уже никакого сомнѣнія въ новомъ раздѣлѣ Польши, и Щенсный-Потоцкій увидалъ въ себѣ только слѣпое орудіе екатерининской политики, онъ „почувствовалъ угрызеніе совѣсти“, и рѣшился устранить себя отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ послѣдовалъ примѣру Браницкаго. Императрица изъявила согласіе на его прибытіе въ Петербургъ и сообщила о томъ Сиверсу. Она

замѣтила въ письмѣ къ послѣднему, что дальнѣйшее пребываніе Потоцкаго въ Гроднѣ было уже безполезно для русскаго дѣла, а для самого Потоцкаго оно могло сдѣлаться предосудительно. Но оставалось еще побѣдить сопротивленіе самой коронной конфедераціи, которая не хотѣла отпустить своего маршала. Она уступила только рѣшительному приказанію, присланному изъ Петербурга. Отъѣздъ маршала, впрочемъ, облеченъ былъ въ благовидныя формы: онъ отправился въ Петербургъ посломъ отъ генеральной конфедераціи съ весьма важными порученіями. Ему предписано: вопервыхъ, личными переговорами съ ея величествомъ постановить условія, на которыхъ могъ быть упроченъ продолжительный союзъ двухъ націй; вовторыхъ, заявить, что генеральная конфедерація связана торжественною клятвой сохранять цѣлость владѣній республики, и потому въ договоръ не можетъ быть включено ничего такого, чтò бы нарушало эту клятву. Всѣ подобныя заявленія, разумѣется, не производили никакого дѣйствія въ Петербургѣ; впрочемъ Потоцкій былъ весьма ласково принятъ при дворѣ, и получилъ много лестныхъ, хотя и неопредѣленныхъ обѣщаній. Около того же времени и великій маршалъ литовской конфедераціи, Александръ Сапѣга, по причинѣ болѣзни, также оставилъ Гродно, и удалился въ свои помѣстья, гдѣ вскорѣ потомъ умеръ. Возникъ вопросъ, кого поставить теперь во главѣ Тарговицы?

Въ средѣ коронной конфедераціи оставался еще одинъ изъ ея основателей, Ржевускій. Но его непослѣдовательность, безпокойный нравъ и ограниченность хорошо были извѣстны, и не трудно было предвидѣть, что его пребываніе въ Гроднѣ также не будетъ продолжительно. Вниманіе Екатерины остановилось на бывшемъ воеводѣ серадзскомъ, Михаилѣ Валевскомъ. Когда-то Валевскій принадлежалъ къ Барской конфедераціи; но во время Четырехлѣтняго сейма онъ былъ тайнымъ сторонникомъ Россіи; а когда образовалась Тарговицкая конфедерація, Валевскій сложилъ съ себя званіе воеводы и выступилъ конфедератскимъ маршаломъ Краковскаго воеводства. Когда Сиверсъ прибылъ въ Гродно, коронная конфедерація занята была вопросомъ о выборѣ маршала, и члены ея никакъ не могли между собою согласиться, хотя все ихъ наличное число не превышало 15 человѣкъ. Валевскій находился въ отсутствіи и обѣщалъ пріѣхать только въ концѣ Святой недѣли. До прибытія его Сиверсъ,

послѣ многихъ хлопотъ, уговорилъ выбрать временнымъ маршаломъ Антонія Пулавскаго. Болѣе уступчивости и покорности оказывала литовская конфедерація, душою которой были Масальскій, епископъ виленскій, и Коссаковскій, епископъ ливонскій; официальнымъ ея главою послѣ удаленія Сапѣги остался вице-маршалъ Забѣлло.

Какимъ способомъ поддерживалось усердіе русскихъ сторонниковъ, видно изъ одного донесенія Сиверса. При отъѣздѣ изъ Варшавы онъ далъ коменданту столицы, Ожаровскому, 500 дукатовъ за мѣсяцъ впередъ, и обѣщалъ давать по стольку же на будущее время, если онъ того заслужитъ. Вице-маршалу Забѣлло далъ 1.000 дукатовъ съ тѣмъ же обѣщаніемъ. Столько же онъ предполагалъ дать епископу Коссаковскому и тому кто будетъ избранъ маршаломъ коронной конфедераціи. Кромѣ пенсій, русскій посолъ долженъ былъ доставлять нашимъ сторонникамъ еще разныя доходныя должности и синекуры. Такъ, по его требованію, король передалъ Ожаровскому начальство надъ своею пѣшею гвардіей, которое принадлежало прежде Іосифу Понятовскому. Заболѣлъ епископъ познанскій, и Сиверсъ спѣшитъ предупредить короля, чтобъ онъ устранилъ всѣ искательства на это мѣсто; такъ какъ ея величество желаетъ, чтобы коадюторомъ умирающаго епископа назначенъ былъ одинъ изъ родственниковъ надворнаго маршала Рачинскаго. Чтобы поощрить еще болѣе епископа Коссаковскаго и „оживить умы которые начинаютъ падать“ (какъ выражается депеша 20го марта), Сиверсъ совѣтуетъ обезпечить за нимъ 300.000 злотыхъ въ годъ изъ доходовъ Краковскаго епископства (конфискованныхъ Четырехлѣтнимъ сеймомъ). А безпокойнаго Ржевускаго онъ предлагаетъ императрицѣ успокоить парою староствъ, которыхъ тотъ добивается, кромѣ двухъ другихъ обѣщанныхъ ему прежде.

Вопросъ объ отъѣздѣ короля изъ Варшавы все еще былъ на первомъ планѣ для русскаго посла. Мы видимъ его въ дѣятельной перепискѣ съ королемъ и Игельштромомъ: первому онъ постоянно напоминаетъ о его обѣщаніи выѣхать 4го апрѣля; а втораго побуждаетъ непремѣнно настаивать на отъѣздѣ въ данный срокъ. „Если король“, пишетъ онъ Игельштрому, „начнетъ отговариваться болѣзнію, или страхомъ предъ варшавскою чернью, въ такомъ случаѣ поручаю вамъ, именемъ императрицы и согласно съ моимъ полномочіемъ,

сообщить ему на частной аудіенціи, что онъ навлечетъ гнѣвъ ея величества на себя и на всю свою фамилію; что онъ не получитъ обѣщанныхъ ему 20.000 дукатовъ и не долженъ расчитывать ни на какую дальнѣйшую поддержку; мало того, доходы его будутъ остановлены, о проектѣ уплаты его долговъ нечего и думать болѣе, а дѣла республики будутъ приведены къ окончанію въ Гроднѣ безъ его содѣйствія.

„На случай страха передъ бунтомъ вы можете его увѣрить что не только полки генерала Ожаровскаго, но и войска состоящія подъ вашимъ начальствомъ, всего до 15.000 человѣкъ, могутъ быть поставлены подъ ружье, а на всѣхъ площадяхъ выставлены пушки, и никто не посмѣетъ сдѣлать какое-либо движеніе. Для бо́льшаго успокоенія, вы можете сообщить роднымъ короля, что еще новые кавалерійскіе полки двинуты къ Варшавѣ (для охраненія его во время пути). Если король будетъ отговариваться болѣзнію, то я совѣтую познакомиться съ его лейбъ-медикомъ и вручить послѣднему подарокъ въ 250 дукатовъ.

„Когда король пришлетъ къ вамъ за чѣмъ-нибудь своего частнаго секретаря, то упомяните мимоходомъ что 20.000 дукатовъ уже находятся у васъ въ рукахъ; такъ какъ онъ не преминетъ сообщить о томъ королю и примасу. Въ случаяхъ неважныхъ надобно дѣлать ему всевозможныя уступки, ибо король очень дорожитъ мелочами. Прилагаю здѣсь вексель на банкира Мейснера; по немъ онъ уплатитъ королю 10.000 дукатовъ. Этотъ вексель надобно при случаѣ показать.“

Игельштромъ съ своей стороны сообщалъ Сиверсу слѣдующее:

„Здѣсь, и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ расположены мои отряды, все спокойно. Король готовъ къ отъѣзду, и навѣрно четвертаго или по крайней мѣрѣ пятаго числа отсюда выѣдетъ. Онъ отправится на собственныхъ лошадяхъ и будетъ дѣлать только отъ трехъ до четырехъ миль въ день. Онъ уже послалъ людей чтобы приготовить ночлеги. Во всемъ этомъ меня завѣряли секретарь Фризе, Кинскій, министры и разныя лица изъ прекраснаго пола. Вслѣдствіе этихъ завѣреній я не могъ отказать королю въ 5.000 дукатахъ, которые нужны ему на предварительныя издержки для путешествія. Онъ обѣщалъ не присылать ко мнѣ за деньгами пока не выѣдетъ; но, я думаю, до тѣхъ поръ придется еще выдать ему тысячи

двѣ дукатовъ. Г. Литльпажъ, котораго рекомендую вамъ съ самой лучшей стороны, принадлежитъ совершенно нашей системѣ. Посредствомъ своего вліянія на короля, онъ добился у него признанія въ томъ, что король навѣрное подпишетъ трактатъ о раздѣлѣ. Тайну эту онъ довѣрилъ только ему одному, а въ кругу своихъ родственниковъ и друзей онъ постоянно твердитъ что не подпишетъ трактата. Король того мнѣнія что онъ долженъ быть заодно съ націей; а такъ какъ большинство голосовъ выражаетъ націю, то чести его не будетъ противно подписать то чего хочетъ нація.“

Въ томъ же письмѣ къ Сиверсу Игельштромъ говоритъ о войскахъ, занимавшихъ Гродно и его окрестности. „Весь Гродненскій корпусъ находится въ вашемъ распоряженіи. Приказывайте, ваше превосходительство, все что̀ вы сочтете нужнымъ и полезнымъ. Я усердно прошу васъ о томъ. Ваши приказанія будутъ вмѣстѣ и мои. Я и вы составляемъ одно. Еще до отъѣзда вашего отсюда я далъ генералу Раутенфельду приказъ, который онъ, конечно, сообщилъ генералу Дунину, чтобы приготовить кантониръ-квартиры для всего Гродненскаго корпуса и всѣ повелѣнія вашего превосходительства исполнять самымъ точнымъ образомъ. Гренадерамъ я велѣлъ выйти изъ Гродна, и на ихъ мѣсто перевелъ четыре роты егерей, чтобы полковой обозъ, казначейство, лазаретъ и пр. не загромождали города. Ко времени сейма явится большая нужда въ квартирахъ, и вы, благодѣтель мой, должны будете озаботиться помѣщеніемъ не только для господъ, но и для ихъ служителей. Къ этому времени пусть въ городѣ останутся только солдаты находящіеся подъ ружьемъ, и только въ томъ числѣ какое вы, мой благодѣтель, сочтете нужнымъ. Относительно провіанта, повѣрьте мнѣ что это только интриги Дунина, будто его нѣтъ на мѣстѣ. Онъ всегда поступалъ такъ съ Каховскимъ, чтобы дать полкамъ поводъ къ воровству; а теперь пробуетъ то же со мной. Около Гродна собрано большое количество провіанта, который уже весь принадлежитъ нашимъ магазинамъ, и надобно только его доставить.“

Три дня спустя Игельштромъ пишетъ опять Сиверсу: „Король поѣдетъ, и я имѣю честь послать вамъ его маршрутъ. Хочу отправить съ нимъ моего дежурнаго подполковника. Онъ будетъ сопровождать короля до Гродна, подъ

предлогомъ отклонять отъ него всѣ обременательныя почести со стороны русскихъ войскъ; но моя главная цѣль—знать обо всемъ чтò можетъ случиться во время этого путешествія. Подполковникъ имѣетъ приказаніе доносить и мнѣ, и вашему превосходительству о каждомъ днѣ пути." Наконецъ въ назначенный срокъ, то-есть 4го апрѣля (23го марта), Игельштромъ увѣдомляетъ: „Сегодня, въ 11 часовъ утра, король выѣхалъ. Все спокойно. Вице-канцлеръ Хребтовичъ хочетъ ѣхать надняхъ; Мнишекъ послѣ завтра; канцлеръ Малаховскій увѣряетъ что онъ поѣдетъ, но не опредѣляетъ дня. Рачинскій поправился, но говоритъ, что онъ слишкомъ еще слабъ чтобы выѣхать ранѣе 15го числа новаго стиля."

На слѣдующій день Игельштромъ продолжалъ свои сообщенія: „Бѣлинскій не взялъ 500 дукатовъ, потому что этого слишкомъ мало. Онъ клянется что исполненъ къ намъ рвенія и готовъ сдѣлать все чтò желаютъ; но долги препятствуютъ его отъѣзду. Если онъ необходимъ, какъ увѣряютъ его друзья, надобно ему прибавить и пообѣщать награды на счетъ республики." Спустя нѣсколько дней: „Я спрашивалъ Декаше (австрійскаго посла въ Варшавѣ), говорилъ ли онъ такія слова, которыя могутъ возбудить подозрѣніе въ томъ, что дворъ его расходится съ нами и противится раздѣлу. Онъ клялся мнѣ, что никогда не говорилъ ничего подобнаго и что, напротивъ, онъ имѣетъ повелѣніе твердо держаться вмѣстѣ съ нами и ни въ чемъ намъ не мѣшать. Сегодня онъ получилъ отъ Тугута извѣстіе, что послѣдній замѣнилъ въ министерствѣ Кобенцеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе ни въ чемъ отъ насъ не отдѣляться." Но эти завѣренія австрійскаго посла, какъ увидимъ въ послѣдствіи, были далеко неискренни.

Съ наступленіемъ Свѣтлой Недѣли начались въ Гроднѣ пиры и удовольствія. На второй день праздника русскій посолъ давалъ тотъ балъ о которомъ онъ заранѣе извѣщалъ свою старшую дочь. „Было 44 дамы", пишетъ онъ младшей дочери (Луизѣ Икскуль), „нѣсколько старухъ, нѣсколько помѣщицъ, много красивыхъ дѣвицъ и женщинъ. Онѣ казались очень довольны, много танцовали и еще болѣе удивлялись великолѣпію ужина на 50 приборовъ. Послѣ ужина балъ продолжался; но около полуночи всѣ разошлись. Я протанцовалъ нѣсколько полонезовъ, и гости были такъ любезны, что нашли во мнѣ хорошаго танцора. Между прочимъ была графиня Потоцкая, которая съ чрезвычайною

пріятностію танцовала казачка; англезы шли плохо, а менуетъ совсѣмъ не танцовали. Въ воскресенье я буду давать второй балъ; комнаты мои имѣютъ тотъ недостатокъ что очень низки, и потому очень жарки.“

Въ воскресенье, 7го апрѣля, Сиверсъ продолжаетъ: „Вообрази себѣ мои занятія и мои хлопоты. Вчера вечеромъ я отправилъ трехъ курьеровъ, а сегодня утромъ двухъ. Въ пятницу я давалъ обѣдъ на 50 приборовъ. Къ двумъ часамъ обѣдъ былъ уже готовъ, а господа эти только въ $5^1/_2$ часовъ пришли изъ засѣданія. Представь себѣ каково было мнѣ ждать. У меня почти сдѣлалась лихорадка, что однако не помѣшало мнѣ отобѣдать у прусскаго министра и отправить своихъ курьеровъ. Сегодня большой обѣдъ у князя Масальскаго, виленскаго епископа, а вечеромъ балъ у меня для всего города. Въ эту минуту я растянулся на постели въ своемъ шитомъ золотомъ платьѣ, чтобы собраться съ силами для предстоящаго бала.“ Но главный интересъ этого письма заключается въ слѣдующей припискѣ:

„Нынѣшній день, моя дорогая Лизета, будетъ знаменитъ въ лѣтописяхъ Польши, Россіи и Пруссіи. Сегодня будетъ объявлено новое раздѣленіе Польши: съ русской стороны въ провинціяхъ занятыхъ войсками Кречетникова, а съ прусской въ той части Великой Польши, которую занимаютъ войска Мёллендорфа. Такъ какъ ты любишь землевѣдѣніе, то я хочу тебѣ прочесть лекцію. Возьми карту Польши и отыщи конецъ Курляндіи, гдѣ ты найдешь городокъ Друю; оттуда иди прямо внизъ и, пальца на три въ ширину, найдешь Нарочъ и немного вправо Дуброву; далѣе иди вдоль границы Минскаго воеводства до мѣстечка Столпцы и потомъ до Несвижа; затѣмъ немного влѣво до Пинска; отсюда, на два твоихъ пальца длины, оставляя вправѣ Острогъ, Куновъ, равно и Заславль, иди немного внизъ до Ямполя, а потомъ еще немного до Вышегородка и Новой Гребли, которая стоитъ на границѣ Галиціи. Иди по маленькой рѣчкѣ внизъ до Днѣстра, потомъ Днѣстромъ до Ягорлыка, гдѣ начинается новая граница Россіи съ Турціей. Все что лежитъ направо отходитъ къ Россіи и образуетъ три новыя губерніи, исключая нѣкоторыхъ отрѣзанныхъ кусковъ, которые будутъ прибавлены къ губерніямъ Полоцкой, Могилевской, Черниговской и Кіевской.

„Обратимся теперь къ другой сторонѣ. Пруссія беретъ во владѣніе начиная отъ города Сольдау, направо отъ Торна въ Старой Пруссіи. Иди теперь внизъ до мѣста называемаго Вышгородъ, на Вислѣ; веди пальцемъ внизъ до Равы; потомъ отыщи пониже влѣво, подлѣ Силезіи, городъ Ченстоховъ, гдѣ находится чудотворный образъ Богородицы. Все чтò лежитъ налѣво отъ этой линіи отходитъ къ Пруссіи. Прилагаю при этомъ отпечатанную декларацію, которую я, вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ, въ слѣдующій вторникъ, 29го марта (9го апрѣля), передамъ генеральной конфедераціи.

„Итакъ вотъ тебѣ великая новость, ради которой я покинулъ свое уединеніе. Пріобрѣтеніе это представляетъ неизмѣримыя выгоды для Россіи, потому что Кіевская земля, Подолія и Волынь суть превосходныя провинціи, чрезвычайно плодородныя и съ очень мягкимъ климатомъ.“

III.

Русско-прусская декларація о новомъ раздѣлѣ.—Валевскій.—Прибытіе короля.—Изданіе универсаловъ.

17го февраля произошелъ размѣнъ ратификацій между дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ по январскому договору о раздѣлѣ Польши. Недѣли двѣ спустя, Сиверсъ получилъ изъ Петербурга копію съ этого договора и декларацію, которую онъ 29го марта (9го апрѣля) долженъ былъ, вмѣстѣ со своимъ прусскимъ товарищемъ Бухгольцемъ, представить польскому правительству. Этой декларацiи предшествовало дѣйствительное занятіе областей присоединяемыхъ къ Россіи. Послѣднее поручено было генералъ-аншефу Кречетникову, которому предписано окончить занятіе къ 27му марта, и въ этотъ день обнародовать манифестъ къ жителямъ вновь присоединенныхъ провинцій, приглашая ихъ принести присягу на вѣрность россійской императрицѣ. * Подобный же

* См. манифестъ 27го марта 1793 года о присоединеніи польскихъ областей къ Россіи. *П. С. З.*, № 17.108; потомъ указъ сенату 23го апрѣля объ учрежденіи трехъ новыхъ губерній: Минской, Изяславской и Брацлавской, № 17.112, и указъ синоду 13го апрѣля объ учрежденіи православной епархіи во вновь пріобрѣтенныхъ обла-

манифестъ и въ тотъ же день генералъ Мёллендорфъ долженъ былъ обнародовать въ провинціяхъ отходившихъ къ Пруссіи.

Слѣдовательно, время разчитано такимъ образомъ, чтобы на третій день послѣ обнародованія манифестовъ подана была упомянутая выше русско-прусская декларація. Вотъ ея содержаніе:

Тарговицкая конфедерація, долженствовавшая возстановить порядокъ и спокойствіе въ республикѣ, только съ помощію войскъ ея императорскаго величества могла проложить дорогу къ водворенію своей законной власти. Виновники революціи 3го мая и ихъ приверженцы уступили только силѣ оружія, но послѣ того они предались тайнымъ козням. Потерпѣвъ неудачу у сосѣднихъ кабинетовъ, они начали возбуждать народъ противъ Русскихъ, внушать къ нимъ ненависть и даже угрожать имъ Сицилійскою вечерней. Императрица въ теченіе 30 лѣтъ привыкла бороться съ постоянными неустройствами республики и уповаетъ на средства ввѣренныя ей Провидѣніемъ, чтобъ обуздывать злонамѣренныхъ; она продолжала бы и теперь употреблять безкорыстныя усилія противъ всѣхъ этихъ козней, еслибы не встрѣтились обстоятельства возвѣщающія о болѣе великихъ опасностяхъ. Непонятное заблужденіе націи (французской), нѣкогда столь

стяхъ, № 17.118. Манифестъ 27го марта начинается указаніемъ на долгія, безплодныя старанія императрицы сохранить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой тишину и вольности, въ особенности на ея соболѣзнованіе о притѣсненіяхъ, которымъ подвергаются земли и города населенные жителями намъ единоплеменными и единовѣрными. Сверхъ того, Поляки вошли въ сношенія съ безбожными французскими бунтовщиками и хотятъ имъ подражать. Въ силу этихъ причинъ ея императорское величество, чтобы вознаградить себя за многіе убытки и предохранить безопасность Россійской имперіи, а равно и самихъ польскихъ областей, соизволяетъ на вѣчныя времена присоединить къ своей державѣ земли заключающіяся въ нижеописанной чертѣ (слѣдуетъ обозначеніе новой границы). Всѣмъ жителямъ подтверждаются полная свобода ихъ вѣроисповѣданія и безопасное владѣніе ихъ имуществомъ. Всѣ и каждый, начиная съ знатнѣйшаго дворянства, должны принести присягу въ вѣрности. Если кто, владѣющій недвижимымъ имѣніемъ, не захочетъ присягать, тому дозволяется продать свое имѣніе и выѣхать заграницу въ трехмѣсячный срокъ. Еврейскія общества оставляются при всѣхъ тѣхъ „свободахъ“ которыми пользуются.

цвѣтущей, теперь униженной, раздираемой и находящейся на краю пропасти, это заблужденіе, вмѣсто того, чтобы послужить предметомъ ужаса для безпокойныхъ (польскихъ) умовъ; напротивъ, показалось имъ предметомъ достойнымъ подражанія. Они усиливаются водворить въ республикѣ тѣ же адскія ученія, которыя безбожная, нечестивая и безумная секта изобрѣла для разрушенія всѣхъ началъ религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Въ столицѣ и во многихъ провинціяхъ Польши уже образовались клубы, которые вступили въ братство съ парижскими якобинцами; они распространяютъ свой ядъ втайнѣ и производятъ броженіе въ умахъ. Столь опасный очагъ естественно возбудилъ вниманіе сосѣднихъ державъ; онѣ сообща обсудили средства задушить зло въ самомъ зародышѣ и предохранить отъ заразы собственныя границы. Ея величество императрица Всероссійская и его величество король Прусскій, по соглашенію съ его величествомъ императоромъ Римскимъ, признали самою дѣйствительною мѣрой: заключить Польскую республику въ болѣе тѣсныя границы, чтобъ облегчить ей возможность имѣть мудрое и хорошо устроенное правительство, которое было бы въ состояніи обуздать безпорядки и партіи, столь часто нарушавшія спокойствіе республики и ея сосѣдей. Итакъ русская императрица и прусскій король берутъ въ свое владѣніе часть польскихъ провинцій, и приглашаютъ Польскую націю созвать сеймъ чтобы принять мѣры необходимыя для обезпеченія республикѣ прочнаго мира.*

Вмѣстѣ съ этою декларацією вице-канцлеръ препроводилъ Сиверсу слѣдующія наставленія:

„Вы сами рѣшите, по согласію съ Бухгольцемъ, подавать ли ее въ одномъ экземплярѣ съ общею подписью, или раздѣльно, но съ тѣмъ чтобы содержаніе ея было одинаково и подача одновременна. Также предоставляется на ваше усмотрѣніе: подать ли ее прямо генеральной конфедераціи, или посредствомъ министерства, то-есть канцлеровъ короннаго и литовскаго; такъ же, если найдете полезнымъ, предупредите довѣренныя лица (изъ членовъ конфедераціи), чтобъ они помогли успокоить первые взрывы. Хотя это событіе давно ожидаемое, однако первое впечатлѣніе будетъ сильно и живо.

* *Ferrand.* III. 344. *D'Angeberg*, 306. *Korresp. Krajowy y Zagraniczny*, 581.

Крайнія мѣры не страшны; но одна изъ нихъ можетъ произвести непріятное замедленіе: это внезапное распущеніе конфедераціи, сопровождаемое какими-либо формальностями и разъѣздомъ ея членовъ. Вы воспрепятствуете тому всѣми вашими средствами; предупредите что подобная мѣра не можетъ быть допущена, пока не исполнено требованіе заключающееся въ концѣ деклараціи и относящееся къ созванію сейма. Заставивъ ихъ остаться, вы потомъ, вмѣстѣ съ Бухгольцемъ, постарайтесь убѣдить ихъ, чтобъ они добровольно уступили закону необходимости. Вы по очереди представите имъ *надежды*, *опасенія* и *дѣйствительность*. А именно: во-первыхъ, вы будете обѣщать правительство твердое и независимое, устроенное по ихъ вкусу и выбору, выгодную торговлю съ сосѣдями, а также поддержку на случай покушеній извнѣ. Вовторыхъ, вы погрозите имъ продолженіемъ смутъ, секвестрами, конфискаціями, разореніемъ ихъ имуществъ и, можетъ-быть, совершеннымъ уничтоженіемъ Польши, то-есть раздѣломъ ея между сосѣдями. Втретьихъ, обѣщайте должности и староства, которыя могутъ льстить ихъ самолюбію или возбуждать ихъ жадность, сопровождая эти обѣщанія нѣкоторыми подарками. Первою и ближайшею вашей цѣлью будетъ изданіе универсаловъ въ формѣ употребляемой для созванія сейма чрезвычайнаго. Начало его должно быть назначено на первыя числа мая. На сеймикахъ предсеймовыхъ вы употребите все свое вліяніе чтобы выборы пали на людей къ намъ расположенныхъ. Разумѣется, ни универсаловъ, ни выборовъ не должно быть въ провинціяхъ къ намъ отходящихъ. Изъ смѣшанныхъ подданныхъ выбирать по преимуществу тѣхъ, у которыхъ окажутся значительныя имѣнія въ нашихъ предѣлахъ." Инструкція нѣсколько разъ повторяетъ, чтобы Сиверсъ во всемъ дѣйствовалъ согласно съ Бухгольцемъ и съ командующими генералами.

По полученіи этихъ наставленій, русскій посолъ принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить какой-нибудь неожиданный взрывъ со стороны Поляковъ. Гродно и его окрестности оберегались сильными военными отрядами, которые имѣли приказаніе никого не пропускать изъ города безъ особаго паспорта. Кромѣ войскъ Кречетникова, занявшихъ важнѣйшіе пункты во вновь присоединенныхъ провинціяхъ, князь Репнинъ придвинулъ къ сѣвернымъ границамъ Литвы находившіеся въ его распоряженіи полки, чтобы по первому

требованію Сиверса направить ихъ куда онъ укажетъ. Подобныя же военныя мѣры приняты были Пруссаками относительно Великой Польши. Имѣя въ виду приготовить нѣсколько умы къ предстоявшему удару, Сиверсъ, согласно съ петербургскими инструкціями, за нѣсколько дней до подачи декларацiи, сообщилъ о ней тѣмъ вождямъ Тарговицы, на приверженность которыхъ онъ разчитывалъ, а именно: двумъ братьямъ Коссаковскимъ, воеводѣ виленскому князю Радивилу и Валевскому; послѣдній только что прибылъ въ Гродно чтобы занять мѣсто вице-маршала въ коронномъ отдѣлѣ конфедераціи.

Въ назначенный день, то-есть 29го марта (9го апрѣля), Сиверсъ и Бухгольцъ подали одну общую декларацію, съ приложеніемъ отъ каждаго изъ нихъ особой ноты. Несмотря на то что главные члены Тарговицы были предупреждены, впечатлѣніе оказалось довольно сильное. Въ собраніи поднялся шумъ; многіе голоса кричали что ни за что̀ не подпишутъ ни договора о раздѣлѣ, ни универсаловъ о созваніи сейма, потому что, приступая къ Тарговицкой конфедераціи, они присягали никогда не соглашаться на новый раздѣлъ. Къ русскому послу отправлены депутатами оба вице-маршала, Валевскій и Коссаковскій (родственникъ епископа, за отсутствіемъ Забѣлло, временно заступавшій его мѣсто въ литовскомъ отдѣлѣ). Они объявили что генеральная конфедерація какъ прежде, такъ и теперь, основываетъ свою единственную надежду на великодушіи ея императорскаго величества; просили позволенія послать нарочнаго въ Петербургъ къ своему маршалу, графу Потоцкому, и убѣждали не торопить ихъ отвѣтомъ до прибытія короля и министровъ, за которыми пошлютъ курьеровъ. Депутаты эти имѣли приказъ явиться только къ русскому послу, но никакъ не къ прусскому. Сиверсъ отвѣчалъ увѣреніями въ великодушіи императрицы, и совѣтовалъ конфедераціи сохранять осторожность во всемъ что̀ она будетъ постановлять и обнародывать. Потомъ посолъ взялъ карту и провелъ по ней черту новой границы между Польшей и Россіей. Затѣмъ онъ распространился о счастьи, которое ожидаетъ новыхъ подданныхъ ея величества; о будущемъ процвѣтаніи ихъ торговли, при лучшихъ сообщеніяхъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, чѣмъ равно воспользуются и жители Рѣчи Посполитой; о быстрой юстиціи, о службѣ и карьерѣ для мелкихъ и крупныхъ дворянъ. А въ ожиданіи всѣхъ этихъ благъ онъ

предлагалъ имъ заняться универсалами, сеймиками, приготовленіемъ матеріаловъ для сейма и для пересмотра конституціи. Депутаты просили показать имъ на картѣ новыя границы съ Пруссіей. Сиверсъ исполнилъ ихъ желаніе. На ихъ лицахъ выразилось сильное волненіе, особенно казался пораженнымъ Валевскій, прежнее воеводство котораго (Сѣрадзское) отходило къ ненавистнымъ Пруссакамъ.

Вскорѣ по уходѣ депутатовъ явился къ Сиверсу епископъ Коссаковскій, и просилъ передать свою благодарность ея величеству за пожалованную ему часть краковскихъ доходовъ. Но главною цѣлью его посѣщенія былъ, конечно, вопросъ о сеймѣ. Онъ утверждалъ то же что̀ говорили и прочіе его товарищи: конфедерація не можетъ издать универсаловъ о созваніи сейма, потому что связана торжественною присягой не допускать ни малѣйшаго ущерба въ границахъ республики. Умный, ловкій епископъ предложилъ обойти это затрудненіе слѣдующимъ образомъ. Въ основномъ актѣ Тарговицкой конфедераціи заявлено рѣшеніе возстановить въ Рѣчи Посполитой тотъ порядокъ, который былъ ниспровергнутъ конституціей 3го мая. Прежде всего нужно возстановить постоянный совѣтъ (Rada Nieustająca), назначивъ въ него людей самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ; этотъ совѣтъ вмѣстѣ съ королемъ издастъ универсалы; новый сеймъ свяжется въ новую конфедерацію, а Тарговицкая будетъ распущена. Послѣ многихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, Сиверсъ сказалъ епископу что онъ подумаетъ. Поразмысливъ хорошенько и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ не могъ придумать ничего болѣе удобнаго; принялъ планъ Коссаковскаго и сообщилъ о немъ своему двору.

Въ тотъ же день когда подана была декларація, Сиверсъ отправилъ копію съ нея и манифестъ 27го марта въ Бѣлостокъ къ королю; тѣ же документы онъ препроводилъ и въ Варшаву къ великому канцлеру. Для русскаго посланника, какъ писалъ онъ Станиславу-Августу, было очень прискорбно сознаться что печальныя предчувствія его величества о судьбѣ Польши оправдались; тѣмъ не менѣе единственное рѣшеніе, которое оставалось королю, это безусловная преданность волѣ императрицы. Сиверсъ изъявляетъ надежду что король отдохнетъ день или два въ Бѣлостокѣ и поспѣшитъ пріѣхать въ Гродно; онъ прибавлялъ, что самъ хотѣлъ предпринять путешествіе въ Бѣлостокъ чтобы лично сообщить

королю о случившемся; но воспользовался присутствіемъ въ Гроднѣ кавалера Литльпажа, и поручилъ ему отвезти документы.

Получивъ это письмо, Станиславъ-Августъ, вмѣсто того чтобъ ускорить путешествіе, напротивъ, началъ спѣшить еще медленнѣе. Все сопротивленіе его новому раздѣлу Польши имѣло совершенно пассивный характеръ; онъ писалъ Сиверсу жалобныя письма, оттягивалъ свой пріѣздъ и, по удачному сравненію Блума, напоминалъ жертвенное животное, влекомое къ алтарю на закланіе и беспрерывно упиравшееся. Но у русскаго посла былъ магнитъ, который неотразимо притягивалъ къ себѣ короля: это обѣщанныя ему субсидіи. За королемъ слѣдовала большая свита, и онъ почти не имѣлъ средствъ содержать ее; а между тѣмъ тотчасъ по изготовленіи универсаловъ ему обѣщали дать 10,000 дукатовъ, и потомъ въ продолженіе сейма уплатить вдвое противъ того, если онъ будетъ вести себя хорошо, то-есть слушаться во всемъ русскаго посла. Всѣ эти суммы могли только удовлетворять текущимъ расходамъ, и надъ бѣднымъ королемъ продолжали тяготѣть его долги. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія, то-есть возможностью пользоваться новымъ кредитомъ и дѣлать новые долги, представлялась ему коммиссія погашенія, которую русскій посолъ обѣщалъ устроить съ дозволенія императрицы.

Около того времени Сиверсъ простудился и получилъ сильный насморкъ при лихорадочномъ состояніи; такимъ образомъ онъ не могъ лично отправиться въ Бѣлостокъ для свиданія съ королемъ, о чемъ заранѣе было условлено между ними. А между тѣмъ король не двигался далѣе; на приглашеніе подписать декретъ о возстановленіи постояннаго совѣта и универсалы о созваніи сеймиковъ, Станиславъ-Августъ отвѣчалъ что это можетъ сдѣлать только генеральная конфедерація, которая теперь совмѣщаетъ въ себѣ все правительство. Въ Бѣлостокѣ, конечно, уже получили свѣдѣніе о томъ что русскій посолъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе со стороны самой генеральной конфедераціи, въ лицѣ только что выбраннаго по его указанію вице-маршала Валевскаго. Послѣдній обманулъ возлагаемыя на него надежды: послѣ декларации 29го марта онъ вдругъ явился жаркимъ патріотомъ, и въ засѣданіяхъ конфедераціи горячо протестовалъ противъ новаго раздѣла Польши. Хотя его поддерживали немногіе изъ

товарищей, и гораздо многочисленнѣйшій литовскій отдѣлъ, руководимый епископомъ Коссаковскимъ, готовъ былъ дать благопріятный отвѣтъ на русско-прусскую декларацію, но отвѣтъ этотъ не могъ состояться безъ согласія съ коронныйъ отдѣломъ и безъ подписи его вице-маршала.

Тщетно Сиверсъ нѣсколько разъ призывалъ Валевскаго и пытался его уговорить. Вице-маршалъ не только не уступалъ, но и подалъ лично отъ себя письменную протестацію. Тогда Сиверсъ прибѣгъ къ мѣрамъ устрашенія и объявилъ слѣдующее: 1) онъ хотѣлъ уже для облегченія жителей удалить изъ окрестностей Гродна русскія войска, но теперь оставляетъ ихъ до тѣхъ поръ пока будутъ выданы универсалы о сеймѣ; 2) онъ посовѣтовалъ Игельштрому не производить уплаты воеводствамъ за провіантъ, также до того времени пока не появятся универсалы; 3) онъ велитъ задерживать суда идущія внизъ по Вислѣ и Нѣману чтобы русская армія не нуждалась въ припасахъ, если безполезныя замедленія принудятъ держать ее въ Польшѣ долгое время, и 4) онъ отдастъ приказъ обезоружить польскія войска, находящіяся въ русскомъ кордонѣ. Мѣры эти произвели надлежащее дѣйствіе. Конфедерація, вмѣсто пассивнаго ожиданія короля, рѣшила послать къ нему депутатовъ съ просьбой поспѣшить въ Гродно и не оставить ее своими совѣтами. Депутація состояла изъ четырехъ лицъ: вопервыхъ, епископъ Коссаковскій, вполнѣ намъ преданный, потомъ подскарбій Дзѣконскій, другъ короля и человѣкъ двусмысленный въ дѣлѣ политики (portant le manteau sur les deux epaules, какъ выразился о немъ Сиверсъ); два остальные члена депутаціи, князь Четвертинскій и Пясковскій, принадлежали къ нашимъ противникамъ. Русскій посолъ отправилъ къ королю курьера съ письмомъ, въ которомъ предупреждалъ его о депутаціи, рекомендовалъ Коссаковскаго какъ человѣка лучше другихъ понимающаго обстоятельства, и совѣтовалъ не обращать вниманія на слова трехъ остальныхъ депутатовъ. Все это, конечно, сопровождалось убѣжденіями ускорить свой пріѣздъ въ Гродно, а въ перспективѣ показывался вопросъ о погашеніи королевскихъ долговъ.

Между тѣмъ Валевскій не уступалъ, и прислалъ Сиверсу французскій переводъ своей протестаціи. Тотъ назначилъ ему свиданіе, въ присутствіи Анквича, Іозефовича и Забѣлло. Разговоръ продолжался цѣлые полтора часа; но ни постой

войскъ, обременяющій жителей, ни задержка платежей за съѣстные припасы, ни остановка судовъ на Нѣманѣ и Вислѣ — ничто не тронуло Валевскаго. Когда же посолъ объявилъ, что наканунѣ вечеромъ онъ послалъ курьера къ генералу Кречетникову съ приглашеніемъ секвестровать имѣнія Валевскаго, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, глаза послѣдняго налились слезами. Окончательнымъ ударомъ для него было сообщеніе о томъ что Пруссаки приготовляются занять воеводства Краковское и Сендомирское, если польскія войска не перестанутъ завязывать дѣло съ ихъ пикетами; въ этихъ воеводствахъ у Валевскаго были земли. Онъ попросилъ сроку два или три дня, то-есть до прибытія короля и министровъ. Сиверсъ возразилъ что ни король, ни министры не имѣютъ съ нимъ ничего общаго въ этомъ дѣлѣ, и затѣмъ спросилъ допуститъ ли онъ голосованіе. Валевскій отвѣчалъ отрицательно. А подпишетъ ли онъ, какъ вицемаршалъ, если это сдѣлаютъ противъ его воли? И снова отрицаніе. Тогда посолъ прекратилъ разговоръ, давъ сроку Валевскому подумать до слѣдующаго дня.

Переговоривъ послѣ того съ нѣкоторыми преданными лицами, Сиверсъ отправилъ къ Валевскому свои два вопроса на бумагѣ, требуя на нихъ письменнаго отвѣта. Такъ какъ отвѣтъ опять былъ отрицательный, и примѣру Валевскаго послѣдовалъ Ржевускій, который тоже выступилъ съ протестаціей, то Сиверсъ поспѣшилъ подать конфедераціи грозную ноту отъ 9го (20го) апрѣля: онъ предупреждалъ что впредь имѣнія тѣхъ членовъ, которые позволятъ себѣ выдавать протесты, будутъ подвергаемы секвестру, и требовалъ чтобы маршальскій жезлъ былъ отнятъ у Валевскаго и переданъ его предшественнику (то-есть Пулавскому). Въ то же время русскій посолъ подалъ другую ноту, съ требованіемъ секвестровать имѣнія эмигрантовъ, чтобъ отнять у нихъ средства поддерживать интриги и составлять заговоры въ Лейпцигѣ, Вѣнѣ и Парижѣ.

Въ этотъ день на засѣданіи конфедераціи происходили сильные споры по вопросу о возстановленіи постояннаго совѣта, которому особенно противился Валевскій. Ноты поданныя русскимъ посланникомъ усилили раздоръ еще болѣе. Тогда весь литовскій отдѣлъ и пять членовъ короннаго съ прежнимъ вице-маршаломъ Пулавскимъ вышли, оставивъ Валевскаго съ одиннадцатью противными членами, и отправились въ

монастырь экс-iезуитовъ, гдѣ открыли отдѣльное засѣданiе. * На засѣданiи слѣдующаго дня состоялся приговоръ о возстановленiи постояннаго совѣта и о замѣнѣ его отсутствовавшихъ и умершихъ членовъ новыми. Валевскiй удалился изъ Гродна; въ послѣдствiи онъ, однако, принесъ присягу на русское подданство, и тогда Сиверсъ велѣлъ снять секвестръ съ его имѣнiй.

Между тѣмъ король все еще медлилъ въ Бѣлостокѣ. Четыре депутата, отряженные къ нему генеральною конфедерацiей, воротились съ отвѣтомъ что онъ прiѣдетъ 21го апрѣля. Вслѣдъ за ними явились коронный конюшiй Кицкiй и секретарь Фризе съ порученiемъ осмотрѣть, все ли готово въ гродненскомъ за́мкѣ для принятiя его величества. Фризе при этомъ вручилъ Сиверсу королевское посланiе. Станиславъ-Августъ писалъ, что хотя онъ и обѣщалъ прибыть въ Гродно 21го числа, но чѣмъ болѣе обдумываетъ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе колеблется; въ заключенiе король проситъ увѣдомить, не находитъ ли русскiй посолъ за лучшее чтобъ онъ оставался пока въ Бѣлостокѣ, такъ какъ это обстоятельство нисколько не помѣшаетъ возстановленiю постояннаго совѣта. Сиверсъ отвѣчалъ на это длиннымъ письмомъ (6го (17го) апрѣля), въ которомъ употребилъ всѣ средства побудить короля къ неотлагательному прибытiю въ Гродно. Онъ соглашался даже, чтобы король прiѣхалъ только для открытiя засѣданiй постояннаго совѣта и для подписи универсаловъ; послѣ чего онъ опять можетъ удалиться въ Бѣлостокъ и оставаться тамъ до созванiя сейма.

Кицкiй и Фризе, съ своей стороны, придумывали разные способы, чтобы дать королю благовидный предлогъ для дальнѣйшей отсрочки. Они объявили что въ за́мкѣ нужно еще многое привести въ порядокъ для принятiя его величества, что его спальня только наканунѣ выкрашена, что дороги все еще дурны отъ весенней распутицы, и т. п. Наконецъ послу сообщили что изъ 20.000 дукатовъ, полученныхъ королемъ на путешествiе въ Гродно, у него оставалась только одна

* Огинскiй разказываетъ иначе: по его словамъ, Валевскiй въ это засѣданiе положилъ свой маршальскiй жезлъ и покинулъ залу, торжественно протестуя противъ всякаго плана который грозитъ независимости и цѣлости Польши (2я кн., 4я гл.). Баумъ повторяетъ то же съ приведенiемъ патетической рѣчи Валевскаго (III, 191). Мы держимся донесенiй Сиверса.

тысяча. „Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Сиверсъ, это сдѣлаетъ его уступчивѣй."

Всѣ эти проволочки и множество мелкихъ непріятностей причиняемыхъ русскому послу замѣтно начали выводить его изъ терпѣнія. Вотъ что̀ писалъ онъ своей младшей дочери 7го (18го) апрѣля: „Въ самомъ дѣлѣ, моя милая, ты справедливо думаешь что Гродно для меня еще хуже чѣмъ Варшава. У этихъ Поляковъ существуетъ невѣроятная смѣсь пороковъ и добродѣтелей. Одни прячутся, а другіе нагло выступаютъ впередъ, и именно съ послѣдними мнѣ приходится имѣть дѣло." Говоря о своемъ нездоровьѣ, онъ прибавляетъ: „Обѣщаю щадить себя для васъ; но какъ скоро приходится мнѣ бороться противъ укоренившихся здѣсь золъ, особенно противъ слабаго, несчастнаго короля, то я легко разгорячаюсь. Не далѣе какъ сегодня вечеромъ имѣлъ я продолжительный разговоръ съ однимъ епископомъ и тремя членами конфедераціи. Они усильно просили объ одномъ предметѣ, и чтобы тронуть меня, сказали: „Вы сами отецъ, „можете ли вы намъ отказать?" „Да, отвѣчалъ я,—я отецъ, „но добрыхъ, умныхъ дѣтей, и дѣлаю то чего они желаютъ; „но вы, вы исполнены интригъ и козней, и думаете что нѣтъ „другой дороги для достиженія цѣли. Чтобъ исправить васъ „я долженъ быть непреклоненъ. Можетъ-быть я кажусь вамъ „жестокъ, но я только справедливъ." Всѣ эти дни они мнѣ сильно досаждали."

Наконецъ, истощивъ всѣ предлоги для замедленія своего путешествія, 10го (21го) апрѣля, въ воскресенье, отслушавъ обѣдню, король выѣхалъ со своимъ дворомъ изъ Бѣлостока. На слѣдующій день, между 2 и 3 часами пополудни, онъ достигъ Гродна. Командующій расположенными здѣсь русскими войсками генералъ-поручикъ Дунинъ, съ генераломъ Раутенфельдомъ и офицерами своего штаба, встрѣтилъ короля на лѣвомъ берегу Нѣмана; полки стоявшіе въ парадѣ отдали королю всѣ военныя почести; артиллерія произвела 51 залпъ. Король переправился черезъ Нѣманъ и прибылъ въ замокъ, гдѣ его ожидали генеральная конфедерація, министры, сенаторы и многія дамы. Магистратъ и еврейская синагога встрѣтили короля еще за городомъ. Русскій посолъ не участвовалъ въ этой встрѣчѣ, потому что страдалъ лихорадкой и кашлемъ.

Не всѣ министры послѣдовали за королемъ въ Гродно.

Канцлеръ Малаховскій, дотолѣ вѣрный сторонникъ Россіи, отказался отъ участія въ послѣднемъ актѣ драмы и сложилъ свое достоинство подъ предлогомъ болѣзни. Точно также отказался отъ своей должности и надворный маршалъ Рачинскій. Это обстоятельство причинило не мало заботъ русскому посланнику. Тщетно онъ уговаривалъ ихъ остаться при своихъ должностяхъ и посылалъ къ нимъ общаго ихъ друга Бокампа. Переговоры не привели почти ни къ чему. Малаховскій совершенно уклонился отъ дальнѣйшей политической дѣятельности; а Рачинскій, который въ самомъ дѣлѣ былъ серіозно боленъ подагрой, согласился присутствовать въ Гроднѣ чтобы помогать Сиверсу своими совѣтами. Когда рѣшенъ былъ вопросъ объ отставкѣ этихъ министровъ, Сиверсъ послалъ курьера въ Варшаву къ Ожаровскому и Мошинскому съ приглашеніемъ немедленно прибыть въ Гродно. Рачинскій, Ожаровскій и Мошинскій должны были составить его тайный совѣтъ по дѣламъ короны, а епископъ Коссаковскій и вице-маршалъ Забѣлло по дѣламъ Литвы.

Послѣ удаленія Браницкаго и Щенснаго-Потоцкаго со сцены дѣйствія, въ Гроднѣ оставался еще третій основатель Тарговицы; это безпокойный Северинъ Ржевускій. Онъ не переставалъ метать громы и молнію противъ новаго раздѣла Польши и, въ качествѣ польнаго гетмана, разсылалъ начальникамъ польскихъ отрядовъ и гарнизоновъ приказы готовиться къ отчаянной оборонѣ противъ Пруссаковъ. Игельштромъ часто извѣщалъ Сиверса о безпокойствахъ, которыя причиняли ему эти приказы. Очевидно Ржевускій, по примѣру двухъ упомянутыхъ товарищей, хотѣлъ устранить отъ себя нареканія по поводу новаго раздѣла; но отступленіе свое старался произвести съ шумомъ и со славой горячаго патріота. А между тѣмъ Сиверсъ долженъ былъ щадить его, потому что императрица взяла подъ свое особое покровительство начальниковъ Тарговицкой конфедераціи. * Относительно Ржевускаго она предписываетъ

* Еще въ февралѣ Ржевускій отправилъ письмо въ Петербургъ въ собственныя руки императрицы: онъ возражалъ противъ слуховъ о раздѣлѣ, описывалъ затруднительное положеніе свое и графа Потоцкаго, и высказывалъ недовѣріе чтобы на то была воля ея величества. „Читано съ насмѣшкой и велѣно Зубову скорѣе заготовить отвѣтъ", замѣтилъ въ своихъ запискахъ Храповицкій.

самый снисходительный образъ дѣйствія. „Если Ржевускій, говорится въ рескриптѣ 22го марта, не считаетъ удобнымъ сохранить свое мѣсто въ конфедераціи при настоящихъ обстоятельствахъ, вы не только облегчите ему средства удалиться, но я сочту удовольствіемъ утѣшить его всѣмъ что̀ не противорѣчитъ принятой мною системѣ.“ Однако горячность Ржевускаго увлекла его въ открытую оппозицію союзнымъ дворамъ и грозила надѣлать имъ не мало затрудненій. Вслѣдъ за Валевскимъ онъ, какъ извѣстно, тоже выступилъ съ протестомъ, который предложилъ внести въ акты конфедераціи и потомъ напечаталъ. Тамъ говорилось, что прежде онъ благословлялъ имя русской императрицы и въ ея покровительствѣ видѣлъ надежную защиту Польши противъ всякаго врага; но декларація 9го апрѣля повергла его въ отчаяніе; онъ торжественно протестуетъ противъ нея, согласно съ присягой, въ силу которой каждый членъ конфедераціи не можетъ согласиться ни на какое уменьшеніе границъ Рѣчи Посполитой. Въ упомянутой выше нотѣ 20го апрѣля Сиверсъ погрозилъ наложить секвестръ и на имѣніе Ржевускаго. Но императрица и послѣ того осталась вѣрна своей политикѣ щадить вождей Тарговицы, и продолжала предписывать своему послу величайшую умѣренность. Она поручаетъ оставить Ржевускому полную свободу дѣйствія и не мѣшать, „если онъ постарается умыть руки въ предстоящемъ событіи всѣми средствами, которыя представляютъ ему обычаи и законы его страны“. Дѣло кончилось тѣмъ что Ржевускій рѣшился уѣхать изъ Гродна; но, по просьбѣ Игельштрома, все еще опасавшагося новыхъ хлопотъ съ этимъ оригиналомъ, Сиверсъ пригласилъ его не поселяться въ Варшавѣ, а также не появляться на предстоящемъ сеймѣ. Изъ посольскаго донесенія отъ 10го мая видимъ что онъ все еще проживалъ въ Гроднѣ, и что онъ былъ внѣ себя отъ досады при извѣстіи о сдачѣ Каменца. Коменданту этой крѣпости, Злотницкому, Ржевускій послалъ приказъ защищаться до послѣдней крайности, а Злотницкій сдалъ ее Русскимъ безъ выстрѣла.

16го (27го) апрѣля послѣдовала наконецъ отвѣтная нота на русско-прусскую декларацію. Оба вице-маршала, Пулавскій и Забѣлло, именемъ генеральной конфедераціи объявляли, что она не имѣетъ средствъ противиться рѣшенію двухъ союзныхъ державъ. Связанная торжественною присягой храни-

цѣлость Рѣчи Посполитой, она устраняетъ себя отъ всякаго участія въ раздѣлѣ Польши и призываетъ членовъ постояннаго совѣта, который еще не отдалъ отчета въ своемъ прежнемъ управленіи; она назначаетъ новыхъ членовъ на мѣсто умершихъ или законнымъ образомъ исключенныхъ изъ совѣта. Этому учрежденію возвращается все его полномочіе, чтобъ удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ Рѣчи Посполитой.* Хотя давно ожидаемый отвѣтъ конфедераціи появился и не совсѣмъ въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ продиктованъ русскимъ посломъ, однако, по его собственному выраженію (въ письмѣ къ Зубову отъ 16го апрѣля), „надобно было нѣсколько уступить ихъ справедливой скорби".

Такимъ образомъ возстановлено было учрежденіе созданное въ 1775 г., навлекшее на себя общую ненависть Поляковъ и устраненное не задолго до революціи 3го мая. При выборѣ новыхъ членовъ постояннаго совѣта, Сиверсъ, какъ онъ выражается въ своей депешѣ, „слѣдовалъ строго правилу не назначать никого изъ лицъ окружающихъ короля". **

Первымъ актомъ постояннаго совѣта было изданіе универсала о созваніи сеймиковъ предсеймовыхъ. Въ этомъ универсалѣ предполагаются извѣстными настоящія обстоятельства Рѣчи Посполитой; въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ постоянный совѣтъ, возобновленный въ силу конституціи 1775 года, не нашелъ ничего лучшаго какъ предложить королю созваніе чрезвычайнаго сейма; поэтому шляхетство приглашается къ 27му мая (нов. ст.) собраться по воевод-

---

* *Korresp. Krajowy y Zagraniczny*, 705.

** Вотъ списокъ членовъ, представленный Сиверсомъ. Старые: епископы плоцкій Шембекъ и жмудскій Гедройцъ, каштеляны Зибергъ, Бернадскій, Липскій, Шидловскій, Повель, Соболевскій, старосты Осияловскій, Шидловскій, пинскій хорунжій Курженецкій, шамбелянъ Янковскій, Дзержбицкій, полковникъ Конарскій, подкоморій ленчицкій Стоковскій, генералъ-майоръ Валевскій и польный литовскій писарь Гелгудъ. Вновь-назначенные: воевода виленскій князь Михаилъ Радивилъ, коронный подскарбій Коссовскій, коронный секретарь Грановскій, хорунжій кременецкій Свѣтославскій, Модзелевскій, Храповицкій, генералъ-поручикъ Забѣлло, подкоморій Юндзилъ, староста мерецкій Іозефовичъ, Швейковскій, Мануцци, Ксаверій Валевскій, экс-каштелянъ Теофилъ Залускій, экс-подстолій Валицкій, шамбелянъ Влодекъ. Маршаломъ совѣта назначенъ Анквичъ, а секретаремъ Тенгоборскій.

ствамъ и повѣтамъ на сеймики для выбора сеймовыхъ пословъ и для снабженія ихъ надлежащими инструкціями. Днемъ открытія сейма назначается 17е іюня, а мѣстомъ для него городъ Гродно. *

Судьбѣ угодно было чтобы день подписи универсаловъ пришелся въ годовщину 3го мая; такое совпаденіе вызвало у короля обильныя слезы. Эти слезы, замѣчаетъ Сиверсъ, „служатъ очевиднымъ доказательствомъ что онъ еще не избавился отъ своихъ заблужденій и что мнѣ предстоитъ еще много труда излѣчить его отъ нихъ“. 23го апрѣля (4го мая) вице-канцлеръ литовскій Хребтовичъ началъ прикладывать печати къ универсаламъ. За нимъ была очередь канцлера короннаго. Послѣ отставки Малаховскаго, Сиверсъ предлагалъ коронную печать четыремъ лицамъ, въ томъ числѣ своему пріятелю графу Мошинскому; но всѣ они отказались; тогда онъ отдалъ ее воеводѣ калишскому князю Сулковскому; хотя всѣ имѣнія его, обремененныя долгами, находились по новому раздѣлу въ предѣлахъ Пруссіи, но онъ былъ извѣстенъ своею преданностію Россіи. Этотъ человѣкъ не выдавался ни положеніемъ своимъ, ни способностями; но изданіе универсаловъ не позволяло откладывать назначеніе канцлера; а между тѣмъ подъ рукою не оказалось никого болѣе пригоднаго.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ донесеній русскій посолъ передаетъ интересный разговоръ съ королемъ по поводу его желанія отречься отъ короны.

„Въ прошлое воскресенье, пишетъ онъ, я обѣдалъ у короля за небольшимъ круглымъ столомъ въ девять приборовъ. Послѣ обѣда онъ позвалъ меня въ кабинетъ, и здѣсь, поговоривъ о многихъ незначительныхъ предметахъ, перешелъ къ своему несносному бремени, то-есть къ долгамъ, а потомъ къ оцѣнкѣ своего положенія въ глазахъ польскаго народа, Европы и потомства. Въ заключеніе онъ изъявилъ рѣшительное желаніе имѣть настолько свободы чтобъ отречься отъ короны. Онъ говорилъ горячо, довольно откровенно, часто со слезами на глазахъ; желалъ только погашенія своихъ долговъ, жестоко его тяготившихъ, и небольшой пожизненной пенсіи. По его словамъ, нашлось бы довольно людей которые охотно примутъ корону изъ рукъ вашего импера-

* *Korresp. Krajowy y Zagraniczny*, 746.

торскаго величества. Наконецъ онъ просилъ меня написать о томъ вашему величеству, или позволить чтобъ онъ самъ написалъ. Я увѣрялъ его что ваше величество не желаете его отреченія, о чемъ довольно ясно дали ему понять въ вашемъ первомъ столь благосклонномъ письмѣ. Онъ сказалъ что вполнѣ это цѣнитъ, и что если не возьметъ короны великій князь Константинъ, который одинъ только могъ бы осчастливить Польшу, то нашлись бы другіе которые охотно примутъ этотъ подарокъ. Онъ тотчасъ назвалъ графа Потоцкаго съ видомъ презрѣнія и ненависти; я отвѣчалъ отрицательно; потомъ упомянулъ принца Виртембергскаго, далѣе графа Артуа, прибавивъ что они не сдѣлаютъ Польшу счастливою.

— А саксонскій курфирстъ, спросилъ я съ нѣкоторымъ лукавствомъ, — развѣ онъ не приметъ короны при настоящемъ положеніи Польши?

— Нѣтъ, было его отвѣтомъ, — онъ принялъ бы ее съ готовностью.

— Но у него нѣтъ сына.

— О! у него есть дочь, которую онъ любитъ и которая будетъ очень богата.

— Я полагаю, отвѣчалъ я съ серіознымъ выраженіемъ лица, — что этотъ государь не пріобрѣлъ расположенія ея императорскаго величества.

Онъ казался озадаченнымъ, немного помолчалъ, и потомъ повторилъ что ему остается только одно—отреченіе, еслибы не несчастные долги! Я отвѣчалъ что, безъ сомнѣнія, ихъ можно погасить при помощи большихъ жертвъ и лишеній съ его стороны.

— Вы возьмете у меня мои столовыя имѣнія?

— Да, государь, вы пожертвуете ими; вѣдь они приносятъ вамъ только половину своего дохода.

— Что̀ же вы мнѣ оставите?

— Пять милліоновъ, можетъ-быть и шесть; изъ нихъ половина пойдетъ на уплату вашихъ долговъ. Могли ли бы вы, ваше величество, жить въ уединеніи на полтора милліона?

Лицо его мгновенно прояснилось.

— Да это 80.000 червонцевъ! Такъ много не нужно даже въ Римѣ или въ Неаполѣ. Ахъ! прибавилъ онъ по-нѣмецки, съ видимымъ волненіемъ простирая ко мнѣ руки: — еслибы

вы могли это сдѣлать, мой любезный посланникъ! Отправимся въ Италію. Тамъ будемъ мы счастливы, и все забудемъ.

„Онъ былъ очень взволнованъ, я также немного, ибо это все-таки король. Онъ всталъ и, казалось, хотѣлъ меня обнять. Но я охладилъ нѣсколько его порывъ, напомнивъ начало нашего разговора. Онъ повторилъ свою просьбу чтобъ я написалъ. Я отвѣчалъ что еслибъ и сдѣлалъ это, то понапрасну.

„Изъ всего этого разговора я вывелъ то заключеніе, что между нимъ и курфирстомъ саксонскимъ произошло какое-нибудь соглашеніе, при посредствѣ эмигрантовъ, которымъ тотъ покровительствуетъ; что ему обѣщано кое-что на остальное время жизни, если онъ отречется, и если курфирсту будетъ обезпечена польская корона.“

IV.

Сеймики предсеймовые. — Посольскіе выборы. — Проектъ польской конституціи и виды императрицы. — Коссаковскіе и сохраненіе Тарговицы.

Наступило время самой хлопотливой работы: это сеймики предсеймовые. Руководить польскими сеймиками было не легкою задачей для русскаго посланника. Какая система выработалась въ такихъ случаяхъ, показываетъ намъ письмо Игельштрома, писанное около того времени къ Сиверсу. „Во время Радомской конфедераціи (1767 года), говоритъ онъ, я имѣлъ порученіе отъ князя Репнина руководить сеймиками въ Краковскомъ воеводствѣ, и постараюсь изобразить вамъ тотъ образъ дѣйствія котораго держался. Маршаломъ конфедераціи (Краковской) былъ графъ Велепольскій, принадлежавшій вполнѣ русской партіи; но князь думалъ что этого недостаточно, и возложилъ дѣло сеймиковъ на меня и на графа Понинскаго. Мы были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ что наши дѣйствія и наши слова находились въ строгомъ соотвѣтствіи. Онъ за свои труды получилъ подарокъ въ 500 дукатовъ, о чемъ я не долженъ былъ знать, однако зналъ очень хорошо. Я получилъ 1.000 дукатовъ; но обязанъ былъ дать о нихъ точный отчетъ, и имѣлъ на случай нужды позволеніе, даже приказъ, покупать голоса по

указанію графа Понинскаго. Голоса эти принадлежали не вельможамъ, а мелкой шляхтѣ, которая составляетъ большинство, слѣдовательно даетъ перевѣсъ на сеймикахъ, и она торгуетъ своими голосами. Ихъ покупаютъ за 10, 15 и самые дорогіе за 30 дукатовъ. Всѣ мои расходы на сеймикахъ въ Протовицахъ и Освѣцимѣ простирались, если не ошибаюсь, до 200 или 300 дукатовъ, не считая личныхъ издержекъ. Мнѣ также былъ данъ тайный приказъ имѣть тщательный надзоръ за Велепольскимъ и Понинскимъ, хотя они считались въ числѣ нашихъ, но для того чтобы не измѣнили въ то самое время когда уже поздно было бы поставить кого-нибудь другаго на ихъ мѣсто. Мнѣ также поручено было заботиться о слѣдующихъ пунктахъ: 1. Чтобы на сеймъ избраны были тѣ лица имена которыхъ находились въ спискахъ сообщенныхъ мнѣ посланникомъ. 2. Чтобъ инструкціи ихъ были тѣ же самыя какія составлены посланникомъ и разосланы имъ на сеймики. 3. Чтобы въ маршалы сеймика выбирался маршалъ конфедераціи. 4. Инструкція посламъ, прежде ея подписи, должна быть мнѣ прочитана. 5. При открытіи сеймика обыкновенно читаются разныя посланія (отъ короля, отъ нунція и епископа, отъ воеводы, отъ гетмана и пр.); но князь Репнинъ предписалъ мнѣ чтобы читались только его письма и королевскія; а всѣ другія присуждались бы къ вѣчному забвенію посредствомъ nie masz zgody. Оба уполномоченные вашего превосходительства (то-есть маршалъ конфедераціи и русскій офицеръ) должны взять подъ надзоръ мѣстный гродскій судъ и строго наблюдать, чтобы никакая протестація не была записана въ судѣ безъ ихъ вѣдѣнія и согласія. Вотъ, по моему мнѣнію, матеріалъ для инструкцій, которыя вашему превосходительству угодно будетъ сообщить уполномоченнымъ, съ прибавленіемъ, чтобы въ случаѣ нужды пускали въ ходъ силу убѣжденія и щедрую раздачу дукатовъ, то-есть чтобы дѣйствовали при помощи страха, преданности или корыстолюбія. Денежныя суммы штабъ-офицерамъ для необходимыхъ издержекъ ваше превосходительство назначите сами; но менѣе 200 дукатовъ нельзя имъ давать на самые малые сеймики. Доля маршаловъ и президентовъ должна быть опредѣлена или по степени вліянія, которымъ они пользуются, или по степени ихъ жадности, впрочемъ не менѣе 500 дукатовъ. Если есть такіе которые разчитываютъ на полученіе

староствъ или должностей, то они могутъ обойтись и безъ русскихъ денегъ."

Сиверсъ дѣйствительно усвоилъ себѣ ту же систему. Но для успѣха дѣла прежде всего нужно было золото; а въ донесеніяхъ его мы продолжаемъ встрѣчать постоянныя жалобы на недостатокъ денегъ. Въ письмѣ къ Зубову отъ 29го апрѣля (10го мая) онъ говоритъ, что „предсѣдательствующіе на сеймикахъ должны давать ѣсть и пить избирателямъ. Прошло то время когда склоняли на свою сторону вельможъ и другія значительныя лица надеждою на староства и прочія бенефиціи. Времена такъ измѣнились что четыре лица отказались принять мѣсто великаго канцлера и только пятый пожелалъ его взять; но онъ ничѣмъ не владѣетъ въ Польшѣ, и слѣдовательно не будетъ имѣть никакого вліянія на выборы пословъ. А покупать голоса послѣ выборовъ стоило бы гораздо дороже. Прусскій посланникъ подъ великимъ секретомъ сообщаетъ мнѣ половину расходовъ."

Несмотря на эти задержки со стороны Петербурга, приготовленія къ сейму шли безостановочно. Въ устройствѣ коронныхъ сеймиковъ Сиверсу помогали Рачинскій, Ожаровскій и Мошинскій, а относительно литовскихъ—епископъ Коссаковскій со своими братьями, воевода виленскій Радивилъ, подскарбій Огинскій и епископъ виленскій Масальскій. Кромѣ раздачи денегъ, рѣшено было чтобы въ коронныхъ областяхъ каждаго президента сеймика поддерживалъ русскій штабъ-офицеръ съ небольшимъ отрядомъ войска; а для Литовскаго великаго княжества эта мѣра найдена излишнею. Главный надзоръ за коронными сеймиками принялъ на себя, считавшійся опытнымъ въ подобномъ дѣлѣ, Игельштромъ. Хотя подкупы и были самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія цѣли на выборахъ, однако русскій посланникъ счелъ нужнымъ подкрѣпить ихъ и другими мѣрами. По его внушенію, генеральная конфедерація выдала еще два постановленія. Вопервыхъ, кто не отрекся отъ конституціоннаго сейма, не присталъ къ Тарговицкой конфедераціи, сдѣлался членомъ городскаго сословія, участвовалъ въ депутаціи приносившей благодарность за конституцію 3го мая, тотъ лишается права быть избирателемъ или избираемымъ. Вторымъ постановленіемъ лишеніе этого права распространялось на тѣхъ, которые, послѣ своего приступа къ Тарговицкой конфедераціи, осмѣлились занести протестъ противъ

какихъ-либо ея рѣшеній. На основаніи такихъ постановленій можно было исключить изъ сейма почти всякаго подозрительнаго посла.

Сиверсъ надѣялся, что сдача Каменца (21го апрѣля) произведетъ на умы такое впечатлѣніе, которое облегчитъ намъ успѣхъ на выборахъ. Но изъ дальнѣйшихъ его донесеній видно что впечатлѣніе это не было сильно. Поляки необыкновенно мало обращали вниманія на серіозныя событія, и ловили всякій ничтожный поводъ чтобы предаваться несбыточнымъ надеждамъ. Вотъ что̀ доносили Сиверсу изъ Варшавы: „Тревожныя извѣстія волнуютъ здѣсь умы. Три дня ходятъ слухи что императоръ займетъ воеводства Краковское, Сендомірское и даже Люблинское. Эти слухи, кажется, основаны на томъ что въ Вѣнѣ Кобенцель удаленъ изъ министерства, и дипломатическая часть снова перешла къ старому Кауницу и его помощнику (Тугуту). Кромѣ того, вчера проскакалъ курьеръ отъ Бухгольца къ королю Прусскому, и это также встревожило здѣсь умы.“

Со стороны польскихъ войскъ оставшихся въ русскомъ кордонѣ также не обошлось безъ нѣкоторыхъ попытокъ сопротивленія. Въ Несвижѣ осьмой полкъ пѣхоты, вслѣдствіе какого-то двусмысленнаго приказа отъ гетмана Коссаковскаго, отказался дать присягу и былъ обезоруженъ генераломъ Кноррингомъ. Въ то же время два отряда польской кавалеріи (Сухоржевскаго и Лазинскаго) переправились за Днѣпръ въ Молдавію. И вотъ, по донесенію Сиверса, „глаза Поляковъ устремлены теперь на эти два отряда. Они льстятъ себя возможностью войны Турціи противъ Россіи. * Разсчитываютъ также на зависть Вѣнскаго двора и на молчаніе которое хранитъ его повѣренный Декаше, прибывшій сюда дня два назадъ.“ „Все занимаетъ этотъ легкомысленный и непостоянный народъ до такой степени, что̀ приписываютъ важность вчерашнему визиту Декаше у короля въ дорожномъ платьѣ: а у него просто украденъ былъ дорогою чемоданъ.“

* Движеніе это кончилось, разумѣется, пустыми результатами. Бригада Сухоржевскаго была обезоружена въ Молдавіи, и солдаты принуждены были наниматься въ работы у крестьянъ для своего пропитанія; многіе изъ нихъ воротились потомъ назадъ съ просьбою принять ихъ въ русское подданство. А часть бригады Лазинскаго, увлеченная примѣромъ Сухоржевскаго, по приказу своего командира воротилась на прежнія квартиры (*Korresp. Krajow. y Zagr.* 872).

Нѣсколько позднѣе (въ депешѣ 16го—27го мая) онъ говоритъ: „Можно исписать не одинъ листъ ложными вѣстями, которыя распространяются по цѣлой Польшѣ и Литвѣ для того чтобы ввести въ заблужденіе добрыхъ людей и помѣшать имъ отправиться на сеймики, или для того чтобы тамъ сдѣланы были глупости. Самый нелѣпый изъ всѣхъ слуховъ тотъ, будто третьяго дня австрійскія войска должны были вступить въ Краковское воеводство, и тамъ эксмаршалъ Малаховскій, подъ покровительствомъ императора, завяжетъ новую конфедерацію. Не менѣе нелѣпъ слухъ о союзѣ между Портой, Франціей, императоромъ, Англіей и Швеціей, чтобы сообща дѣйствовать въ пользу Польши.“

Станиславъ-Августъ держалъ себя какъ и всегда, то-есть не обнаруживалъ никакихъ энергическихъ попытокъ къ сопротивленію, а по возможности продолжалъ пассивную оппозицію. Онъ имѣлъ еще большое вліяніе на мазовецкую шляхту, и Сиверсъ объявилъ что возлагаетъ на него отвѣтственность за успѣхъ выборовъ въ Мазовіи. Король умолялъ было не принуждать его къ участію въ этомъ дѣлѣ; но по настоянію посланника велѣлъ написать отъ своего имени къ тѣмъ лицамъ, которые предполагались для занятія предсѣдательскаго мѣста на выборахъ. Когда отъ короля добились всего что̀ было нужно, ему позволили отправиться въ Бѣлостокъ на мѣсяцъ, то-есть до открытія сейма. Туда же должна была пріѣхать сестра его, пани Краковская. Для сношеній своихъ съ посланникомъ, король оставилъ въ Гроднѣ секретаря Фризе. Условлено было каждый вечеръ посылать изъ Гродна эстафету, съ тѣмъ чтобы къ утру она поспѣвала въ Бѣлостокъ. Сиверсъ хотѣлъ назначить въ королевскую свиту подполковника Штакельберга, того самого который провожалъ короля на пути изъ Варшавы. Но Станиславъ-Августъ упросилъ отмѣнить это назначеніе, такъ какъ оно давало ему видъ находящагося подъ стражей. Чтобы не оставить, однако, короля безъ надзора, Сиверсъ вызвалъ изъ Варшавы въ Гродно совѣтника посольства Обера, подъ предлогомъ принять отъ него присягу. При проѣздѣ чрезъ Бѣлостокъ Оберъ долженъ былъ остановиться здѣсь на одинъ день, а на обратномъ пути два дня, именно въ то время какъ туда придутъ извѣстія о сеймикахъ. Кромѣ того и самъ посланникъ собирался навѣстить короля въ Бѣлостокѣ.

Главными дѣятелями при выборѣ пословъ должны были

явиться члены Тарговицкой конфедераціи. Они были отправлены Сиверсомъ на сеймики, такъ что въ теченіе трехъ недѣль, по словамъ посланника, „генеральная конфедерація испытывала родъ летаргіи за отсутствіемъ большаго числа членовъ“. Руководство въ дѣлѣ выборовъ распредѣлено слѣдующимъ образомъ: Ожаровскому поручены воеводства Сендомірское и Краковское; въ помощники ему даны графъ Залускій для Сендомірскаго и графъ Анквичъ для Краковскаго; генералу Міончинскому ввѣрено воеводство Люблинское, Оссолинскому и Шидловскому—Подляхія, а вице-маршалу конфедераціи Пулавскому—Волынь и Холмъ. Выборы въ Мазовіи, Равѣ и Плоцкѣ оставлены на личномъ попеченіи Игельштрома, а вся Литва предоставлена епископу Коссаковскому и его помощникамъ. Лица отправленныя руководить сеймиками, конечно, снабжены были русскими и прусскими деньгами. „Надобно было, доноситъ Сиверсъ, не только дать имъ на столъ и напитки, потребные во время выборовъ, но также оплачивать путевыя издержки, помѣщеніе, кормить ихъ, снабжать экипажами и дать еще на обратный путь, съ какою-нибудь наградой въ родѣ мѣста, ордена или денегъ. Признаюсь откровенно, всѣ эти непріятныя хлопоты не увеличиваютъ моего уваженія къ Полякамъ.“ О количествѣ расходовъ даютъ понятіе слѣдующія цифры. Игельштромъ на коронные сеймики получилъ болѣе 10.000 дукатовъ; онъ далъ Міончинскому 3.000; сверхъ того послѣдній получилъ еще 1.000 на выборы въ Краковѣ и Сендомірѣ. Пулавскому, кромѣ 1.000 дукатовъ мѣсячной пенсіи, выдано 2.000 на волынскіе выборы и 500 на холмскіе; епископу Коссаковскому на литовскіе выборы 4.000 дукатовъ. Второстепенные дѣятели, конечно, получили гораздо менѣе; напримѣръ, одному изъ помощниковъ Пулавскаго, майору Лобаржевскому, дано 300 дукатовъ. Однако Сиверсъ, въ донесеніи своемъ на имя Зубова (13го мая), говоритъ, будто никогда еще выборы сеймовыхъ пословъ не обходились такъ дешево: Литва приблизительно стóитъ только по 200 дукатовъ на посла, а Польша по 500.

Наконецъ настапъ торжественный день 16го (27го) мая, „день всеобщей лихорадки въ Польшѣ“, то-есть посольскіе выборы. Въ Гроднѣ Сиверсъ приказалъ удалить войска и пушки съ площади прилегающей къ костелу, въ которомъ должно было происходить избирательное засѣданіе сеймика.

Эта мѣра произвела благопріятное впечатлѣніе. „Выборы (гродненскіе), пишетъ онъ, совершились очень прилично, они пали на вице-маршала конфедераціи Забѣлло и старосту Жинева.“ Спустя нѣсколько дней, когда сдѣлались извѣстны результаты и другихъ выборовъ, русскій посланникъ въ донесеніи (22го мая) говоритъ что успѣхъ сеймиковъ превзошелъ его ожиданія, и хвалитъ усердіе лицъ которымъ было поручено это дѣло. „На литовскихъ сеймикахъ не было никакого русскаго отряда, ни даже русскаго штабъ-офицера; но для Польши нельзя было обойтись безъ этой мѣры предосторожности. Холмскій сеймикъ рѣшилъ отправить ко мнѣ депутацію съ просьбой о принятіи въ русское подданство. Меня увѣряютъ что на многихъ литовскихъ сеймикахъ былъ объ этомъ вопросъ.“

Количество всѣхъ пословъ выбранныхъ на сеймъ простиралось до 140. Значительная часть этихъ выборовъ пала на совѣтниковъ Тарговицкой конфедераціи и на маршаловъ мѣстныхъ конфедерацій, примыкавшихъ къ Тарговицѣ. *

Для примѣра того какъ отбывались сеймики и производились выборы на послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой, приведемъ описаніе Люблинскаго сеймика. Описаніе это заимствуемъ изъ современной варшавской газеты, слѣдовательно не будемъ забывать его нѣсколько офиціальнаго характера, такъ какъ польскія періодическія изданія въ то время выходили подъ строгимъ наблюденіемъ русской дипломатіи.

Урядники и обыватели Люблинскаго воеводства, въ значительномъ числѣ съѣхавшіеся на сеймикъ, въ опредѣленный часъ собрались у маршала Люблинской конфедераціи, ясновельможнаго пана Міончинскаго; а отъ него перешли въ ратушу. Здѣсь маршалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими совѣтниками конфедераціи, открылъ засѣданіе конфедерацкаго суда, и оставивъ тутъ выбранныхъ имъ совѣтниковъ, со всѣмъ собраніемъ урядниковъ и обывателей отправился въ костелъ отцевъ доминикановъ, гдѣ обыкновенно совершались сеймовые обряды воеводства. Земскій судья, Андрей Кожмянъ, какъ старшій изъ присутствующихъ урядниковъ, открылъ сеймикъ; въ рѣчи своей онъ обратился къ Міончинскому и просилъ его, какъ маршала конфедераціи, взять въ свои руки президентскій

* Списокъ выбранныхъ лицъ см. въ *Korresp. Krajow. y Zagr.* 909 стр. и далѣе, и въ приложеніи къ депешѣ Сиверса, отъ 22го мая (2го іюня).

жезлъ. Тотъ не замедлилъ исполнить эту просьбу и затѣмъ началъ распоряжаться выборами съ помощью совѣтниковъ конфедераціи. Требуемые шесть пословъ немедленно и единогласно выбраны (конечно, имена ихъ назначены были уже заранѣе); первымъ въ ихъ числѣ оказался самъ Міончинскій; а изъ остальныхъ трое были членами той же конфедераціи. Когда прочли посольскую инструкцію, маршалъ закончилъ сеймикъ и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ присутствующихъ, числомъ болѣе 500 человѣкъ. Первые тосты провозглашены за Русскую императрицу и за Польскаго короля. На другой день давался роскошный пиръ у начальника русскаго отряда генерала Милашевича. Столы были накрыты въ саду подъ наметами, украшены цвѣтами и зеленью, уставлены пирамидами изъ сахарныхъ печеній, фруктовъ и пр. Сюда собралось до 200 шляхетскихъ обывателей. Снова пили здоровье императрицы и короля при громѣ пушекъ и звукахъ военной музыки. Отличное вино въ изобиліи было предложено пирующимъ и вызывало въ нихъ неподдѣльную веселость. *

* *Korrespondent Krajow. y Zagran.* 951. Кромѣ этого офиціальнаго описанія, мы находимъ еще нѣсколько чертъ относящихся къ тому же сеймику въ мемуарахъ Каетана Кожмяна. По его словамъ, лучшіе обыватели и урядники воеводства старались уклониться отъ присутствія на выборахъ. За отсутствіемъ воеводы, подкоморія и хорунжаго, очередь открыть сеймикъ пала на его отца, земскаго судью Андрея Кожмяна. Послѣдній также хотѣлъ устранить себя и послалъ сына къ Міончинскому съ объясненіями о своей болѣзни. Но конфедерацкій маршалъ, несмотря на старое знакомство съ Кожмяномъ, не принялъ никакихъ объясненій, и отвѣтилъ что судья непремѣнно долженъ пріѣхать, иначе онъ навлечетъ на себя преслѣдованіе; впрочемъ, предложилъ попытать счастія у генерала Милашевича. На квартирѣ генерала Кожмянъ-сынъ нашелъ нѣсколькихъ совѣтниковъ конфедераціи и другихъ обывателей, предлагавшихъ себя кандидатами въ сеймовые послы и слѣдовательно весьма заинтересованныхъ въ благополучномъ отбытіи сеймика. Когда они узнали о цѣли его пріѣзда, то въ одинъ голосъ закричали: „Нѣтъ, это болѣзнь притворная!“ и спѣшили предупредить о томъ генерала. Милашевичъ зналъ лично Кожмяна, и былъ человѣкъ мягкій, привѣтливый. Онъ выразилъ ему свое сожалѣніе; но объявилъ что почти ничего не можетъ сдѣлать для его отца, имѣя строгіе приказы отъ своего главнокомандующаго (то-есть Игельштрома), и что, побуждаемый Міончинскимъ и совѣтниками конфедераціи, онъ принуж-

Какъ образчикъ инструкцій которыми снабжались сеймовые послы отъ своихъ избирателей, приведемъ одну изъ нихъ, составленную для пословъ Троцкаго воеводства. *

Эта инструкція начинается реторическимъ разсужденіемъ о бѣдственномъ положеніи отчизны, которая „сдѣлалась жертвою иноземныхъ замысловъ, раздирающихъ ее на части и отдѣляющихъ брата отъ брата, сыновъ отъ лона материнскаго“. Для довершенія своихъ замысловъ сосѣднія державы съ великою поспѣшностію заставляютъ созвать чрезвычайный сеймъ. Не входя въ объясненіе этихъ обстоятельствъ чтобы не умножать своей горести, обыватели надѣются что потомство отдастъ имъ справедливость и пойметъ истинныя причины приведшія отечество къ упадку. Далѣе слѣдуетъ самая инструкція, раздѣленная на 10 пунктовъ. Въ первомъ пунктѣ говорится что раздѣлы Польши необходимо должны затрогивать интересы другихъ государствъ, и что Рѣчь Посполитая напрасно упустила случай аппеллировать къ европейскимъ державамъ во время перваго раздѣла; ея молчаніе было принято въ Европѣ за знакъ добровольнаго согласія. Поэтому посламъ поручается хлопотать объ отправленіи полномочнаго лица къ великодушному народу Англійскому, а также о снабженіи надлежащими инструкціями резидентовъ польскихъ при другихъ европейскихъ дворахъ. Если же приговоръ Европы будетъ не въ пользу Поляковъ, то они смирятся предъ божественнымъ предопредѣленіемъ. Далѣе слѣдуютъ порученія: стараться о лучшемъ устроеніи правительства, о сохраненіи старой республиканской формы; о сокращеніи войска и числа министровъ, согласно съ уменьшеніемъ предѣловъ и доходовъ Рѣчи Посполитой; ходатайствовать предъ Русскою императрицей о вознагражденіи убытковъ причиненныхъ ея войсками и о выводѣ этихъ войскъ; также просить императрицу и короля Прусскаго о возвращеніи казенныхъ

денъ послать эскадронъ драгунъ на экзекуцію въ имѣніе земскаго судьи. Мемуары прибавляютъ, что генералъ предложилъ молодому человѣку поспѣшить поскорѣе къ отцу и предупредить чтобы тотъ скрылся на время изъ своего имѣнія. Причемъ Милашевичъ выразилъ крайнее негодованіе противъ Тарговичанъ и будто бы сказалъ: „Во мнѣ течетъ польская кровь, и мнѣ больно видѣть столько ослѣпленія и подлости.“ Земскій судья, впрочемъ, не воспользовался снисходительностію генерала.

* Рукописный документъ изъ библіотеки Красинскихъ въ Варшавѣ.

кассъ въ провинціяхъ ими забранныхъ; хлопотать о возстановленіи прежнихъ трибуналовъ и судейскихъ привилегій; о пересмотрѣ постановленій (sancita) генеральной конфедераціи и утвержденіи тѣхъ изъ нихъ, которыя должны быть обращены въ постоянный законъ. Если иностранныя державы заставятъ просто возобновить конституцію 1775 года, то послы пусть стараются по крайней мѣрѣ лишить постоянный совѣтъ исполнительной власти и права толковать законы. Наконецъ, избиратели поручаютъ посламъ никоимъ образомъ не соглашаться чтобы долги короля были отнесены на счетъ государственной казны. Итакъ, инструкція, какъ мы видимъ, была составлена подъ полнымъ вліяніемъ русской партіи, то-есть партіи Коссаковскихъ, и въ сущности заранѣе соглашалась на главныя требованія русской дипломатіи. Она позволяетъ себѣ только тихія жалобы и скромную аппелляцію къ потомству и къ иностраннымъ державамъ.

10го мая внезапная смерть похитила Михаила Никитича Кречетникова, которому поручено было устройство вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши провинцій. За нѣсколько дней до смерти онъ былъ пожалованъ за свои труды графомъ: но курьеръ съ указомъ не нашелъ уже его въ живыхъ. Онъ былъ старый сослуживецъ и пріятель Сиверса, и послѣдній въ своихъ письмахъ къ разнымъ особамъ выражаетъ глубокое сожалѣніе объ этой потерѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его сильно интересуетъ вопросъ кто будетъ преемникомъ Кречетникова. Старшій послѣ него по командѣ генералъ Дерфельденъ принялъ на время начальство въ западномъ краѣ. Извѣщая посланника о состояніи дѣлъ въ томъ краѣ, онъ прибавляетъ что всѣ, кто знаетъ Сиверса, желаютъ его видѣть преемникомъ Кречетникова. Кромѣ того ходили слухи о назначеніи туда Игельштрома, или князя Репнина, или Тутолмина. Самъ Репнинъ въ письмѣ къ своему пріятелю Сиверсу указываетъ на эти слухи, но не считаетъ ихъ серіозными, и выражаетъ надежду что Сиверсу, по окончаніи его порученія въ Польшѣ, будетъ ввѣрено устроеніе западнаго края. Въ одномъ донесеніи императрицѣ, отъ 14го мая, Яковъ Ѳеимовичъ прямо говоритъ что предложилъ бы себя на мѣсто Кречетникова, еслибъ имѣлъ тѣ же лѣта и тѣ же силы, которыми владѣлъ въ эпоху своего тверскаго намѣстничества. Онъ повторяетъ слухи объ Игельштромѣ, Репнинѣ и

Тутолминѣ, и прибавляетъ: „Но, ради Бога, никого въ родѣ Пассека *, Потемкина или Каховскаго. А для одного изъ праздныхъ мѣстъ соблаговолите вспомнить о достойномъ губернаторѣ несносной Финляндіи, если ваше величество не приберегаете его для завоеванія всей этой страны.“ Этотъ достойный губернаторъ былъ ни кто иной какъ зять Сиверса, то-есть мужъ его старшей дочери, генералъ Гюнцель. Въ письмѣ къ Зубову, отъ того же числа, Сиверсъ еще откровеннѣе высказываетъ свое задушевное желаніе: занять мѣсто князя Репнина, то-есть получить въ управленіе родныя себѣ балтійскія провинціи. По поводу вопроса о преемникѣ Кречетникова, онъ говоритъ: „Если это князь Репнинъ, я сожалѣю о Ливоніи, которую вы бы утѣшили, графъ, сохранивъ ее для меня; первый генералъ-губернаторъ тверской не былъ бы тѣмъ недоволенъ. Если это Игельштромъ, то не посылайте мнѣ ребенка за генералъ-аншефа; лучше еще другаго генералъ-поручика, такъ чтобъ отдѣльные корпуса были сосредоточены въ моемъ распоряженіи.“ ** Но всѣ эти предположенія разрѣшились тѣмъ, что преемникомъ Кречетникову былъ назначенъ олонецкій и архангельскій генералъ-губернаторъ Тутолминъ.

Въ одно время съ приготовленіями къ сейму русскій посланникъ трудился еще надъ другою задачей: пересмотрѣть и исправить главныя статьи польскаго государственнаго устройства, такъ чтобы предстоящему сейму оставалось только прочесть ихъ и утвердить. Основою для этой работы должна была послужить конституція 1775 года. Въ майскихъ донесеніяхъ своему двору Сиверсъ представляетъ проекты отдѣльныхъ частей, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Сначала были изготовлены pacta conventa и основные законы. По замѣчанію посла, почти вся черновая работа надъ пересмотромъ

* Блумъ, III, 248: „nur kein Paper (?), noch ein Potemkin, oder ein Kachowski.“ Мы думаемъ что имя неразобранное Блумомъ и отмѣченное имъ знакомъ вопроса, есть Пассекъ, извѣстный генералъ-губернаторъ бѣлорусскій.

** И въ этомъ письмѣ есть та же прибавка о зятѣ, показывающая (вопреки увѣреніямъ Блума) что Сиверсъ не былъ чуждъ заискиваній у Зубова въ пользу свою и своихъ родственниковъ. „Для моего зятя соблаговолите какое-нибудь губернаторское мѣсто на югѣ; онъ не пойдетъ ни на сѣверъ, ни въ глубь; я ручаюсь вамъ за его достоинства.“ (Архивъ мин. иностр. дѣлъ.)

польской конституціи принадлежитъ двумъ графамъ, Рачинскому и Мошинскому. Онъ обращался за совѣтами и къ епископу Коссаковскому; но тотъ отказался дѣлать свои замѣтки, потому что желалъ быть не второстепеннымъ, а главнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ. Проекты отдѣльныхъ статей конституціи сообщались королю; его живое къ нимъ участіе и замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ, заставляли догадываться, что намѣреніе отречься отъ престола было далеко неискренно.

Когда работа дошла до организаціи сеймовъ, посланникъ предложилъ на рѣшеніе императрицы слѣдующіе вопросы. Срокъ между сеймами, вмѣсто двухъ лѣтъ, не увеличить ли до четырехъ? Мѣстомъ сейма должны ли быть непремѣнно Варшава и Гродно? Съ одной стороны онъ приводитъ соображенія въ пользу Гродна: надобно вознаградить Литву, такъ какъ столицею государства Варшава; притомъ въ Варшавѣ сеймъ болѣе подверженъ вліянію двора и партій, а Литва всегда была предана Россіи и ею легче руководить. Но съ другой стороны, Гродно ближе къ провинціямъ отошедшимъ къ Россіи, и гродненскій сеймъ, пожалуй, будетъ напоминать жителямъ этихъ провинцій объ ихъ прежнемъ соединеніи съ Польшей. Впрочемъ чрезвычайные сеймы, по мнѣнію Сиверса, должны быть созываемы постоянно въ Гроднѣ. Въ сеймовыя засѣданія предполагалось ввести существенную перемѣну: отправлять ихъ при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ предупреждались безпорядки и смуты производимые арбитрами (то-есть публикой). Самая важная реформа относилась къ сейму избирательному. Вмѣсто собранія въ полѣ подъ открытымъ небомъ, и вмѣсто общаго права шляхты участвовать въ избраніи королей,—права, конечно, воображаемаго, потому что мелкая шляхта была при этомъ только орудіемъ въ рукахъ аристократическихъ фамилій,—предполагалось созывать сеймъ изъ представителей, но въ количествѣ втрое большемъ противъ обыкновеннаго сейма. Для русскаго посланника, безспорно, будетъ легче руководить такимъ собраніемъ чѣмъ безпорядочною толпой, которую до сихъ поръ представляли избирательные сеймы.

Потомъ слѣдовали проекты о сеймикахъ, о постоянномъ совѣтѣ, судебныхъ учрежденіяхъ, о количествѣ войска, общественномъ воспитаніи, о финансовой части и средствахъ погасить долги короля, и пр. Мы только слегка касаемся работы надъ новою польскою конституціей, такъ какъ

дальнѣйшія событія помѣшали ея осуществленію. Но для насъ знаменательны слѣдующія слова Сиверса въ одномъ изъ его донесеній по поводу этихъ работъ: „Я смотрю въ будущее. Потомокъ моей повелительницы будетъ нѣкогда государемъ и осчастливитъ ту страну въ которой говорятъ по-польски, не домогаясь другой ея части, гдѣ уже забудутъ этотъ языкъ.“ Мы не знаемъ, были ли эти слова (относившіяся, конечно, къ великому князю Константину) выраженіемъ личнаго усердія Сиверса, который думалъ въ данномъ случаѣ идти навстрѣчу желаніямъ императрицы, или они почерпнуты изъ интимныхъ разговоровъ съ ней въ Петербургѣ? Со стороны Екатерины мы видимъ только заботу о томъ, чтобы на будущее время обезпечить наше преобладаніе въ Польшѣ и устранить отъ нея вліяніе прочихъ сосѣднихъ державъ. Эта сторона ея политики выясняется нѣсколько изъ дальнѣйшихъ инструкцій русскому посланнику.

Вотъ что̀ говорится въ рескриптѣ къ нему отъ 24го мая: „Усмотрѣвъ съ удовольствіемъ изъ вашихъ донесеній что дѣло вамъ довѣренное достигло той поры, когда намъ остается утвердить и запечатлѣть торжественнымъ между нами и республикою Польской договоромъ, мы повелѣваемъ составить проектъ таковаго трактата и препроводить его къ вамъ съ надлежащимъ полномочіемъ. Въ опредѣленіи статей его сообразовались мы съ тѣми кои поставлены въ трактатѣ 1773 года по случаю присоединенія Бѣлоруссіи. Вновь вносимыя нынѣ постановленія не могутъ не понравиться Полякамъ: мы отдаемъ на ихъ волю учредить и основать по ихъ усмотрѣнію образъ внутренняго управленія, а также политическихъ и торговыхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ. На собирающемся сеймѣ не нужно будетъ заниматься никакимъ другимъ дѣломъ кромѣ поспѣшнаго окончанія извѣстныхъ нашего и Берлинскаго дворовъ притязаній. Поэтому, какъ скоро сеймъ соберется, требуйте чтобы *немедленно* назначена была обыкновенная делегація для вступленія съ вами въ переговоры. На оныхъ старайтесь удержать сполна всѣ статьи, въ нашемъ проектѣ предписанныя, и по благополучномъ совершеніи негоціаціи, вамъ порученной, допустите къ такой же и прусскаго министра, подавая и отъ него заимствуя всякое пособіе къ скорѣйшему и полезнѣйшему окончанію общихъ вашихъ дѣлъ. А когда достигнете, то сеймъ или вовсе распустить и созвать новый, или отсро-

чить на нѣкоторое время, дабы при вторичномъ собраніи онаго головы, нѣсколько успокоенныя отъ хлопотъ и огорченій, каковыя они естественнымъ образомъ должны претерпѣть по причинѣ потерь и жертвъ, отъ нихъ вынужденныхъ, успѣли осмотрѣться въ ихъ новомъ положеніи."

Далѣе предписывается послу, чтобъ онъ относительно сейма и делегаціи держался примѣра 1773 года, а также и въ случаѣ какихъ-либо затрудненій съ прусскимъ министромъ. Содержаніе этой инструкціи предполагается сообщить Берлинскому двору для того чтобъ онъ послалъ своему министру соотвѣтственныя предписанія, а между тѣмъ Сиверсъ долженъ былъ, подъ видомъ дружеской откровенности, извѣстить о ней своего прусскаго товарища.

Въ слѣдующемъ рескриптѣ (отъ 26го мая) императрица уже прямо указываетъ мотивы, по которымъ она рѣшила чтобы договоръ республики съ двумя державами объ уступкѣ провинцій былъ веденъ отдѣльно отъ вопроса о новой конституціи и о будущихъ отношеніяхъ Польши къ сосѣдямъ. „Эти мотивы, говоритъ рескриптъ, вы могли понять отчасти уже изъ полученныхъ вами при отъѣздѣ инструкцій. Но съ тѣхъ поръ я съ разныхъ сторонъ слышала опасенія Поляковъ что слабость и ничтожество, въ которыя впадетъ Польша вслѣдствіе новаго раздѣла, не позволятъ уже ей существовать въ качествѣ независимаго государства. Отсюда почти единодушное желаніе послѣдовать судьбѣ тѣхъ которые вступаютъ подъ мое владѣніе. Но я не могу слушать ихъ голоса, не возбудивъ ревности сосѣднихъ державъ и не навлекши на себя множество затрудненій. Тѣсный союзъ между двумя націями нельзя заключить, не подчинивъ одну другой." „Берлинскій дворъ хотѣлъ бы или раздѣлить мои виды относительно Поляковъ, или открыть себѣ новые авантажи; ни то, ни другое не входитъ, конечно, въ мои планы. Я стараюсь устранить Пруссаковъ и поставить ихъ внѣ игры, какъ скоро они устроятъ и опредѣлятъ условія ихъ пріобрѣтеній." Далѣе Сиверсу предоставляется на выборъ: продолжить тотъ же сеймъ, или распустить его послѣ формальной уступки провинцій и потомъ созвать опять для утвержденія новой конституціи. При этомъ второмъ собраніи русскій посолъ долженъ такъ расположить умы, чтобы договоръ о союзѣ съ Россіей былъ добровольно предложенъ самими Поляками, и въ томъ именно видѣ въ какомъ онъ одобренъ

императрицей. Промежутокъ между распущеніемъ и новымъ собраніемъ сейма полагается въ 6—8 недѣль, и имъ нужно воспользоваться для устройства „нашихъ“ дѣлъ съ республикой, пока наша сосѣдка Пруссія будетъ занята на Рейнѣ. Для текущихъ занятій въ этотъ промежутокъ должны служить постоянный совѣтъ и еще какое-нибудь другое правительственное учрежденіе. О намѣреніи короля отречься отъ престола, рескриптъ замѣчаетъ: „Минуту онъ выбралъ для того самую неудобную. Надобно чтобъ онъ удержалъ бразды правленія до тѣхъ поръ, пока государство выйдетъ изъ настоящаго кризиса. Вы ему сообщите, что только подъ этимъ условіемъ я позабочусь устроить его судьбу такъ чтобъ онъ былъ счастливъ въ удаленіи, о которомъ мечтаетъ.“

Однимъ изъ вопросовъ наиболѣе занимавшихъ русскаго посланника былъ вопросъ о томъ, что̀ дѣлать съ излишкомъ польскаго войска. Часть этого войска, находившаяся въ провинціяхъ отошедшихъ къ Россіи, дала присягу на русское подданство и пошла на пополненіе нашихъ полковъ. Но такъ какъ Польская республика въ новомъ своемъ видѣ, по соображеніямъ посла, не можетъ содержать болѣе 16.000 арміи, то оставалось еще пристроить излишекъ болѣе чѣмъ въ 20.000 человѣкъ. Сиверсъ предлагаетъ императрицѣ весь этотъ излишекъ принять въ русскую службу, а республику вознаградить переводомъ на себя части ея голландскаго долга. Съ одной стороны надобно было предупредить Австрійцевъ и Пруссаковъ, которые воспользуются случаемъ завербовать къ себѣ эти лишнія войска; а съ другой, немедленное ихъ распущеніе угрожало бы спокойствію и безопасности населенія. Императрица на первое время согласилась съ мнѣніемъ Сиверса, и поручила ему потребовать отъ сейма чтобы по этому предмету назначена была особая коммиссія, съ преданными Россіи лицами во главѣ. Но окончательное свое рѣшеніе она предполагала сообщить послѣ; а пока русскій посолъ долженъ былъ удержать польскія войска на прежней ногѣ и не допускать, чтобъ ихъ завербовали Пруссаки или Австрійцы.

Приведенные нами рескрипты, опредѣлявшіе общими мѣстами направленіе русской политики, очевидно не удовлетворяли нашего посланника. Въ донесеніяхъ его, адресованныхъ на имя графа Зубова, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ жалобъ на недостатокъ болѣе подробныхъ и точныхъ инструкцій въ

виду наступающаго сейма. На готовые уже проекты главныхъ статей польской конституціи онъ совсѣмъ почти не получалъ отвѣта. Въ то же время онъ предлагалъ на разрѣшеніе Петербургскаго двора еще нѣсколько важныхъ затрудненій. Кромѣ неизвѣстности что̀ дѣлать съ польскимъ войскомъ, возникъ еще вопросъ что̀ дѣлать съ Пруссаками, которые переступили демаркаціонную линію, установленную договоромъ о раздѣлѣ, и захватили нѣсколько лишнихъ пунктовъ, такъ что ихъ новыя границы подходили почти къ самой Варшавѣ. Далѣе представлялся вопросъ о ленной зависимости Курляндіи, которую, по мнѣнію Сиверса, за извѣстную сумму можно было бы перевести съ Польши на Россію. Наконецъ посланникъ спрашивалъ, какою именно нотой онъ долженъ открыть предстоящій сеймъ. Но на всѣ эти вопросы получались пока общія, неопредѣленныя наставленія. Рядомъ съ жалобами на недостатокъ ясныхъ инструкцій идутъ попрежнему сѣтованія на неисправную доставку денегъ. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указываетъ на счастливое положеніе своего прусскаго товарища, который въ изобиліи снабженъ отъ его двора и деньгами, и инструкціями. Сиверсъ признается (въ депешѣ отъ 22го мая), что еслибы не половина доставляемая Бухгольцемъ для общихъ расходовъ, то онъ не имѣлъ бы чѣмъ существовать и чѣмъ снаряжать сторонниковъ Россіи на сеймъ. Кромѣ денегъ, посланникъ долженъ былъ прибѣгать и къ другимъ приманкамъ для этихъ сторонниковъ, то-есть къ обѣщаніямъ орденовъ, должностей, имѣній и т. п. Но онъ боится рисковать такими обѣщаніями, не имѣя на то необходимыхъ полномочій. Онъ боится, что придворная партія замѣтитъ его затруднительное положеніе и потеряетъ къ нему всякое довѣріе.

Какъ на источникъ своихъ затрудненій Сиверсъ намекаетъ на интриги непріязненной ему при дворѣ партіи, которая, помимо посла, вступила въ непосредственныя сношенія съ вождями Литовской конфедераціи, то-есть съ Коссаковскими. Это обстоятельство, можетъ-быть, имѣло свою долю вліянія. Но настоящія причины сдержанности и нѣкотораго колебанія въ инструкціяхъ императрицы надобно искать во внѣшнихъ отношеніяхъ того времени. На Рейнѣ все еще длилась борьба Австро-Пруссаковъ съ Французами, не принимая рѣшительнаго оборота ни въ ту, ни въ другую сторону.

Существовало опасеніе что Австрійцы, убѣдясь въ трудности выполнить свой планъ обмѣна Бельгіи на Баварію, потребуютъ себѣ доли въ новомъ раздѣлѣ Польши, тогда какъ ни Россія, ни Пруссія не желали допустить ихъ къ участію въ этомъ раздѣлѣ. Прусскій король, также какъ и германскій императоръ, долженъ былъ сосредоточивать свои главныя силы на Рейнѣ, и Екатерина, тщательно наблюдавшая за ходомъ борьбы, выжидала наиболѣе удобной минуты для того чтобы рѣшительнѣе выступить со своими видами на Польшу.

Между тѣмъ антипатіи возникшія между Сиверсомъ и вождями русской партіи въ Литвѣ, Коссаковскими, продолжали увеличиваться. Епископъ Ливонскій богатыми подарками и лестью сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе Зубова и его наперсника Альтести. Какой-то подаренный имъ дорогой алмазъ возбудилъ тогда большіе толки въ Петербургѣ. Приказанія императрицы совѣтоваться въ важныхъ дѣлахъ съ епископомъ до того волновали Сиверса, что одно время онъ едва не послалъ просьбу объ увольненіи, и въ заграничныхъ газетахъ пущенъ былъ слухъ что онъ будетъ замѣненъ Морковымъ. Игельштромъ, какъ мы знаемъ, въ этомъ случаѣ держался стороны сильнѣйшей, то-есть Зубова и Коссаковскихъ. Интересны его сужденія о послѣднихъ въ письмѣ къ Сиверсу, который спрашивалъ о причинахъ внезапнаго отъѣзда генерала Коссаковскаго изъ Гродна въ Варшаву. Игельштромъ отвѣчаетъ что подлинныя причины ему неизвѣстны; но что, можетъ-быть, генералу нечего дѣлать въ Гроднѣ, и онъ пожелалъ удалиться съ глазъ посланника, пока послѣдній не сдѣлается къ нему благосклоннѣе; а предлогомъ къ отъѣзду послужило переформированіе полковъ.

„Позвольте мнѣ, продолжаетъ Игельштромъ, говорить съ вами откровенно, какъ съ другомъ. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ я нахожу о Коссаковскихъ выраженія которыя меня удивляютъ. Эти господа окончили всѣ сеймики (въ Литвѣ) безъ войскъ, безъ денегъ и безъ надзора. Какъ же имъ не пользоваться вашимъ довѣріемъ? Они устранили Валевскаго, они усердно дѣлаютъ все что̀ вы хотите. Но что они и друзья ихъ желаютъ устроиться на счетъ республики, такъ это очень естественно, и имъ позавидуютъ только тѣ, которые уже сдѣлали то же самое. Король и вся его фамилія дѣлали то же во время своего управленія при всѣхъ конфедераціяхъ. Напримѣръ, они ограбили графа Брюля. Братъ короля,

оберъ-каммергеръ, взялъ у Брюля староство Ципское съ 30.000 дукатовъ ежегоднаго дохода; остальныя его староства захвачены тою же фамиліей. При первомъ раздѣлѣ Польши они взяли четыре староства, изъ которыхъ каждое приноситъ по крайней мѣрѣ 12.000 дукатовъ въ годъ. Теперь король хочетъ чтобъ уплатили его 30.000.000 долгу, и при всемъ томъ онъ дѣйствуетъ противъ насъ, тогда какъ Коссаковскіе всегда будутъ съ вами. Все это собственно до меня не касается; но я поступаю какъ вашъ другъ, и увѣренъ что вы нѣкогда будете мнѣ за то благодарны.“

Итакъ вотъ главный источникъ возникшей антипатіи. Коссаковскіе поспѣшили воспользоваться обстоятельствами чтобы всѣми способами обогащать себя, своихъ многочисленныхъ родственниковъ и кліентовъ на счетъ казенныхъ и частныхъ имуществъ; а Сиверсъ счелъ своимъ долгомъ положить предѣлы ихъ грабежу. Но борьба съ Коссаковскими была не легка. Игельштромъ мѣтко указалъ на ихъ заслуги. Они слишкомъ доказали свою преданность и усердіе къ Россіи чтобъ императрица пожертвовала ими для Сиверса. Они обезпечивали за нами содѣйствіе почти всѣхъ сеймовыхъ пословъ отъ великаго княжества Литовскаго. Мы видѣли что, по слухамъ, даже многіе избирательные сеймики въ Литвѣ заявили о своей готовности перейти въ русское подданство. Не знаемъ на сколько эти извѣстія были справедливы и насколько было искренности въ подобныхъ заявленіяхъ. Императрица избѣгала до времени всякихъ поводовъ возбуждать зависть сосѣднихъ державъ, а также раздоръ между Поляками и Литовцами на предстоящемъ сеймѣ. Она велѣла только поблагодарить Холмцевъ за ихъ преданность, и поручила посланнику не давать пока хода подобнымъ заявленіямъ.

Какъ велико было значеніе Коссаковскихъ въ то время, и до какой степени простиралась ихъ изворотливость, яснѣе всего обнаружилось въ вопросѣ о распущеніи Тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ представлялъ императрицѣ что неудобно было бы продолжать существованіе этой конфедераціи рядомъ съ сеймомъ: Тарговица не пользовалась расположеніемъ Поляковъ, и сохраненіе ея могло вредно вліять на состояніе умовъ во время сейма. Екатерина соглашалась съ этимъ мнѣніемъ, и поручила только наблюдать чтобы будущій сеймъ не причинилъ конфедераціи никакого униженія: „ибо мы собственную

нашу честь поставляемъ въ предохраненіе отъ всякихъ обидъ и притѣсненій людей намъ столь явно усердствующихъ", говорилось въ рескриптѣ 24го мая. Но предъ самымъ открытіемъ сейма, когда посланникъ готовился уже распустить конфедерацію, онъ получилъ упомянутый нами выше рескриптъ 26го мая. Въ этомъ рескриптѣ говорилось, что въ промежутокъ между двумя сессіями для текущихъ дѣлъ могутъ служить постоянный совѣтъ и еще другое правительственное учрежденіе (autorité). Это неопредѣленное выраженіе Сиверсъ истолковалъ такъ, что подъ другимъ учрежденіемъ тутъ разумѣется именно Тарговицкая конфедерація, и пріостановился съ ея распущеніемъ. Чтобъ оградить себя отъ упрековъ на случай будущихъ затрудненій, онъ не преминулъ въ своихъ депешахъ снова указать на обстоятельства; которыя могутъ вредно подѣйствовать на расположеніе умовъ, и тутъ на первомъ мѣстѣ поставилъ сохраненіе Тарговицкой конфедераціи, а за тѣмъ привелъ неопредѣленное положеніе вопроса о польскомъ войскѣ, также связаннаго съ нимъ вопроса о долгахъ республики и неуплату квитанцій по забраннымъ у жителей припасамъ для русскаго войска.

Въ отвѣтъ на эти представленія, въ рескриптѣ 15го іюня, императрица снова соглашается съ мнѣніемъ посланника о неудобствахъ сохранять Тарговицу рядомъ съ сеймомъ, и говоритъ что онъ невѣрно понялъ ея рескриптъ отъ 26го мая: подъ словомъ другое учрежденіе разумѣлась не Тарговицкая конфедерація, а другія власти установленныя конституціей 1775 года. Императрица поручаетъ немедленно распустить генеральную конфедерацію и всѣ связанныя съ нею частныя конфедераціи. Казалось бы, послѣ такого яснаго, положительнаго рѣшенія не могло уже быть вопроса о продолженіи Тарговицы, и Сиверсъ поспѣшитъ привести въ исполненіе тотъ приговоръ, котораго онъ самъ такъ усердно добивался. Однако этого не случилось. Посланникъ взялъ на свой страхъ отложить исполненіе приговора на неопредѣленное время, и дозволилъ конфедераціи существовать рядомъ съ сеймомъ. Онъ только сократилъ кругъ ея дѣятельности, и оставилъ за ней значеніе высшаго судебнаго мѣста въ республикѣ. Въ тѣхъ донесеніяхъ его, которыми мы пользовались, не встрѣчаемъ прямаго объясненія причинъ такому обороту дѣла, и можемъ только о нихъ догадываться.

Въ вопросѣ о сохраненіи или распущеніи Тарговицы, конечно, никто не былъ такъ заинтересованъ какъ братья Коссаковскіе. Въ ихъ распоряженіи находился ея литовскій отдѣлъ, а посредствомъ него ихъ власть распространялась на цѣлую Литву. Мы знаемъ какимъ образомъ они воспользовались этою властію. Съ распущеніемъ Тарговицы, конечно, прекращалась и возможность производить дальнѣйшія экономическія операціи. Но еще опаснѣе представлялось имъ то обстоятельство что, какъ только конфедерація будетъ распущена, тотчасъ обнаружится вся ея непопулярность въ польскомъ обществѣ, посыпятся иски и аппелляціи отъ людей ею обиженныхъ и ограбленныхъ, и сеймъ, уступая напору общественнаго чувства, по всей вѣроятности начнетъ пересуждать ея декреты и пересматривать ея судебныя рѣшенія. Тогда родственникамъ и друзьямъ Коссаковскихъ придется, пожалуй, или со стыдомъ возвращать назадъ имѣнія, староства, должности и т. п., или по крайней мѣрѣ подвергаться большимъ безпокойствамъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ Коссаковскіе, безъ сомнѣнія, пустили въ ходъ всѣ пружины чтобы выиграть время и продлить существованіе генеральной конфедераціи. У посланника явилась мысль что Тарговицу надобно пока сохранить: на случай какого-нибудь неожиданнаго сопротивленія со стороны сейма или его внезапнаго разрыва, у насъ подъ рукой, думалъ онъ, будетъ авторитетъ, который мы снова можемъ выдвинуть на сцену, чтобы дѣйствовать его именемъ и такимъ образомъ соблюсти тѣнь законности. Конечно, эта мысль была подсказана посланнику самимъ епископомъ Коссаковскимъ, и подсказана весьма кстати: когда пришелъ въ Гродно рескриптъ 15го іюня, сеймъ уже былъ открытъ, сеймовая оппозиція уже успѣла заявить себя, и Сиверсъ убѣдился что руководить имъ будетъ не такъ легко какъ онъ думалъ. Епископъ, вѣроятно, не упустилъ внушить и то, что вліяніе его на литовскихъ пословъ обусловливается прежде всего его положеніемъ въ генеральной конфедераціи, и что безъ этого условія онъ не ручается за ихъ повиновеніе. Какъ бы то ни было, посланникъ уступилъ этимъ внушеніямъ; въ виду начавшихся затрудненій съ сеймомъ, для него было важно обезпечить за собой содѣйствіе такого вліятельнаго лица и такого искуснаго дипломата какимъ былъ епископъ Ливонскій. Притомъ фамилія Коссаковскихъ была сильна покровитель-

ствомъ Зубова. Самая неопредѣленность упомянутаго выраженія въ рескриптѣ 26го мая, можетъ-быть, скрывала за собой нѣкоторое колебаніе въ данномъ вопросѣ. По крайней мѣрѣ мы не видимъ потомъ, чтобъ императрица выражала какое-либо неудовольствіе за неисполненіе ея порученія сообщеннаго въ рескриптѣ 15го іюня.*

Что̀ касается до предположенія Екатерины отсрочить сеймовыя засѣданія послѣ утвержденія договора объ уступкѣ земель, посланникъ высказался противъ этой отсрочки. По его словамъ, польскіе послы предпочтутъ продленіе сейма, потому что бо̀льшая ихъ часть на время сессіи получаетъ содержаніе отъ русскаго посланника; Литовцы также охотнѣе пробудутъ въ Гроднѣ нѣсколько лишнихъ недѣль чѣмъ поѣдутъ домой съ тѣмъ чтобъ опять возвратиться. Притомъ вмѣстѣ съ договоромъ объ уступкѣ надобно было спѣшить договоромъ о союзѣ и торговлѣ, а также изданіемъ новой конституціи, прежде нежели Пруссаки и Австрійцы примутъ свои мѣры противъ русскаго преобладанія въ Польшѣ.

V.

Сеймовый маршалъ.—Открытіе сейма.—Начало оппозиціи.—Арбитры.—Вопросъ о делегаціи.

Съ приближеніемъ сейма городъ принималъ все болѣе и болѣе оживленный видъ: послы мало-по-малу съѣзжались сюда со всѣхъ концовъ Польши и Литвы. Сиверсу, при его болѣзняхъ и лѣтахъ, очень не легко было справляться со множествомъ разнаго рода вопросовъ и въ то же время заботиться о помѣщеніи, содержаніи и угощеніи значительнаго

* Наши соображенія въ этомъ случаѣ подтверждаются слѣдующими данными. Въ послѣдствіи Сиверсъ самъ сознавался что онъ сдѣлалъ ошибку, уступивъ внушеніямъ Коссаковскихъ и позволивъ конфедераціи такъ долго существовать рядомъ съ сеймомъ (Blum, 434). По поводу бурныхъ сценъ, возникшихъ при открытіи сейма, Сиверсъ въ письмѣ къ императрицѣ прямо говоритъ что Коссаковскіе напередъ предвидѣли возможный разрывъ сейма и новое оживленіе конфедераціи (Blum, 276). Можетъ-быть и самая оппозиція, заявившая себя при началѣ сейма, не обошлась безъ тайнаго участія епископа, желавшаго нагляднымъ образомъ показать что конфедерація еще можетъ понадобиться.

количества сеймовыхъ пословъ. Такъ какъ нельзя было принимать ихъ всѣхъ за-разъ, то онъ завелъ очередные обѣды на 60 человѣкъ. „Эти обѣды—пишетъ онъ дочери—меня обременяютъ. Подумай! На каждые два дня по одному обѣду въ 60 приборовъ и съ пьяницами, которыхъ я даже не знаю.“ Въ другомъ письмѣ Яковъ Еѳимовичъ, какъ любитель всего изящнаго, съ удовольствіемъ сообщаетъ что онъ былъ въ одномъ собраніи, гдѣ нѣкая графиня Камели превосходно пѣла италіянскія аріи; что состоящій при посольствѣ графъ Морелли также поетъ очень пріятно и играетъ на гитарѣ, а иногда они поютъ вмѣстѣ.

Дней за пять до открытія сейма, въ Гродно прибылъ изъ Бѣлостока король со своею сестрой, пани Краковской, и съ двумя племянницами (Мнишекъ и Тышкевичъ). Около того же времени иностранные министры также покинули Варшаву и собрались въ Гродно, именно: папскій нунцій (Салуццо), повѣренные англійскій (Гарднеръ), шведскій (Толь) и голландскій (Кригсгеймъ).

Русскому послу предстояло еще рѣшить важный вопросъ о томъ, кто будетъ руководить засѣданіями сейма, то-есть кого выбрать въ сеймовые маршалы? Предположенія свои на этотъ счетъ онъ изложилъ въ депешѣ отъ 22го мая (2го іюня): „Для Литвы я думаю выбрать вице-маршала настоящей конфедераціи литовской Забѣлло, генералъ-поручика и великаго ловчаго, который отличился усердіемъ и преданностью къ Россіи. Для Польши еще не рѣшилъ; ожидаю возвращенія графа Ожаровскаго изъ Краковскаго воеводства. Еслибъ я его убѣдилъ принять маршальскій жезлъ, то былъ бы увѣренъ въ успѣхѣ, благодаря его талантамъ и усердію. Но этотъ жезлъ сдѣлался гибеленъ для князя Понинскаго, и судьба его ихъ устрашаетъ. * Если не удастся побѣдить его щекотливость, то первымъ послѣ него стоитъ у меня въ спискѣ графъ Бѣлинскій, великій коронный нотарій, человѣкъ испытанныхъ талантовъ и усердія, но, расточивъ свое имѣніе, онъ не пользуется общественнымъ уваженіемъ. Второй за нимъ слѣдуетъ графъ Анквичъ, бывшій посломъ въ Даніи во время революціи, человѣкъ разорившійся; но я

* Адамъ Понинскій, великій коронный подскарбій и маршалъ на сеймѣ 1773—1775 гг., на которомъ утвержденъ былъ первый раздѣлъ Польши. Четырехлѣтній сеймъ арестовалъ его, подвергъ суду и лишилъ всѣхъ его достоинствъ.

ручаюсь за его преданность, если кто-нибудь не заплатитъ ему болѣе меня. Третьимъ стоитъ графъ Міончинскій, точно также разорившійся, но всегда вѣрный своимъ добрымъ принципамъ относительно Россіи. Послѣднимъ и послѣ Ожаровскаго наиболѣе надежнымъ былъ бы вице-маршалъ конфедераціи Пулавскій; но ему не достаетъ таланта чтобы руководить сборищемъ во 140 человѣкъ.“ Итакъ, по истинѣ неутѣшительный выборъ предстоялъ нашему посланнику, когда пришлось обезпечить за нами важный постъ сеймоваго маршала: списокъ его занимаютъ картежные игроки и шулера въ родѣ Бѣлинскаго и Міончинскаго, или такіе продажные люди какъ Анквичъ, или такое ничтожество какъ Пулавскій (младшій членъ той семьи которая отличилась во времена Барской конфедераціи). *

---

* Объ одномъ изъ приведенныхъ лицъ, именно о Міончинскомъ, кромѣ мемуаровъ Кожмяна, мы находимъ еще слѣдующія подробности въ запискахъ Михаловскаго (II. 16): „Въ картахъ онъ былъ геніальнымъ шулеромъ; а что̀ удивительно и даже неправдоподобно, каждому, кто садился съ нимъ, напередъ говорилъ что обыграетъ его, но тѣмъ никого отъ игры не останавливалъ.“ Епископъ виленскій, князь Масальскій, также любившій веселую жизнь и карты, однажды обыгранный Міончинскимъ, далъ слово никогда съ нимъ болѣе не играть. Года чрезъ два послѣ того, епископъ, во время своего путешествія въ Римъ, остановился въ Венеціи, и въ одной кофейнѣ былъ увлеченъ въ игру какимъ-то Армяникомъ, который металъ банкъ фараона. Проигравъ тысячъ сто злотыхъ, епископъ, печальный, собирался уйти, какъ вдругъ мнимый Армянинъ сдернулъ съ себя парикъ и бороду, и явившійся на мѣсто его Міончинскій сказалъ: „А вотъ ваша княжеская милость не сдержали своего слова!“ Онъ часто занималъ деньги у пріятелей и никогда не платилъ долговъ; но за то еще чаще раздавалъ ихъ, и никогда не спрашивалъ обратно. Онъ выигралъ огромныя суммы въ Польшѣ и за границей; а подъ конецъ жизни существовалъ только небольшою русскою пенсіей (Małe parta idzie do czarta, замѣчаетъ Михаловскій). Этотъ глубоко испорченный, но даровитый человѣкъ, во всю свою жизнь не прочелъ ни одной книжки; но такъ умѣлъ занять своею бесѣдой и такъ остроумно спорилъ, что начитанные люди отступали предъ нимъ на задній планъ. При всей его безнравственности, по замѣчанію тѣхъ же записокъ, не было человѣка который пользовался бы большею популярностью между шляхтой. Такая популярность, конечно, бросаетъ яркій свѣтъ и на самое шляхетское общество того времени.

Окончательное свое рѣшеніе по этому вопросу Сиверсъ сообщаетъ въ депешѣ отъ 4го (15го) іюня. „Послѣ моихъ разговоровъ съ Ожаровскимъ о маршальскомъ жезлѣ, который онъ цѣнитъ слишкомъ дорого, я рѣшилъ въ пользу Бѣлинскаго, посла отъ Варшавы. Онъ краснорѣчивъ, уменъ, проницателенъ, постоянно былъ преданъ Россіи, ненавидитъ короля и дворъ, бѣденъ и разстроенъ въ своихъ дѣлахъ; надобно будетъ его кормить. Я обѣщалъ ему мѣсто маршала постояннаго совѣта. Еслибы конфедерація уничтожилась, то Забѣлло былъ бы сеймовымъ маршаломъ отъ Литвы; на этотъ случай я заставилъ выбрать его въ послы отъ Гродна. Но такъ какъ конфедерація остается и притомъ можетъ возникнуть соперничество между двумя президентами, то я рѣшилъ что будетъ только одинъ сеймовый маршалъ, чему уже бывали примѣры. На случай болѣзни Бѣлинскаго, его жезлъ возьметъ Анквичъ, посолъ отъ Краковскаго воеводства. Уладивъ это дѣло, перейду къ другому важному пункту, къ назначенію литовскаго канцлера, безъ котораго сеймъ не могъ бы дѣйствовать. За смертью Сапѣги, я рѣшилъ чтобы конфедерація представила королю на его мѣсто вице-канцлера Хребтовича, который теперь въ Карлсбадѣ. Вы знаете гдѣ находятся его земли, и слѣдовательно мы можемъ быть въ немъ увѣрены. Онъ всегда слылъ за преданнаго Россіи, и уступилъ потоку революціи однимъ изъ послѣднихъ. На мѣсто вице-канцлера я назначаю графа Платера, каштеляна Троцкаго; онъ извѣстенъ за друга короля; но его земли въ русскихъ владѣніяхъ; епископъ (Коссаковскій) также за него ручается. Польнымъ литовскимъ гетманомъ думаю сдѣлать Забѣлло, а Гелгуда литовскимъ маршаломъ.“

Въ это время Сиверсъ болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать трудность своей задачи, но утѣшаетъ себя тѣмъ что тяжелое для него время сейма продолжится не долго, всего двѣ, три недѣли. * Въ полномъ успѣхѣ, повидимому, не было сомнѣнія: выборы въ Польшѣ совершились согласно съ желаніями русскаго правительства; а литовскіе послы большею частію были кліенты Коссаковскихъ; преданность послѣднихъ простиралась до того что они неоднократно предлагали,

* Такую надежду раздѣлялъ съ нимъ и его прусскій товарищъ, но онъ полагалъ нѣсколько болѣе времени. „Я надѣюсь, писалъ онъ Мёллендорфу, что въ концѣ іюля или въ началѣ августа все будетъ окончено.“ (*Hermann. Ergänz. Band*, 424.)

вмѣсто раздѣла, присоединеніе всей Польши къ Русской имперіи. Слѣдовательно, огромное большинство сейма принадлежало къ русской партіи и обезпечивало за нами исходъ дѣла. Прусское правительство, наоборотъ, могло насчитать только небольшую горсть своихъ приверженцевъ, то-есть людей состоявшихъ у него на жалованьи. Положеніе этихъ людей было весьма щекотливое при общемъ раздраженіи Поляковъ противъ Пруссіи, какъ вѣроломной союзницы и главной виновницы новаго раздѣла. Число сенаторовъ явившихся на сеймъ было такъ незначительно что собраніе ихъ едва ли могло быть названо сенаторскою избой; оно простиралось только до 12 или 13 человѣкъ, включая сюда и наличныхъ министровъ. Донося объ этомъ непріятномъ обстоятельствѣ, Сиверсъ прибавляетъ что надобно съ нимъ помириться, и что оно обнаруживаетъ намѣреніе двора не слишкомъ мѣшаться въ дѣло.

Расчитывая на скорое окончаніе сейма, Яковъ Ефимовичъ, очевидно, не зналъ еще что выборы не вездѣ произведены были такъ удачно какъ онъ думалъ. Несмотря на всѣ мѣры принятыя русскими агентами и Тарговицкою конфедераціей, въ число пословъ все-таки успѣли проникнуть нѣсколько смѣлыхъ патріотовъ, рѣшившихся на самую упорную оппозицію. Наиболѣе рьяные изъ нихъ оказались выбранными въ тѣхъ воеводствахъ, въ которыхъ вліяніе короля почиталось наиболѣе сильнымъ, то-есть въ Мазовіи, Плоцкѣ и Равѣ (Карскій, Микорскій, Шидловскій, Краснодембскій, Раковскій, Цемневскій и др.). А между тѣмъ русскій посланникъ въ депешахъ своихъ съ особенною похвалой отозвался объ успѣхѣ Игельштрома, который руководилъ выборами именно въ этихъ воеводствахъ.

Наканунѣ 6го (17го) іюня Сиверсъ созвалъ на совѣтъ вождей русской партіи; у него сошлись: епископъ Коссаковскій, Рачинскій, Мошинскій, Ожаровскій, Бѣлинскій, Платеръ и Анквичъ, и тутъ условлено было все относящееся къ ходу перваго дня сейма, а главнымъ образомъ выборъ Бѣлинскаго въ сеймовые маршалы. На слѣдующее утро, въ понедѣльникъ, въ королевскомъ замкѣ собрались сенаторы и послы, и вмѣстѣ съ королемъ отправились въ замковую капеллу. Здѣсь они отслушали обѣдню, совершенную Іосифомъ Коссаковскимъ, епископомъ инфлянтскимъ. Послѣ обѣдни родственникъ его и вмѣстѣ коадъюторъ Янъ Непомуценъ

Коссаковскій, извѣстный проповѣдникъ своего времени, сказалъ проповѣдь, примѣненную къ обстоятельствамъ дня. Главная мысль ея была слѣдующая: „Богъ, будучи высочайшею благостію, сотворилъ человѣка для того чтобъ онъ былъ вѣчно счастливъ; а тѣ горести и несчастія, на которыя жалуется свѣтъ, суть дѣло самого человѣка.“ По окончаніи проповѣди король воротился въ свои покои; а послы отправились въ Посольскую избу, находившуюся тутъ же, въ королевскомъ замкѣ. Мѣста предназначенныя для арбитровъ были уже наполнены. Русскій посланникъ рѣшилъ немедленно настоять на удаленіи арбитровъ изъ залы сеймовыхъ засѣданій, и, чтобы подать примѣръ, не присутствовалъ теперь въ ихъ числѣ.

Графъ Анквичъ, какъ посолъ краковскій, первый по старшинству, взялъ маршальскій жезлъ и обратился къ собранію съ рѣчью. Онъ началъ общими фразами о бѣдствіяхъ постигшихъ отчизну, указалъ на пустыя мѣста гдѣ прежде засѣдали послы обширныхъ провинцій (занятыхъ теперь сосѣдями); намекнулъ на внутреннія распри какъ на источникъ бѣдствій для республики; съ уваженіемъ отозвался о генеральной конфедераціи, которая связала воедино всѣ воеводства, земли и повѣты, и въ заключеніе пригласилъ рыцарское сословіе выбрать сеймоваго маршала; причемъ арбитровъ попросилъ удалиться изъ палаты, по обычаю, на время этого выбора.

По выходѣ арбитровъ приступили къ подачѣ голосовъ, и маршаломъ сейма единодушно былъ выбранъ Бѣлинскій. Но когда прочли форму присяги которую онъ долженъ былъ произнести, поднялся шумъ. Присяга эта была написана въ канцеляріи генеральной конфедераціи. Тутъ, между прочимъ, было сказано что маршалъ обязанъ повиновеніемъ Рѣчи Посполитой Сконфедерованной, и кромѣ того долженъ наблюдать чтобы засѣданія сейма производились при закрытыхъ дверяхъ, то-есть безъ арбитровъ. Оба эти пункта произвели весьма дурное впечатлѣніе: въ первомъ тотчасъ увидѣли покушеніе Тарговицы подчинить себѣ самый сеймъ; а второй показался непріятною новостью, вслѣдствіе которой публика, по выраженію Сиверса, „теряла средство своего развлеченія и вліянія“. Когда шумъ немного утихъ, впустили арбитровъ. Графъ Анквичъ, обративъ свою рѣчь къ новому маршалу, напомнилъ ему что онъ третій въ ряду своей фамиліи, который беретъ на себя руководить

сеймомъ въ самое смутное для отечества время. Потомъ онъ пригласилъ Бѣлинскаго произнести присягу на исполненіе своихъ обязанностей и принять изъ его рукъ маршальскій жезлъ. Но тогда вновь поднялся шумъ изъ-за формы присяги и быстро перешелъ въ величайшій безпорядокъ. Бѣлинскій два раза становился на колѣна, но крики заглушали его голосъ; многіе послы, чтобы не допустить до исполненія обряда, соскочили со своихъ мѣстъ, отбросили скамейку и вырвали распятіе, предъ которымъ должна быть произнесена присяга. Анквичъ поднялъ жезлъ вверхъ, и, успѣвъ возстановить нѣкоторый порядокъ, пригласилъ арбитровъ снова удалиться изъ палаты. Но и послѣ того споры не прекратились. Болѣе четырехъ часовъ продолжались эти шумныя сцены, и Анквичъ наконецъ закрылъ засѣданіе до одиннадцати часовъ слѣдующаго утра.

Въ тотъ же день у Сиверса обѣдали до сорока пословъ. Послѣ обѣда онъ созвалъ опять на конференцію тѣхъ же совѣтниковъ, съ прибавленіемъ канцлера Сулковскаго. Они были того мнѣнія что источникъ безпорядковъ заключался въ ненависти, которую питали къ Тарговицкой конфедераціи многіе коронные послы, особенно мазовецкіе; говорили также о вредномъ вліяніи двора. Каждый изъ совѣтниковъ взялъ на себя сказать вліятельнымъ членамъ Посольской избы, чтобъ они обратили своихъ товарищей на истинный путь. Сиверсъ позвалъ королевскаго секретаря и поручилъ ему передать, что если король не возстановитъ порядка на сеймѣ, то послѣдствія для него будутъ очень непріятныя.

Но и второе засѣданіе было не болѣе удачно чѣмъ первое. Анквичъ опять попросилъ арбитровъ удалиться; потомъ онъ донесъ палатѣ что, по ошибкѣ канцеляріи, въ формѣ присяги написано было о повиновеніи маршала *Рѣчи Посполитой Сконфедерованной* вмѣсто: *сеймующимъ сословіямъ Рѣчи Посполитой Сконфедерованной*, и что ошибка эта уже исправлена. Такимъ образомъ одинъ пунктъ спора былъ устраненъ; но второе условіе, объ исключеніи арбитровъ, снова подняло бурю. Опять нѣсколько часовъ продолжались безплодныя пререканія, и опять рѣшеніе вопроса отложено до слѣдующаго утра. Русскій посолъ ясно могъ видѣть, что затѣяна какая-то интрига, какой-то заговоръ, и не безъ участія короля; цѣлію этой интриги, конечно, было разорваніе сейма. Заговорщикамъ нужно было выиграть только еще

одинъ день, и тогда ихъ цѣль могла быть достигнута: такъ какъ, по сеймовымъ обычаямъ, если въ теченіе трехъ дней сенаторская и посольская изба не соединятся, то сеймъ считается несостоявшимся. Усилія Коссаковскихъ и другихъ вождей Тарговицкой конфедераціи оставались безъ успѣха. Впрочемъ и самое усердіе ихъ въ этомъ дѣлѣ подвержено нѣкоторому сомнѣнію, такъ какъ въ случаѣ разорванія сейма конфедерація снова выступала на сцену еще съ большею силой чѣмъ прежде.

Яковъ Ефимовичъ снова призвалъ своихъ друзей на конференцію. Они присовѣтовали ему на слѣдующее утро отрядить къ каждому изъ шести пословъ наиболѣе производившихъ шуму по одному русскому офицеру, чтобы „дѣлать имъ компанію въ ихъ квартирахъ, пока присяга будетъ произнесена". Сиверсъ такъ и поступилъ. Пятеро изъ этихъ крикуновъ были найдены дома и задержаны; а шестой (Карскій) ушелъ и спасся въ королевскую переднюю, гдѣ его оставили въ покоѣ. Кромѣ того, чтобы поддержать свои угрозы и внушить уваженіе толпѣ, посланникъ приказалъ полку кавалеріи сѣсть на коней и стать въ полуверстѣ отъ города, а баталіону егерей расположиться на площади, по близости зáмка. Предъ началомъ засѣданія онъ отправился къ королю, сопровождаемый двумя генералами и двумя великими маршалами, коронньмъ и литовскимъ. Посланникъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что уже два дня потеряны самымъ неприличнымъ образомъ, и прибавилъ, что строго будетъ преслѣдовать дальнѣйшій безпорядокъ, ибо не позволитъ чтобы собраніе было распущено не исполнивъ своего назначенія. Король по обыкновенію началъ увѣрять въ своей невинности. Отъ него Сиверсъ съ литовскимъ маршаломъ перешелъ въ залу сената; тамъ никого еще не было. Потомъ онъ подошелъ къ дверямъ посольской палаты; здѣсь находилось небольшое количество пословъ. Сиверсъ поручилъ маршалу наблюсти, чтобъ арбитровъ не допускали, и чтобы никто изъ пословъ не уходилъ изъ засѣданія; для чего велѣлъ поставить къ дверямъ стражу.

Принятыя мѣры подѣйствовали. Третье засѣданіе было также довольно шумное; однако сеймовый маршалъ произнесъ наконецъ присягу. Онъ изъявилъ свою благодарность палатѣ за честь оказанную ему не по заслугамъ, поблагода-

рилъ также и Анквича, изъ рукъ котораго принялъ маршальскій жезлъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей назначеніемъ сеймоваго секретаря, и должность эту поручилъ пану Езерковскому, который немедленно произнесъ присягу. Далѣе, слѣдуя порядку сеймовыхъ обычаевъ, Бѣлинскій выбралъ трехъ депутатовъ въ сенатъ, чтобы донести королю объ избраніи маршала посольской избы и испросить дозволеніе на соединеніе обѣихъ палатъ. Отъ Малой Польши былъ назначенъ Теофилъ Залускій, отъ Великой—Станишевскій, а отъ Литвы князь Любецкій. Депутаты отправились въ сенаторскую избу, гдѣ нашли короля возсѣдающаго на тронѣ и окруженнаго сенаторами. Залускій, какъ старшій между депутатами, держалъ рѣчь; ему отвѣчалъ коронный канцлеръ Сулковскій; послѣ чего депутаты допущены были къ цѣлованію королевской руки. Воротясь въ посольскую избу, они, посредствомъ того же Залускаго, отдали отчетъ въ своемъ порученіи. По обычаю сеймовому, надобно было ждать депутатовъ отъ сената, которые принесли бы королевское приглашеніе соединиться съ сенаторскою избой. Но число наличныхъ сенаторовъ было такъ ничтожно, что назначеніе особой депутаціи оказалось неудобно. Маршалъ сеймовый замѣтилъ, что необходимость дорожить временемъ и желаніе скорѣйшаго соединенія палатъ заставляютъ его обойтись безъ этой церемоніи. Онъ велѣлъ сеймовому секретарю читать списокъ пословъ по порядку воеводствъ, и въ этомъ порядкѣ они отправились въ сенаторскую избу. Здѣсь, по указанію великаго маршала литовскаго, послы заняли свои мѣста. Бѣлинскій обратился къ королю съ словомъ; онъ упомянулъ о пропасти въ которую повергнулъ Рѣчь Посполитую бывшій революціонный сеймъ, и указалъ на обязанность настоящаго сейма обсудить мѣры къ облегченію бѣдствій отечества. На эту рѣчь опять отвѣчалъ коронный канцлеръ. Затѣмъ всѣ послы допущены были къ цѣлованію королевской руки, и засѣданіе закрыто до слѣдующаго дня, т.-е. до четверга.

Въ четвергъ также не обошлось безъ нѣкотораго повторенія предыдущихъ замѣшательствъ. Такъ какъ засѣданіе происходило въ сенаторской избѣ, то здѣсь исполнительная власть принадлежала одному изъ маршаловъ Рѣчи Посполитой, именно тому въ области котораго отбывался сеймъ; въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, эта власть находилась въ ру-

какъ великаго маршала литовскаго, Лудовика Тышкевича, женатаго на одной изъ племянницъ короля. Маршалъ сеймовый, по силѣ своей присяги, не могъ открыть засѣданіе въ присутствіи арбитровъ; но удаленіе ихъ должно было совершиться по распоряженію маршала литовскаго. Когда часть пословъ потребовала выполненія маршальской присяги, Тышкевичъ, очевидно принимавшій участіе въ глухой интригѣ противъ сейма, заявилъ, что присяга сеймоваго маршала ему не была сообщена, а что самъ онъ присягалъ поступать по законамъ, законы же не даютъ ему права исключать арбитровъ. Король въ этой распрѣ держалъ себя пассивно и не принималъ ни той, ни другой стороны. Наконецъ сеймовый маршалъ объявилъ, что открываетъ засѣданіе и проситъ арбитровъ удалиться. Послѣдніе вышли. Тогда Бѣлинскій донесъ собранію о полученіи двухъ нотъ за подписью посланниковъ русскаго и прусскаго. Обѣ ноты были одинаковы по формѣ и по содержанію; въ нихъ предъявлялось требованіе чтобы сеймъ назначилъ делегацію, уполномоченную вести переговоры и заключить трактаты съ двумя сосѣдними державами на основахъ деклараціи 9го апрѣля (29го марта).

Когда прочтены были ноты, король возвысилъ свой голосъ и заявилъ что онъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи на основаніи ея акта, въ которомъ главнымъ пунктомъ поставлена была цѣлость Рѣчи Посполитой, и что онъ никоимъ образомъ не отступится отъ этого пункта. Въ заключеніе онъ предложилъ сеймующимъ сословіямъ дать отвѣтъ на эти ноты въ умѣренныхъ выраженіяхъ, но съ просьбою къ двумъ дворамъ, чтобъ они возвратили республикѣ вновь забранныя у нея земли, такъ какъ польскій народъ не подалъ никакого повода къ этому забору. Затѣмъ король назначилъ въ конституціонную делегацію (которая редактировала сеймовыя постановленія или конституціи) трехъ сенаторовъ, а маршалъ сеймовый шесть пословъ. *

На слѣдующій день, то-есть въ пятницу, опять возобновились споры по поводу арбитровъ. Тышкевичъ предъявилъ полученную имъ изъ конфедератской канцеляріи копію съ присяги сеймоваго маршала и попросилъ арбитровъ удалиться. Послы мазовецкіе, съ Карскимъ во главѣ, и тутъ нашли

* Сенаторы: Суходольскій, Лазоцкій и Ледуховскій. Послы: отъ Литвы Козаковскій и Годачевскій, отъ Малой Польши Анквичъ и Міончинскій, отъ Великой—Клицкій и Древновскій.

возможность не согласиться: они возразили, что бумага которую получилъ Тышкевичъ была только копіей и не снабжена печатью, слѣдовательно она не имѣетъ силы. Присутствовавшіе члены конфедераціи, по приглашенію Тышкевича, засвидѣтельствовали подлинность документа. Но мазовецкіе послы продолжают стоять на своемъ; между тѣмъ большинство сейма требуетъ удаленія арбитровъ. Во время этого спора Тышкевичъ снова переходитъ на сторону оппозиціи и замѣчаетъ что, если говорить правду, то и самъ онъ не видитъ законной причины удалить публику. Со стороны оппозиціонныхъ пословъ послышались рукоплесканія, а по ихъ примѣру громко захлопали арбитры. Тогда на послѣднихъ посыпались сильные упреки со стороны большинства. Ожаровскій особенно горячо возсталъ противъ такого неуваженія къ королю, сенату и рыцарскому сословію. Арбитры наконецъ удалились. Маршалъ сеймовый открылъ засѣданіе. Забѣлло, посолъ волковыскій, предлагаетъ цѣлованіемъ руки выразить королю общую благодарность за его вчерашнюю рѣчь въ пользу цѣлости Рѣчи Посполитой. Послѣдовало допущеніе всѣхъ пословъ къ рукѣ его величества; церемонія эта отняла, конечно, не мало времени. Затѣмъ приступили къ обсужденію русской и прусской ноты. Нѣкоторые послы развиваютъ мысль короля, то-есть совѣтуютъ воспротивиться раздѣлу и обратиться къ великодушію русской императрицы. Епископъ Коссаковскій заявляетъ свое всегдашнее мнѣніе, что спасеніе отечества онъ видитъ только въ тѣсномъ союзѣ съ Петербургскимъ дворомъ, а если въ книгѣ судебъ предназначено Польшѣ быть исключенною изъ списка государствъ, то безполезнымъ усиліямъ онъ предпочитаетъ мужественное перенесеніе несчастія. Голынскій, черниговскій посолъ, изъявляетъ опасеніе, чтобы настоящій сеймъ не уподобился сейму 1775 года, на которомъ утвержденъ первый раздѣлъ съ завѣреніемъ, что втораго никогда не будетъ. Янковскій, сендомірскій посолъ, подаетъ проектъ такого отвѣта на ноты двухъ посланниковъ, въ которомъ говорится объ отправленіи уполномоченныхъ ко дворамъ Петербургскому, Берлинскому и Вѣнскому, съ тѣмъ чтобы при первыхъ двухъ просить о выводѣ войскъ изъ польскихъ провинцій, а при третьемъ ходатайствовать о помощи на основаніи трактатовъ гарантированныхъ всѣми тремя дворами. Галензовскій, люблинскій, предлагаетъ по-

добный же проектъ, съ прибавленіемъ чтобы декларацін обѣихъ державъ и отвѣтъ на нихъ генеральной конфедераціи были сообщены присутствовавшимъ въ Польшѣ иностраннымъ посламъ. Все собраніе выражаетъ согласіе съ его предложеніемъ. Но посреди этихъ проектовъ, и конечно для того чтобъ отвлечь отъ нихъ вниманіе, Теофилъ Залускій напоминаетъ что вмѣстѣ съ внѣшними дѣлами надобно обратить вниманіе и на внутреннія. Какъ лицо, которому конфедерація поручила финансовую часть, онъ доноситъ сейму о бѣдственномъ состояніи государственной казны; послѣ занятія провинцій сосѣдями доходы такъ уменьшились что войско не получаетъ жалованья; другіе необходимые расходы также пріостановлены; поэтому онъ проситъ прежде всего заняться согласованіемъ расходовъ съ приходами. Карскій отвѣчаетъ на это, что не допуститъ никакихъ другихъ предметовъ на обсужденіе, пока ноты не сообщены иностраннымъ министрамъ, что „надобно умереть или спасти отечество, и если нужно погибнуть, то лучше погибнуть съ честью, а не со срамомъ".

Въ субботу Тышкевичъ представилъ копію съ присяги сеймоваго маршала, снабженную всѣми формальностями, и на основаніи ея попросилъ арбитровъ удалиться, что и было исполнено. Приступили къ чтенію отвѣтовъ, которые канцлеръ отъ имени сейма долженъ былъ сообщить посламъ русскому и прусскому. Первый отвѣтъ составленъ былъ въ общихъ, неясныхъ выраженіяхъ, въ напоминаніи трактатовъ, въ обращеніяхъ къ справедливости и великодушію Русской императрицы, и оканчивался просьбой въ точности опредѣлить цѣль требуемой делегаціи. Въ отвѣтѣ Бухгольцу прямо говорилось, что сеймъ не видитъ никакого повода къ занятію польскихъ провинцій прусскими войсками и ожидаетъ что послѣднія наконецъ очистятъ край. Въ понедѣльникъ 13го (24го) іюня была прочитана отвѣтная нота обоихъ посланниковъ. Они снова требовали немедленнаго назначенія делегаціи, снабженной достаточными полномочіями. Начались оживленныя пренія. Одни послы хотятъ умолять Екатерину о великодушіи; другіе возбуждаютъ надежду на иностранныя державы, которыя не позволятъ нарушить равновѣсіе въ пользу двухъ дворовъ. Въ порывѣ краснорѣчія, лидскій посолъ Александровичъ восклицаетъ: „Государь! веди насъ, и мы за тобой послѣдуемъ." Въ отвѣтъ на это воз-

званіе, король обѣщаетъ сопротивляться всякому отчужденію провинцій, и приглашаетъ сословія вооружиться мужествомъ. Нѣкоторые поддерживаютъ проектъ Янковскаго и надежду на помощь Вѣнскаго двора. Но многіе другіе, особенно Анквичъ, противятся этому проекту. Бѣлинскій не допускаетъ его на голоса, и пытается склонить сеймъ къ назначенію делегаціи. Черезъ день послѣ того проектъ Янковскаго, однако, подвергся голосованію и получилъ большинство. Такимъ образомъ рѣшено обратиться къ иностраннымъ державамъ, преимущественно къ Англіи и Австріи, съ просьбой о вмѣшательствѣ въ пользу возвращенія провинцій занятыхъ русскими и прусскими войсками.

На засѣданіяхъ 25го и 26го іюня (нов. ст.) было произнесено много рѣчей за и противъ делегаціи. Епископъ Коссаковскій, чтобы помирить обѣ стороны, предложилъ среднюю мѣру: вмѣсто одной делегаціи назначить двѣ, такъ чтобы первая договаривалась съ русскимъ посланникомъ, а вторая съ прусскимъ; но ни той, ни другой не давать полномочія для заключенія трактата. Сеймовый маршалъ пригласилъ палату обратить особое вниманіе на это предложеніе, и 26го числа подвергъ его голосованію. Но вопросъ онъ поставилъ такимъ образомъ: Нужно ли делегацію снабдить инструкціями для договора съ Россіей и Пруссіей, или только съ одною первою? Король подалъ свое мнѣніе въ пользу послѣдняго рѣшенія, и когда собрали голоса, то оно получило 107 противъ 24. Но пока не были опредѣлены ни число делегатовъ, ни снабженіе ихъ полномочіями.

Неожиданное сопротивленіе встрѣченное союзными кабинетами со стороны короля и его торжественныя заявленія что онъ не отступитъ отъ главнаго условія, на которомъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи, не замедлили возбудить общее вниманіе въ дипломатическомъ мірѣ. Но едва ли кто вѣрилъ въ серіозность подобныхъ заявленій. Всѣмъ уже такъ хорошо были извѣстны его безхарактерность и привычка играть комедію. Тотчасъ заподозрили, что поведеніе его обусловливается внушеніями иностранной державы, и не трудно было догадаться что этою державой была Австрія, которая не могла равнодушно смотрѣть на увеличеніе Пруссіи. Въ своихъ депешахъ Сиверсъ не разъ указываетъ на частыя свиданія короля съ австрійскимъ повѣреннымъ Декаше. У короля даже завелись деньги, — замѣ-

чено въ письмѣ къ Зубову отъ 13 (24) іюня,—и онъ не торопитъ болѣе вопросомъ о своихъ долгахъ, съ которымъ прежде ни одного дня не давалъ ему покою.

Вообще Сиверсъ, послѣ не разъ высказанныхъ надеждъ, что дѣло такъ хорошо подготовленное будетъ скоро окончено, очутился въ положеніи весьма непріятномъ и затруднительномъ. „Эти дни, говоритъ онъ въ письмѣ къ дочери, была отвратительная погода; прибавь къ тому обѣды, дѣла, ложь, интриги, коварство—если все это продлится, то я потеряю всякое терпѣніе.“ „Сеймъ заставляетъ меня много работать. Я уже не сплю послѣ обѣда. Ко мнѣ ежедневно приходятъ восемь лицъ съ извѣстіями о томъ что̀ происходило на сеймѣ и для того чтобъ условиться о ходѣ слѣдующаго засѣданія. Не бойся, моя милая, чтобъ я пожелалъ остаться посреди этого легкомысленнаго народа. Они четыре дня кружили около мелочныхъ формальностей и только на пятый, испуганные моею нотой, заговорили о раздѣлѣ.“

При всѣхъ своихъ затрудненіяхъ, русскій посланникъ все еще не получалъ болѣе опредѣленныхъ и точныхъ инструкцій. Къ довершенію непріятностей, самые усердные его помощники, графы Рачинскій и Мошинскій, уѣхали на время въ Варшаву, гдѣ несостоятельность банкировъ грозила разстройствомъ ихъ собственныхъ дѣлъ. Не мало заботъ причиняли ему также предложенія литовскихъ вождей. Епископъ Коссаковскій продолжалъ увѣрять его, что вся Литва и даже часть Польши готовы совсѣмъ присоединиться къ Россіи, разумѣется съ условіемъ, чтобъ имъ сохранены были ихъ старыя привилегіи, то-есть привилегіи польской шляхты и католическаго духовенства. Партія Коссаковскихъ начинала даже слишкомъ рѣзко выставлять на сеймѣ свою приверженность къ Россіи. Тѣмъ непріятнѣе становилось положеніе прусскаго посланника въ виду горячихъ декламацій противъ Пруссіи. Послѣ засѣданія 15го (26го) мая, въ которомъ только 24 голоса оказалось противъ договора съ одною Россіей, Бухгольцъ вышелъ изъ себя и началъ выражать подозрѣніе что въ этомъ рѣшеніи участвовало тайное вліяніе русскаго посланника. А между тѣмъ Яковъ Ѳеимовичъ доноситъ, что еслибъ онъ дозволилъ, то и остальные 24 голоса соединились бы съ большинствомъ, то-есть произошло бы единогласіе. Онъ по возможности старался успоко-

ить своего прусскаго товарища, и обѣщалъ въ слѣдующемъ засѣданіи снова подать общую ноту.

Какимъ образомъ составлялись въ русскомъ посольствѣ отчеты о сеймовыхъ засѣданіяхъ, показываютъ слѣдующія слова изъ депеши Сиверса вице-канцлеру отъ 13го (24го) іюня: „Посылаю вамъ журналы шести первыхъ засѣданій, редактированные Оберомъ по донесеніямъ многихъ лицъ, *которыя не знаютъ другъ друга.*" Эти лица были, конечно, подкупленные сеймовые послы. Затѣмъ посланникъ прибавляетъ: „Вы видите что умы волнуются, и я предпочелъ бы лучше дать имъ время чѣмъ употреблять еще большее насиліе. Сегодня будутъ обсуждать мою и Бухгольцову реплику, назначатъ делегацію, и поручатъ къ завтрашнему дню приготовить проектъ инструкцій и полномочій. Завтра все это опять приговорятъ ad deliberandum (то-есть къ обсужденію), а послѣ завтра рѣшатъ. По всей вѣроятности 28го числа (нов. ст.) делегація начнетъ свои дѣйствія." Мы уже видѣли что эти разчеты, составленные въ тѣсномъ кружкѣ польскихъ совѣтниковъ, на дѣлѣ не оправдались: 26го числа сеймъ хотя и рѣшилъ вопросъ о начатіи переговоровъ съ Россіей, но при этомъ не снабдилъ делегацію никакими полномочіями. Увидимъ далѣе, что русскій посланникъ, разъ вступивъ на путь принудительныхъ мѣръ, долженъ будетъ все болѣе и болѣе удаляться отъ умѣреннаго тона и отъ своихъ мягкихъ пріемовъ.

Прежде нежели послѣдуемъ за его дальнѣйшею борьбой съ сеймовою оппозиціей, приведемъ еще одинъ эпизодъ изъ первыхъ дней того же сейма. Огинскій разказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ хотѣлъ ввести на обсужденіе палаты какой-то патріотическій проектъ относительно новой организаціи правительства. Этотъ проектъ онъ вручилъ сеймовому секретарю, въ надеждѣ что, по обычаю, его напечатаютъ и раздадутъ всѣмъ членамъ, а по прошествіи трехъ дней прочтутъ въ полномъ засѣданіи и подвергнутъ обсужденію. Но черезъ два дня, въ часъ пополуночи, нашъ подскарбій получаетъ отъ русскаго посланника записку слѣдующаго содержанія:

„Графъ, я сейчасъ узналъ, что вы рѣшились предложить сейму проектъ, о которомъ мнѣ ничего не было извѣстно, и который никакой другой цѣли не можетъ имѣть какъ только помѣшать обсужденію болѣе важныхъ предметовъ.

Обѣщаю вашему сіятельству: если вы не сообщите немедленно сеймовому маршалу о томъ что берете назадъ вашъ проектъ, то я черезъ часъ велю наложить запрещеніе на ваши имѣнія."

Гродно 19 іюня 1793. *Сиверсъ.*

Огинскій въ ту же минуту увѣдомилъ Бѣлинскаго объ этой запискѣ, и прибавилъ, что онъ не можетъ взять назадъ проекта, но что сеймовый маршалъ пусть поступитъ съ нимъ такъ, какъ предписываютъ ему его обязанности (то-есть пусть отложитъ его въ сторону). На слѣдующее утро литовскій подскарбій явился къ Сиверсу и, не говоря ни слова о полученной ночью запискѣ, попросилъ позволенія удалиться на нѣкоторое время въ свои помѣстья, близь Варшавы, такъ какъ здоровье его нуждалось въ особыхъ попеченіяхъ. Посланникъ не затруднился исполнить его просьбу, и только взялъ съ него обѣщаніе воротиться въ Гродно, какъ скоро здоровье ему это позволитъ. Огинскій немедленно уѣхалъ, конечно, весьма довольный возможностью хотя на время выйти изъ своей неловкой роли польскаго патріота и въ то же время слуги русскаго правительства.* Впрочемъ онъ недолго пользовался этою возможностью, и вскорѣ, по требованію посланника, снова явился на сеймъ.

VI.

Строгія мѣры русскаго посланника.—Петербургскія инструкціи.—Проектъ полномочій для депутаціи.—Назначеніе депутатовъ.

Обратимся къ тѣмъ средствамъ которыя Сиверсъ употребилъ чтобы побѣдить упорство короля въ вопросѣ о делегаціи. „Руководимый совѣтами моихъ друзей, доноситъ онъ,

* Приведенный случай представляетъ одинъ изъ примѣровъ неточностей и невѣрностей, которыми изобилуютъ мемуары Огинскаго. По его разказу, онъ 17го числа, въ день открытія сейма, держалъ рѣчь о необходимости реформъ и тутъ же подалъ свой проектъ сеймовому секретарю. А извѣстно, что 17е число прошло въ спорахъ о формѣ присяги сеймоваго маршала, секретарь еще не былъ назначенъ, и палаты еще не соединялись. Огинскій внесъ свой проектъ только въ засѣданіи 24го іюля, и тогда онъ въ первый разъ говорилъ въ палатѣ. (Коггевр. 1317.).

я воздержался отъ наказанія нѣкоторыхъ членовъ сейма; но рѣшилъ направить слѣдующія мѣры противъ короля, который позволилъ себѣ поведеніе столь враждебное, послѣ того какъ обѣщалъ совершенно пассивное: 1) я объявилъ варшавскому банкиру Мейснеру, амстердамскому Гасельгрону и повѣреннымъ другихъ банкировъ, что ничего не будетъ сдѣлано относительно долговъ короля прежде подписи договора и конца сейма; 2) я написалъ двумъ подскарбіямъ и шамбеляну Бадини, директору королевскихъ экономій, чтобъ они ничего не уплачивали королю; 3) великій маршалъ литовскій Тышкевичъ обнаружилъ большое пристрастіе къ арбитрамъ; я приказалъ генераламъ наложить секвестръ на его имѣнія; 4) я написалъ къ князю-примасу приглашеніе немедленно прибыть сюда. Бухгольцъ также послалъ ему патетическое письмо."

Въ виду этихъ строгостей, король прислалъ къ Сиверсу своего секретаря съ разными извиненіями; но тотъ отвѣчалъ что не желаетъ входить ни въ какія сношенія съ королемъ, пока не получитъ всего что̀ требуетъ. Затѣмъ два дня секретарь не являлся къ посланнику; но въ слѣдующіе три онъ нѣсколько разъ навѣщалъ его, чтобы просить о снятіи секвестра съ доходовъ королевскихъ и съ имѣній Тышкевича. Сиверсъ повторялъ что онъ сниметъ секвестръ только послѣ назначенія делегаціи и подписи договора, а также послѣ недвусмысленныхъ доказательствъ болѣе искренняго поведенія со стороны короля. *

Игельштромъ не замедлилъ отозваться изъ Варшавы полнымъ сочувствіемъ на строгія мѣры къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть русскій посланникъ. Въ письмѣ къ нему, отъ 28 іюня, онъ высказываетъ свой взглядъ на польскихъ энтузіастовъ и на средства ихъ укрощенія. Онъ не вѣритъ искренности этого энтузіазма, и полагаетъ что каждый изъ нихъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ *эгоизмомъ*, а *патріотизмъ* служитъ ему только предлогомъ; что противъ нихъ

* Огинскій разказываетъ, будто бы, когда посланникъ велѣлъ прекратить уплату королевскихъ доходовъ, многіе члены сейма, къ великой досадѣ Сиверса, сложились и предложили королю полмилліона польскихъ злотыхъ; послѣдній однако, поблагодаривъ ихъ, отклонилъ предложеніе. Со словъ Огинскаго это извѣстіе повторяютъ Ферранъ и Блумъ; но въ донесеніяхъ посланника мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго.

надобно употреблять то же оружіе, то-есть проповѣдывать патріотизмъ, а эгоизмъ или подавлять, или удовлетворять. Надобно каждаго изъ нашихъ сторонниковъ ублажать сообразно съ его слабостями и поддерживать ихъ взаимную антипатію тамъ гдѣ она встрѣчается. А упрямыхъ должно отсылать въ мѣста занятыя войсками покойнаго Кречетникова, подъ тѣмъ предлогомъ что они дѣйствуютъ несогласно со своими инструкціями; а чтобы никто не зналъ куда они отправлены, на каждой станціи мѣнять ихъ имена; такимъ образомъ о нихъ скоро забудутъ. „Что касается до арбитровъ, какъ въ палатѣ, такъ на улицахъ и въ домахъ, продолжаетъ Игельштромъ,—то мой добрый совѣтъ вашему превосходительству устроить въ Гроднѣ русскую полицію, и слѣдующимъ образомъ: четыре баталіона егерей съ ихъ пушками и восемь орудій полевой артиллеріи ввести въ городъ, раздѣлить его на четыре участка, каждому баталіону поручить особый участокъ, каждый участокъ подраздѣлить на четыре квартала, чтобы на всякую роту пришлось по кварталу. Господа генералы пусть устроятъ гауптвахту, пикеты и резервы поддержанные пушками. Никто не долженъ войти въ городъ или выйти изъ него безъ вашего особаго позволенія. Во время сеймовыхъ засѣданій пусть всѣ жители сидятъ дома. Всѣ дороги изъ Гродна на разстояніи четверти мили должны быть заняты казаками и карабинерами. Такой порядокъ, введенный хотя только на три дня, заставитъ все войти въ свою колею, возстановитъ спокойствіе и сдѣлаетъ васъ диктаторомъ. Примите, мой дорогой другъ, этотъ совѣтъ за знакъ моей откровенности съ вами и моего усерднаго желанія чтобы вы на вѣчныя времена воздвигли себѣ мраморную колонну въ русской и польской исторіи.“

Подобные совѣты вызываютъ невольную улыбку при мыслѣ о той неудачѣ какую потерпѣлъ ихъ авторъ въ слѣдующемъ году, когда ему самому пришлось играть главную роль въ польской драмѣ. Впрочемъ энергическія мѣры, имъ предложенныя, не остались безъ нѣкотораго примѣненія, какъ окажется въ послѣдствіи.

Мы видѣли что Сиверсъ и Бухгольцъ обратились къ примасу съ просьбой прибыть на мѣсто дѣйствія; они надѣялись посредствомъ него сдерживать неумѣстную оппозицію короля и просили пріѣхать если не прямо въ Гродно, то по крайней мѣрѣ въ Бѣлостокъ. Эту письменную просьбу Игель-

штромъ долженъ былъ поддержать словесно. Но все его марсіальное краснорѣчіе оказалось несостоятельнымъ въ борьбѣ съ дипломатическою гибкостью князя-примаса. Послѣдній выражалъ свое искреннее желаніе чтобы трактатъ объ уступкѣ провинцій былъ заключенъ какъ можно скорѣе, потому что измѣнить уже ничего нельзя. Онъ соглашался съ тѣмъ что сеймъ дѣйствуетъ по внушенію эгоизма, и что одна партія старается очернить другую. Но когда его приглашали явиться посредникомъ между ними, хотя бы не принимая участія въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, онъ отвѣчалъ что примасъ не можетъ присутствовать въ Гроднѣ, не имѣя мѣста и голоса на сеймѣ. А такъ какъ онъ не принималъ никакого участія въ выборахъ и не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ посольскихъ голосовъ, то что̀ же онъ будетъ дѣлать на сеймѣ?

Игельштромъ сообщалъ между прочимъ Сиверсу о ложныхъ слухахъ распространявшихся въ Варшавѣ: будто русскій посланникъ согласился съ королемъ и конфедераціей не допускать заключенія трактата съ Пруссіей, и будто самъ онъ, то-есть Игельштромъ, ожидаетъ повелѣнія соединиться съ Поляками и выгнать Пруссаковъ изъ польскихъ провинцій. Распространенію подобныхъ слуховъ много способствовалъ присланный отъ Ожаровскаго коронной арміи приказъ чтобъ она держалась наготовѣ. Съ того времени варшавскій арсеналъ запертъ двойною цѣпью; казармы оберегаются двойною стражей; солдаты польскіе всю ночь не гасятъ огня въ своихъ помѣщеніяхъ, не раздѣваются и держатъ всегда заряженными ружья и пушки. Пикеты усилены, и почти ежечасно высылаются патрули, хотя въ Варшавѣ и Прагѣ все спокойно. Игельштромъ проситъ Сиверса внушить Ожаровскому чтобы тотъ взялъ назадъ свой приказъ и безъ его согласія не предпринималъ бы никакихъ мѣръ.

Между тѣмъ въ засѣданіи 17го (28го) іюня представлена была общая нота отъ русскаго и прусскаго посланниковъ: они высказывали свое удивленіе относительно попытки сейма разъединить интересы двухъ тѣсно соединенныхъ дворовъ, и вновь требовали назначенія делегаціи уполномоченной договариваться съ обоими посланниками вмѣстѣ. Но эта нота не произвела впечатлѣнія, такъ какъ вожди большинства уже заручились позволеніемъ отдѣлить Россію отъ Пруссіи въ вопросѣ о договорѣ. Въ тотъ же день Голынскій, посолъ черниговскій,

предлагалъ сейму свой проектъ инструкцій для депутаціи или для коммиссіи имѣющей договариваться съ русскимъ посланникомъ (эту коммиссію рѣшено было назвать депутаціей, а не делегаціей, чтобы самымъ названіемъ уменьшить ея значеніе). Оба документа, то-есть нота посланниковъ и проектъ Голынскаго, были приняты ad deliberandum до слѣдующаго засѣданія. Но въ это засѣданіе (1го іюля н. ст.) поднимается вопросъ объ ограниченіи настоящаго сейма извѣстнымъ срокомъ; при чемъ нѣкоторые послы предлагаютъ перенести сеймъ въ Варшаву, другіе хотятъ совсѣмъ его распустить. Безплодныя пренія длятся болѣе четырехъ часовъ; наконецъ вопросъ получаетъ turnum (голосованіе), и рѣшено продолжить сеймъ до 15го іюля. Затѣмъ переходятъ къ проекту Голынскаго. Этотъ проектъ, по выраженію Сиверса, былъ одно пустое многословіе: объ уступкѣ земель ни слова; напротивъ, выражена надежда на великодушіе императрицы относительно ихъ возвращенія. Вмѣсто полномочія, депутаціи предоставляются простые переговоры съ русскимъ посланникомъ о торговомъ трактатѣ и о союзѣ, и притомъ съ приглашеніемъ австрійскому послу присутствовать при этихъ переговорахъ. Въ заключеніе отъ депутатовъ требуется присяга въ томъ что они ни отъ кого не примутъ никакихъ подарковъ или обѣщаній. Проектъ этотъ поддержанъ членами оппозиціи, подвергается нѣкоторымъ легкимъ замѣчаніямъ, однако не получаетъ большинства голосовъ.

Сиверсъ ясно видѣлъ что всѣ три партіи, королевская или придворная, патріоты и Коссаковскіе, соединились вмѣстѣ чтобъ оттягивать дѣло объ уступкѣ провинцій въ надеждѣ на событія которыя могутъ измѣнить политику сосѣднихъ державъ. Воображеніе Поляковъ, по словамъ Сиверса, „постоянно ласкается подобными надеждами". По совѣту своихъ друзей, онъ рѣшилъ снова прибѣгнуть къ аресту наиболѣе безпокойныхъ пословъ. На слѣдующій день семеро изъ нихъ были задержаны въ своихъ квартирахъ и не могли явиться на засѣданіе.

Едва открылось это засѣданіе, какъ князь Адамъ Понинскій, посолъ инфлянтскій, доноситъ палатѣ объ арестѣ товарищей и объявляетъ что онъ не допуститъ никакихъ совѣщаній пока послы не воротятся на свои мѣста. * Въ палатѣ

* Этотъ Понинскій былъ сынъ извѣстнаго маршала на сеймѣ 1773 года и, очевидно, старался своимъ участіемъ въ оппозиціи смягчить непопулярность тяготѣвшую надъ его семействомъ.

тотчасъ поднялся шумъ. Многіе хотятъ обратиться съ протестомъ противъ насилія ко всѣмъ иностраннымъ державамъ. Сеймовый маршалъ приглашаетъ собраніе подать чрезъ посредство канцлеровъ ноту русскому посланнику съ заявленіемъ что сеймъ прекращаетъ свои совѣщанія, пока не будутъ освобождены арестованные послы. По предложенію другихъ членовъ, въ ту же ноту поручено занести просьбу о снятіи запрещенія съ доходовъ короля и съ имѣній Тышкевича. Нѣкоторые требуютъ чтобъ эта нота была сообщена иностраннымъ министрамъ присутствующимъ въ Гроднѣ и занесена въ volumina legum. Бѣлинскій уклоняется отъ послѣдняго требованія, замѣчая что каждое постановленіе сейма и безъ того заносится въ книгу законовъ. Проектъ ноты русскому посланнику былъ немедленно составленъ и одобренъ палатой, которая послѣ того погрузилась въ совершенное молчаніе, показывая на самомъ дѣлѣ свое рѣшеніе воздержаться отъ всякихъ совѣщаній до возврата арестованныхъ пословъ. Тогда король закрылъ засѣданіе на два часа, и удалился съ частію пословъ; но бóльшая ихъ часть осталась.

Коронный канцлеръ поспѣшилъ къ Сиверсу и, не подавая ему ноты офиціально, сообщилъ ее конфиденціально, съ извѣстіемъ о всемъ происходившемъ на сеймѣ. Посланникъ собралъ на совѣтъ своихъ друзей и, по ихъ настоянію, велѣлъ удалить офицеровъ которые „дѣлали компанію“ семерымъ патріотамъ.

Засѣданіе возобновилось не ранѣе 7 часовъ вечера. Канцлеръ донесъ палатѣ что нота адресованная на имя русскаго посланника оказалась излишнею, потому что приказъ объ освобожденіи пословъ былъ уже подписанъ. Епископъ Коссаковскій, подтвердивъ это извѣстіе, совѣтовалъ удовольствоваться такимъ результатомъ и не раздражать сосѣдней державы, въ дружбѣ которой Польша наиболѣе нуждается. Волненіе, поднятое утромъ, успѣло затихнуть, и рѣчь его была принята благосклонно. Краснодембскій попытался было возразить что сеймъ не получилъ никакого отвѣта на свою просьбу о снятіи запрещенія съ королевскихъ доходовъ и съ имѣній Тышкевича; но король закрылъ засѣданіе до слѣдующаго утра. Онъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ старался посвятить это засѣданіе проекту инструкцій для депутаціи. Но обсужденіе проекта было прерываемо, съ одной стороны, послами оппозиціи, которые обращались къ рѣшенію прошлаго дня,

все еще не приведенному въ исполненіе, а съ другой, русскими сторонниками, которые рѣшились открыто поставить вопросъ объ уніи Польши съ Россіей. Первый началъ говорить въ этомъ смыслѣ Залѣсскій, посолъ подлясскій. Онъ привелъ въ примѣръ унію Литвы съ короною Польскою и королевства Чешскаго съ Венгерскимъ, то-есть предложилъ соединеніе Польши съ Россіей подъ однимъ скипетромъ, при сохраненіи всѣхъ принадлежностей особаго государства. Нѣкоторые изъ пословъ пытаются поддержать эту мысль. Но оппозиція, особенно Карскій, Шидловскій и Понинскій, отвергаетъ ее, и безпрерывно возвращается къ своему требованію чтобы протестъ противъ насилій чинимыхъ сейму былъ врученъ какъ Сиверсу, такъ и другимъ иностраннымъ министрамъ, и притомъ внесенъ въ книгу законовъ. Одинъ изъ членовъ оппозиціи, Служевскій, посолъ сендомірскій, бросаетъ укоръ сеймовому маршалу въ томъ что онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ Сиверсомъ, и что слухи приписываютъ ему самый арестъ пословъ, такъ какъ засѣданія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, и русскій посланникъ не долженъ бы знать о томъ кто противится его требованіямъ. Бѣлинскій называетъ эти слухи клеветой. Его защищаютъ нѣкоторые послы, особенно Міончинскій, и просятъ, оставивъ личныя антипатіи, воротиться къ общественному дѣлу.

Въ томъ же засѣданіи прочтено было посланіе Щенснаго-Потоцкаго изъ Петербурга, отъ 2го (13го) іюня. Онъ доносилъ собранію что выполнилъ порученіе генеральной конфедераціи и для поправленія здоровья удаляется за границу. Въ заключеніе своего посланія онъ совѣтуетъ уступить необходимости и стараться только о сохраненіи хотя небольшой части Польши, напоминая что при началѣ своемъ она была еще меньше. Подъ конецъ засѣданія прочли вновь проектъ инструкціи Голынскаго и о томъ же предметѣ проектъ составленный канцлерами; но въ вопросѣ которому изъ нихъ отдать предпочтеніе не пришли ни къ какому рѣшенію. На слѣдующій день снова та же исторія. Едва началось обсужденіе инструкцій, какъ Понинскій прерываетъ его и вноситъ проектъ о безопасности сеймовыхъ пословъ.

Его поддерживаютъ многіе товарищи, и послѣ разныхъ преній собраніе постановляетъ чтобы сеймъ, въ случаѣ ареста кого-либо изъ его членовъ, прекратилъ свою дѣятельность. Затѣмъ опять поднимается вопросъ объ ограниченіи

сейма извѣстнымъ срокомъ и о перенесеніи его въ Варшаву. Потомъ возвращаются къ вопросу о депутаціи и снова прерываютъ его другими предметами.

Между тѣмъ Сиверсъ получилъ наконецъ болѣе опредѣленныя инструкціи отъ своего двора. Въ рескриптѣ отъ 15го іюня императрица хвалитъ его усердіе въ дѣлѣ о нарушенной Пруссаками демаркаціонной линіи; особенно совѣтуетъ настоять на соблюденіи условленной линіи въ воеводствахъ Равѣ и Плоцкѣ, по близости ея къ Варшавѣ, которая такимъ образомъ очутится на самой границѣ. Впрочемъ, предписывалось дѣйствовать въ дружескомъ духѣ относительно Пруссаковъ, и если неудобно провести прямую линію, то провести искривленную, но такъ чтобъ ущерба не было ни съ какой стороны. Другой рескриптъ отъ того же числа говоритъ, что какъ скоро уступка провинцій будетъ ратификована, то у Сиверса уже не останется болѣе общихъ операцій съ прусскимъ посланникомъ, „и мое вліяніе въ Польшѣ, прибавляетъ рескриптъ, возымѣетъ свое прежнее, прямое и независимое дѣйствіе". Императрица высказываетъ увѣренность что союзный договоръ между нею и республикой Поляки примутъ съ восторгомъ и признательностію. Одновременно съ этимъ договоромъ долженъ быть заключенъ еще особый коммерческій трактатъ. При этомъ поручается поставить на видъ Полякамъ всю разность между политикой Россіи и Пруссіи: императрица всегда позволяла имъ торговать съ черноморскими портами чрезъ русскія владѣнія, пріобрѣтенныя не отъ Польши; а Прусскій король, вопреки договорамъ, ставитъ препятствія ихъ торговлѣ чрезъ свои владѣнія, отнятыя у Рѣчи Посполитой.

Въ слѣдующихъ затѣмъ рескриптахъ, отъ 23го іюня, императрица предписываетъ строго согласоваться съ ея прежними инструкціями, а именно: 1) посланникъ не долженъ поощрять Литовцевъ въ ихъ предложеніяхъ отдѣлиться отъ Польши и соединиться съ Россіей, а напротивъ, пусть устраиваетъ ихъ согласіе съ другими послами республики въ дѣлѣ объ уступкѣ провинцій; 2) пусть отложитъ пока въ сторону всѣ другіе вопросы и между прочимъ вопросъ о верховной зависимости Курляндіи; 3) относительно польскихъ войскъ получитъ подробныя инструкціи въ послѣдствіи. Между прочимъ императрица сообщаетъ о домогательствахъ Вѣнскаго двора: Австрія желаетъ принять участіе во второмъ раздѣлѣ,

и проситъ согласія Екатерины на немедленное занятіе Кракова и нѣсколькихъ земель сосѣднихъ съ Галиціей. Но согласиться на это значило бы слишкомъ ослабить Польшу. Можно бы воспользоваться домогательствами Австріи чтобы заставить Пруссаковъ отказаться отъ Ченстохова. Но Пруссаки по своей жадности быстро захватываютъ, и разъ захваченное въ руки не отдаютъ. „Продолжайте, говорится далѣе, настаивать на назначеніи делегаціи для переговоровъ съ вами и вашимъ прусскимъ товарищемъ, съ вами первымъ. Употребляйте по очереди обѣщанія и угрозы, держитесь инструкцій. Дайте почувствовать сеймовымъ посламъ, что если они будутъ упорствовать, то вы имѣете приказаніе прервать переговоры и поступить съ Польшей какъ съ завоеванною страной, взимать съ ней контрибуціи и предоставить ее въ распоряженіе войскъ, за исключеніемъ земель вошедшихъ въ наши владѣнія. Пригласите прусскаго министра держать тотъ же тонъ. Когда придетъ его очередь, вы устроите согласіе между нимъ и Поляками, и будете поддерживать интересы обѣихъ сторонъ по справедливости.“

Итакъ, отношенія между двумя дворами становятся далеко неискренними. Первоначальныя инструкціи, чтобы Сиверсъ дѣйствовалъ во всемъ нераздѣльно съ прусскимъ посломъ, мало-по-малу измѣняются: онъ получаетъ разрѣшеніе договариваться отдѣльно отъ своего прусскаго товарища и прежде него. Хотя предложенія партіи Коссаковскихъ о присоединеніи къ Россіи Литвы и даже всей Рѣчи Посполитой пока отвергаются; но внушенія этой партіи очевидно не оставались безъ вліянія на наши отношенія къ Пруссіи и на наши планы о будущемъ подчиненіи Польской республики.

Еще прежде нежели получены были послѣдніе рескрипты нашъ посланникъ уже рѣшилъ прибѣгнуть къ новымъ строгостямъ чтобы подвинуть вопросъ о делегаціи. Подлѣ города стояли лагеремъ баталіонъ егерей и полкъ карабинеровъ. Сиверсъ велѣлъ начальнику дивизіи генералъ-поручику Дунину усилить этотъ лагерь тремя баталіонами пѣхоты, а два эскадрона изъ полка карабинеровъ перевести въ самый городъ. Съ другой стороны Нѣмана онъ придвинулъ полкъ казаковъ, и имъ поручено содержать пикеты по дорогамъ ведущимъ въ городъ; полкъ казаковъ стоявшій въ Ковнѣ также получилъ приказъ прибыть въ Гродно. Двѣ роты гренадеръ отправлены въ имѣ-

ніе великаго маршала Тышкевича. Въ то же время посланникъ подалъ ноту съ угрозой, что если сеймъ не назначитъ немедленно делегацію снабженную полномочіями, то онъ будетъ принужденъ употребить всѣ зависящія отъ него средства чтобы задержать засѣданіе пока оно не постановитъ рѣшенія о делегаціи и не подпишетъ полномочій. Сильныя выраженія, употребленныя въ этой нотѣ о революціонерахъ 3го мая и скрытомъ якобинствѣ, произвели такое впечатлѣніе на короля что онъ чрезъ министровъ упросилъ Сиверса не настаивать на немедленномъ прочтеніи ея въ засѣданіи сейма, а прежде сообщить ея содержаніе членамъ оппозиціи. Такъ какъ князь Адамъ Понинскій и Служевскій, посолъ сендомірскій, болѣе другихъ мѣшали вопросу о делегаціи своими протестами противъ задержанія пословъ, то Сиверсъ приказалъ ихъ арестовать, но въ тотъ часъ когда ихъ не было дома. Кромѣ того, онъ послалъ ноту съ требованіемъ чтобъ они были преданы суду за неуваженіе и угрозы, которыя позволили себѣ въ отношеніи сеймоваго маршала. Эта нота также не была прочитана въ засѣданіи, а только показана кому слѣдуетъ. Демонстрація подѣйствовала: друзья Понинскаго и Служевскаго обратились къ Сиверсу съ просьбой выдать паспорты этимъ двумъ посламъ чтобъ они могли удалиться въ свои имѣнія, причемъ ручались что съ ихъ стороны не будетъ сдѣлано никакихъ протестацій. *

Ходъ засѣданія 25го іюля (6го іюня) очевидно былъ разчитанъ на дѣйствіе принятыхъ Сиверсомъ мѣръ. Начали обсуждать вопросъ что̀ отвѣчать прусскому посланнику на его послѣднюю ноту, поданную сообща съ русскимъ. Въ то время какъ одни послы совѣтуютъ вступить въ переговоры съ Пруссіей, а другіе отвергаютъ ихъ, Ожаровскій, въ качествѣ регламентарія, сообщаетъ собранію о полученныхъ имъ рапортахъ отъ одного польскаго генерала изъ Кракова. Послѣдній увѣдомлялъ что колонна прусскихъ войскъ намѣрена перейти кордонъ и двинуться еще далѣе внутрь страны, и что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обыватели получили при-

* Депеша Сиверса отъ 27го іюня (8го іюля). Повидимому, просьба ихъ была исполнена; ибо въ послѣдующихъ засѣданіяхъ мы уже не встрѣчаемъ именъ Адама Понинскаго и Служевскаго. Послѣдній былъ ротмистромъ народовой кавалеріи, и вскорѣ мы видимъ его на Бердичевской ярмаркѣ закупающимъ коней вмѣстѣ съ Охоцкимъ, который упоминаетъ о томъ въ своихъ мемуарахъ. Эти кони заготовлялись для будущаго возстанія.

kазъ отъ прусскаго генерала приготовить запасы провіанту съ угрозой экзекуціи въ случаѣ неповиновенія. Тогда литовскій гетманъ Коссаковскій произноситъ патетическую рѣчь противъ насилій Пруссаковъ и совѣтуетъ обратиться съ просьбой о помощи къ великодушію Екатерины II. Слова его возбуждаютъ жаркія выходки противъ Берлинскаго двора и противъ всякихъ переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ. Ожаровскій декламируетъ въ томъ же тонѣ и проситъ у собранія приказа оборонять отчизну. Сообщеніе упомянутаго рапорта, по всей вѣроятности, произошло не безъ согласія Сиверса; но дальнѣйшее развитіе вопроса очевидно было уже дѣломъ излишняго усердія, а можетъ-быть и какой-нибудь задней мысли. По крайней мѣрѣ Сиверсъ въ письмѣ къ Зубову прямо говоритъ, что гетманъ Коссаковскій произвелъ свою „забавную выходку противъ Пруссаковъ" не предваривъ его о томъ, а Ожаровскій не менѣе былъ смѣшонъ со своими „родомонтадами", которыя разлетѣлись въ прахъ когда „одинъ посолъ (Анквичъ) замѣтилъ, что солдаты польской арміи уже цѣлый мѣсяцъ не получаютъ жалованья и умираютъ съ голоду".

Посреди горячихъ преній, Лобаржевскій, черниговскій посолъ (и майоръ русской службы), предлагаетъ обратиться къ русскому посланнику съ просьбой о заступничествѣ противъ Пруссаковъ. Король поддержалъ это предложеніе, и къ Сиверсу немедленно отправлены оба канцлера. Тогда Іозефовичъ, посолъ инфлянтскій, вѣроятно ожидавшій только этого момента чтобы выступить съ заготовленнымъ проектомъ, обратилъ вниманіе собранія на необходимость тѣснѣйшаго союза съ Русскою императрицей, и подалъ проектъ такой делегаціи, которая снабжена была бы неограниченнымъ полномочіемъ для переговоровъ съ русскимъ посланникомъ. Нарбутъ, лидскій посолъ, называетъ этотъ проектъ смертнымъ приговоромъ для отечества. Члены оппозиціи также поднимаютъ голосъ противъ Іозефовича. Маршалъ сеймовый и нѣкоторые послы защищаютъ его. Наконецъ онъ принятъ ad deliberandum, и такъ какъ была уже поздняя пора, а канцлеры все еще не возвращались, то король закрылъ засѣданіе.

Станиславъ-Августъ въ послѣдніе три дня обнаружилъ нѣкоторую готовность дѣйствовать въ духѣ русской партіи;

поэтому Сиверсъ счелъ нужнымъ подать ему надежду на примиреніе, и въ ближайшее воскресенье, когда не было засѣданія, потребовалъ аудіенціи. Она продолжалась часъ съ четвертью. Король увѣрялъ въ своей невинности и просилъ также снисхожденія къ Тышкевичу. „То покорный и преданный, пишетъ Сиверсъ Зубову, то исполненный жара и отчаянія, то проливающій слезы, король былъ бы достоинъ сожалѣнія, еслибъ у него былъ характеръ. Онъ постоянно колеблется между мелочами и оттого становится еще болѣе несчастнымъ. Напримѣръ, какой-то сеймовый посолъ упрекнулъ его тѣми двадцатью тысячами дукатовъ, которые я далъ ему на путешествіе въ Гродно, и онъ обѣщаетъ сдѣлать все возможное чтобы мнѣ ихъ возвратить; а между тѣмъ у него нѣтъ денегъ на самые необходимые расходы.“

Въ понедѣльникъ 27го іюня (8го іюля) канцлеры донесли сейму о результатахъ своего порученія къ Сиверсу. Онъ обѣщалъ употребить свое посредничество для удержанія прусскихъ войскъ отъ дальнѣйшаго вторженія, но съ условіемъ чтобы сеймъ далъ удовлетворительный отвѣтъ прусскому министру на его требованіе вступить въ переговоры. Послѣ краткаго обсужденія, сеймъ рѣшилъ подать отдѣльныя отвѣтныя ноты Сиверсу и Бухгольцу. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ сеймовый обратилъ вниманіе на проектъ полномочій поданный Іозефовичемъ въ предыдущемъ засѣданіи; но противъ него поднялась буря еще сильнѣе чѣмъ тогда. Бобровницкій, краковскій посолъ, требуетъ чтобъ Іозефовичъ былъ судимъ какъ государственный преступникъ, а равно и всѣ тѣ, которые предложатъ согласиться на раздѣлъ польскихъ земель. Другіе члены оппозиціи, особенно Шидловскій, Краснодембскій и Микорскій, поддерживаютъ это требованія. Микорскій уподобляетъ Іозефовича Катилинѣ. Представители русской партіи, преимущественно Ожаровскій, Залѣсскій и Анквицъ, напротивъ, поддерживаютъ Іозефовича; но ихъ рѣчи прерываются патріотами. Чтобы прекратить волненіе, король закрываетъ засѣданіе, и вопросъ, къ сильной досадѣ Сиверса, все еще остается нерѣшеннымъ.

Наконецъ въ слѣдующемъ засѣданіи, то-есть во вторникъ 28го іюня (9го іюля), сеймъ принялъ проектъ полномочій, но не Іозефовича, а составленный особою коммиссіей, исправленный канцлерами сообща съ конституціонною депутаціей. Нѣкоторые послы внесли предложеніе чтобы члены делегаціи

назначены были не королемъ, а всѣмъ сеймомъ. Епископъ Коссаковскій, къ новой досадѣ русскаго посланника, поддерживалъ это предложеніе, и король самъ отказался отъ своей прерогативы, предоставляя назначеніе делегатовъ сейму. Содержаніе утвержденныхъ полномочій было слѣдующее:

„Мы, король, по единодушному соизволенію сословій Рѣчи Посполитой, собравшихся въ Гродно на чрезвычайный сеймъ въ соединеніи съ Тарговицкою конфедераціей, избрали депутатами такихъ-то для соглашенія и трактованія съ чрезвычайнымъ россійскимъ посланникомъ, и депутатовъ этихъ уполномочиваемъ входить съ нимъ во всякіе договоры и уклады, проектировать, постановлять и подписывать все то, что̀ они признаютъ способствующимъ къ наилучшему благу страны и согласнымъ съ интересами сословій Рѣчи Посполитой. Мы же обѣщаемъ словомъ нашимъ королевскимъ: все что̀ депутаты для этого сдѣлаютъ, постановятъ и подпишутъ, примемъ и утвердимъ, какъ скоро то будетъ найдено полезнымъ, согласнымъ съ инструкціями депутаціи и будетъ одобрено сословіями.“ *

Такое неопредѣленное и условное полномочіе, конечно, нисколько не удовлетворило русскаго посланника. Притомъ въ слѣдующемъ засѣданіи поднялись самые мелочные споры о способѣ назначенія депутатовъ. Нѣкоторые требуютъ избранія тайными голосами, другіе хотятъ открытаго выбора, третьи, какъ напримѣръ Шидловскій, не хотятъ никакихъ выборовъ, четвертые предлагаютъ предоставить ихъ постоянному совѣту, пятые требуютъ предварительно опредѣлить число депутатовъ, и т. п. Сиверсъ видѣлъ что сеймъ готовъ убить еще по крайней мѣрѣ недѣлю на одинъ вопросъ о способѣ назначенія депутаціи. Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ обоихъ племянниковъ короля (по ихъ женамъ), то-есть Мнишка и Тышкевича, и великаго коронаго Кицкаго. Но вмѣсто этихъ лицъ къ нему явились графиня Мнишекъ и королевскій секретарь съ разными извиненіями со стороны Станислава-Августа. Посланникъ объявилъ имъ что назначитъ военную экзекуцію во всѣ земли принадлежащія фамиліи и друзьямъ короля, если послѣдній не измѣнитъ своего поведенія. А на слѣдующій день, то-есть 30го іюня (11го іюля), онъ подалъ сейму грозную ноту слѣдующаго содержанія.

---

* *Korresp.* 1163.

Посланникъ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что на сеймѣ съ самаго перваго дня продолжаются безпорядки и отсутствіе приличій, оказывается неуваженіе къ королевскому трону и къ жезлу сеймоваго маршала. Сеймъ 1773 года долженъ служить образцомъ при выборѣ делегатовъ. Въ то время король посредствомъ канцлера назначилъ ихъ изъ среды сената, а сеймовый маршалъ изъ среды рыцарскаго сословія. Этому примѣру должно послѣдовать, вопреки шумной партіи, умаляющей достоинство столь высокаго собранія,—партіи, которая въ предыдущемъ засѣданіи повернула дѣло такимъ образомъ, что оно отзывается якобинствомъ революціоннаго сейма 3го мая. Онъ слышалъ что въ актѣ полномочій въ первый разъ вставлены слова „Тарговицкая конфедерація", тогда какъ она остается въ бездѣйствіи и по волѣ императрицы должна быть распущена. А потому принужденъ объявить что въ своихъ переговорахъ съ сеймомъ, чрезвычайнымъ, вольнымъ и признаннымъ за сконфедерованный, онъ не приметъ никакихъ полномочій въ которыхъ будетъ упомянута эта конфедерація. Сверхъ того ему извѣстно что съ членовъ делегаціи хотятъ взять присягу въ ихъ неподкупности. Такая мѣра должна быть сочтена для нихъ личнымъ оскорбленіемъ и противна ихъ представительному значенію. Подобная присяга была бы пятномъ для самого высокаго собранія, еслибъ оно въ своей средѣ не нашло мужей свободныхъ отъ подозрѣнія въ подкупности. Въ заключеніе онъ настоятельно требуетъ чтобы делегація была составлена немедленно, безъ потери времени; въ противномъ случаѣ увидитъ себя въ печальной необходимости удалить изъ собранія поджигателей и нарушителей спокойствія и порядка, истинныхъ враговъ своего отечества и единственное препятствіе къ законному ходу сейма, который потерялъ около четырехъ недѣль времени на то что могъ бы окончить въ четыре дня.

Эта нота поддержана была на сеймѣ извѣстіемъ что въ имѣнія графа Тышкевича дѣйствительно назначена военная экзекуція. Начались пренія. Оппозиція напоминаетъ о недавнемъ постановленіи, на основаніи котораго сеймъ угрожаемый арестомъ пословъ долженъ прекратить свою дѣятельность. Но большинство рѣшило отрядить къ русскому посланнику канцлеровъ для соглашенія о делегаціи и съ просьбой отмѣнить экзекуцію въ имѣніи Тышкевича. Въ ожида-

нія отвѣта собраніе прерываетъ свои совѣщанія, но остается въ палатѣ. Въ девятомъ часу вечера канцлеры воротились и сообщили отвѣтъ. Посланникъ обѣщаетъ отправить курьера съ приказомъ отмѣнить экзекуцію, если слѣдующимъ утромъ будетъ составлена делегація. Притомъ онъ указываетъ на конституцію 1775 года и требуетъ чтобы король назначилъ въ делегацію всѣхъ министровъ, а также членовъ отъ сената и отъ рыцарскаго сословія; а маршалъ сеймовый долженъ участвовать въ ней въ силу своего сана. Нѣкоторые послы хотятъ оставить королю его прерогативу при назначеніи депутатовъ; но тотъ отвѣчаетъ что остается при прежнемъ рѣшеніи, то-есть слагаетъ эту прерогативу въ руки сословій и готовъ только тогда воспользоваться ею, когда все собраніе дастъ на то свое соизволеніе. Епископъ Коссаковскій ловко находитъ средство выпутаться изъ возникшихъ противорѣчій; онъ предлагаетъ чтобы король назвалъ лица которыя желаетъ назначить, а сеймъ ихъ выберетъ. Бѣлинскій троекратно спрашиваетъ собраніе, и получаетъ въ отвѣтъ: згода! Тогда король немедленно назначаетъ членовъ депутаціи, именно, изъ сената по два представителя отъ каждой изъ трехъ провинцій, слѣдовательно шестерыхъ, а изъ рыцарскаго сословія по шести, то-есть 18 членовъ. Вмѣстѣ съ наличными министрами все число депутатовъ простиралось до 31. * На этотъ выборъ послѣдовала опять троекратная згода палаты.

Къ концу засѣданія Сиверсъ отправился въ замокъ и сдѣлалъ визитъ сестрѣ короля, пани Краковской, у которой онъ избѣгалъ бывать въ послѣднее время, то-есть во время своихъ холодныхъ отношеній къ Станиславу-Августу. Услыхавъ что назначеніе делегатовъ состоялось, онъ тотчасъ выразилъ королю свою благодарность за поспѣшное рѣшеніе вопроса.

---

* Сенаторы: епископы Скаршевскій холмскій, Коссаковскій инфлянтскій, Масальскій виленскій, Ожаровскій каштелянъ войницкій, Оборскій каштелянъ цѣхановскій и Радивилъ воевода виленскій. Послы: Анквичъ, Коссаковскій (краковскій), Залускій, Янковскій, Кувицкій, Валевскій (волынскій), Рокитницкій, Станишевскій, Остророгъ, Бѣлинскій, Клицкій, Замбжицкій, Шитка, Клечковскій, Жиневъ, Коссаковскій (ковенскій), Гелгудъ и Лопотъ. Министры: литовскіе маршалъ Тышкевичъ, подканцлеръ Платтеръ, гетманъ Коссаковскій, подскарбій Огинскій, надворскій подскарбій Дзѣконскій; коронные канцлеръ Сулковскій и польный гетманъ Забѣлло.

Но каково было его огорченіе когда, воротясь домой, онъ отъ своихъ агентовъ узналъ что король назначилъ 14 лицъ которыхъ совсѣмъ не было въ спискѣ заранѣе сообщенномъ ему посланникомъ, и что все число депутатовъ, также заранѣе опредѣленное, уменьшено на семь. А чтобъ унизить сеймоваго маршала, его помѣстили въ число прочихъ пословъ, тогда какъ онъ долженъ былъ участвовать въ депутаціи въ силу своей должности. Огорченіе еще болѣе усилилось, когда Сиверсу донесли что вслѣдствіе его визита пани Краковской распространился слухъ будто король исключилъ преданныхъ посланнику лицъ изъ списка депутатовъ съ его собственнаго согласія. Яковъ Ефимовичъ, конечно, тотчасъ обратился къ королю съ выраженіемъ своего неудовольствія. Вслѣдствіе того на слѣдующій день Станиславъ-Августъ предложилъ сейму назначить еще семь членовъ; такъ какъ въ проектѣ депутаціи первоначально было опредѣлено отъ каждой провинціи не по шести, а по восьми лицъ, и кромѣ того нужно прибавить одного члена вмѣсто Бѣлинскаго, который будетъ засѣдать въ ней какъ сеймовый маршалъ. Названные при этомъ семь новыхъ членовъ были: Міончинскій, Пулавскій, Древновскій, Скарбекъ, князь Александръ Понинскій, Скарскій и Іозефовичъ. Но это новое назначеніе встрѣтило въ палатѣ такую сильную оппозицію что упомянутые послы поспѣшили сами отказаться отъ выбора, и депутація осталась при прежнемъ числѣ.

VII.

Конференціи Сиверса съ депутатами. — Проектъ русскаго договора объ уступкѣ провинцій.—Грозная нота.—Засѣданіе 6го (17го) іюля.— Договоръ подписанъ.

2го (13го) іюля, въ субботу, происходило первое засѣданіе депутатовъ. Для нихъ приготовили тронную залу, какъ самую большую въ замкѣ; по правую сторону королевскаго трона поставили кресло для русскаго посланника, а по лѣвую для Масальскаго, епископа виленскаго, который былъ президентомъ депутаціи. Епископы и прочіе члены встрѣтили посланника у дверей залы. Въ 11½ часовъ президентъ открылъ засѣданіе польскою рѣчью, которую потомъ повторилъ по-французски для Сиверса. Смыслъ его рѣчи состоялъ въ томъ

что нація возлагаетъ всю свою надежду на великодушіе ея величества. Посланникъ отвѣтилъ нѣсколько словъ въ томъ же тонѣ. Затѣмъ обмѣнялись полномочіями. Сиверсъ замѣтилъ при этомъ что онъ не долженъ былъ бы принимать актъ въ которомъ упоминается Тарговицкая конфедерація, подлежащая близкому распущенію; что его собственная грамота говоритъ о чрезвычайномъ, свободномъ сеймѣ, съ которымъ онъ только и можетъ договариваться, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ настоящія полномочія, пока не будутъ выданы другія. Послѣ того посланникъ прочелъ по-французски проектъ договора между Россіей и Польшей, а Тенгоборскій, секретарь постояннаго совѣта, повторилъ его въ польскомъ переводѣ. Сиверсъ замѣтилъ, что ему извѣстно данное депутатамъ предписаніе постоянно сообщать сейму отчетъ о своихъ занятіяхъ, поэтому онъ проситъ ихъ представить проектъ договора сословіямъ въ тотъ же день послѣ обѣда. Тутъ, пояснилъ онъ, ничего не можетъ быть ни прибавлено, ни убавлено, и такъ какъ четыре недѣли драгоцѣннаго времени уже потеряны безполезно, то онъ принужденъ прибѣгнуть къ лаконическому способу переговоровъ. Президентъ выразилъ надежду націи что ея императорское величество удостоитъ Рѣчь Посполитую трактатомъ о союзѣ. За нимъ о томъ же предметѣ распространились епископъ Коссаковскій и вице-канцлеръ Платеръ. Для слѣдующей конференціи своей съ депутатами посланникъ предложилъ ближайшую среду, а до того времени сеймъ долженъ обсудить дѣло и постановить свое рѣшеніе. Послѣ двухчасовыхъ совѣщаній засѣданіе прекратилось, и всѣ присутствующіе проводили русскаго посланника до дверей залы.

Однако депутаты не сочли нужнымъ въ тотъ же день представить сейму проектъ договора, и извинились предъ Сиверсомъ тѣмъ что не имѣли времени посовѣтоваться между собою. Въ воскресенье они собрались у князя-епископа виленскаго, гдѣ составили отчетъ о своихъ совѣщаніяхъ и вмѣстѣ родъ отвѣтной ноты русскому посланнику. Въ понедѣльникъ, по утру, они устроили вторую конференцію, пригласили Сиверса, и попросили его отослать составленный ими актъ на усмотрѣніе императрицы, отъ которой они будутъ ожидать милостиваго рѣшенія. Но посланникъ ясно видѣлъ, что этотъ актъ есть ни что иное какъ предлогъ выиграть лишнія двѣ недѣли времени, пока придетъ отвѣтъ

императрицы. Онъ отказалъ депутатамъ въ ихъ просьбѣ и потребовалъ чтобъ они непремѣнно въ тотъ же день сообщили сейму проектъ договора. Кромѣ того онъ рѣшилъ въ этотъ день подать особую ноту, требующую новыхъ полномочій. Послѣ конференціи посланникъ перешелъ въ кабинетъ короля и просилъ его поддержать на сеймѣ это требованіе. На упреки въ двусмысленномъ поведеніи, король по обыкновенію увѣрялъ въ своей невинности и въ томъ что онъ не отдѣляетъ себя отъ большинства. Сиверсъ замѣтилъ ему что этого недостаточно, что надобно говорить и убѣждать прежде нежели вопросъ дойдетъ до вотированія.

Такъ какъ наступило уже 4е (15е) іюля и слѣдовательно истекалъ срокъ назначенный для сейма, то въ засѣданіи этого дня прежде всего пришлось обсуждать вопросъ о его продолженіи. Рѣшено продолжить сеймъ еще на двѣ недѣли (то-есть до 30го іюля). Затѣмъ престарѣлый епископъ Масальскій обратился къ палатѣ съ донесеніемъ о двухъ первыхъ конференціяхъ депутатовъ съ русскимъ посланникомъ и объ ихъ воскресныхъ совѣщаніяхъ между собою. Таньскій, секретарь депутаціи, прочелъ протоколы всѣхъ этихъ конференцій. Когда онъ кончилъ, секретарь сеймовый прочелъ поданный Сиверсомъ проектъ трактата.

Проектъ начинался краткимъ напоминаніемъ извѣстныхъ причинъ русскаго вмѣшательства и созванія чрезвычайнаго сейма. Потомъ слѣдовали самыя статьи договора, раздѣленныя на десять слѣдующихъ пунктовъ: 1) Между русскою императрицей и ея наслѣдниками съ одной стороны и польскими королями съ другой устанавливается вѣчный, нерушимый миръ; всѣ старыя несогласія должны быть преданы забвенію. 2) Опредѣляется новая граница между Россійскою Имперіей и Рѣчью Посполитой (Друя, Нарочъ, Дуброва, Столпцы, Несвижъ, Пинскъ, Куневъ, Вышгородокъ). 3) Король польскій за себя и своихъ преемниковъ отрекается отъ всѣхъ правъ на уступленныя провинціи. 4) Императрица отказывается за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ притязаній на какія бы то ни было новыя пріобрѣтенія отъ Рѣчи Посполитой. 5) Она гарантируетъ форму правленія которая будетъ установлена королемъ и республикой. 6) Подданнымъ обоихъ государствъ предоставляется свободный торговый обмѣнъ, подробности котораго будутъ опредѣлены особымъ трактатомъ. 7) Съ обѣихъ сторонъ назначаются комисса-

ры для точнаго обозначенія границъ и устраненія могущихъ отсюда возникнуть споровъ между сосѣдями. 8) Католическіе подданные императрицы utriusque ritus (то-есть римскаго и уніатскаго обрядовъ) въ цѣлой ея Имперіи пользуются свободой вѣроисповѣданія, съ сохраненіемъ ихъ привилегій и правъ собственности. 9) Если представится нужда въ новыхъ какихъ-либо соглашеніяхъ, то они будутъ имѣть такую же силу, какъ бы составляли часть настоящихъ. 10) Ратификація договора должна послѣдовать съ обѣихъ сторонъ въ теченіе шести недѣль, считая со дня его подписанія.

Послѣ того перешли къ чтенію ноты Сиверса. Онъ требовалъ снабдить депутацію достаточнымъ полномочіемъ чтобъ она могла подписать проектъ договора безъ малѣйшаго измѣненія. Предыдущія его ноты, поданныя сейму въ теченіе четырехъ недѣль потерянныхъ на безполезныя пренія, должны были бы достаточно убѣдить въ томъ что дальнѣйшее отлагательство можетъ только еще болѣе ухудшить положеніе народа; тогда какъ послѣдній, послѣ стольких смутъ, имѣетъ полное право разсчитывать чтобы сеймъ усердно занялся единственнымъ остающимся средствомъ доставить странѣ спокойствіе и счастіе. Съ своей стороны, посланникъ, послѣ подписи упомянутаго договора, ожидаетъ отъ императрицы полномочія на заключеніе трактатовъ о союзѣ и торговлѣ, которые должны служить ко взаимной выгодѣ обоихъ народовъ.

Все это чтеніе палата выслушала въ глубокомъ молчаніи, „avec une espèce de stupeur", по выраженію Сиверса, и вслѣдъ затѣмъ прекратила засѣданіе, не назначивъ даже дня для обсужденія договора.

На слѣдующее утро Сиверсъ въ девять часовъ собралъ у князя-епископа своихъ „soi-disant" друзей и имѣлъ съ ними продолжительное совѣщаніе. Рѣшили что нота поданная наканунѣ не была достаточно сильна чтобъ устрашить собраніе. Сиверсъ немедленно написалъ другую, которую прочли въ сеймовомъ засѣданіи того же дня. Въ ней говорилось что всякое дальнѣйшее замедленіе полномочій русскій посланникъ приметъ за отказъ продолжать переговоры, а слѣдовательно и за объявленіе войны. Печальныя послѣдствія такого поведенія со стороны сейма, которому нація ввѣрила свое настоящее и будущее благосостояніе, должны быть пагубны для всего народа вообще, а въ особенности для несчастныхъ

и безвинныхъ поселянъ. Въ случаѣ отказа, равняющагося объявленію войны, посланникъ принужденъ будетъ отправить военную экзекуцію въ земли и дома тѣхъ членовъ сейма, которые будутъ противиться общему желанію всѣхъ честныхъ людей и націи избавиться отъ угнетающей ихъ анархіи. Если король будетъ на сторонѣ оппозиціи, то эта военная экзекуція будетъ назначена во всѣ его столовыя имѣнія, а также во всѣ имѣнія тѣхъ, которые подъ какимъ бы то ни было титуломъ принадлежатъ къ его фамиліи. Далѣе слѣдствіемъ такого поведенія сейма будетъ секвестрація доходовъ республики и прекращеніе платежей за провіантъ и фуражъ взятые для войскъ, которыя будутъ содержимы уже на счетъ несчастныхъ поселянъ.

Нота заключалась слѣдующими словами: „Нижеподписавшійся, чрезвычайный и полномочный великій посолъ, надѣется что эти мѣры, принятыя въ силу его инструкцій, произведутъ на сеймъ надлежащее впечатлѣніе, и что оный не пропуститъ слѣдующаго дня, то-есть 6го (17го) іюля, не постановивъ надлежащія полномочія для подписи трактата. Наконецъ, нижеподписавшійся не можетъ умолчать какъ далеки эти мѣры отъ тѣхъ правилъ, которыми онъ намѣренъ былъ руководствоваться въ своемъ посольствѣ, — мѣры, которыя, вмѣсто тѣснаго союза и выгоднаго трактата съ Россіей, предвѣщаютъ потерю благоволенія и дружбы ея императорскаго величества; а безъ нихъ Польша не можетъ разсчитывать на самобытное существованіе или на будущее благосостояніе, тогда какъ всѣ эти блага гарантируются ей предлагаемымъ трактатомъ.“ *

Когда окончилось чтеніе ноты, полились оживленныя рѣчи. Члены оппозиціи одинъ за другимъ спѣшили заявить свои патріотическія чувства, предлагая разныя болѣе или менѣе несостоятельныя мѣры; напримѣръ: сообщить проектъ договора и послѣднія ноты Сиверса иностраннымъ министрамъ и ожидать ихъ отвѣта, прервать совѣщанія, отправить посольство къ Екатеринѣ и т. п. „Ораторы, пишетъ Сиверсъ, предаются всѣмъ движеніямъ энтузіазма самаго преувеличеннаго и всѣмъ декламаціямъ украшеннымъ именемъ патріотизма. Не только свое имѣніе и свободу, но и жизнь скорѣе чѣмъ подписать малѣйшую уступку! Лучше погибнуть вмѣстѣ съ республикой!“

* Коггевр. 1217.

Посреди этихъ декламацій Лобаржевскій подаетъ свой проектъ, въ которомъ говоритъ о необходимости уступить требованіямъ русскаго посланника и отдать судьбу націи въ руки ея величества. Этотъ проектъ встрѣчаетъ жаркія возраженія; но нѣкоторые послы его поддерживаютъ, особенно Пулавскій и Міончинскій. „Другіе наши друзья, доноситъ Сиверсъ, хранили молчаніе вмѣстѣ съ королемъ.“ Засѣданіе кончилось ничѣмъ.

На слѣдующій день сейму предстояло или дать удовлетворительный отвѣтъ на требованія Сиверса, или ожидать исполненія его угрозъ. Русскій посланникъ, съ своей стороны, не упустилъ сдѣлать все что̀ было въ его власти чтобы добиться желаемаго результата. Вопервыхъ, утромъ этого дня онъ написалъ королю письмо, приглашая его немедленно назначить на вакантныя министерскія должности слѣдующія лица: графа Мошинскаго на мѣсто графа Мнишка, сложившаго съ себя должность великаго короннаго маршала, графа Бѣлинскаго въ надворные маршалы и графа Залусскаго въ коронные подскарбіи. Посланникъ не былъ высокаго мнѣнія о послѣднемъ лицѣ, но за него сильно хлопоталъ Игельштромъ. Кромѣ того онъ потребовалъ для Міончинскаго патентъ войсковаго писаря. Сиверсу нужны были эти назначенія, какъ онъ самъ говоритъ, „чтобъ имѣть болѣе министровъ въ делегаціи и чтобы показать публикѣ свое вліяніе на короля, такъ какъ въ немъ начали сомнѣваться“. Король немедленно исполнилъ его требованія. Далѣе, посланникъ писалъ королю, что если въ тотъ же день полномочія не будутъ выданы сеймомъ, то онъ въ точности исполнитъ все о чемъ говорилъ во вчерашней нотѣ; онъ будетъ въ отчаяніи если дѣло до того дойдетъ, но этого требуетъ необходимость.

Въ это же утро Сиверсъ собралъ своихъ *prétendus* друзей у стараго князя-епископа и повторилъ свою угрозу, то-есть немедленно послать военную экзекуцію, если не получитъ требуемыхъ полномочій. Обратясь къ епископу Коссаковскому, Сиверсъ сказалъ что считаетъ его главнымъ виновникомъ замедленій, а слѣдовательно и будущихъ бѣдствій Польши. Онъ всегда увѣрялъ что въ его распоряженіи находятся 60 литовскихъ голосовъ, а допустилъ чтобы постановленія, оскорбительныя для русскаго двора и особенно для личности русскаго посланника, прошли единогласно; онъ и его партія молчали и спокойно слушали всѣ ужасы говорен-

ные этими фанатиками. Въ случаѣ новой неудачи, онъ, его братъ и вся фамилія будутъ первыми жертвами, и сегодня же вечеромъ отправится курьеръ съ приказомъ о военной экзекуціи въ пожалованныя ему имѣнія краковскаго епископства; имѣнія эти онъ, посланникъ, можетъ даже сегодня у него отнять также легко какъ ему ихъ далъ. „Эта угроза, прибавляетъ Сиверсъ въ своемъ донесеніи, произвела большое впечатлѣніе."

Въ четыре часа пополудни началось знаменитое сеймовое засѣданіе 6го (17го) іюля. Бѣлинскій напоминаетъ о печальномъ состояніи отечества, о невозможности сопротивляться русскому двору и отвратить уступку провинцій, и въ заключеніе спрашиваетъ палату: допускаетъ ли она къ чтенію проектъ Лобаржевскаго?

Вслѣдъ затѣмъ король произноситъ трогательную рѣчь. Онъ говоритъ что ни за что̀ не хотѣлъ допустить уступку провинцій, пока была какая-нибудь разумная надежда на помощь; теперь же не остается никакой; надобно покориться необходимости. „Весь край наполненъ иноземными войсками, Гродно со всѣхъ сторонъ заперто, самое мѣсто нашихъ совѣщаній окружено. Никто не можетъ отойти ни на шагъ. Какія же у насъ средства отразить силу силой? Сеймующимъ сословіямъ извѣстно что, еслибы мы могли разсчитывать на дѣйствіе нашихъ представленій иностраннымъ державамъ, надобно было бы ожидать отъ нихъ отвѣта; но развѣ это дозволятъ намъ державы производящія заборъ?" Однако прежде нежели рѣшиться на уступку, король совѣтуетъ отправить канцлеровъ къ русскому посланнику, чтобъ изобразить ему горестное состояніе палаты и испросить у него позволеніе на отсылку въ Петербургъ составленнаго депутаціей акта, которымъ сеймъ ввѣряетъ судьбу Польши великодушію ея императорскаго величества, а тѣмъ временемъ ожидать отвѣта отъ иностранныхъ дворовъ.

Сеймовый маршалъ спрашиваетъ палату, согласна ли она съ предложеніемъ его королевской милости? Слѣдуетъ единогласная згода, и канцлеры отправляются къ Сиверсу. Въ отсутствіе ихъ продолжаются совѣщанія. Ожаровскій замѣчаетъ что при настоящемъ смутномъ состояніи Европы нѣтъ никакой надежды на иностранную помощь. Нѣкоторые члены оппозиціи, особенно Микорскій, возражаютъ что пусть руки у нихъ будутъ отрѣзаны прежде нежели они подпи-

нуть безчестіе отечества. Нарбутъ указываетъ на гнетущую силу обстоятельствъ и совѣтуетъ сохранять благоразуміе. Канцлеры возвращаются и доносятъ что русскій посланникъ ни на шагъ не соглашается отступить отъ своего мнѣнія, заявленнаго наканунѣ, и что три курьера одинъ за другимъ привезли ему повелѣнія отъ его двора предписывающія не допускать ни малѣйшаго промедленія. Тогда волненіе въ палатѣ достигаетъ высшей степени.

Одинъ посолъ совѣтуетъ подождать исполненія объявленныхъ угрозъ. „Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, мы скажемъ что уступили только крайней несправедливости и насилію, а кто же можетъ тогда убѣдить Европу въ томъ что уступка нашихъ провинцій была слѣдствіемъ свободнаго договора?“ Другой ораторъ требуетъ чтобъ объявили посланнику о рѣшеніи сейма съ твердостью ждать исполненія его угрозъ подобно римскимъ сенаторамъ, которые ждали смерти отъ рукъ Галловъ. Третій замѣчаетъ что, уступивъ угрозамъ, Поляки сдѣлаютъ себя недостойными участія со стороны тѣхъ державъ къ которымъ они обращаются за помощью. „Лучше погибнемъ съ честію, заключаетъ онъ, но достойные уваженія, и не покроемъ себя вѣчнымъ стыдомъ въ ложной надеждѣ спасти остатокъ отечества!“ Четвертый съ жаромъ восклицаетъ: „нѣтъ, доблесть не страшится страданій. Намъ грозятъ Сибирью. Ея пустыни будутъ намъ напоминать о нашихъ жертвахъ во имя любви къ отечеству. Да, пусть насъ посылаютъ въ Сибирь. Ведите насъ туда, государь! Тамъ ваши и наши доблести заставятъ поблѣднѣть нашихъ враговъ.“ При этихъ словахъ часть собранія поднялась и повторила кликъ: „Да, ведите насъ въ Сибирь!“

Карскій, бросая сверкающіе взгляды на тѣхъ, которые не раздѣляли этого патріотическаго жара, объявляетъ что „если въ палатѣ найдется кто-нибудь кто осмѣлится дать согласіе на договоръ, то онъ первый покажетъ ему какая судьба ожидаетъ измѣнника!“ Раздаются упреки самому королю за его слабость и нерѣшительность; ему напоминаютъ что онъ, какъ членъ Тарговицкой конфедераціи, присягалъ охранять цѣлость республики. Между тѣмъ другіе послы обращаются къ нему съ просьбой о совѣтѣ.

Король со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и плодовитостью нѣсколько разъ принимается говорить чтобъ оправдать свое поведеніе и успокоить волненіе палаты. „Вполнѣ,

говорилъ онъ, достойна уваженія отвага тѣхъ, которые объявляютъ что не боятся неволи или смерти и охотно ей подвергнутся. Но развѣ такая доблесть соотвѣтствуетъ обязанностямъ сенатора или посла? Развѣ добровольною неволею или смертью своей мы защитимъ тѣхъ, которые останутся? Вспомните что вы можете спасти остатокъ націи или подвергнуть его гибели. Долгъ отца, любящаго своихъ дѣтей, раскрывать правду предъ ихъ глазами.“ Бо́льшая часть пословъ этого сейма была ему неизвѣстна, и тѣмъ пріятнѣе ему было узнать столько доблестныхъ соотечественниковъ; но тѣмъ болѣе онъ сознаетъ и свои отеческія обязанности. „Вы заслуживаете быть спасенными, еслибы даже ваше собственное мужество увлекло васъ на ложный путь. Развѣ не заблужденіе сказать державѣ, которой мы не можемъ ничего противупоставить: уничтожай, обращай въ рабство еще четыре съ половиной милліона жителей, которыхъ мы представители; мы хотимъ этого, потому что ты уже сдѣлалась повелительницею четырехъ милліоновъ нашихъ братій! И мы должны были бы то же сказать рыцарству тѣхъ воеводствъ, которыми сюда посланы; гражданамъ городовъ обращающихся въ развалины; наконецъ крестьянамъ или тому классу людей которые, хотя стоятъ на самой низкой ступени общества, однако суть его первые благодѣтели, и если настоящее состояніе дѣлъ продолжится еще долѣе, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они увидятъ свои житницы и хлѣвы совершенно пустыми. Ахъ, могу ли я умолчать предъ вами объ ужасной картинѣ голода и моровой язвы, которые будутъ за тѣмъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ!... Мы не можемъ спасти отдѣленныхъ отъ насъ братьевъ; мы должны спасать тѣхъ которыхъ намъ оставляютъ.“

Анквичъ, Подгорскій и нѣкоторые другіе поддерживаютъ короля и совѣтуютъ принять проектъ Лобаржевскаго. Епископъ Коссаковскій воздаетъ похвалы патріотизму, которымъ одушевлена палата и выражаетъ увѣренность что эти патріотическія заявленія достаточно оправдаютъ Поляковъ въ глазахъ Европы и потомства. Онъ совѣтуетъ не продолжать сопротивленія и уполномочить депутацію къ подписи договора въ томъ видѣ какъ онъ предложенъ. Онъ прибавляетъ замѣчаніе что подпись еще не есть послѣднее слово, что за нею должна слѣдовать ратификація; а пока она наступитъ можетъ еще случиться какое-нибудь политическое обстоя-

тельство благопріятное для Польши, которое поможетъ измѣнить этотъ злополучный ходъ событій. Наконецъ онъ дѣлаетъ слѣдующій намекъ: уступивъ Россіи, Поляки могутъ надѣяться, что она не станетъ поддерживать требованія Пруссіи. Рѣчи короля и Коссаковскаго нѣсколько успокоили волненіе. Маршалъ сеймовый воспользовался минутой и обратился къ палатѣ съ замѣчаніемъ, что теперь достаточно выяснилась необходимость прибѣгнуть къ единственному средству спасти отечество: болѣе дѣйствительнаго онъ не знаетъ какъ то, которое предложено въ проектѣ Лобаржевскаго. Сеймовый секретарь читаетъ проектъ, вопреки усиліямъ оппозиціи помѣшать этому чтенію. Затѣмъ Бѣлинскій предлагаетъ вопросъ: подвергать ли проектъ Лобаржевскаго голосованію палаты? Съ одной стороны оппозиція отвергаетъ этотъ вопросъ; но съ другой, болѣе многочисленные голоса стоятъ за предложеніе Бѣлинскаго. Послѣдній обращается къ великому маршалу литовскому съ просьбой возстановить порядокъ въ палатѣ и сдѣлать распоряженіе о собраніи голосовъ. Тышкевичъ, послѣ нѣкоторыхъ увѣреній въ своемъ безкорыстномъ служеніи отечеству, приглашаетъ референдарія прочесть вопросъ предложенный сеймовымъ маршаломъ ad turnum, то-есть: проектъ Лобаржевскаго пускать на голоса или не пускать? Референдарій читаетъ вопросъ для сената; а маршалъ сеймовый повторяетъ его для рыцарскаго сословія. Собираютъ голоса. Въ результатѣ получаютъ 77 утвердительныхъ и 20 отрицательныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Бѣлинскій ставитъ второй вопросъ: проектъ Лобаржевскаго, допущенный къ рѣшенію, принимаетъ палата или отвергаетъ? Снова 20 голосовъ отрицательныхъ, а утвердительныхъ 74 (трое изъ пословъ воздержались отъ подачи голоса). Такимъ образомъ проектъ Лобаржевскаго, поручающій судьбу Польши великодушію русской императрицы и уполномочивающій депутацію подписать трактатъ, представленный Сиверсомъ, этотъ проектъ получаетъ названіе *резолюціи*, и обращается въ законъ.

Станишевскій предлагаетъ, чтобы двѣ послѣднія ноты русскаго посланника вмѣстѣ съ трактатомъ были сообщены иностраннымъ министрамъ. Предложеніе это единогласно принято палатой. Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда король закрылъ засѣданіе.

Отъ Сиверса немедленно поскакалъ въ Петербургъ курьеръ съ извѣстіемъ о рѣшеніи сейма. „Если надежда меня не обманетъ, пишетъ онъ (очевидно опытъ заставляетъ его выражаться уже условно), то, я думаю, трактатъ будетъ подписанъ въ понедѣльникъ (11го [22го] іюля), въ двойной праздникъ великой княжны Ольги. * Если договоръ съ нами встрѣтилъ столько препятствій, то надобно ожидать еще бо́льшихъ при договорѣ съ Пруссаками. Многіе изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ говорятъ мнѣ, что ихъ преданность Россіи такъ далеко не простирается.“ Въ то же время Сиверсъ писалъ Зубову: „Признаюсь, ваше превосходительство, эти три дня испортили мнѣ много крови. Отъ мягкаго образа дѣйствій пришлось перейти къ угрозамъ — печальное средство, на которое надобно будетъ опять рѣшиться при договорѣ съ Пруссіей, если не на что-нибудь худшее.“

Въ слѣдующіе два дня, четвергъ и пятницу, не было сеймовыхъ засѣданій по поводу конференціи депутатовъ съ Сиверсомъ. Въ засѣданіи въ субботу Скаржевскій, епископъ холмскій, за отсутствіемъ президента депутаціи Масальскаго, отдалъ отчетъ о бывшей наканунѣ конференціи. Она посвящена была подробному разбору и разъясненію трактата. Между прочимъ русскій уполномоченный заявилъ депутатамъ, что ея императорское величество беретъ на себя 3.000.000 изъ голландскаго долга и обѣщаетъ склонить къ тому же дворъ Берлинскій; а подати слѣдующія съ земель занятыхъ Русскими будутъ уплачены республикѣ по число этого занятія; къ такой же уступкѣ будетъ приглашено и прусское правительство.

Въ томъ же засѣданіи оппозиція впервые дала волю своей долго-сдерживаемой ненависти къ Тарговицкой конфедераціи. Шидловскій, Гуторовичъ (ошмянскій), Хоздко (тоже ошмянскій) и Дронговскій (подляскій) съ жаромъ говорятъ противъ учиненныхъ ею беззаконій и требуютъ отмѣны ея декретовъ, противныхъ праву. Замѣчательно, что три послѣдніе оратора сами принадлежали къ членамъ генеральной конфе-

---

* Въ этотъ день праздновались рожденіе и именины маленькой княжны Ольги Павловны. Тогда было въ обычаѣ пріурочивать счастливыя политическія событія къ торжественнымъ днямъ императорской фамиліи. Такъ, сдача крѣпости Каменца-Подольскаго послѣдовала въ день рожденія императрицы.

дераціи. Карскій возобновляетъ свои жалобы на насилія чинимыя сейму, на то что городъ продолжаетъ находиться въ осадномъ положеніи. Онъ вноситъ проектъ о снятіи этого положенія, а въ противномъ случаѣ совѣщанія сейма будутъ недѣйствительны. * Въ концѣ засѣданія предъявлена была нота Бухгольца, въ которой онъ требовалъ выдачи полномочій депутатамъ для заключенія договора съ Пруссіей.

Въ воскресенье Сиверсъ обѣдалъ у короля, и тутъ много было говорено о сильной оппозиціи, которую встрѣтитъ договоръ съ Пруссаками. Король вручилъ посланнику свое письмо къ императрицѣ и просилъ поддержать предъ нею его желаніе перенести сеймъ въ Варшаву. Во время послѣобѣденной бесѣды племянница его Урсула Мнишекъ присоединила къ этимъ просьбамъ свои слезы; она выражала опасеніе чтобы король, оставаясь въ Гроднѣ, не заболѣлъ, потому что здѣсь онъ лишенъ всякаго разсѣянія и дурно помѣщенъ. Посланникъ обѣщалъ замолвить слово, но изъявилъ сомнѣніе въ успѣхѣ, такъ какъ всѣ убѣждены, что въ Гроднѣ дѣла будутъ окончены скорѣе чѣмъ въ Варшавѣ.

Подпись договора объ уступкѣ провинцій послѣдовала дѣйствительно 11го (22го) іюля, то-есть въ праздникъ великой княжны Ольги Павловны. Съ извѣстіемъ объ этомъ событіи Сиверсъ отправилъ одного изъ своихъ племянниковъ, барона Гильденгофа. (Доставка подобныхъ извѣстій поручается, конечно, тѣмъ кому желаютъ награды.) Въ депешѣ своей посланникъ проситъ наградъ для всѣхъ способствовавшихъ успѣху дѣла и особенно для тѣхъ сеймовыхъ пословъ которые находились въ нашей службѣ, каковы Іозефовичъ и Лобаржевскій.

За подписью договора слѣдовалъ торжественный обѣдъ у русскаго посланника на 77 приборовъ для сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ (вѣроятно для тѣхъ, которые подавали голоса за

---

* При многочисленныхъ войскахъ, расположенныхъ внутри и внѣ Гродна, всѣ выходы были такъ заперты что никто, не исключая иностранцевъ, безъ особаго письменнаго дозволенія отъ русскаго посольства не могъ выйти изъ города даже для прогулки. Когда иностранные послы жаловались на это, Сиверсъ предложилъ имъ взять для себя и своей свиты билеты на пропускъ; но они отказались, считая такіе билеты унизительными для своего достоинства. (Огинскій.)

проектъ Лобаржевскаго) и еще въ отдѣльной залѣ на 25 приборовъ для чиновниковъ посольства. Праздновали собственно именины новорожденной великой княжны, и за ея здоровье поднимали бокалы при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ посланникъ посѣтилъ егерскій баталіонъ, стоявшій лагеремъ на берегу Нѣмана. Командиръ этого баталіона, подполковникъ Касталинскій, устроилъ фейерверкъ, причемъ горѣлъ транспаранъ съ вензелемъ Якова Ѳеимовича. Въ письмѣ къ дочери онъ замѣчаетъ что видъ на городъ былъ очень живописный.

На увѣдомленіе Сиверса о ходѣ дѣла Репнинъ, между прочимъ, писалъ ему: „Отъ всего сердца желаю вамъ успѣха въ вашихъ переговорахъ. Вчера трактатъ долженъ быть подписанъ. Я отъ этого въ восхищеніи и искренне обнимаю васъ за такія добрыя вѣсти. Мнѣ говорили, что вы едва имѣете время соснуть и что вы измучены дѣлами, аудіенціями, обѣдами и т. п. Берегитесь чтобы ваше здоровье отъ того не пострадало. Я былъ молодъ, когда производилъ такую же операцію, и притомъ у меня было крѣпкое здоровье. Но въ наши теперешнія лѣта она почти невыносима.“ Въ то же время Игельштромъ прислалъ Сиверсу поздравленіе, исполненное напыщенныхъ выраженій. „Ваше имя, говоритъ онъ, теперь на вѣки записано въ лѣтописи, и ваши отдаленнѣйшіе потомки будутъ благословлять его. Я бы почелъ себя счастливымъ привѣтствовать друга, который кротостію и терпѣніемъ побѣдилъ всѣ препятствія и какъ великій мужъ исполнилъ желаніе своей императрицы и своего народа, не проливъ ни капли человѣческой крови. Вотъ истинное доказательство, что васъ Богъ благословляетъ. Пусть счастье и здоровье пребудутъ съ вами на долгія лѣта.“

Между тѣмъ рескриптъ императрицы на имя Сиверса, отъ 13го іюля, показываетъ, что тогда требовалось довольно много времени для обмѣна депешъ между Гродномъ и Петербургомъ и что императрица не очень спѣшила своими отвѣтами на донесенія посланника даже въ самое горячее время Гродненскаго сейма. Упомянутый рескриптъ отвѣчаетъ заразъ на три его рапорта (отъ 27го іюня, 2го и 6го іюля). На извѣстіе о назначеніи делегаціи императрица пишетъ: „Я не одобряю то, что вы позволили сейму присвоить себѣ право наблюдать за подробностями переговоровъ, такъ какъ онъ обязалъ делегацію отдавать ему отчетъ о результатахъ каждой

конференціи съ вами, что̀ увеличитъ только затрудненія. Это есть отступленіе отъ вашихъ первоначальныхъ инструкцій, въ которыхъ вамъ предписано слѣдовать ходу перваго раздѣла, то-есть, послѣ назначенія делегаціи, акты подписанные ею просто представлялись бы на утвержденіе сейма. Вѣроятно, это обстоятельство помѣшаетъ быстрому окончанію дѣла, что̀ побудитъ васъ къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ; а вы знаете какъ я не люблю прибѣгать къ такого рода средствамъ. По вашимъ опытамъ я не вижу, чтобы суровости въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ были очень полезны при настоящемъ положеніи дѣлъ; лучше употреблять ихъ противъ цѣлаго тѣла націи, въ случаѣ нужды не выключая короля и членовъ его фамиліи. Первый способъ можетъ только раздражить умы, заставитъ ихъ кричать противъ угнетенія, и возбудитъ ненависть противъ нашихъ дѣйствій. Прежде нежели прибѣгать къ насиліямъ, я желаю, чтобы вы испробовали болѣе мягкія мѣры относительно главныхъ членовъ оппозиціи, напримѣръ: обѣщаніе наградъ, мѣстъ, повышеній, даже староствъ. Я увѣрена, что каждый изъ пословъ, собравшихся сюда, имѣлъ въ виду позаботиться о своихъ личныхъ интересахъ. Слѣдовательно, взять ихъ за эту струну есть благая политика. Если вы не будете заранѣе обѣщать раздачу земель, то отнимете у нихъ единственную надежду которая могла бы сдѣлать ихъ уступчивыми.

„Я замѣтила, что вы приняли за правило противиться передачѣ должностей частнымъ людямъ. Такой обычай утвердился издавна, и многіе настоящіе владѣтели сами купили свои должности. Не нахожу удобнымъ вводить новости въ этомъ отношеніи. Что̀ касается до угрозы Пруссаковъ вступить въ Краковское и Сендомірское воеводства, то опасеніе этого событія можетъ всегда быть въ вашихъ рукахъ могущественнымъ орудіемъ чтобы дѣйствовать на короля и начальниковъ разныхъ партій. Но вы употребите его только въ случаѣ нужды принудить сеймъ къ заключенію договора. Я еще замѣтила изъ вашихъ рапортовъ, что вы за распущеніемъ Тарговицкой конфедераціи предполагаете произвести *реконфедерацію*. Это слово обезпокоило членовъ первой, потому что въ Польшѣ оно значитъ союзъ завязанный противъ другой конфедераціи, и слѣдовательно она будетъ направлена противъ Тарговицы. Объявите, что послѣдняя распущена и что настоящій сеймъ чрезвычайный, собранный

королемъ и постояннымъ совѣтомъ, можетъ завязать подъ присягой новую конфедерацію. Вы напомните королю и его приближеннымъ о способѣ, какимъ они въ революцію 3го мая нарушили присягу данную въ началѣ сейма 1788 года; напомните имъ также насилія, которыми они заставили слѣдовать за собой людей не раздѣлявшихъ ихъ образа мыслей. Вообще исторія настоящаго царствованія можетъ дать вамъ многіе примѣры. Относительно переговоровъ съ Пруссіей, въ случаѣ затрудненій принимайте все ad referendum и ограничивайтесь мѣрами примирительными, пока выиграемъ время для нашихъ намѣреній.“

Къ этому рескрипту прибавлена слѣдующая приписка: „При отъѣздѣ курьера пришли ваши рапорты отъ 6го (17го) іюля. * Я очень рада, что дѣло наконецъ принимаетъ разумный ходъ, и совершенно одобряю вашъ энергическій, твердый образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ. Какъ только получу договоръ объ уступкѣ, такъ пошлю вамъ мои инструкціи о союзѣ, торговлѣ и статьяхъ сепаратныхъ. Чтò касается до контрпроекта этого договора, представленнаго вамъ папскимъ нунціемъ, моя воля чтобы вы не входили ни въ какіе переговоры съ этимъ министромъ. *Я не вижу надобности обращать вниманіе на вмѣшательство папы,* также какъ это было при первомъ раздѣлѣ. Послѣ повторительныхъ просьбъ съ моей стороны о кардинальской шапкѣ для епископа могилевскаго (Сестренцевича) онъ отвѣчаетъ еще отказомъ. Дозволяю вамъ показать это мѣсто нунцію.“ **

Въ слѣдующемъ рескриптѣ, отъ 16го іюля, императрица

* Слѣдовательно курьеры скакавшіе между Гродномъ и Петербургомъ употребляли тогда около недѣли чтобы совершать свои переѣзды.

** Относительно наградъ, которыхъ посланникъ просилъ лицамъ оказавшимъ услуги Россіи въ дѣлѣ объ уступкѣ провинцій, вотъ чтò находимъ въ депешѣ вице-канцлера отъ 26го іюля: „Что касается до Тенгоборскаго и Фризе, первому вы можете вручить табакерку съ 1.000 дукатами, а второму нѣкоторую сумму денегъ или дорогой подарокъ по вашему выбору. Іозефовичу ея величество позволяетъ увеличить жалованье до 1.200 (рублей?) и 600 единовременной награды; а Лобаржевскому 1.000 дукатовъ единовременно.“

„P. S. Ожаровскій желаетъ мѣсто начальника артиллеріи. Спросить сколько за него требуютъ, и если требованія не слишкомъ велики, ея величество вѣроятно купитъ его для Ожаровскаго.“

подтверждаетъ Сиверсу, что конфедерація Тарговицкая, какъ болѣе не нужная, должна быть распущена, но акты, изданные ею, сохранены; ничего сдѣланнаго Четырехлѣтнимъ сеймомъ не должно быть возстановлено, а если понадобится какой полезный законъ изъ тѣхъ которые имъ изданы, то представить его на обсужденіе какъ законъ совершенно новый. Относительно пограничной линіи она поручаетъ наблюсти, чтобы съ польской стороны были выбраны коммиссарами люди для насъ надежные. Поляки желали, чтобы Россія изъ долговъ республики взяла на себя 5.000.000, то-есть половину; императрица подтверждаетъ посланнику не обѣщать ничего болѣе принятыхъ ею на свою долю 3.000.000. Относительно частныхъ долговъ короля она вновь одобряетъ Сиверсовъ планъ погашенія. Наконецъ, по вопросу о перенесеніи сейма изъ Гродна въ Варшаву, она по-прежнему остается въ пользу его пребыванія въ Гроднѣ; а если король чувствуетъ себя здѣсь не хорошо, то на дурное время года можетъ уѣхать.

Итакъ потребовалось около пяти недѣль времени для того только, чтобъ исполнить ту часть программы которая считалась болѣе легкою, то-есть принудить сеймъ къ уступкѣ провинцій Россіи. Русская дипломатія очевидно не ожидала встрѣтить столько затрудненій со стороны сейма, который былъ составленъ изъ людей ею указанныхъ и, повидимому, находился въ ея полномъ распоряженіи. Вникая во взаимныя отношенія всѣхъ главныхъ дѣятелей этой драмы, мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Дипломатія постоянно отказываетъ собравшимся на сеймъ Полякамъ почти во всякомъ истинно-патріотическомъ побужденіи' и объясняетъ свои затрудненія только интригами, личными разчетами, желаніемъ порисоваться, якобинствомъ, и т. п. Исторія не можетъ вполнѣ раздѣлять такое мнѣніе. Дѣйствительно, личные разчеты играли самую видную роль въ поведеніи большинства; да иначе не могло и быть, такъ какъ это большинство набрано было изъ людей болѣе или менѣе подкупленныхъ и состоявшихъ на русскомъ и прусскомъ жалованьѣ. Но мы не можемъ не признать за горстью сеймовой оппозиціи нѣкоторой доли патріотическаго увлеченія, хотя этому увлеченію было еще далеко до героизма. Члены оппозиціи, попавшіе на сеймъ вопреки разчетамъ дипломатіи, являются болѣе или менѣе представителями той

патріотической партіи, которая произвела переворотъ 3го мая. Ихъ примѣръ нерѣдко увлекаетъ за собой и самое большинство; по крайней мѣрѣ это большинство въ борьбѣ съ иноземными требованіями принимаетъ участіе на столько, чтобъ имѣть видъ людей уступающихъ только крайней необходимости. Другое обстоятельство замѣченное нами и находящееся въ тѣсной связи съ предыдущимъ, это нѣсколько неясное въ Петербургѣ представленіе о состояніи польскихъ умовъ. Императрица постоянно рекомендуетъ Сиверсу мягкія мѣры, и совѣтуетъ дѣйствовать болѣе ласками и обѣщаніями наградъ чѣмъ угрозами и принужденіемъ; но въ то же время она не совсѣмъ довольна, если посланникъ ея дѣлаетъ какія-либо уступки, недовольна также и медленнымъ ходомъ переговоровъ. Она указываетъ ему постоянно на 1773 годъ и не желаетъ обращать вниманіе на перемѣны послѣднихъ 20ти лѣтъ. Въ Петербургѣ, кажется, не вполнѣ оцѣнивалось трудное и запутанное положеніе русскаго посланника на Гродненскомъ сеймѣ.

VIII.

Прусскія требованія.—Сеймъ противится переговорамъ съ Пруссіей.— Онъ принужденъ уступить. — Споръ о полномочіяхъ.

До сихъ поръ прусскій дипломатъ держался въ сторонѣ, чтобы не мѣшать ходу переговоровъ со своимъ русскимъ товарищемъ. Но когда вопросъ объ уступкѣ провинцій въ пользу Россіи былъ рѣшенъ сеймомъ, Бухгольцъ не замедлилъ выступить на передній планъ. Мы видѣли что въ засѣданіи 9го (20го) іюля онъ подалъ ноту, въ которой требовалъ, чтобы депутація была снабжена надлежащимъ полномочіемъ для договора съ Пруссіей на основаніи предыдущихъ его нотъ, предъявленныхъ сообща съ русскимъ посланникомъ. Почти всѣ заранѣе предвидѣли, что трактатъ съ Пруссіей встрѣтитъ еще болѣе сопротивленія чѣмъ договоръ съ Россіей. Сиверсъ не разъ говоритъ о томъ въ своихъ депешахъ. Тогда какъ большинство сейма состояло изъ сторонниковъ и кліентовъ Россіи, прусская партія насчитывала только немногихъ второстепенныхъ пословъ, за деньги согласившихся поддерживать требованія Пруссіи и подвергаться при этомъ поруганію со стороны большинства (Подгорскій, Древновскій, Влодекъ, Рокитницкій, Рокасовскій и др.).

12го (23го) іюля маршалъ сеймовый, открывая засѣданіе, пригласилъ палату обратить серіозное вниманіе на требованіе прусскаго министра, выраженное въ нотѣ 20го (9го) іюля. Онъ указалъ на смутныя обстоятельства, на невозможность сохранить цѣлость польскихъ предѣловъ; но въ то же время старался утѣшить представителей націи надеждой на лучшее устроеніе республики, которое помогло бы ей забыть свои бѣдствія и упрочить свое будущее.

При чтеніи прусской ноты поднялась цѣлая буря. Многіе послы наперерывъ требовали голоса, чтобы въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ заявить свою оппозицію всякимъ переговорамъ съ Пруссаками. Тутъ вылилась наружу вся горечь накипѣвшая въ душѣ Поляковъ вслѣдствіе вѣроломнаго поведенія Пруссіи начиная съ 1788 года. Ее обвиняли въ томъ что она устроила Полякамъ западню, возбуждая ихъ противъ Россіи во время Четырехлѣтняго сейма и обманывая ихъ призракомъ союза. Нѣкоторые упрекали прусскій дворъ какъ единственнаго виновника бѣдствій Польши, хотя онъ обязанъ ей своимъ существованіемъ и разбогатѣлъ на ея же счетъ. Другіе издѣвались надъ тѣмъ предлогомъ который Пруссаки выставили для своихъ новыхъ насилій, то-есть надъ мнимымъ якобинствомъ Поляковъ. „Пусть прусскій король будетъ стражемъ тѣхъ якобинцевъ, которыхъ онъ нашелъ въ Великой Польшѣ, восклицаетъ Краснодембскій; — но было бы нелѣпо на основаніи подобнаго титула требовать уступки этой области.“ Карскій объявляетъ, что онъ согласится только на такую делегацію, которая будетъ имѣть цѣлью очищеніе польскихъ земель отъ прусскихъ войскъ. Микорскій, высчитавъ всѣ поступки Берлинскаго двора въ отношеніи къ Польшѣ съ давняго времени и напомнивъ обязательства принятыя имъ по послѣднему договору, предложилъ проектъ отвѣтной ноты, въ которой содержались бы слѣдующіе вопросы Бухгольцу: Союзъ Прусскаго короля съ Рѣчью Посполитой, заключенный на предыдущемъ сеймѣ, должно ли считать существующимъ или прекратившимся? Если онъ прекратился, то какія причины разрыва? Ходзко объявляетъ, что онъ никогда не согласится на уступку и одной горсти песку.

Голынскій, посолъ черниговскій, не ограничиваясь оппозиціей прусскимъ требованіямъ, возвращается къ только-что оконченному договору съ Россіей. Онъ распространился о своихъ личныхъ опасностяхъ, о грозившей ему потерѣ имущества и

свободы, вслѣдствіе чего онъ не присутствовалъ на засѣданіи 17го числа; но тѣмъ не менѣе всякая уступка, хотя бы малѣйшей частички польской земли, для него немыслима. Затѣмъ Голынскій предлагаетъ проектъ торжественнаго протеста противъ подписаннаго депутаціей трактата съ Россіей, какъ вынужденнаго насиліемъ, и протестъ этотъ совѣтуетъ разослать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. По настоянію членовъ оппозиціи, каковы Карскій, Микорскій, Стоинскій, Гославскій и Кимбаръ, проектъ Голынскаго былъ прочитанъ. Тѣ же члены потребовали пустить его на голоса. Но маршалъ сеймовый воспротивился нарушенію закона, только что постановленнаго сеймомъ. Ожаровскій пытается снова обратить вниманіе палаты на требованія Пруссіи, и совѣтуетъ въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ великодушному покровительству Русской императрицы. Онъ предлагаетъ отнестись чрезъ канцлеровъ къ русскому посланнику съ просьбой о вмѣшательствѣ и добиваться если не полнаго очищенія края, занятаго прусскими войсками, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его частей. Предложеніе Ожаровскаго поддерживаетъ Куницкій; но онъ требуетъ, чтобы съ такою же просьбой обратились еще къ Австрійскому двору.

Только къ концу засѣданія, когда патріотическія декламаціи значительно утомили и ораторовъ, и слушателей, поднялся одинъ голосъ въ пользу назначенія делегаціи для переговоровъ съ Пруссіей. Этотъ голосъ принадлежалъ Рокитницкому, послу отъ Плоцка. Если, замѣтилъ онъ, съ одной стороны жалобы противъ Пруссіи справедливы, то съ другой— дальнѣйшее сопротивленіе ея требованіямъ могло бы еще болѣе умножить бѣдствія провинцій занятыхъ прусскими войсками. Разсужденія о прусской нотѣ въ это засѣданіе перемѣшивались еще спорами о Тарговицкой конфедераціи: одни требовали ея уничтоженія, другіе, напротивъ, защищали ея судебное значеніе. Засѣданіе продлилось до девяти часовъ вечера и окончилось безъ всякаго рѣшенія.

На слѣдующій день послышалось уже нѣсколько голосовъ въ пользу назначенія делегаціи, такъ какъ нѣтъ другихъ средствъ отвратить бѣдствія. Кромѣ сеймоваго маршала, въ этомъ духѣ говорили Влодекъ, посолъ равскій, и князь Александръ Понинскій, посолъ закрочимскій. Они также совѣтовали обратиться преимущественно къ посредничеству русскаго посланника и сохранить Тарговицкую конфедерацію, пока нѣтъ

другой болѣе прочной правительственной формы. Но противъ назначенія делегаціи снова поднялись оживленные возгласы. Между прочимъ Суходольскій, каштелянъ Смоленскій, отвергая всякіе переговоры съ Пруссіей, предлагаетъ отнестись прямо къ Петербургскому двору и заявить, что польскій народъ не теряетъ своего упованія на помощь „Великой Екатерины“. Затѣмъ, въ порывѣ ораторскаго увлеченія, онъ обращается къ королю и проситъ его, какъ добраго отца народа, вести своихъ сыновъ на жертву милой отчизнѣ, подобно тому какъ Авраамъ въ угоду Творцу принесъ на закланіе собственнаго сына, и Царь Царей удержитъ мечъ гнѣва Своего и сохранитъ народъ польскій какъ Онъ сохранилъ жизнь Исааку. *

Кимбаръ, упитскій посолъ, заявивъ свое несогласіе на переговоры съ Пруссіей, требуетъ чтобы канцлеры сообщили сословіямъ, если имѣютъ какія-либо депеши изъ Вѣны отъ польскаго повѣреннаго Войны. Коронный канцлеръ не замедлилъ исполнить это требованіе. Вотъ сущность полученныхъ депешъ. Война имѣлъ нѣсколько откровенныхъ разговоровъ съ австрійскими министрами, барономъ Тугутомъ и кн. Колоредо. Оба они убѣждены въ невыгодныхъ для Австріи результатахъ событій совершающихся въ Польшѣ; но при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Европѣ они не могутъ обѣщать Полякамъ что-либо положительное. Петербургскій дворъ, по ихъ словамъ, пользуется затруднительнымъ положеніемъ Австріи и хлопочетъ, чтобъ императоръ гарантировалъ Россіи и Пруссіи владѣніе вновь присоединенными отъ Польши провинціями. Стороной Война узналъ что Разумовскій и прусскій повѣренный въ Вѣнѣ всѣми силами стараются добиться этой гарантіи и настаиваютъ на категорическомъ отвѣтѣ; что Разумовскій недавно вручилъ императору отъ императрицы письмо, въ которомъ она будто бы соглашается даже на его участіе въ новомъ раздѣлѣ Польши. Вообще Австрія совершенно погружена въ свою войну съ Франціей, и въ такихъ

* Предложеніе обратиться къ посредничеству русскаго посланника дѣлалось, конечно, не безъ предварительнаго соглашенія съ Сиверсомъ. Въ депешѣ своей вице-канцлеру, составленной поутру того же 13го (24го) іюля, онъ говоритъ: „Сегодня представятъ проектъ о снабженіи депутаціи полномочіемъ; будутъ очень настаивать на выгодахъ торговыхъ и на долгахъ, а также на томъ чтобъ я рѣшительно былъ посредникомъ присутствующимъ на конференціяхъ. Послѣднее мнѣ не совсѣмъ пріятно.“

обстоятельствахъ Война совѣтуетъ только выжидать какой-либо перемѣны въ общихъ дѣлахъ Европы. *

Подобныя сообщенія не замедлили дать новую пищу оппозиціи. Она сдѣлалась еще оживленнѣе и не скрывала своихъ великихъ надеждъ на помощь Вѣнскаго двора.

15го (26го) іюля голоса въ пользу делегаціи усиливаются до такой степени, что ихъ выслушиваютъ. Древновскій, ломжинскій посолъ, вноситъ проектъ трактованія съ Прусскимъ дворомъ, и замѣчаетъ что отказъ отъ всякихъ договоровъ можетъ быть сочтенъ прусскимъ королемъ за молчаливое согласіе на его узурпацію. Это замѣчаніе произвело впечатлѣніе, такъ что палата допустила чтеніе самого проекта. Сущность его заключалась въ томъ чтобы дозволить депутаціи, подписавшей трактатъ съ Россіей, вступить въ переговоры съ прусскимъ посланникомъ, но начать ихъ не иначе какъ съ торговаго трактата и притомъ результаты переговоровъ сообщать на одобреніе сеймующихъ сословій. Члены оппозиціи попрежнему пытаются отстранить вопросъ о делегаціи. Между прочимъ Шидловскій упрекаетъ епископовъ и короля за ихъ измѣну многократно произнесенной клятвѣ: скорѣе пожертвовать жизнію чѣмъ согласиться на раздѣлъ Польши. Король отвѣчаетъ что онъ всегда готовъ на эту жертву, если она можетъ спасти отечество, но что теперь она безполезна, и дѣло идетъ только о спасеніи остальной Польши. Затѣмъ онъ предлагаетъ уполномочить канцлеровъ, чтобъ они подали русскому посланнику ноту съ объясненіемъ всѣхъ причинъ по которымъ сеймъ не соглашается на требованія Пруссіи и съ выраженіемъ готовности положиться на его совѣты въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ.

Бѣлинскій, Ожаровскій, Лобаржевскій, Млодзяновскій, Скар-

* О колебаніяхъ австрійской политики по вопросу гдѣ искать ей вознагражденія за борьбу съ французскою революціей, въ Баваріи, въ Польшѣ или во Франціи? см. мою замѣтку (въ *Русск. Вѣстн.* 1867 г. ноябрь) составленную на основаніи дополнительнаго тома къ *Исторіи Россіи* Германа. Извѣстіе Войны о согласіи Екатерины допустить Австрію къ участію во второмъ раздѣлѣ Польши, конечно, несправедливо; но оно могло легко возникнуть на основаніи уклончивыхъ отвѣтовъ Петербургскаго двора. См. статью Зибеля *Polens Untergang und der Revolutionskrieg* (*Historische Zeitschrift* 1870, I), составленную на основаніи дипломатическихъ документовъ Вѣнскаго архива.

жинскій, Влодекъ, Суфчинскій и Радзинскій поддерживаютъ проектъ короля. А Голынскій, чтобы парализовать его, возобновляетъ предложеніе Куницкаго о подачѣ такой же ноты Вѣнскому двору. Ходзко и Карскій поддерживаютъ эту прибавку. Сеймовый маршалъ ставитъ вопросъ: тронный проектъ будетъ ли принятъ съ дополненіемъ Куницкаго или безъ онаго? 67 голосовъ противъ 52 рѣшаютъ этотъ вопросъ въ пользу троннаго проекта безъ дополненія.

На слѣдующемъ засѣданіи была прочитана отвѣтная нота русскаго посланника. Онъ съ удовольствіемъ видитъ новое доказательство довѣрія, которое сеймъ показывалъ его государынѣ; но тѣмъ не менѣе весьма положительныя инструкціи побуждаютъ его настаивать на немедленномъ начатіи переговоровъ съ прусскимъ министромъ и на снабженіи делегаціи потребнымъ для того полномочіемъ. Собраніе обратило вниманіе не столько на ясный, опредѣленный смыслъ этой ноты, сколько на ея мягкій тонъ, и нисколько не поспѣшило рѣшеніемъ вопроса. Члены оппозиціи не переставали гремѣть противъ всякой попытки вступить въ переговоры съ Пруссіей. Съ особенною ѣдкостью выражался Скаржинскій, посолъ отъ Ломжи. Онъ не допускалъ никакой уступки земель ни Пруссіи, ни Россіи, и назвалъ безполезнымъ обращеніе къ посредничеству русскаго посланника, который по своимъ инструкціямъ обязанъ былъ поддерживать интересъ Берлинскаго двора наравнѣ съ собственнымъ. Онъ настаивалъ на отправленіи посольства прямо къ русской императрицѣ. Ожаровскій, съ своей стороны, пытается обратить вниманіе сейма на армію, которой не заплачено жалованье уже за многіе мѣсяцы; онъ совѣтуетъ хлопотать о собраніи податей съ провинцій занятыхъ русскими и прусскими войсками. Король поддерживаетъ его совѣтъ, и говоритъ также о необходимости прежде всего найти средства на удовлетвореніе арміи.

Епископъ Коссаковскій во время преній о делегаціи высказалъ такую мысль: можно надѣяться на перемѣну въ отношеніяхъ двухъ дворовъ, принимающихъ участіе въ раздѣлѣ; а въ ожиданіи этой перемѣны можно открыть переговоры съ Пруссіей. „Это нескромное заявленіе произвело замѣтное впечатлѣніе“, доноситъ Сиверсъ. Послѣ засѣданія онъ сдѣлалъ епископу легкое внушеніе. Кромѣ того, онъ велѣлъ сказать двумъ братьямъ Скаржинскимъ, ломжинскому и черниговскому, что если они въ своихъ рѣчахъ еще позволятъ себѣ выраженія противныя

интересамъ ея величества, то онъ назначитъ экзекуцію въ ихъ земли.

Шидловскій, Карскій и другіе члены оппозиціи не замедлили на другой день снова поднять жалобы на насилія сейму, и предложили депутировать по этому поводу канцлеровъ къ Сиверсу; но они отказались отъ такой депутаціи, и на томъ дѣло кончилось. Такъ какъ наступало 30е іюля, а сеймъ все еще не исполнилъ своей задачи, то въ эти два дня (28 и 29го іюля нов. ст.) пренія о делегаціи перемѣшивались горячими спорами о томъ, должно ли отсрочить засѣданія сейма или продолжить его сессію? Наконецъ вопросъ пущенъ на голоса, и большинствомъ рѣшено продолжить сеймъ опять на двѣ недѣли, то-есть до 15го августа.

На засѣданіи 19го (30го) іюля небольшая прусская партія рѣшилась выступить еще смѣлѣе въ вопросѣ о делегаціи, а русскій посланникъ въ этотъ день подалъ новую ноту, въ которой повторялъ требованіе немедленно выдать полномочія для заключенія трактата съ Пруссіей.

При самомъ началѣ засѣданія Древновскій снова предлагаетъ свой проектъ о торговомъ договорѣ съ прусскимъ королемъ. Но это предложеніе послужило сигналомъ къ крикамъ и декламаціямъ. Оппозиція хватается за проектъ Микорскаго, то-есть чтобы канцлеры подали Бухгольцу ноту съ вопросомъ: считать ли союзъ Пруссіи съ Рѣчью Посполитой разорваннымъ, и какія причины этого разрыва? Когда секретарь сеймовый прочелъ проектъ Микорскаго, Подгорскій, посолъ отъ Волыни, потребовалъ чтенія и проекта Древновскаго, а маршалъ сеймовый предъявилъ упомянутую ноту Сиверса. Тогда поднялись горячія пренія, и палата раздѣлилась на двѣ противныя стороны. Секретарь хотѣлъ читать проектъ Древновскаго; но онъ былъ прерванъ и принужденъ замолчать посреди шумныхъ возгласовъ и личной перебранки. Между прочимъ Ходзко обращается къ королю съ слѣдующимъ восклицаніемъ: „Что̀ скажетъ потомство, увидавъ имя вашего величества подъ актомъ генеральной конфедераціи и внизу ратификаціи этихъ двухъ договоровъ?“ Маршалъ сеймовый умоляетъ короля сказать свое мнѣніе, въ виду раздѣленія палаты на двѣ стороны. Король отвѣчаетъ, что потомство, конечно, будетъ на столько справедливо, чтобы различить обстоятельства сопровождавшія его присоединеніе къ Тарговицкой конфедераціи отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ находился въ послѣдствіи.

Относительно вопроса раздѣлившаго палату онъ изъявилъ желаніе услышать прежде мнѣніе сената.

Нѣкоторые сенаторы подаютъ свой голосъ; между прочимъ епископы Скаржевскій и Коссаковскій говорятъ, что не имѣется въ виду никакихъ средствъ помѣшать договору съ Пруссіей. Пренія продолжались еще нѣсколько времени. Наконецъ Бѣлинскій ставитъ ad turnum вопросъ: будетъ ли принятъ проектъ Микорскаго или мнѣніе Рокасовскаго (бельзскаго), который предлагаетъ пустить на голоса проектъ Древновскаго? За первый пусть будутъ положительные отвѣты, а за второе отрицательные. Произвели голосованіе, и въ результатѣ получилась „неслыханная вещь, по выраженію Сиверса, если она не была подготовлена“: на каждой сторонѣ 53 голоса. Палата обращается къ королю съ просьбой „развязать“ это равновѣсіе. Король рѣшаетъ въ пользу предложенія Рокасовскаго, но въ то же время поручаетъ канцлерамъ подать Бухгольцу ноту составленную на основаніи проекта Микорскаго. Такимъ образомъ онъ пытается удовлетворить обѣ стороны.

На другой день канцлеры сообщили собранію отвѣтную ноту Бухгольца на ихъ запросъ о томъ, считаетъ ли прусскій король обязательными для себя трактаты 1773 и 1790 годовъ? Посланникъ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что онъ объяснится на этотъ счетъ съ делегаціей, которая будетъ уполномочена вести съ нимъ переговоры. Въ это засѣданіе проектъ Древновскаго былъ предложенъ на окончательное рѣшеніе и принятъ большинствомъ 65 голосовъ противъ 39. Сиверсъ доноситъ что многіе отсутствовали, чтобы не компрометтировать себя участіемъ въ голосованіи, а что вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, опять произошло бы равенство сторонъ.

Такимъ образомъ рѣшено было той же депутаціи, которая договаривалась съ русскимъ посланникомъ, вступить въ переговоры съ прусскимъ; но предметомъ этихъ переговоровъ долженъ былъ служить торговый трактатъ. Послѣ нѣкоторыхъ преній о разныхъ дополненіяхъ къ проекту Древновскаго, приняты были палатой еще слѣдующія прибавки къ инструкціи депутатамъ, предложенныя епископомъ Ливонскимъ: 1) во введеніи къ инструкціи сказать что сеймъ согласился на депутацію только вслѣдствіе насилія; 2) упомянуть что сеймъ не можетъ уступить ни малѣйшей части изъ территоріи Рѣчи Посполитой, и 3) все что сдѣлаетъ депутація

будетъ только проектомъ, подлежащимъ рѣшенію сословій. *
Чтобы дать канцлерамъ время приготовить всѣ акты необходимые для депутаціи, король на два дня отложилъ засѣданіе.

Около этого времени Сиверсъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, сообщаетъ что видѣлъ секретные отвѣты (канцлеровъ) на депеши всѣхъ польскихъ повѣренныхъ при иностранныхъ дворахъ. Отвѣты эти воздаютъ хвалу сопротивленію короля и сейма и прямо говорятъ что надежды ихъ основаны на томъ, чтобы выиграть время и дождаться могущихъ послѣдовать перемѣнъ въ отношеніяхъ и интересахъ европейскихъ дворовъ. О поведеніи иностранныхъ министровъ, аккредитованныхъ при Рѣчи Посполитой, нашъ посланникъ замѣчаетъ что шведскій не скрываетъ злой радости по поводу затрудненій прусскаго; англійскій совершенно равнодушенъ; австрійскій маскируетъ свои чувства лучше шведскаго, но они проглядываютъ вопреки его скрытности.

Между тѣмъ на Рейнѣ счастье повернуло на сторону Пруссаковъ: 22го іюля (нов. ст.) Французы, занимавшіе крѣпость Майнцъ, сдались на капитуляцію. Сиверсъ говоритъ, что извѣстіе о взятіи Майнца произвело на Поляковъ большое впечатлѣніе, и что еслибъ оно пришло двадцатью четырьмя часами ранѣе, то повліяло бы на инструкцію составленную для депутаціи. Тонъ этой инструкціи, по его словамъ, показываетъ неразуміе и безтактность (l'imbecilité et la fatuité) собранія. Онъ предупреждаетъ что въ первой конференціи съ прусскимъ министромъ не приметъ участія, но потомъ, конечно, принужденъ будетъ это сдѣлать.

25го іюля (5го августа) происходила первая конференція депутаціи съ прусскимъ посланникомъ. Президентъ депутаціи, князь-епископъ Масальскій, обратился къ посланнику съ выраженіемъ надежды на его участіе и дружеское расположеніе къ польской націи. Посланникъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, но прибавилъ что обстоятельства побудили ихъ величества (русское и прусское) сообща принять мѣры для предохраненія своихъ государствъ отъ печальнаго положенія Европы. Затѣмъ прочли полномочія. Ожаровскій замѣтилъ, что прусскій документъ говоритъ объ уступкѣ всѣхъ провинцій занятыхъ прусскими войсками; это обстоятельство препятствуетъ обмѣну полномочій; оно означало бы что депутація заранѣе

* Текстъ инструкціи см. въ *Korresp.*, 1309.

соглашается не только на уступку, но и на весь ея объемъ; тогда какъ въ полномочіи депутатовъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Въ виду такого затрудненія, Масальскій предложилъ ограничиться на первый разъ только прочтеніемъ полномочій; но Бухгольцъ требовалъ ихъ обмѣна; однако после нѣкоторыхъ споровъ уступилъ и уѣхалъ. Депутація рѣшила подать ему ноту.

Въ тотъ же день въ квартирѣ Масальскаго нота была составлена и препровождена Бухгольцу. Она указывала на невозможность дальнѣйшихъ переговоровъ, потому что, на основаніи своей инструкціи, депутація не можетъ принять прусскаго полномочія, въ которомъ первымъ пунктомъ стоитъ уступка земель Рѣчи Посполитой; притомъ и самое полномочіе русскаго посланника не заключало въ себѣ требованія столь рѣзко выраженнаго. На слѣдующій день отъ Бухгольца получена отвѣтная нота, съ замѣчаніемъ что разница въ выраженіяхъ не можетъ быть принята за помѣху къ переговорамъ. На это депутація увѣдомила, что въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она должна обратиться къ сословіямъ, и потому прерываетъ дальнѣйшія объясненія.

Отчетъ объ этихъ затрудненіяхъ былъ представленъ сейму въ засѣданіи 27го іюля (7го августа). Въ томъ же засѣданіи прочтена нота Бухгольца, которая протестовала противъ отказа депутаціи обмѣняться полномочіями, такъ какъ этотъ обмѣнъ былъ простою формальностію, и основою для переговоровъ служатъ не полномочія, а инструкціи. Тогда всталъ Цемневскій, юный посолъ рожанскій, и предложилъ сословіямъ изъявить благодарность депутаціи за исполненіе обязанностей возложенныхъ на нее сеймомъ. Депутація отвѣчаетъ ему, что она желаетъ отъ сейма не похвалъ, а только одобренія своему образу дѣйствія. Маршалъ сеймовый думаетъ ограничиться этими заявленіями. Но нашлись многіе члены собранія, которые схватились за предложеніе Цемневскаго и потребовали чтобъ оно было подвергнуто формальному рѣшенію. Посыпались возраженія и поправки къ этому предложенію, и пренія о немъ прекратились только съ закрытіемъ засѣданія.

На слѣдующій день король, по обыкновенію, въ 11ть часовъ прибылъ въ сенатъ; но нашелъ такое небольшое число присутствующихъ, что принужденъ былъ отложить засѣданіе до 4хъ часовъ пополудни. Очевидно, многіе члены сейма пытались

уклониться отъ участія въ щекотливомъ вопросѣ о депутаціи. Когда же открылось засѣданіе, палата какъ будто забыла объ этомъ важномъ вопросѣ и занялась давно начатыми сужденіями о войскѣ, о его числѣ, преобразованіи и средствахъ уплатить ему жалованье. Послѣ многихъ преній остановились на мысли назначить коммиссію для отобранія у гетмановъ и региментарія отчетовъ о состояніи войска и войсковыхъ кассъ.

А между тѣмъ вопросъ о депутаціи занималъ всѣ умы и вызывалъ самую напряженную дѣятельность. Русскій посланникъ продолжалъ служить центромъ этой дѣятельности. Бухгольцъ обращается къ нему съ настойчивыми просьбами о поддержкѣ своихъ требованій; Поляки также умоляютъ его о помощи. На просьбу о посредничествѣ Сиверсъ офиціально отвѣчалъ что взаимныя противорѣчія съ обѣихъ сторонъ слишкомъ велики, чтобъ онъ могъ дѣйствовать не обижая ни той, ни другой. Однако въ его донесеніи отъ 28го іюля (8го августа) прямо сказано, что вопросъ о депутаціи будетъ обсуждаемъ завтра, а рѣшенъ послѣ завтра, то-есть 10го августа нов. стиля. Это указываетъ на непрерывно продолжавшіяся соглашенія между нимъ и большинствомъ сейма.

Все засѣданіе 29го іюля (9го августа) прошло въ горячихъ преніяхъ о депутаціи. Голоса раздѣлились между двумя проектами: Влодека, посла гостынскаго, и Млодзяновскаго, рожанскаго. Первый предлагалъ, чтобы депутація обмѣнялась полномочіями и начала переговоры съ прусскимъ министромъ, не дожидаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны прусскихъ войскъ; а второй не допускалъ никакихъ негоціацій, пока полномочія не будутъ измѣнены. Члены оппозиціи, каковы Шидловскій, Кимбаръ, Карскій, Богуцкій, поддерживаютъ Млодзяновскаго; другіе, и особенно Міончинскій, защищаютъ проектъ Влодека. Наконецъ епископъ Коссаковскій, чтобы помирить противныя стороны, предлагаетъ, по своему обычаю, среднюю мѣру: депутація пусть потребуетъ, чтобы прусскій министръ хлопоталъ объ измѣненіи своего полномочія, а въ ожиданіи этого измѣненія пусть трактуетъ съ нимъ, но не active, а только proective, то-есть не положительно, а условно. Вся палата одобрила эту мысль. Окончательное рѣшеніе вопроса о депутаціи отложено до слѣдующаго дня.

Въ этотъ день, то-есть въ субботу 30го іюля (10го августа), засѣданіе открылось чтеніемъ двухъ нотъ, отъ Сиверса и

Бухгольца, которые увѣщевали палату оставить безполезныя пререканія и постановить немедленный обмѣнъ полномочій. Послѣ чтенія нотъ возобновились пренія о томъ, какой проектъ предпочесть: Влодека, исправленный депутаціей, или Млодзяновскаго съ поправками каштеляна Суходольскаго? Секретарь сеймовый прочелъ оба проекта. Маршалъ хочетъ пустить ихъ на голоса: но его прерываютъ многіе послы, требуя слова, между прочимъ Краснодембскій и Цемневскій. Ихъ поддерживаетъ вся оппозиція; а другая часть палаты требуетъ немедленнаго рѣшенія. Послѣ многихъ споровъ маршалъ даетъ голосъ Краснодембскому.

Ораторъ поблагодарилъ товарищей, помогшихъ ему добиться слова, и затѣмъ началъ свою рѣчь. „Наияснѣйшій король, панъ мой милостивый, сказалъ онъ, и пресвѣтлыя сословія Рѣчи Посполитой сконфедерованной! Хотя право войны не есть право справедливости, однако вслѣдствіе обычая, съ незапамятныхъ временъ господствующаго въ испорченномъ мірѣ, оно украсило себя ея подобіемъ, и съ тѣхъ поръ побѣдитель по своей волѣ распоряжается имуществомъ отнятымъ у побѣжденнаго. Но если, по привычкѣ пользоваться чужимъ добромъ, безъ объявленія даже войны, а просто чувствуя себя сильнѣе другихъ, ограбятъ на большой дорогѣ мирнаго путника, то я еще не слыхалъ о такомъ правѣ, на основаніи котораго онъ утратилъ бы способность жаловаться и домогаться предъ судомъ возвращенія своей собственности.“ Съ такимъ-то разбоемъ на большой дорогѣ ораторъ сравниваетъ занятіе польскихъ провинцій иностранными войсками. Онъ протестуетъ противъ ратификаціи какого бы то ни было забору (подразумѣвая, конечно, состоявшійся уже трактатъ съ Россіей) и противъ всякихъ полномочій основанныхъ на вторженіи иностранныхъ войскъ. Пусть наложатъ на него оковы, возьмутъ его имѣніе, самую жизнь, ничто не заставитъ его отступить отъ этой протестаціи.

Затѣмъ въ томъ же смыслѣ и съ такимъ же жаромъ говорилъ Цемневскій. Онъ думаетъ что нѣтъ другой надежды на спасеніе республики какъ подождать, пока императоръ, освободясь отъ войны съ Франціей, получитъ возможность употребить свое могущественное посредничество въ дѣлѣ Польши. Потомъ онъ въ сильныхъ выраженіяхъ нападаетъ на короля Станислава и обвиняетъ его царствованіе во всѣхъ бѣдствіяхъ Польши. „Вся исторія этого несчастнаго царствованія записана въ

черную книгу. Остается только одинъ бѣлый листъ; онъ находится въ твоихъ рукахъ,“ восклицаетъ неукротимый ораторъ, обращаясь къ королю. „Пусть по крайней мѣрѣ на немъ запишутъ что ты не согласился на уступку нашихъ провинцій! Мы возвели тебя на этотъ высокій постъ и поддержали тебя на немъ. Мы въ изобиліи доставляли тебѣ всѣ нужное, платили твои долги, возвысили твоихъ ближнихъ на первыя мѣста и осыпали ихъ благодѣяніями республики. Кажется, мы имѣемъ право ожидать другаго выраженія признательности, а не того чтобы видѣть тебя постыдно подписывающимъ разореніе и позоръ націи.“ * Въ заключеніе Цемневскій, подобно Краснодембскому, отвергаетъ всякіе переговоры съ Пруссіей и поддерживаетъ проектъ Млодзяновскаго.

Дзѣконскій, надворный литовскій подскарбій, и Анквичъ спѣшатъ сказать нѣсколько словъ въ защиту короля, приписывая несчастія Польши не ему, а упрямству и раздору самихъ обывателей. Но имъ удается только отчасти изгладить впечатлѣніе произведенное рѣчью Цемневскаго.

Затѣмъ маршалъ ставитъ ad turnum вопросъ о томъ, какой проектъ принимаетъ палата, Влодека или Млодзяновскаго? За первый оказалось 63 голоса, за второй 26. Такимъ образомъ рѣшено чтобы депутація продолжала переговоры съ прусскимъ посланникомъ и обмѣнялась съ нимъ полномочіями.

Въ концѣ засѣданія король счелъ нужнымъ оправдаться во всѣхъ обращенныхъ къ нему упрекахъ и произнесъ длинную рѣчь, мѣстами не лишенную оттѣнка искренности и правды. Онъ сдѣлалъ историческій обзоръ всѣхъ событій своего царствованія, начиная отъ времени Семилѣтней войны. Въ несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, въ недостаткахъ правительства, въ поведеніи сеймовъ и интригахъ партій онъ указалъ источникъ всѣхъ золъ, которымъ не могли воспрепятствовать его извѣстная рѣшимость и его девизъ: „король съ народомъ и народъ съ королемъ“. Дошедши до эпохи Тарговицкой конфедераціи, то-есть до своей измѣны 3му мая и вообще дѣлу патріотовъ, Станиславъ Августъ продолжаетъ оправдывать свое поведеніе слѣдующими словами:

„Я спрашиваю еще разъ, въ душѣ короля какое рѣшеніе должно было одержать верхъ: жажда славы и обманчивый ея призракъ чтобы продолжать войну, слѣдствіемъ которой

* Депеша Сиверса отъ 4го (15го) августа.

было бы взятіе столицы и потеря всей страны, или онъ долженъ былъ предпочесть сохраненіе отечества? Кто слышалъ меня тогда и кто подписалъ актъ генеральной конфедераціи, тотъ не можетъ упрекать меня за то что я положился на данныя мнѣ увѣренія и, ради цѣлости государства, принесъ жертву, лично для меня самую чувствительную. Съ той минуты какъ я приступилъ къ Тарговицѣ, у меня была отнята всякая дѣятельность и всякая власть. Очень хорошо всѣмъ извѣстно какъ другая власть, которая мнѣ наслѣдовала, распорядилась нашимъ войскомъ, и какъ потомъ она воспрепятствовала всякому на этотъ счетъ улучшенію.

„Когда эта власть потребовала чтобъ я созвалъ настоящій сеймъ, что̀ сдѣлалъ я такое къ чему бы не былъ обязанъ какъ глава націи, которая еще имѣла титулъ свободной и независимой? Я сказалъ этому сконфедерованному сейму: „Какъ представитель нашего справедливаго дѣла, буду защи-„щать его до тѣхъ поръ пока вы сами за него стоите.“ И я исполнилъ свое слово. Насилія, употребляемыя противъ насъ, постепенно возрасли до того, что наконецъ намъ сказали: „Или „сегодня подпишите, или завтра вы будете имѣть войну.“ И какую войну? Не ту, которая началась бы у нашихъ границъ, но посреди нашей земли, занятой 180.000 иноземцевъ; изъ нихъ одинъ корпусъ, расположенный въ четырехъ лагеряхъ, окружаетъ самое мѣсто нашихъ совѣщаній, а другой занимаетъ нашу столицу. И что̀ остается намъ противъ нихъ? Около 30.000 человѣкъ, безъ артиллеріи, безъ запасовъ и безъ денегъ, маленькими кучками разсѣянныхъ по всему пространству республики и окруженныхъ вшестеро сильнѣйшими войсками, которыхъ кормитъ наша несчастная страна, не получившая до сихъ поръ и десятой доли вознагражденія.

„Все это уже было вамъ указано. Вы признали полную необходимость уступить; рѣшало ваше большинство. Итакъ гдѣ же моя вина? Сегодня вы также рѣшили большинствомъ то что̀ считаете наиболѣе удобнымъ: развѣ мнѣ позволительно теперь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, выступать противъ вашего рѣшенія? Пусть это послужитъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ кто еще сегодня возбуждалъ меня къ сопротивленію. Еслибы достаточно было однихъ словъ, чтобъ отвѣчать на дѣйствія иноземныхъ войскъ, то конечно мы бы не поскупились на нихъ.“ Въ заключеніе король поблагодарилъ Дзѣконскаго и Анквича за ихъ стараніе доказать его невинность.

После этого заседанія Сиверсъ написалъ длинное письмо русскому уполномоченному въ Берлинѣ, Алопеусу: послѣдній увѣдомилъ его о явномъ неудовольствіи Берлинскаго двора на то, что договоръ Польши съ Пруссіей не былъ подписанъ въ одно время съ русскимъ договоромъ. Сиверсъ старается объяснить свое поведеніе и показать всю трудность задачи. „Если вы прочтете бюллетени всего сейма“, писалъ онъ Алопеусу, „то увидите сколькихъ усилій стоило мнѣ привести умы къ заключенію моего трактата. Еслибъ я не получилъ отъ моего двора приказаніе договариваться отдѣльно, то не заключилъ бы его и до сихъ поръ; тѣмъ не менѣе они продержали меня пять недѣль.“ „Мнѣ не оставалось ничего другаго какъ обѣщать горы и чудеса и подмѣшивать угрозы къ самой обширной системѣ подкупа.“ „Никакія объясненія и заявленія не заставили бы ихъ дозволить обмѣнъ полномочій и продолженіе конференцій, еслибы не мои ноты. Большинство подававшихъ голоса объявило, что оно уступаетъ только изъ повиновенія Россіи. Поставьте себя на мое мѣсто. Секвестровавъ доходы короля, назначивъ военную экзекуцію въ имѣнія Валевскаго, Ржевускаго, Тышкевича и другихъ; остановивъ проходъ судовъ, уплату за съѣсные припасы и за фуражъ, что мнѣ оставалось другаго дѣлать какъ не предписать прямыя непріятельскія дѣйствія? Но король, съ его 30.000.000 долга, оба гетмана, обѣ арміи и большинство сеймовыхъ пословъ, также обремененныхъ долгами, желаютъ этихъ непріятельскихъ дѣйствій. Что могли бы мы выиграть въ силѣ трактата, наступивъ на нихъ съ оружіемъ? Мнѣ кажется, лучше повременить и придти къ той же цѣли нѣсколькими недѣлями позже, хотя не безъ насилія, за то безъ пролитія невинной крови, не рискуя отчаяніемъ націи и вмѣшательствомъ завистливой Австріи, а также враждою Турціи и Швеціи, подстрекаемыхъ Французами.“

„Относительно границы на Ченстоховъ, чрезъ Раву и Сольдау, Пруссаки отступили отъ прямой линіи, которая подразумѣвалась (въ конвенціи съ Россіей), и взяли лишнихъ отъ 70 до 80 квадратныхъ льё въ странѣ очень обработанной. Полякамъ это тѣмъ чувствительнѣе что граница близко подходитъ къ Варшавѣ, и я былъ уполномоченъ объявить, что демаркаціонная коммиссія имѣла приказъ вести границу извилинами по назначенной линіи, не разрѣзывая малыхъ владѣній и вознаграждая каждую сторону въ другихъ мѣстахъ.

А прусскій проектъ договора требуетъ всего что занято и двухъ цѣлыхъ воеводствъ Равскаго и Плоцкаго, тогда какъ линія дѣлитъ ихъ на двое.“

„Статья о религіи также представляетъ нѣкоторыя затрудненія.“ „Я предвижу что они (Поляки) будутъ оспаривать каждый пунктъ шагъ за шагомъ. Боюсь, что мнѣ придется вмѣшиваться очень часто для отстраненія затрудненій. Надобно чтобы посредствомъ торговаго трактата Поляки убѣдились, что съ ними хотятъ договариваться на равной ногѣ. Гуманность и мудрость этого требуютъ.“ „Уменьшеніе голландскаго долга короля на одну треть или на одну четверть привлекло бы его на сторону (прусскихъ требованій).“

Всѣ эти объясненія обращены были къ Алопеусу конечно съ тѣмъ, чтобъ онъ показалъ ихъ прусскому министерству. Сиверсъ предварительно прочелъ свое письмо Бухгольцу, и говоритъ, что послѣдній, повидимому, остался имъ доволенъ. То что русскій посланникъ писалъ о своихъ затрудненіяхъ было справедливо; но онъ умалчиваетъ о главномъ, то-есть о неудовольствіи Пруссаковъ на его недостаточно усердную поддержку ихъ требованій и о своихъ отношеніяхъ къ большинству сейма. Впрочемъ его замѣчаніе объ излишнемъ захватѣ Пруссаками земель противъ условленной линіи ясно намекало имъ на главную причину его сдержанности. Кромѣ разногласія между союзниками по данному пункту, на это недостаточное усердіе въ поддержкѣ прусскихъ требованій вліяло и другое обстоятельство: императрица считала нужнымъ показать Пруссакамъ что сами-по-себѣ, безъ помощи Россіи, они не могутъ ничего добиться отъ Польши. *

Еще письмо Сиверса не успѣло достигнуть своего назначенія, какъ Бухгольцъ сообщилъ ему вновь полученныя отъ своего двора депеши, въ которыхъ тономъ болѣе сильнымъ чѣмъ прежде высказывалось неудовольствіе на замедленіе переговоровъ. Прусское правительство даже назначило срокъ для подписи трактата, именно 20е (9е) августа; въ противномъ случаѣ грозило начать непріятельскія дѣйствія. Сиверсъ замѣтилъ Бухгольцу что этотъ срокъ невозможенъ, и просилъ

* Станиславъ Августъ въ письмѣ къ Букатому (польскому уполномоченному въ Лондонѣ) сообщаетъ, будто Сиверсъ ему, королю, и другимъ лицамъ говорилъ, что онъ желаетъ, чтобы прусская негоціація продлилась еще болѣе чѣмъ его собственная. *Docum. do Historyi 2go i 3go podziatu* 259.

подождать пока получится отвѣтъ на его письмо къ Алопеусу. „Положеніе мое, замѣчаетъ онъ въ своемъ донесеніи вице-канцлеру, весьма непріятно. Вѣнскій уполномоченный молчитъ, шведскій злобно радуется, англійскій уѣхалъ на двѣ недѣли въ Варшаву.“

Между тѣмъ движеніе на сеймѣ. произведенное сильными выходками Цемневскаго противъ короля, не ограничилось 30мъ іюля; оно наполнило собою и бо́льшую часть слѣдующаго засѣданія 1го (12го) августа. Многіе послы спѣшатъ засвидѣтельствовать свою преданность королю и принимаютъ на себя его защиту. Очевидно, въ промежутокъ между этими двумя засѣданіями королевская партія условилась употребить всѣ усилія, чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе рѣчи Цемневскаго. Особеннымъ усердіемъ въ апологіи Станислава Августа отличились Подгорскій, посолъ отъ Волыни—одинъ изъ королевскихъ шамбеляновъ, и Шидловскій, посолъ подляскій. * Они напоминаютъ его благодѣянія странѣ, особенно указываютъ на его заслуги народному образованію и на его покровительство искусствамъ. „Это ужь обычное свойство Поляковъ, замѣтилъ Подгорскій, огорчать своихъ королей при ихъ жизни и потомъ покрывать цвѣтами ихъ могилу.“ Цемневскій дѣлаетъ попытку оправдать неумѣренность своихъ выраженій, но не можетъ удержаться отъ слѣдующихъ словъ обращенныхъ къ королю: „Вы видите, государь, что если вамъ придется услышать отъ кого-нибудь голосъ правды, тотчасъ поднимаются другіе, которые стараются заглушить его голосомъ лести.“

Тотъ же Цемневскій предложилъ на этомъ засѣданіи, въ видахъ сокращенія расходовъ, отмѣнить уплату пенсій тѣмъ военнымъ сановникамъ, которые пребываютъ въ чужихъ земляхъ и не думаютъ нисколько объ исполненіи своихъ обязанностей. Такой проектъ подаетъ Гославскому, послу сендомірскому, поводъ распространиться вообще о вельможахъ, которые, преслѣдуя свои личные интересы, навели на страну иностранныя войска, а сами теперь спокойно проживаютъ за границей, покинувъ отечество посреди смутъ и бѣдствій. Проектъ принятъ ad deliberandum.

* Этого Шидловскаго, старосту Мѣльницкаго, не должно смѣшивать съ двумя другими Шидловскими, цѣхановскимъ и особенно плоцкимъ — извѣстнымъ ораторомъ сеймовой оппозиціи и также однимъ изъ королевскихъ шамбеляновъ.

Въ заключеніе засѣданія Суфчинскій, посолъ холмскій, снова восхваляетъ дѣянія короля и, чрезъ посредство сеймоваго маршала, проситъ допустить собраніе къ цѣлованію руки его величества. Король отвѣчаетъ, что „нѣжный отецъ прижимаетъ къ сердцу своихъ дѣтей, особенно тѣхъ которые привыкли оказывать ему любовь и почтеніе вмѣстѣ съ признательностію.“ Происходитъ церемоніальное лобзаніе королевской руки.

IX.

Ратификація русскаго договора.—Конференція съ прусскимъ посланникомъ.—Сиверсъ посредникъ. — Празднества и общественная жизнь въ Гроднѣ.

Въ ночь на 2е (13е) августа въ Гродно прискакалъ изъ Петербурга курьеръ, который привезъ высочайшее подтвержденіе договора 11го (22го) іюля между Россіей и Польшей. Вмѣстѣ съ этимъ подтвержденіемъ была прислана для Сиверса Андреевская лента при весьма милостивомъ рескриптѣ.

Сиверсъ немедленно препроводилъ къ канцлерамъ ноту съ извѣстіемъ о полученной имъ ратификаціи и съ изъявленіемъ надежды что со стороны короля и сословій въ скоромъ времени будетъ изготовлена такая же ратификація для обмѣна съ русскимъ посланникомъ. Когда эта нота была сообщена сейму, Анквичъ вслѣдъ за тѣмъ внесъ и самый проектъ ратификаціи. Нѣкоторые члены оппозиціи, чтобы замять рѣчь о непріятномъ предметѣ, поспѣшили обратить вниманіе палаты на другіе вопросы; напримѣръ, одинъ вноситъ проектъ о награжденіи бригадира Добровскаго за его услуги отечеству, другой подаетъ проектъ объ уменьшеніи податей. Но Шидловскій, посолъ плоцкій, прямо нападаетъ на ратификацію и говоритъ между прочимъ слѣдующее:

„И въ древности падали народы, истребляемые вражескимъ мечомъ; но въ самомъ паденіи своемъ они оставили намъ прекрасные примѣры для подражанія, относительно усердія, мужества и твердости при защитѣ своей земли. Мы же, привыкшіе къ подлости, уже въ другой разъ изъ одного только страха отдаемъ наши земли, съ обманчивою надеждой спасти остальное. Пресвѣтлыя сословія! придетъ, можетъ-быть, время скоро отдать и въ третій разъ. Ибо въ нашъ вѣкъ никто не можетъ полагаться на трактаты и союзы. Все можетъ быть потеряно; но пусть по крайней мѣрѣ честь останется при насъ. Пусть вся Европа услышитъ, что Поляки, безсильные,

утѣсненные, но не устрашенные, не хотѣли подло уступить своихъ соотечественниковъ чужому владычеству, хотя уже не могли сохранить ихъ. Я говорю въ томъ смыслѣ, что никогда не признаю дѣло насилія; на теперешній проектъ не согласенъ, и противъ внесенія его протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ.

„Милая отчизна! услышь голосъ мой, съ которымъ уже не въ первый разъ стою предъ тобою; буду стоять и впредь, и посреди гибели Рѣчи Посполитой смѣло скажу: братья мои! я не могъ васъ уберечь отъ неволи, хотя всѣми силами старался удержать при цѣлости и вольности! Отвергнутый большинствомъ голосовъ, я при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ сдѣлать ничего добраго.“

Въ заключеніе своей рѣчи Шидловскій проситъ канцлеровъ сообщить собранію все, что заключали въ себѣ послѣднія депеши польскихъ повѣренныхъ при заграничныхъ дворахъ. Палата поддержала его просьбу, и канцлеры представили отчетъ о депешахъ. Сущность ихъ была слѣдующая. Въ Вѣнѣ французскія дѣла поглощаютъ все вниманіе, и тамъ идетъ вопросъ о важной негоціаціи съ Пруссіей; въ Берлинѣ заняты приготовленіями къ энергическому веденію войны съ Французами; Англія уговариваетъ Данію послѣдовать ея мѣрамъ въ торговлѣ съ Франціей. Шведскій и Датскій дворы ничего не сдѣлаютъ для Польши безъ совѣта съ заинтересованными державами; отъ Гаги также нечего ожидать безъ согласія съ ея союзницей Англіей; а послѣдняя занята только войною съ Франціей и стараніями усилить коалицію. *

Въ томъ же засѣданіи прочтены были отвѣтныя ноты Сиверса и Бухгольца относительно податей въ провинціяхъ занятыхъ союзными войсками. Тутъ снова обнаружилась ихъ разница въ тонѣ. Между тѣмъ какъ русскій посланникъ призналъ справедливость желаній сейма и выразилъ увѣренность, что императрица согласится на возвращеніе задержанныхъ ея войсками сборовъ, Бухгольцъ отвѣчалъ, что этотъ предметъ долженъ подвергнуться обсужденію въ числѣ другихъ пунктовъ трактата, и что его государь назначитъ потребную для того коммиссію.

Это засѣданіе достаточно показало, какой еще бури надлежало ожидать по поводу русской ратификаціи, хотя дѣло объ уступкѣ было уже рѣшено, и ратификація представляла простую

* Депеша Сиверса отъ 4го (15го) августа.

дополнительную формальность. По предварительному условію русскаго посланника съ вождями большинства, предположено было чрезъ Анквича внести проектъ ратификаціи на сеймъ въ пятницу 5го (16го) августа, а на слѣдующій день произвести обмѣнъ. Но вопреки условію, проектъ былъ внесенъ не въ пятницу, а въ субботу, то-есть 6го (17го) августа. Засѣданіе этого дня представило удивительную картину смятенія и безпорядка.

Маршалъ сеймовый приглашаетъ прочесть предложеніе Анквича. Тогда встаютъ Карскій, Микорскій, Краснодембскій, Шидловскій и еще нѣсколько членовъ оппозиціи, и требуютъ слова. Маршалъ отказываетъ имъ въ томъ до прочтенія проекта, и повторяетъ приглашеніе. Но когда секретарь вышелъ впередъ и хотѣлъ начать чтеніе, мазовецкіе послы схватили его за руку чтобъ отвести назадъ. Тотчасъ подбѣжали Подгорскій и нѣсколько членовъ противной партіи, и схватили секретаря съ другой стороны чтобъ удержать его на мѣстѣ. Тѣснимый и толкаемый въ противоположныя стороны, несчастный Езёрковскій не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Эта неприличная сцена происходитъ посреди громкихъ криковъ, изъ-за которыхъ ничего не возможно разслышать. Наконецъ, уловивъ минуту затишья, король обращается къ собранію съ выраженіемъ своего удивленія по поводу такого безпорядка. Маршалъ хотѣлъ воспользоваться этою минутой, чтобъ опять попробовать чтеніе проекта. Но тщетно; въ палатѣ снова поднимается шумъ. Какой-то сильный голосъ прокричалъ, что такой проектъ можетъ быть сочиненъ только измѣнникомъ, и кто предлагаетъ его читать также измѣнникъ. Услыхавъ это, Анквичъ становится подлѣ маршала и требуетъ для себя сеймоваго суда; но члены оппозиціи не отступаютъ предъ нимъ и требуютъ для себя того же суда. Наконецъ друзья отвели Анквича на его мѣсто; проектъ прочтенъ и на половину прослушанъ. За тѣмъ всѣ въ одно время потребовали опять слова. Маршалъ отказываетъ, говоря, что всякій будетъ свободенъ мотивировать свое мнѣніе при подачѣ голосовъ. Недовольные члены оппозиціи обращаются къ великому маршалу литовскому и у него просятъ позволенія говорить. Тотъ жалуется на свое трудное положеніе: изъ четырехъ маршаловъ, ему одному пришлось нести обязанности этого званія при столь критическихъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ взываетъ къ миру и совѣтуетъ подчиниться необходимости.

Король вновь начинаетъ увѣщевать собраніе и приглашаетъ окончить безполезныя пренія. Тѣмъ не менѣе оппозиція не умолкаетъ, и королю приходится выслушать много горькихъ укоризнъ.

Маршалъ сеймовый предлагаетъ на рѣшеніе слѣдующій вопросъ: принять проектъ ратификаціи ad turnum, или нѣтъ? Слѣдуютъ многочисленныя рѣчи сопровождающія подачу голосовъ. Между прочимъ Анквичъ говоритъ, что напрасно его предложенію даютъ громкое названіе проекта, такъ какъ трактатъ съ Россіей уже подписанъ, а послѣднимъ пунктомъ этого трактата требуется ратификація; онъ только написалъ мнѣніе, какими словами занести это рѣшеніе въ сборникъ сеймовыхъ постановленій. Онъ хотѣлъ, чтобы ратификація послѣдовала со стороны сейма въ силу уже взятаго на себя обязательства, а не явилась въ видѣ проекта вновь поступающаго на разсмотрѣніе сословій и раскрывающаго еще свѣжую рану, причиненную насиліемъ. Если же его мнѣніе обратилось въ проектъ, то онъ, хотя и неохотно, соглашается на его turnus, то-есть голосованіе. Результатъ голосованія былъ положительный. Затѣмъ поставленъ вопросъ: принять проектъ ратификаціи, или отвергнуть его? Новыя пренія. Наконецъ ратификація утверждена большинствомъ 66 голосовъ противъ 21. Засѣданіе началось въ 5 часу пополудни, а когда оно окончилось, было уже 3 часа пополуночи. Отправляя въ Петербургъ бюллетень „этого замѣчательнаго дня“, Сиверсъ прибавляетъ: „Онъ служитъ доказательствомъ того, сколько будетъ трудности совершить заключеніе трактата съ Пруссіей.“

Слѣдующій день былъ воскресенье, и Сиверсъ могъ только въ понедѣльникъ обмѣняться съ депутатами ратификаціей договора; причемъ онъ не забылъ потребовать чтобъ ему былъ врученъ такой экземпляръ, въ которомъ русскій титулъ предшествуетъ польскому. При обмѣнѣ канцлеръ Сулковскій и епископъ Масальскій держали къ русскому посланнику рѣчь; они говорили, что все счастіе республики зависитъ отъ ея связей съ Россіей, и напоминали послу о надеждѣ поданной имъ на договоръ о союзѣ и торговлѣ. Сиверсъ отвѣчалъ, что имѣетъ приказанія удовлетворить этому желанію, и что приготовляются потребныя для того инструкціи и полномочія.

Откланявшись депутаціи, Сиверсъ, по желанію короля, перешелъ въ его кабинетъ, гдѣ нашелъ его блѣднымъ и разстроеннымъ. Станиславъ объявилъ, что онъ съ трудомъ держится на

ногахъ, и только разными спиртными запахами предохраняетъ себя отъ обморока.

— Довольны ли вы? спросилъ онъ.—И будетъ ли довольна ея императорское величество?

— Да, отвѣчалъ Сиверсъ,—если ваше королевское величество и впредь будете исполнять ея требованія.

Король началъ жаловаться на ужасы, которые наговорили ему въ суботнемъ засѣданіи и высказалъ ожиданіе еще большихъ непріятностей при договорѣ съ Пруссіей.

— И опять вы же заставите меня подписать его! воскликнулъ онъ.—Я былъ бы доволенъ жалованьемъ простаго русскаго солдата, еслибы могъ спасти эту часть Польши.

Онъ продолжалъ еще говорить „въ томъ же отчаянномъ тонѣ“. Потомъ перешелъ къ арміи, финансамъ, конституціи, къ полному сліянію обѣихъ частей Рѣчи Посполитой, то-есть Короны и Литвы, убѣждалъ опять перенести сеймъ въ Варшаву, жаловался на свое безденежье, и просилъ оставить его доходы въ цѣлости хотя до Новаго Года. Относительно перенесенія сейма Сиверсъ отказалъ наотрѣзъ, а насчетъ доходовъ согласился, съ тѣмъ чтобы предварительныя мѣры для уплаты королевскихъ долговъ понемногу начались съ сентября.

Но возвратимся къ прусскимъ переговорамъ.

1го (12го) августа происходила вторая конференція между Бухгольцемъ и депутаціей. * Князь-епископъ виленскій заявилъ прусскому послу, что сеймъ удовлетворяется его отвѣтомъ, то-есть принимаетъ выраженія его полномочій за формальность не заключающую никакого обязательства; сословія разрѣшили ихъ обмѣнъ, въ надеждѣ что въ теченіи негоціаціи посолъ получитъ отъ своего правительства другое полномочіе, болѣе согласное съ ихъ желаніями; а до того времени не можетъ состояться никакого рѣшительнаго постановленія, но только одни проекты.

Обмѣнявшись полномочіями, епископъ предлагаетъ слѣдующій вопросъ: считаетъ ли себя его прусское величество связаннымъ трактатами 1773 и 1790 годовъ? Такъ какъ тягостное для населенія пребываніе его войскъ въ земляхъ республики противорѣчитъ характеру установленныхъ тогда дружественныхъ отношеній, то сословія имѣютъ право ожидать

* Всѣ свѣдѣнія о конференціяхъ депутаціи какъ съ русскимъ посланникомъ, такъ и съ прусскимъ, почерпнуты нами исключительно изъ донесеній Сиверса.

что его величество выведетъ свои войска. На это наивное заявленіе Бухгольцъ отвѣчалъ тѣмъ же тономъ дипломатической комедіи: его величество весьма расположенъ выполнить условія предыдущихъ договоровъ во всемъ, что не будетъ противорѣчить новому порядку вещей; онъ даже готовъ возобновить трактатъ 1790 года, хотя этотъ трактатъ почти отмѣненъ послѣдующими перемѣнами во внутреннемъ состояніи Польши и событіями грозившими спокойствію сосѣднихъ съ нею государствъ. 3е мая причинило много несчастій. Дѣло этого дня совершено безъ согласія его величества; оно даже скрывалось до послѣдней минуты отъ прусскаго посланника Гольца. „Я знаю, прибавилъ Бухгольцъ, что обыкновенно ссылаются на письмо короля одобряющее эту перемѣну; но оно было результатомъ ложнаго свѣта, въ которомъ представлено дѣло его величеству особой, отправленною поспѣшно въ Берлинъ на другой день революціи.“

Затѣмъ Бухгольцъ перешелъ къ чтенію проекта договора между Пруссіей и Польшей. Онъ начинался обычною уже въ то время ссылкой на смуты произведенныя революціей 3го мая, которыя и побудили ихъ величества, русское и прусское, сообща принять мѣры для безопасности своихъ государствъ. Проектъ состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) о взаимной и вѣчной дружбѣ. 2) *Основаніемъ для этой дружбы послужитъ уступка провинцій* занятыхъ прусскими войсками, по чертѣ отъ Ченстохова на Раву и Сольдау, и кромѣ того городовъ Данцига и Торна съ ихъ округами. 3) Послѣ этой уступки прусское величество за себя и своихъ преемниковъ отказывается отъ всякихъ притязаній на тѣ земли, которыя составляютъ теперь владѣнія республики и гарантируетъ ей эти владѣнія. 4) Польская республика съ своей стороны гарантируетъ владѣнія Пруссіи. 5) Католики въ уступленныхъ провинціяхъ будутъ пользоваться всѣми своими правами и свободой религіи. 6) Прусскій король обязуется поддерживать въ Польшѣ внутренній порядокъ и спокойствіе. Далѣе слѣдуютъ три пункта о формальностяхъ договора.

Епископъ Масальскій, продолжая играть дипломатическую комедію, выразилъ прусскому послу удивленіе что, послѣ всѣхъ увѣреній въ дружескомъ расположеніи, въ проектѣ договора на первомъ планѣ стоитъ уступка провинцій. Онъ просилъ для депутаціи времени подумать о сообщенныхъ предложеніяхъ. На томъ и окончилась вторая конференція.

Чрезъ два дня собрались опять. Но депутація объявила, что ея отвѣтъ на предложенный договоръ еще не готовъ, и просила отложить его до слѣдующаго засѣданія. Выведенный изъ терпѣнія этими отсрочками, Бухгольцъ поѣхалъ тотчасъ къ Сиверсу и настоятельно убѣждалъ его принять участіе въ конференціяхъ. Сиверсъ обѣщалъ, если будетъ приглашенъ къ тому сеймомъ и депутаціей. Въ этомъ приглашеніи онъ, конечно, не сомнѣвался. Вѣроятно и проволочки со стороны депутаціи происходили не безъ задней мысли вынудить Бухгольца, чтобъ онъ самъ хлопоталъ объ участіи Сиверса въ переговорахъ.

Дѣйствительно, на засѣданіи 3го (14го) августа, епископъ Скаржевскій, отъ имени депутаціи, внесъ въ палату предложеніе просить россійскаго посланника, чтобъ онъ присутствовалъ на конференціяхъ и былъ посредникомъ въ переговорахъ съ прусскимъ министромъ. Со стороны сейма это предложеніе конечно не могло встрѣтить препятствій, потому что большинство надѣялось найти въ русскомъ посланникѣ опору противъ прусскихъ притязаній. Но нѣкоторые члены оппозиціи воспротивились немедленному утвержденію проекта. Краснодембскій объявилъ что беретъ его ad deliberandum. А Гродзицкій замѣтилъ что посредничество Сиверса не принесетъ никакой пользы республикѣ, такъ какъ между Петербургскимъ и Берлинскимъ дворами существуетъ соглашеніе относительно Польши. Король совѣтуетъ принять проектъ Скаржевскаго, тѣмъ болѣе что извѣстно дружественное расположеніе русскаго посланника къ польской націи. Маршалъ хотѣлъ перейти къ вотированію; но по закону оно не могло быть допущено безъ предварительнаго обсужденія, если былъ хотя одинъ голосъ, который этого потребовалъ или, какъ тогда выражались, взялъ проектъ ad deliberandum. Король попытался склонить Краснодембскаго чтобъ онъ отказался отъ своей оппозиціи; но тотъ отвѣчалъ что не имѣетъ обыкновенія измѣнять разъ принятое имъ рѣшеніе. На слѣдующемъ засѣданіи, 5го (16го) августа, продолжаются пренія о проектѣ Скаржевскаго. Краснодембскій развиваетъ ту же мысль, которую высказалъ Гродзицкій, то-есть о безполезности русскаго посредничества; обращаться къ нему значитъ признавать за Россіей право диктовать законы Польшѣ какъ своей провинціи, и вмѣшательство это только ускоритъ заключеніе договора съ

Пруссіей. Тѣмъ не менѣе, когда вопросъ перешелъ ad turnum, проектъ принятъ почти единогласно.

Начиная съ понедѣльника 8го (19го) августа, открылся рядъ дѣятельныхъ конференцій съ участіемъ Сиверса, и конференціи эти продолжались каждый день до 13го (24го) числа включительно. Ободренная присутствіемъ русскаго посла, депутація рѣшилась вступить въ переговоры объ уступкѣ провинцій, хотя въ ея полномочіяхъ говорилось только о торговомъ трактатѣ. Но за то она усердно оспаривала каждый пунктъ прусскаго проекта. Самыя горячія пренія завязались по поводу пограничной линіи. Сиверсъ представилъ для нея свою карту, составленную на основаніи Петербургской конвенціи. Послѣ многихъ споровъ, Бухгольцъ согласился отодвинуть нѣсколько назадъ прусскій кордонъ. Затѣмъ перешли къ вопросу о духовныхъ имѣніяхъ: депутація требовала, чтобъ имѣнія эти попрежнему были свободны отъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтской власти. Не мало затрудненій представили епархіи польскаго примаса и познанскаго епископа, которыя отчасти переходили въ Пруссію, отчасти оставались за Польшей. Сиверсъ предложилъ учредить новую епископію, Варшавскую, и къ ней приписать остававшіяся части этихъ епархій. Далѣе, духовные члены депутаціи (Масальскій, Скаржевскій и Коссаковскій) предъявили требованіе, чтобы знаменитый Ченстоховскій образъ Богородицы, какъ національная святыня, былъ оставленъ въ Польшѣ, и конечно вмѣстѣ съ его сокровищами. А Бухгольцъ возражалъ, что образъ принадлежитъ той церкви, въ которой онъ находится; что Поляки переходящіе къ Пруссіи тоже католики и также дорожатъ сохраненіемъ этой святыни, и что религія католическая хотя не сдѣлается въ Пруссіи господствующею, однако будетъ пользоваться полною свободой. Потомъ слѣдовали пренія о торговлѣ и пограничныхъ пошлинахъ. Наконецъ депутація обратилась къ Сиверсу съ представленіемъ, чтобъ онъ довелъ до свѣдѣнія императрицы просьбу Поляковъ о ея медіаціи и гарантіи въ точномъ исполненіи прусскаго договора.

Понятно, какъ щекотливо было положеніе русскаго посланника между двумя спорившими сторонами. Изъ Петербурга онъ постоянно получаетъ подтвержденія дѣйствовать мягко, осторожно, не прибѣгать къ насиліямъ и поддерживать Поляковъ въ вопросахъ о пограничной линіи и о выгодномъ торговомъ трактатѣ. Пользуясь его поддержкой, депутація

продолжала свою неуступчивость въ отношеніи прусскихъ требованій. А Бухгольцъ выходилъ изъ себя и настаивалъ на немедленномъ принятіи предложеннаго имъ трактата. Онъ нѣсколько разъ грозилъ прервать переговоры, и Сиверсъ употреблялъ не мало усилій чтобъ удержать его отъ всякаго крайняго рѣшенія и вынудить разныя уступки или смягченія въ его проектѣ. Въ то же время онъ долженъ былъ вступить въ дѣятельную переписку съ прусскимъ главнокомандующимъ Мёллендорфомъ, который показывалъ видъ, что намѣренъ перейти за свой кордонъ и занять воеводства Краковское и Сендомірское. Сиверсъ убѣждаетъ его подождать, а Мёллендорфъ объявляетъ, что 27го августа (нов. ст.) онъ переступитъ границу, если до того времени договоръ не будетъ подписанъ. „Мнѣ дана задача развязать Гордіевъ узелъ не прибѣгая къ мечу", замѣтилъ Яковъ Ефимовичъ въ письмѣ къ Зубову.

Нетерпѣніе Пруссіи и ея неудовольствіе на задержки въ Польшѣ въ это время особенно усилились вслѣдствіе тревожныхъ извѣстій изъ Вѣны. Дѣло въ томъ, что Австрія уже начала терять надежду относительно своего вознагражденія на западѣ: Англія воспротивилась присоединенію къ ней Баваріи, а пріобрѣтенія со стороны Франціи становились все болѣе и болѣе сомнительными. Вслѣдствіе того вѣнскіе дипломаты стали поговаривать, что ихъ правительство будетъ искать вознагражденія „въ полномъ раздѣлѣ Польши". Но такого исхода не желали ни Россія, ни Пруссія.

Вотъ что пишетъ Бухгольцъ къ генералу Мёллендорфу отъ 22го августа (н. ст.): * „У меня ежедневныя конференціи съ делегаціей. На нихъ, по желанію сейма, присутствуетъ русскій посланникъ; но онъ не обнаруживаетъ той энергіи, какую показалъ при заключеніи своего трактата. При его содѣйствіи у насъ оспариваютъ много земли въ Равскомъ воеводствѣ, и это, кажется, идетъ изъ Петербурга, гдѣ хотятъ отодвинуть насъ отъ Варшавы. Мы всегда думали, что Вѣнскій дворъ будетъ намъ содѣйствовать; а онъ не только измѣняетъ намъ, но посредствомъ своихъ креатуръ открыто противъ насъ работаетъ. Еслибъ я не подвигался впередъ осторожно, то рисковалъ бы прервать переговоры, и тогда враги наши могли выиграть дѣло. А еслибы вздумалъ договариваться одинъ (безъ русскаго товарища), тогда они смѣялись бы надъ моими угрозами, ибо какая нужда Литовцамъ до того

* Hermann, 429.

чтò происходитъ въ великой Польшѣ и въ Краковскомъ воеводствѣ?

„На наши переговоры надобно смотрѣть съ другой точки зрѣнія чѣмъ на русскіе, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Польша уже привыкла находиться подъ русскимъ вліяніемъ: 2) она вела войну съ Россіей, 3) а съ нами только думаетъ воевать, и наконецъ 4) Поляки ненавидятъ Нѣмцевъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ мое положеніе очень труднымъ. Притомъ Россія имѣетъ свои войска по всей Польшѣ, а мы нѣтъ".

Еще сильнѣе раздаются жалобы Бухгольца, въ письмѣ отъ 25го августа: „Россія пользуется запутаннымъ положеніемъ, въ которомъ находится нашъ дворъ и заставляетъ насъ дорогою цѣною купить трактатъ объ уступкѣ, а сама желаетъ при этомъ разыграть законодательную власть. Это высказывается въ поведеніи русскаго посланника. Поляки не хотятъ имѣть съ Пруссіей никакого дѣла и прячутся за Россію. Господинъ баронъ фонъ-Сиверсъ позволилъ себѣ увлечься ихъ внушеніями или желаніемъ польстить своей государынѣ. О вступленіи нашихъ войскъ въ Краковское воеводство посланникъ не хочетъ и слышать, и сказалъ, что не имѣетъ разрѣшенія допустить войну съ Поляками. Онъ начинаетъ показывать чрезвычайное къ нимъ пристрастіе; обѣщаетъ принудить ихъ къ подписи трактата, но почти все другое отъ себя отклоняетъ. А трактатъ онъ ни за чтò не хотѣлъ принять въ томъ видѣ, въ какомъ я получилъ его отъ моего двора, и требуетъ отъ меня всѣхъ возможныхъ уступокъ, которыя я и сдѣлалъ въ большей части пунктовъ, хотя не безъ возраженій и объясненій. Однимъ словомъ, чтобы не разстроить всего дѣла, я долженъ былъ согласиться на трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ приложенъ къ этой депешѣ. Теперь онъ будетъ представленъ сейму, такъ какъ съ конференціями мы покончили. Положеніе мое поистинѣ отчаянное. Затянуть переговоры еще долѣе чрезвычайно опасно; господинъ посланникъ отъ роли моего сотоварища перешелъ къ роли посредника." Спустя нѣсколько дней Бухгольцъ замѣчаетъ: „Въ Варшавѣ и до времени заключенія трактата съ Россіей я имѣлъ всѣ поводы быть весьма довольну поведеніемъ господина фонъ Сиверса; но вотъ уже пять или шесть недѣль какъ онъ совсѣмъ перемѣнился."

Между тѣмъ какъ въ Гроднѣ совершался такимъ образомъ приговоръ исторіи надъ Рѣчью Посполитой, собравшееся здѣсь польское общество нисколько не думало измѣнять своимъ

ривычкамъ повеселиться и попировать при всякомъ удоб-омъ и неудобномъ случаѣ. Пиры и праздники эти, раз-мѣется, главнымъ образомъ сосредоточивались вокругъ рус-каго посланника. 14го (25го) іюля пришлись его именины, и редставители Рѣчи Посполитой съ жаромъ схватились за тотъ случай.

„Вчера, пишетъ Сиверсъ младшей дочери, праздновали день оихъ именинъ. Поздравленія сыпались съ какимъ-то не-стовствомъ! Мнѣ присылали корзины и горшки съ цвѣтами, укеты и даже италіянскіе стихи. Князь-епископъ Виленскій алъ большой обѣдъ на 50 приборовъ, а госпожа каштелянша рафиня Ожаровская устроила большое вечернее собраніе и жинъ; въ послѣднемъ я не принималъ участія, опасаясь что амъ это не понравится."

Король чрезъ своего секретаря прислалъ имениннику по-арки для его дочерей, именно браслетъ и ожерелье. Послѣд-ій не только отказался ихъ принять, но не захотѣлъ и ви-ѣть. Секретарь со слезами на глазахъ увѣрялъ, что король рикажетъ ему отослать вещи по ихъ назначенію съ первымъ урьеромъ. Сиверсъ строго замѣтилъ, что если онъ осмѣлится го сдѣлать, то пусть нога его никогда не переступитъ за орогъ посольскаго дома. „Не огорчайтесь, мои милыя дѣти, рибавляетъ Сиверсъ, извѣщая дочерей о своемъ отказѣ; усть вознаградится это съ другой стороны, только не со сто-оны бѣднаго короля, которому я въ тотъ же день велѣлъ озвратить на 25.000 дукатовъ драгоцѣнныхъ камней, прине-енныхъ имъ въ даръ государству."

Празднества въ честь Якова Ефимовича не ограничились днимъ днемъ; они продолжались цѣлую недѣлю, въ видѣ обѣ-овъ, раутовъ, ужиновъ, фейерверковъ и иллюминацій; а поздра-ительныя письма лились неудержимымъ потокомъ. Сиверсъ аконецъ началъ подозрѣвать, что всѣ эти празднества имѣ-ютъ заднею мыслію обольстить его и убаюкать заявленіями реданности, чтобы сдѣлать изъ него полонофила и возбудить ъ дѣятельному заступничеству противъ прусскихъ притяза-ній. „Все показываетъ, пишетъ онъ дочери, что меня це зна-ютъ, или что-нибудь худшее (то-есть хотятъ подкупить). Это очень плохой народъ, мнѣ не улучшить его, и я готовъ отка-аться отъ такой задачи." И нѣсколько времени спустя: „Въ этой несчастной странѣ нѣтъ никакой добродѣтели, или ея очень мало. Можетъ-быть она скрывается въ крестьянскихъ

хижинахъ; но она далека отъ чертоговъ короля, отъ сейма, отъ общества вельможъ и фигурантовъ. Меня безпрестанно обманываютъ, я безпрерывно сержусь, и все понапрасну! А король,—это настоящее бѣдствіе для несчастной Польши, несмотря на всю его любезность.“

Именинные праздники заключились 21го іюля (1го августа) и заключились съ большимъ блескомъ. Въ этотъ день былъ у нунція парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали многія дамы; пили не только здоровье Якова Ѳеимовича, но и здоровье его дочерей. Послѣ обѣда посланника ожидалъ пріятный сюрпризъ. Баронесса Гейкингъ, жена депутата отъ курляндскаго рыцарства, и графиня Камелли, обладавшая плѣнительнымъ голосомъ, устроили для него спектакль за городомъ въ павильйонѣ. Вотъ какъ разказываетъ о немъ самъ Сиверсъ своей дочери: „Сначала давали небольшую французскую піесу подъ заглавіемъ *Le proverbe*, а потомъ еще одну маленькую, сочиненную барономъ Гейкингъ. Я пришлю ее вамъ съ первымъ курьеромъ. Стихи и музыка вѣрно вамъ понравятся; стихи прославляютъ вашего папа и поощряютъ его къ добру; но вы знаете что я не люблю похвалъ. При этомъ раздавались аплодисменты полутораста зрителей. Ничего не говорю о музыкѣ, которая сверхъ того сопровождалась пѣніемъ Камелли. Это были мои любимыя мелодіи; а ея братъ Мартини представлялъ комическаго капельмейстера. Графъ Морелли спѣлъ прекрасную пѣсню съ аккомпаниментомъ гитары; онъ игралъ аббата Дусе. Наконецъ молодая и весьма красивая баронесса Гейкингъ, племянница барона, очень хорошо сыграла Marquerie, хотя въ началѣ конфузилась.“

Послѣ обѣда общество перешло въ ботаническій садъ (разведенный извѣстнымъ литовскимъ подскарбіемъ Тизенгаузомъ при медико-хирургической академіи). Здѣсь приготовлены были разныя увеселенія маршаломъ конфедераціи Пулавскимъ, и тутъ собралась многочисленная публика, такъ какъ приглашены были всѣ сеймовые послы, русскіе и польскіе офицеры. Каштелянша Ожаровская собственноручно зажгла великолѣпный фейерверкъ, стоившій, по словамъ Сиверса, до 800 дукатовъ. При концѣ фейерверка вспыхнули буквы J. S., то-есть вензель русскаго посланника. Потомъ зажгли блестящую иллюминацію, и на самомъ видномъ мѣстѣ ея загорѣлся тотъ же вензель. Между тѣмъ публику пригласили къ ужину, который былъ приготовленъ въ смежномъ палаццо (постройки

того же Тизенгауза) и въ нарочно устроенныхъ бесѣдкахъ. * Послѣ ужина заигралъ польскій, и посланникъ съ каштеляншей Ожаровской открылъ балъ. Но сберегая свои силы, онъ уѣхалъ около 11 часовъ, а балъ и иллюминація продолжались цѣлую ночь.

На слѣдующій день новое празднество. Такъ какъ это были именины супруги наслѣдника русскаго престола Маріи Ѳеодоровны, то Сиверсъ давалъ большой обѣдъ на 60 особъ.

Спустя нѣсколько дней тотъ же Пулавскій устроилъ у себя новое пиршество въ честь графа Николая Зубова (младшій братъ Платона), который остановился въ Гроднѣ проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву. Зубовъ разказалъ посланнику какъ за нѣсколько часовъ до его отъѣзда изъ столицы туда прибылъ курьеръ изъ Гродна и представилъ только что заключенный трактатъ, и какъ императрица осталась очень довольна трактатомъ. **

Лесть и заискиванія польскаго общества не оставались однако безъ нѣкотораго вліянія на нашего посланника, несмотря на всю его увѣренность въ своей проницательности и неподкупности. Жалобы на нравственную испорченность Поляковъ не мѣшаютъ ему иногда предаваться мечтамъ о возможности облагодѣтельствовать и осчастливить эту несчастную націю. Онъ все болѣе и болѣе начинаетъ принимать въ ней сердечное

* Коггевр. 1336. Въ настоящее время дворецъ Тизенгауза, невысокое каменное зданіе расположенное покоемъ, занято губернаторскимъ помѣщеніемъ; бывшій ботаническій садъ, теперь публичный, извѣстенъ также подъ именемъ губернаторскаго. Эта часть города называется *Городницею*; она лежитъ на правой сторонѣ рѣчки Городничанки, впадающей въ Нѣманъ между двумя крутыми холмами. На лѣвомъ холмѣ виднѣются остатки древняго королевскаго замка, а на правомъ—уцѣлѣвшая часть Коложской церкви, когда-то изящный памятникъ древне-русскаго зодчества.

** Курьеръ этотъ, какъ мы знаемъ, былъ племянникъ Сиверса баронъ Гильденгофъ; онъ получилъ въ награду чинъ поручика артиллеріи. „Это выигрышъ пятнадцати лѣтъ службы! говоритъ Яковъ Ефимовичъ въ письмѣ къ дочери. Благодареніе Богу! Еслибы сестра моя (мать Гильденгофа) была жива, она бы порадовалась вмѣстѣ со мною.“ Вообще Сиверсъ на своемъ высокомъ посту не упускалъ случая благодѣтельствовать и выдвигать впередъ родственниковъ и земляковъ, которыхъ онъ не малое число имѣлъ въ своей свитѣ. Съ обмѣненною ратификаціей договора курьеромъ въ Петербургъ былъ отправленъ молодой баронъ Кампенгаузенъ.

участіе. Такъ, извѣщая дочь о полученномъ имъ Андреевскомъ орденѣ при милостивомъ рескриптѣ, онъ прибавляетъ: „Благодареніе Богу! Но не столько за голубую ленту, сколько за то что я заслужилъ одобреніе отъ моей безсмертной государыни: она извлекла меня изъ моего тихаго уголка чтобы почтить блестящею и вмѣстѣ трудною должностью — можетъ-быть для счастья милліоновъ человѣческаго рода." Плѣнительный голосъ графини Камелли, повидимому, имѣлъ также свою долю участія въ пробужденіи симпатій къ бѣдной Польшѣ. „Я вывожу для тебя эти строки—говорится въ письмѣ отъ 12го (23го) августа—въ то время когда диктую посланіе къ генералу Мёллендорфу, чтобы воздержать его отъ военныхъ дѣйствій противъ несчастныхъ Поляковъ, которые упорно отказываются отъ подписи своего бѣдствія. О милое мое дитя! Какъ часто сердце обливается у меня кровью. Я посредникъ между сильнымъ и слабымъ, если еще что-нибудь не хуже. Однако они подпишутъ. Сегодня вечеромъ я слушалъ графиню Камелли; она пѣла какъ ангелъ венеціянскую мелодію и русскую пѣсню."

Черезъ недѣлю, получивъ отъ младшей дочери давно ожидаемую имъ вѣсть о разрѣшеніи ея отъ бремени, и къ тому же сыномъ, Сиверсъ между прочимъ пишетъ: „Сегодня былъ для меня тройной праздникъ. Случаю угодно было, чтобъ я назначилъ на этотъ день большой концертъ; а извѣстіе о твоемъ разрѣшеніи напомнило мнѣ что это есть также день моего рожденія. Концертъ былъ очень хорошъ, благодаря прекрасному голосу графини Камелли и вновь изобрѣтенному кларнетъ-маршу. Послѣ того играли и ужинали; только около полуночи могъ я оставить общество чтобы лечь въ постель и написать тебѣ эти строки."

Если заглянемъ въ общественную жизнь, кипѣвшую въ то время въ Гроднѣ, то увидимъ оригинальное явленіе: параллельно съ выраженіями грусти и отчаянія наполнявшими сеймовыя засѣданія, въ домахъ обывателей течетъ почти непрерывная струя веселья и разгула. Городъ въ осадномъ положеніи, его улицы и окрестности наполнены русскими солдатами и казаками; повсюду виднѣются лагери, пикеты и патрули; а между тѣмъ рауты, обѣды, балы, ужины и т. п. смѣняютъ другъ друга. Разумѣется, всѣ эти удовольствія оплачивались русскими и прусскими деньгами; не считая пировъ которые давали русскій посланникъ и самые крупные вожди сеймоваго

большинства, обыкновенно всякій вліятельный сеймовый посолъ (особенно членъ депутаціи) получалъ субсидіи, чтобъ угощать своихъ пріятелей и держать для нихъ открытый столъ какъ обѣденный, такъ и карточный. Многіе члены сейма и Тарговицкой конфедераціи явились въ Гродно со своими женами, дочерьми, или племянницами. * Дамское общество, вино и карты, повидимому, дѣлали все возможное, чтобы поддерживать представителей Рѣчи Посполитой въ нѣкоторомъ чаду и разсѣевать ихъ политическія тревоги; слѣдовательно, дипломатія не даромъ тратила деньги и поощряла веселую жизнь. Русскіе офицеры принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ удовольствіяхъ: они исправно пили венгерское и шампанское съ польскими панами, проигрывали имъ въ карты и ухаживали за ихъ женами; въ послѣднемъ отношеніи мужья не были очень строги, особенно если любезности сопровождались значительными подарками. Но вѣроятно для того, чтобы не возбуждать національнаго чувства видомъ иноземнаго мундира, офицеры имѣли приказъ являться внѣ службы въ гражданскомъ костюмѣ. (Въ этомъ костюмѣ они нерѣдко замѣшивались и въ среду арбитровъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ.)

Нѣкто Охоцкій посѣтилъ въ то время Гродно, и въ воспоминаніяхъ своихъ оставилъ намъ нѣсколько яркихъ чертъ для характеристики собравшагося тамъ общества.

Охоцкій пошелъ на какое-то вечернее собраніе и встрѣтился тамъ со своимъ люблинскимъ пріятелемъ Яномъ Л., однимъ изъ сеймовыхъ пословъ, и съ его сестрой Франциской, которая оказалась теперь женой другаго люблинскаго знакомца, Іосифа Ж., также сеймоваго посла. Франциска оставила танцы и посвятила остальное время на бесѣду съ Охоцкимъ. Надобно замѣтить что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ они были неравнодушны другъ къ другу и теперь занялись воспоминаніями о прежнемъ времени. Костюмъ молодой женщины обратилъ на себя особое вниманіе собесѣдника. Первое что его поразило, это ея босыя ножки, на каждомъ пальцѣ которыхъ надѣты были перстни съ дорогими каменьями; вмѣсто башмаковъ служили какія-то сандаліи въ родѣ капуцинскихъ, привязанныя бѣлыми лентами, которыя оплетали ногу

* По замѣчанію записокъ Л. Н. Энгельгардта, красотою своею затмѣвала всѣхъ прочихъ княжна Четвертинская.

до колѣна. Всматриваясь далѣе, онъ замѣтилъ что на ней не было сорочки, а только платье изъ какой-то легкой матеріи, фестономъ приподнятое у правой ноги выше колѣна; при этомъ грудь совсѣмъ почти открытая. Когда Охоцкій выразилъ свое удивленіе такому наряду, Францискa встала и повернулась предъ нимъ, чтобы показать всю гармонію своего костюма. „Онъ очень шелъ къ ней, замѣчаютъ мемуары,—ибо рѣдко кого природа одарила такъ щедро; но, выигрывая въ красотѣ, она утратила скромность, наибольшее украшеніе женщины“. Проходя съ ней по салонамъ, онъ убѣдился что дамы большею частію были одѣты подобнымъ же образомъ; такъ что непривычному человѣку можно было вообразить себя на Олимпѣ, посреди пригрезившихся Венеръ, Діанъ, Психей, или въ Аѳинахъ и въ Римѣ, гдѣ выступали предъ нимъ Аспазіи и весталки; а нѣкоторыя пани, въ костюмѣ à la sauvage, пожалуй переносили воображеніе на островъ Отаити. Въ одной кадрили Охоцкій замѣтилъ красивую даму, съ головы до ногъ сверкавшую бриллiянтами. На вопросъ, кто такая? ему отвѣчали: маркиза Люлли, новая возлюбленная короля. Оказалось, что она-то главнымъ образомъ и вводила здѣсь нескромныя моды, привезенныя ею изъ Парижа, гдѣ, какъ извѣстно, въ то время господствовало подражаніе античному міру. *

На слѣдующее утро Охоцкій, приглашенный къ завтраку, явился въ жилище гг. Ж. и былъ удивленъ роскошью ихъ окружавшею. Когда окончился завтракъ, лакей доложилъ о приходѣ бригадира Циціанова. Хозяйка зарумянилась и

* Что касается до убранства мущинъ, то между ними встрѣчалось значительное разнообразіе. Кое-гдѣ еще можно было увидать старопольскіе кунтуши, подбритыя головы, длинные усы и кривыя сабли на пышныхъ поясахъ, обдѣланныхъ серебромъ и золотомъ. Но чаще мужскіе костюмы представляли смѣсь старопольскаго съ французскимъ и англійскимъ. А наиболѣе усердные франты держались придворной моды, то-есть носили фракъ съ высокою короткою таліей и длинными остроконечными фалдами, со стальными пуговицами и огромнымъ воротникомъ, завитые локоны вокругъ головы, на шеѣ длинный платокъ, завязанный такъ что въ него уходилъ весь подбородокъ, на ногахъ чулки и башмаки, и съ боку шпага на перевязи. Между молодыми людьми нерѣдко попадался красивый костюмъ народовой кавалеріи (темносиняя куртка съ красными отворотами, венгерскіе панталоны съ красными лампасами и невысокіе сапоги)—равно удобный для верховой ѣзды и для мазурки. (*Polska w roku 1793*, Fryderyka Szulca.)

очевидно смутилась; мужъ и братъ приказали просить. Вошелъ господинъ во фракѣ, лѣтъ около тридцати, небольшаго роста, лысый, рябоватый, вообще не видный, но очень любезный и благовоспитанный. Онъ служилъ въ гвардіи, и въ то время находился въ отпуску. * Хозяева познакомили между собою двухъ гостей. Циціановъ вскорѣ сошелся съ Охоцкимъ, откровенно признался ему въ своей страсти къ пани Францискѣ, и сильно жаловался на ея суровость; интрига стóила ему уже до 30.000 рублей; дама принимаетъ подарки и сюрпризы, а до сихъ поръ не отвѣчаетъ на его чувства. Когда Охоцкій заговорилъ о немъ съ пани, она отвѣчала, что не любитъ Циціанова, но что мужъ ея къ нему очень расположенъ.

На другой день Охоцкій былъ приглашенъ къ обѣду, и нашелъ у Ж. большое общество мущинъ и дамъ, между прочимъ съ десятокъ Русскихъ во фракахъ, все офицеровъ гвардіи и болѣе или менѣе изъ хорошихъ фамилій. Серебряный сервизъ, саксонскій фарфоръ, отлично приготовленныя блюда и отборныя вина опять обратили на себя вниманіе гостя, такъ какъ хозяева были прежде извѣстны ему за людей весьма посредственнаго состоянія. Послѣ кофе разложили большой зеленый столъ, и мущины, не теряя дорогаго времени, принялись за банкъ, а дамы разъѣхались. Вечеромъ Охоцкій, по просьбѣ мужа, отвезъ хозяйку въ театръ, гдѣ у нея была абонированная ложа; въ антрактахъ въ ея ложу былъ большой приливъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Воротились домой; тамъ еще продолжалась игра; въ двѣнадцатомъ часу забастовали. На другой день повторилось то же самое. На третій день Охоцкій очутился на балѣ у русскаго посланника, благодаря Яну Л., которому досталось нѣсколько билетовъ. Здѣсь все показалось ему чрезвычайно пышнымъ и роскошнымъ. Три огромныя залы Салѣжинскаго палаца и нѣсколько меньшихъ покоевъ были наполнены гостями. ** Многочисленная прислуга безпрестанно

* Если тутъ рѣчь идетъ о князя Павлѣ Дмитріевичѣ Циціановѣ, будущемъ героѣ Кавказа и Грузіи, то онъ родился въ 1754 году слѣдовательно въ то время имѣлъ около 40, а не 30 лѣтъ. Притомъ онъ находился въ Гроднѣ не въ отпуску, а командовалъ здѣсь гренадерскимъ полкомъ.

** Салѣжинскій дворецъ, фасадомъ выходящій на рынокъ, былъ въ то время красивѣйшимъ зданіемъ въ Гроднѣ, по замѣчанію современника (*Polens Ende*, von Sirisa). Въ настоящее время онъ извѣстенъ подъ именемъ дома Любецкаго, хотя недавно перешелъ въ руки

разносила разнаго рода сласти и прохладительное. Внутри палацъ былъ освѣщенъ нѣсколькими тысячами восковыхъ свѣчъ, а снаружи разноцвѣтными стаканчиками. Для игры разставлено много столовъ, и на нихъ блистали кучи золота. Когда подали великолѣпный ужинъ, Франциска объявила мужу что ей нездоровится, и тотъ поручилъ Охоцкому проводить ее домой. Нѣсколько дней спустя, Цицiановъ попросилъ его и гг. Ж. на пирушку, которую онъ устроилъ въ гостинницѣ на предмѣстьѣ. Здѣсь было нѣсколько дамъ, Полекъ и Русскихъ; генеральша Муханова занимала мѣсто хозяйки. Веселились до пятаго часа утра; причемъ карты работали по обыкновенiю.

Однажды Охоцкiй не утерпѣлъ и спросилъ своего прiятеля Яна Л., откуда у него и зятя его Iосифа Ж. явились средства къ такой роскошной жизни. Вмѣсто отвѣта Янъ открылъ коммодъ и показалъ ему десять кошельковъ по тысячѣ дукатовъ въ каждомъ, потомъ отворилъ шкафъ, и тамъ оказалось одиннадцать кошельковъ съ рублями. „Счастливая игра, разные обороты"... проговорилъ хозяинъ. Подошелъ панъ Iосифъ, повелъ гостя въ свое отдѣленiе и тамъ показалъ ему такую же кассу. Дѣло въ томъ, что оба они были членами депутацiи трактовавшей съ сосѣдними державами. Въ слѣдующемъ году, во время возстанiя, и тотъ и другой попали въ число проскриптовъ и должны были спасаться бѣгствомъ. *

одного еврея. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманiе главная зала, въ старинномъ вкусѣ, съ двойнымъ свѣтомъ и слѣдами хоръ, теперь уже не существующихъ.

* Участiе въ депутацiи могло бы навести на мысль, что тутъ подъ буквами Л и Ж скрываются вѣроятно Лопотъ, эксъ-обозный литовскiй, посолъ новогродскiй, и Жиневъ, староста березницкiй, посолъ гродненскiй. Но перваго звали Михаилъ, а втораго Матвѣй (Коггевр. 1638). Вообще во всемъ этомъ разказѣ хвастливый Охоцкiй, очевидно для красоты слога, позволяетъ себѣ нѣкоторыя преувеличенiя, и незаботится о точности. Вотъ еще примѣры его неточностей. Указывая на нескромныя моды и обычаи, вводимые маркизой Люлли, онъ замѣчаетъ: „некому было наблюдать за сохраненiемъ приличiй, не было пани Краковской, Тышкевичевой, Коминской и Умѣцкой, почтенныхъ матронъ, служившихъ украшенiемъ того вѣка". Но извѣстно, что сестра короля, пани Краковская, присутствовала тогда въ Гроднѣ, а также и его племянница графиня Тышкевичъ (если здѣсь о ней идетъ рѣчь). О своихъ прiятеляхъ Л. и Ж. Охоцкiй говоритъ, что одинъ участвовалъ въ делегацiи трактовавшей

Охоцкій бывалъ на сеймовыхъ засѣданіяхъ, и видалъ тамъ короля, возсѣдающаго на тронѣ, при которомъ стояли на стражѣ польскіе гвардейцы, между тѣмъ какъ входъ въ залу охранялся русскими часовыми. Онъ нашелъ разительную перемѣну въ наружности Станислава Августа сравнительно съ тѣмъ что̀ было за два года, то-есть во время Четырехлѣтняго сейма. Тогда физіономія короля еще сохраняла свою пріятность и живость; а теперь это былъ худой, жалкій старикъ, съ желтымъ, сморщеннымъ лицомъ, съ потухшимъ, опущеннымъ взоромъ, какъ будто онъ только всталъ съ одра тяжкой болѣзни. Въ воскресные дни, свободные отъ сеймовыхъ засѣданій, король по обыкновенію дѣлалъ парадный выходъ въ тронную залу на публичную аудіенцію. Охоцкій былъ на одной изъ такихъ аудіенцій, и нашелъ только небольшое число придворныхъ и другихъ лицъ, такъ что вокругъ короля замѣтна была значительная пустота.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія Охоцкій оставилъ Гродно, вмѣстѣ съ генераломъ Дзялынскимъ. На прощаньѣ паны Л. и Ж. задали для нихъ обѣдъ болѣе чѣмъ на 60 человѣкъ. Послѣ обѣда Франциска, ея мужъ, братъ и Цицціановъ проводили Охоцкаго до первой станціи, гдѣ еще роспили нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Охоцкій наивно намекаетъ на свои отношенія къ пани Францискѣ; но не знаетъ, имѣлъ ли какой успѣхъ совмѣстникъ его Цицціановъ. Онъ не знаетъ также, какъ далеко зашелъ въ своихъ исканіяхъ третій претендентъ, хлопотавшій въ то же время, панъ Дзялынскій.

Одинъ лифляндскій путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно предъ самымъ началомъ сейма, оставилъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько легкихъ замѣтокъ, не лишенныхъ для насъ интереса. „Открывшійся съ горы видъ на городъ, пишетъ онъ, былъ очень красивъ. Много костеловъ съ колокольнями и нѣкоторое число палацовъ построенныхъ въ новомъ вкусѣ, разсѣянныхъ тамъ сямъ, выступаютъ на темномъ фонѣ деревянныхъ хижинъ, которыя собственно и составляютъ городъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города я встрѣтилъ немалое количество пушекъ, на него направленныхъ. Въѣздъ доволь-

---

съ однимъ дворомъ, а другой въ делегаціи трактовавшей съ другимъ. Онъ, повидимому, не зналъ или забылъ, что съ обоими посланниками вела переговоры одна и та же депутація.

но хорошъ; его украшаютъ королевскій за́мокъ и панскіе дома, сгруппированные тутъ въ значительномъ числѣ. Миновавъ эту часть, достигаютъ до новаго большаго моста и до самаго города, въ которомъ, какъ обыкновенно въ польскихъ городахъ, разнообразнѣйшія строенія скучены вмѣстѣ. Подлѣ порядочнаго дома стоятъ двѣ или три деревянныя хижины, грозящія паденіемъ; за ними палацъ; далѣе костелъ; мостовая едва ли можетъ называться этимъ именемъ, потому что при всякомъ дождѣ покрывается болотомъ.

„Впрочемъ Гродно представлялось теперь людным и оживденнымъ городомъ. Кромѣ сильнаго русскаго гарнизона, тутъ были многіе послы со своими домашними, главный штабъ всѣхъ войскъ расположенныхъ въ окрестностяхъ, и тѣ польскіе магнаты, которые имѣли отвагу выступить на предстоявшемъ сеймѣ. Въ городѣ совсѣмъ незамѣтно было, чтобы тамъ находился король; онъ жилъ въ за́мкѣ со своимъ небольшимъ дворомъ совсѣмъ отдѣльною и замкнутою жизнію. Предъ за́мкомъ я не встрѣтилъ ни одного экипажа, но за то очень много предъ жилищемъ нашего (то-есть русскаго) посланника. Наши штабъ-офицеры въ пышныхъ колякахъ, запряженныхъ шестеркой или четверкой коней, разъѣзжали по улицамъ; а польскіе магнаты въ скромныхъ экипажахъ держались отъ нихъ къ сторонкѣ. Много лавокъ открытыхъ варшавскими модистками; ибо сюда пріѣхало значительное количество красивѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ *дѣвицъ*, чтобы своимъ примѣромъ (какъ полагаю) склонить разныя партіи и разныя народности къ уступчивости и взаимному соглашенію. Городъ относительно малъ для такого большаго съѣзда; окрестный край не отличается изобиліемъ; поэтому квартиры и съѣстные припасы непомѣрно дороги. Комната съ постелью стоила въ день отъ одного до трехъ дукатовъ; а порядочный обѣдъ отъ осьми до двѣнадцати злотыхъ. За возикъ сѣна платили отъ трехъ до четырыхъ дукатовъ. Все остальное этому соотвѣтствовало.“ *

---

* *Reise eines Lifländers von Riga nach Warschau.* Berlin, 1795. (См. *Polska w roku 1793)*. Вотъ что̀ говоритъ о Гроднѣ другой современникъ: „Послѣ Вильны это лучшій городъ въ Литвѣ, но считаетъ только 4.000 жителей; изъ нихъ четвертая часть Евреи. (Въ настоящее время изъ 19.000 населенія слишкомъ 10.000 Евреевъ. *Бобровскій.*) Нѣтъ ни воротъ, ни стѣнъ; лежитъ частію на горѣ, частію въ долинѣ, и окруженъ

X.

Отчетъ депутаціи о конференціяхъ съ Бухгольцемъ. — Подгорскій и оппозиція.—Бурное засѣданіе 18го (29го) августа.

Въ понедѣльникъ 15го (26го) августа маршалъ сеймовый объявилъ собранію что депутація, назначенная договариваться съ прусскимъ министромъ, желаетъ представить сословіямъ отчетъ о своихъ конференціяхъ. Епископъ Скаржевскій, за президента депутаціи Масальскаго, доложилъ сейму что депутаты строго держались своихъ инструкцій, въ подтвержденіе чего представилъ протоколы конференцій. Затѣмъ онъ обратился къ Гродзицкому, послу краковскому, и просилъ его прочесть содержаніе протоколовъ, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ ходомъ переговоровъ и участвуетъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Бѣлинскій повторилъ ту же просьбу отъ имени рыцарскаго сословія. Гродзицкій началъ читать содержаніе протоколовъ, изложенное на 20 листахъ и обнимающее конференціи съ 5го августа по 24е включительно. Здѣсь по порядку излагались: обмѣнъ полномочій, споры съ Бухгольцемъ, приглашеніе русскаго посланника къ посредничеству, его поправки въ прусскомъ проектѣ договора, настоятельное требованіе Бухгольца чтобы депутація постаралась о немедленномъ утвержденіи трактата; запросъ депутаціи, по какимъ причинамъ король прусскій изъ недавняго союзника Рѣчи Посполитой обратился въ ея непріятеля? Этотъ запросъ депутація подкрѣпила

еще горами. Старый королевскій замокъ, опоясанный глубокимъ рвомъ, находится въ развалинахъ; только одинъ его флигель можетъ быть обитаемъ. Новый замокъ великъ, правильно построенъ и красивъ. Особенно хороши большая зала, сенаторская зала и капелла. Въ городѣ девять католическихъ, одна лютеранская и двѣ греческія церкви, и еще каменная синагога.“ Потомъ идетъ описаніе фабрикъ, основанныхъ Тизенгаузомъ и въ то время уже покинутыхъ. *Polens Ende* von Siriss. Warschau, 1797.

Главнѣйшій памятникъ прошлаго столѣтія, такъ-называемый новый королевскій замокъ (построенный Августомъ II), сохраняя свой наружный видъ, внутри совершенно передѣланъ, такъ что мы не нашли въ немъ почти никакихъ слѣдовъ сеймовой залы и королевскихъ покоевъ. Тамъ помѣщается теперь военный госпиталь.

нѣкоторыми документами изъ временъ Четырехлѣтняго сейма, и между прочимъ представила протоколъ памятной конференціи прежняго прусскаго посланника въ Варшавѣ, графа Гольца, съ литовскимъ подканцлеромъ Хребтовичемъ, происходившей 16го мая 1791 года въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ Рѣчи Посполитой. Гольцъ сообщалъ, что Фридрихъ Вильгельмъ поручилъ заявить Полякамъ свое удовольствіе по поводу ихъ новой конституціи и выбора Саксонской династіи на польскій престолъ. Вмѣстѣ съ протоколомъ этой конференціи Гродзицкій прочелъ и депешу князя Яблоновскаго, въ то время польскаго посла въ Берлинѣ. Яблоновскій извѣщалъ о своей аудіенціи у прусскаго короля, на которой онъ докладывалъ его величеству о переворотѣ 3го мая. Король принялъ это извѣстіе весьма благосклонно, и сказалъ между прочимъ что „Польша всегда найдетъ въ немъ искренняго союзника".

Собраніе въ глубокомъ молчаніи слушало отчетъ депутаціи. Но когда прочитаны были послѣдніе документы, напомнившіе Полякамъ гибельныя для нихъ послѣдствія вѣроломной прусской политики, они не могли удержать своего негодованія. Поднялся шумъ, такъ что Гродзицкій не могъ продолжать чтеніе, и король велѣлъ закрыть засѣданіе.

На другой день окончено чтеніе отчета, и затѣмъ Гродзицкій передалъ сеймовому маршалу прусскій проектъ договора, снабженный поправками Сиверса. Когда собраніе его прослушало, всталъ Адамъ Подгорскій и попросилъ голоса. Это былъ одинъ изъ сеймовыхъ пословъ подкупленныхъ Бухгольцемъ, человѣкъ имѣвшій репутацію шулера. Онъ получилъ отъ сеймоваго маршала позволеніе говорить; но едва произнесъ нѣсколько словъ, какъ его заглушили ярые крики со стороны оппозиціи. Затѣмъ произошло сильное смятеніе. Всѣ заговорили разомъ. Противъ Подгорскаго возстали многіе какъ противъ измѣнника, который осмѣливается поддерживать подобный договоръ. Нѣкоторые, напримѣръ, Годачевскій, даже предлагають его изрубить; на что съ разныхъ сторонъ послышался крикъ: згода! згода! Подгорскій изо всѣхъ силъ кричитъ что, такъ какъ ему не даютъ говорить, то онъ откладываетъ свое предложеніе. Но смятеніе все увеличивается и продолжается болѣе часу. Наконецъ крики затихли, и тогда Шидловскому (плоцкому) удалось овладѣть вниманіемъ палаты.

Въ рѣчи своей, одной изъ самыхъ сильныхъ, Шидловскій

говоритъ что не знаетъ проекта Подгорскаго, но не сомнѣвается въ его содержаніи: онъ хочетъ уполномочить депутацію подписать только-что прочтенный договоръ съ Пруссіей, то-есть довершить гибель отечества. „Пусть оно погибнетъ отъ неправды и насилія! восклицаетъ ораторъ, но да погибнетъ и одинъ изъ этого постыднаго большинства, которое явилось для того чтобы помогать нашему уничтоженію! Объявляю, что я буду преслѣдовать всякаго, кто осмѣлится предложить такой проектъ, и что я привлеку его къ сеймовому суду какъ измѣнника отечеству.“ Тутъ его прерываютъ одобрительныя восклицанія. Одушевленный ими, ораторъ предлагаетъ, чтобы пала или его голова, или голова измѣнника. Затѣмъ онъ вноситъ проектъ въ формѣ деклараціи слѣдующаго содержанія:

Такъ какъ король прусскій не считаетъ обязательными для себя трактаты 1773 и 1789 годовъ, то прерываются всякіе переговоры съ его министромъ какъ безполезные и пагубные для республики.

Оппозиція требуетъ отъ маршала немедленнаго turnum. Въ виду возбужденнаго состоянія палаты, маршалъ хочетъ приступить къ собранію голосовъ. Но Міончинскій и Залѣсскій останавливаютъ это движеніе, принявъ проектъ ad deliberandum. „Я знаю, сказалъ Шидловскій, законъ дозволяетъ отсрочку; но не знаю, допускаетъ ли ее патріотизмъ, когда дѣло идетъ о подобномъ проектѣ.“ Въ эту минуту другой Шидловскій, посолъ цѣхановскій, громко назвалъ кого-то измѣнникомъ (здрайцей), но посреди замѣшательства нельзя было разслышать имени.

Затѣмъ встаетъ Краснодембскій и спрашиваетъ канцлеровъ, какой былъ результатъ ноты поданной русскому посланнику и заключавшей просьбу очистить польскую территорію отъ русскихъ войскъ, такъ какъ договоръ съ Россіей уже ратификованъ. На этотъ запросъ Платеръ представляетъ отвѣтную ноту Сиверса отъ 13го (24го) августа. Въ ней говорится, что войска уже имѣли приказъ отойти къ границамъ Рѣчи Посполитой, но затрудненія возникшія при заключеніи договора съ Россіей и замедленіе трактата съ Пруссіей, а также непрочность правительства, еще не вполнѣ организованнаго, и опасенія за общественное спокойствіе принудили отмѣнить упомянутый приказъ.

Когда палата уже готова была успокоиться и перейти къ

обсужденію безконечныхъ вопросовъ о податяхъ и прочихъ доходахъ республики, вдругъ встаетъ Карскій и опять начинаетъ громить прусскій проектъ договора. Онъ увлекся до того, что упрекаетъ короля и напоминаетъ будто тотъ однажды сказалъ: „Пока отъ Польши останется хотя такое пространство, которое можно покрыть своею шляпой, я не покину моего мѣста и буду управлять ею.“ Эта выходка вызвала негодованіе палаты. Міончинскій требуетъ, чтобы Карскій былъ подвергнутъ сеймовому суду. Король начинаетъ увѣрять, что онъ никогда не говорилъ такихъ словъ и снисходительно прощаетъ Карскаго. Но многіе послы настаиваютъ на его осужденіи. Тогда король проситъ ему прощенія. Палата соглашается, но съ условіемъ, чтобы Карскій отказался отъ своей рѣчи и извинился предъ королемъ. Тотъ повинуется и цѣлуетъ у короля руку. По предложенію Шидловскаго, вся палата проситъ той же чести и получаетъ ее.

Заканчивая засѣданіе, король предупредилъ пословъ, чтобъ они на будущее время не опаздывали, а собирались бы ровно въ четыре часа. Когда послы выходили изъ залы, Міончинскій заступилъ дорогу Шидловскому и спросилъ:

— Не меня ли ваша милость назвалъ здрайцей?

— Того который хотѣлъ бы подать прусскій проектъ, отвѣчалъ посолъ цѣхановскій.

— Стало-быть насчетъ пана Подгорскаго? замѣтилъ Міончинскій.

Пулавскій, чтобы предупредить столкновеніе, сказалъ:

— Да, это о Подгорскомъ.

А когда Міончинскій удалился, Пулавскій, кивая на него, обратился къ Шидловскому и окружающей ихъ кучкѣ пословъ, и прибавилъ:

— Да и самъ-то онъ не лучше. *

Выраженный на этомъ засѣданіи рѣшительный отказъ сейма вступить въ какіе-либо переговоры съ Пруссіей сильно обезпокоилъ Бухгольца. Онъ поспѣшилъ за совѣтомъ и помощью къ Сиверсу. Послѣдній все еще не хотѣлъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ и условился дѣйствовать пока на сеймъ общими нотами. При этомъ онъ совѣтовалъ своему товарищу не жалѣть денегъ на умноженіе прусскихъ сторонниковъ между членами сейма. **

* *Diariusz Sejmu Extraordynaryinego 1793 roku.*

** **Экономическій, разсчетливый характеръ прусскаго правительства**

Сиверсъ призвалъ къ себѣ Подгорскаго и вручилъ ему проектъ полномочія для подписи прусскаго трактата. Этотъ проектъ Подгорскій долженъ былъ на слѣдующій день представить сейму отъ своего имени и поддерживать его своимъ голосомъ. Затѣмъ часть ночи была употреблена на приготовленіе нотъ, русской и прусской, которыя на слѣдующій день, 17го (28го) августа, и были представлены сейму. Эти ноты напоминали ему о порядкѣ и спокойствіи и требовали немедленнаго снабженія депутаціи полномочіемъ къ подписи трактата. Русская нота прибавляла что генералъ Мёллендорфъ уже 20го числа долженъ былъ ввести войска въ Краковское и Сендомірское воеводства; но что его непріятельскія дѣйствія остановлены по просьбѣ русскаго посланника.

Однако всѣ эти заявленія не произвели никакого дѣйствія. Напротивъ, угрожающій тонъ прусской ноты вызвалъ чрезвычайное волненіе. Со всѣхъ сторонъ закричали что прусскій посолъ обращается къ Полякамъ уже не какъ къ вольному народу, а какъ къ своимъ подвластнымъ. Члены оппозиціи требуютъ утвержденія проекта поданнаго наканунѣ Шидловскимъ, то-есть прерванія всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Многіе послы разомъ домогаются голоса, въ томъ числѣ и Подгорскій. Маршалъ сеймовый, конечно заранѣе предупрежденный, даетъ голосъ Подгорскому. Но напрасно послѣдній силится перекричать другихъ. Тогда онъ досталъ изъ кармана проектъ, положилъ его на столъ предъ маршаломъ и сѣлъ на свое мѣсто. Маршалъ приглашаетъ секретаря взять проектъ и прочесть его. Тотъ повинуется; но крики усилились еще болѣе. Шидловскій, Янковскій, Гославскій, Стоинскій, Скаржинскій, Кимбаръ, Краснодембскій и Карскій осыпаютъ Подгорскаго бранью и требуютъ чтобъ онъ былъ судимъ какъ измѣнникъ. Тщетно секретарь пытается начать чтеніе; его подвергаютъ угрозамъ и оскорбленіямъ.

Шидловскій вышелъ впередъ, сталъ, по техническому выраженію, „подъ маршальскій жезлъ“, то-есть подлѣ сеймоваго маршала и позвалъ туда же Подгорскаго; это значило что онъ отдавалъ себя и своего противника на судъ сейма. Многочисленные голоса требовали чтобы Подгорскій шелъ подъ жезлъ.

оказался и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Агентамъ своимъ между сеймовыми послами Бухгольцъ никогда не платилъ впередъ, „какъ это дѣлалъ тороватый русскій посланникъ“, а давалъ имъ только за дѣйствительно оказанныя услуги. (Вегнеръ, 106.)

Но тотъ отвѣчаетъ что обвиненіе его въ измѣнѣ неумѣстно и преждевременно, такъ какъ проектъ еще не былъ прочитанъ, и палатѣ неизвѣстно его содержаніе. Нѣкоторые послы подходятъ къ маршальскому столу и, вмѣстѣ съ Шидловскимъ, читаютъ про себя проектъ. Оппозиція продолжаетъ требовать Подгорскаго къ суду и упрекаетъ его въ боязни этого суда. Тогда немногочисленные члены прусской партіи поднимаютъ голосъ въ защиту своего товарища: Іозефовичъ, Виламовскій и Міончинскій настаиваютъ предъ маршаломъ чтобы проектъ былъ прочитанъ. Маршалъ снова приказываетъ секретарю читать проектъ; но ему отвѣчаютъ что секретарь не лакей его, а слуга палаты. Іозефовичъ продолжаетъ настаивать, но его встрѣчаютъ шиканье и брань. Тогда онъ предлагаетъ чтобы весь этотъ споръ былъ взятъ ad deliberandum, а теперь пусть палата перейдетъ къ другимъ вопросамъ. Но Стоинскій объявляетъ что не допуститъ обсужденія никакихъ другихъ вопросовъ пока Подгорскаго не подвергнутъ суду. Посреди этого смятенія Шидловскому опять удается на нѣкоторое время овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говоритъ что у него есть доказательства измѣны Подгорскаго, что послѣдній за свою измѣну получилъ деньги, и снова требуетъ его къ жезлу. Подгорскій остается на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ стоически выносить всѣ оскорбленія. Наконецъ король, чтобы прекратить эти неприличныя сцены, приказываетъ закрыть засѣданіе.

На слѣдующій день Сиверсъ замѣтилъ въ своей депешѣ: „Послѣ вчерашняго засѣданія трудно было думать чтобы могло быть еще болѣе шумное; но это случилось именно сегодня."

Бухгольцъ, конечно, обратился къ русскому посланнику съ новыми просьбами употребить болѣе энергическія мѣры противъ упорства оппозиціи. Сиверсъ, все еще не желая прибѣгать къ крайностямъ, отнесся къ сейму съ новою нотой. Въ то же время онъ отправилъ къ великому маршалу литовскому Тышкевичу записку, въ которой напомнилъ объ его обязанности охранять спокойствіе и тишину сеймовыхъ засѣданій, и строго требовалъ чтобъ изъ сеймовой залы были удалены безъ исключенія всѣ лица не принадлежащія къ сейму, такъ какъ своимъ присутствіемъ они поощряютъ оппозицію и мѣшаютъ робкому большинству заявить свое мнѣніе. *

* Напомнимъ при этомъ читателямъ распредѣленіе мѣстъ въ Сенаторской избѣ, гдѣ засѣдали соединенныя сословія, то-есть соверша-

Вслѣдствіе этого требованія, предъ началомъ засѣданія 18го (29го) августа Тышкевичъ усердно обыскивалъ всѣ углы сеймовой залы и выпроваживалъ всѣхъ не принадлежащихъ къ сейму, въ томъ числѣ и совѣтниковъ конфедераціи, которымъ, вмѣстѣ съ судьями высшей инстанціи предоставлено было право присутствовать на засѣданіяхъ. Члены оппозиціи не замедлили обнаружить свое неудовольствіе на это нарушеніе права, и нѣкоторые восклицаютъ что въ такомъ случаѣ и послы также должны удалиться изъ залы. Тышкевичъ отвѣчаетъ имъ что онъ представитъ палатѣ объясненіе причинъ, которыя принудили его къ такому непріятному поступку.

Когда всѣ арбитры были удалены, великій маршалъ литовскій, ударивъ три раза о землю своимъ жезломъ изъ чернаго дерева оправленнымъ въ золото, далъ голосъ сеймовому маршалу, то-есть пригласилъ его открыть засѣданіе. Вдругъ двери залы отворяются, и входитъ Адамъ Подгорскій. Многіе послы, уже взволнованные предыдущею сценой, теперь приходятъ въ страшное негодованіе; со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Измѣнникъ, негодяй!“ и т. п. Крики эти переходятъ въ какой-то дикій ревъ. Мало того, нѣсколько самыхъ горячихъ крикуновъ подбѣгаютъ къ нему и начинаютъ толкать его вонъ изъ залы. Подгорскій былъ „толстъ какъ бочка“, по выраженію Сиверса, что̀ лишало его надлежащей гибкости чтобъ ускользнуть изъ рукъ своихъ враговъ. Посреди этой суматохи было видно только какъ двери залы съ трескомъ растворились и тотчасъ затворились снова. Подгорскій очутился въ корридорѣ посреди сеймовыхъ гайдуковъ; тутъ ожидали его и высланные арбитры, которые не замедлили подвергнуть несчастнаго посла новымъ оскорбленіямъ. Съ минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ куда направиться съ жалобой: къ Бухгольцу или къ Сиверсу? и рѣшилъ отправиться къ послѣднему.

лось сеймованіе. Въ глубинѣ залы стоялъ тронъ короля. Отъ него, съ обѣихъ сторонъ, шли два ряда сенаторскихъ креселъ. За креслами этими, также по обѣимъ сторонамъ, располагались лавки или мѣста для пословъ. Посреди залы оставался широкій свободный проходъ. На другомъ концѣ его, прямо противъ королевскаго трона, помѣщался сеймовый маршалъ на табуретѣ предъ своимъ столикомъ, а по сторонамъ его находились кресла великихъ маршаловъ и другихъ министровъ. Но въ послѣднее время министры, кажется, помѣщались подлѣ трона. Позади посольскихъ мѣстъ, вдоль стѣнъ, шли галлереи для арбитровъ или для публики.

Между тѣмъ въ сеймовой залѣ настала глубокая тишина. Маршалъ открываетъ засѣданіе воззваніемъ къ согласію, какъ къ единственному средству спасти отечество. Затѣмъ онъ извѣщаетъ о новой нотѣ русскаго посланника. Великій маршалъ литовскій, въ оправданіе своего поступка съ арбитрами, сообщаетъ собранію записку Сиверса, писанную по-французски. Собраніе рѣшило чтобъ эта записка, какъ доказательство насилія, была переведена и занесена въ діаріушъ.

Секретарь сеймовый читаетъ русскую ноту:

Выразивъ сожалѣніе о томъ что сеймъ не внялъ его предыдущей нотѣ, посланникъ напоминаетъ сословіямъ о грозѣ висящей надъ ихъ отечествомъ и убѣждаетъ заняться утвержденіемъ прусскаго договора въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредничествѣ. Фельдмаршалъ Мёллендорфъ, побуждаемый приказами отъ своего правительства, увѣдомляетъ его что начнетъ непріятельскія дѣйствія, если присланный имъ курьеръ не привезетъ извѣстія о подписи трактата. Поэтому онъ, Сиверсъ, принужденъ назначить сейму крайніе сроки: 31е августа для снабженія депутаціи надлежащимъ полномочіемъ, а 3е сентября для подписи самого трактата.

Нѣкоторые сторонники Пруссіи требуютъ чтобы былъ прочтенъ проектъ внесенный наканунѣ Подгорскимъ. Но Шидловскій тотчасъ протестуетъ противъ подобнаго требованія, и говоритъ что онъ не успокоится до тѣхъ поръ пока не увидитъ казни измѣнника, хотя бы и самъ долженъ былъ при этомъ пасть. За нимъ всталъ Гославскій. Увлекаемый потокомъ своего краснорѣчія, онъ сравниваетъ современную Польшу съ Римскою республикой во времена ея упадка, а Подгорскаго съ Катилиной. Но если между Поляками нашлись Катилины, за то и въ Цицеронахъ у нихъ нѣтъ недостатка; доказательство тому Шидловскій, который отдаетъ собственную голову, лишь бы подлѣ нея пала голова измѣнника. Но Шидловскій будетъ не единственною жертвой любви къ отечеству, онъ, то-есть Гославскій, также охотно сложитъ свою голову, лишь бы уменьшить число Катилинъ. Нѣкоторые голоса запальчиво восклицаютъ вслѣдъ за Гославскимъ что они готовы послѣдовать тому же примѣру. „Ничего не могло быть комичнѣе подобнаго пыла для тѣхъ кто знаетъ актеровъ этихъ забавныхъ сценъ“, замѣчаетъ въ своей депешѣ Сиверсъ, не вѣрившій въ польскій патріотизмъ.

Ораторъ переходитъ затѣмъ къ угрозѣ Пруссаковъ, и спрашиваетъ чтò могутъ они еще прибавить къ своимъ притѣсненіямъ и насиліямъ? Самъ онъ оставилъ въ Сендомірскомъ воеводствѣ престарѣлаго отца и небольшой участокъ земли; но охотно жертвуетъ послѣднимъ, только бы остаться свободнымъ отъ упрека въ томъ чтò собственными руками подписалъ неволю своихъ великопольскихъ собратій. Въ заключеніе ораторъ проситъ сеймоваго маршала подвергнуть вотированію проектъ Шидловскаго о прерваніи всякихъ переговоровъ съ Пруссіей. Другіе члены оппозиціи горячо поддерживаютъ эту просьбу.

Въ виду продолжающейся запальчивости относительно прусскаго договора, Станиславъ Августъ рѣшается наконецъ прервать свое молчаніе объ этомъ вопросѣ. „Найяснѣйшій панъ круль хочетъ говорить!“ возвѣстилъ по обычаю канцлеръ, и въ залѣ снова водворилась тишина. Станиславъ Августъ произноситъ длинную рѣчь. „Для короля любящаго свой народъ и желающаго быть любимымъ, замѣчаетъ онъ, нѣтъ ничего тяжелѣ какъ высказать правду, когда онъ знаетъ что эта правда будетъ непріятна.“ Далѣе король отдаетъ справедливость патріотизму Шидловскаго и тѣхъ которые поддерживали его проектъ. Но еслибы проектъ былъ принятъ, какія бы вышли изъ того послѣдствія? Только новыя обиды со стороны несправедливаго и сильнаго сосѣда. Поляки противились его требованіямъ въ надеждѣ что время принесетъ какую-либо благопріятную перемѣну и въ уповапіи на помощь русской императрицы. Но вотъ уже истощены всѣ способы сопротивленія, а ни откуда не свѣтится лучъ спасенія. Прекрасна готовность каждаго отдѣльнаго человѣка жертвовать собою для отчизны; но обязанность короля, какъ отца народа, разсѣять туманъ навѣянный патріотическимъ пыломъ. Прусское войско войдетъ еще глубже въ край, возьметъ нѣсколько тысячъ рекрутъ, выжметъ милліоны контрибуціи, разоритъ страну и потребуетъ еще большей части въ раздѣлѣ Польши. Послѣдняя нота русскаго посланника не оставляетъ уже никакой надежды на помощь императрицы противъ прусскаго захвата, который есть результатъ соглашенія обоихъ дворовъ. Въ заключеніе своей рѣчи король совѣтуетъ уступить обстоятельствамъ, но при этомъ добиваться по крайней мѣрѣ наименѣе тяжелыхъ условій.

Рѣчь эта, несмотря на свои неопровержимые доводы, не

произвела, повидимому, никакого дѣйствія. Въ концѣ ея въ залу снова явился несчастный Подгорскій, которому Сиверсъ велѣлъ воротиться на свое мѣсто и не взирая ни на что защищать свой проектъ. Едва король перестал говорить какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: „судъ, судъ измѣннику!“ Шидловскій снова становится подъ жезлъ и требуетъ туда же Подгорскаго. Тотъ нѣсколько минутъ колеблется, но осыпаемый угрозами и бранью наконецъ пошелъ и сталъ подлѣ Шидловскаго. Оппозиція обращается къ королю съ просьбой назначить судъ. Міончинскій, чтобы спасти своего товарища, предлагаетъ собранію сперва вотировать вопросъ: Подгорскій долженъ быть подвергнутъ суду или нѣтъ? Въ случаѣ вотированія онъ разчитывалъ на большинство, которое до сихъ поръ только вслѣдствіе стыда и робости слѣдовало за горстью запальчивыхъ патріотовъ. Нѝ предложеніе его потерялось посреди криковъ, требовавшихъ немедленнаго суда. Затѣмъ возникъ долгій споръ о способѣ какимъ долженъ быть судимъ посолъ обвиненный въ измѣнѣ отечеству. Польское законодательство не представляло въ этомъ отношеніи точныхъ правилъ; изъ прежней сеймовой практики также никто не могъ привести подобнаго примѣра. Обратились за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ епископу Коссаковскому, слывшему знатокомъ въ старомъ польскомъ законодательствѣ. Онъ отвѣчалъ что въ законахъ не встрѣчается никакого объясненія на этотъ счетъ. Далѣе, разсуждая о выходѣ посла подъ жезлъ, Коссаковскій замѣтилъ что этотъ способъ суда неправиленъ, потому что когда обѣ избы соединены, маршалъ сеймовый не имѣетъ высшей инстанціи: она въ это время остается за великимъ маршаломъ. Въ заключеніе онъ припомнилъ изъ діаріуша какого-то стараго сейма что былъ подобный случай; тогда изба раздѣлилась на посольскую и сенаторскую, и посольскою избой назначено было судебное слѣдствіе. Но такой способъ, прибавилъ Коссаковскій, въ настоящемъ случаѣ неудобенъ и несогласенъ съ достоинствомъ палаты: посолъ не долженъ быть отвѣтственъ предъ судомъ сейма за свои мнѣнія.

Король въ другой разъ пытается утишить волненіе и со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ взываетъ къ христіанскимъ и республиканскимъ чувствамъ палаты. Къ чему послужила бы безполезная кара? Развѣ она отвратила бы несчастіе отечества? Раздѣлъ все-таки останется раздѣломъ.

Зачѣмъ подавать поводъ чтобы Поляковъ называли варварами и смѣшивали ихъ съ ненавистною сектой якобинцевъ. Да и напрасенъ былъ бы судъ, потому что иноземная сила не допустила бы исполнить приговоръ. „Соединимся лучше вокругъ печальныхъ остатковъ нашего отечества; поищемъ средствъ спасти ихъ и обезпечить имъ благосостояніе, если еще возможно на него надѣяться."

Но и это трогательное увѣщаніе оказалось также безуспѣшнымъ какъ и первое. Снова поднялся шумъ; бо́льшая часть пословъ сходитъ со своихъ мѣстъ, и великій маршалъ тщетно усиливается возстановить какой-нибудь порядокъ. Члены оппозиціи хватаются за примѣръ приведенный Коссаковскимъ; нѣкоторые изъ нихъ берутъ за руку сеймоваго маршала и хотятъ вести его въ посольскую избу чтобы тамъ назначить судъ Подгорскому. Маршалъ отказывается идти. Министры и сенаторы окружили короля, и онъ совѣтуется съ ними о средствахъ успокоить волненіе. Вслѣдствіе этого совѣта король подзываетъ къ себѣ Подгорскаго и говоритъ ему чтобъ онъ хотя на минуту удалился съ глазъ своихъ раздраженныхъ товарищей. Подгорскій уходитъ. * Тогда послы возвращаются на свои мѣста. Гославскій требуетъ чтобъ измѣнникъ особымъ декретомъ навсегда былъ исключенъ изъ сеймовыхъ засѣданій и чтобы проектъ его никогда не былъ читанъ въ палатѣ. Маршалъ, помня данное ему отъ Сиверса порученіе, приказываетъ секретарю читать проектъ Подгорскаго. Секретарь хочетъ начать чтеніе, но горячіе оппоненты снова вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и отталкиваютъ секретаря назадъ. Маршалъ выводитъ его самъ, ихъ отталкиваютъ обоихъ. Палата снова впадаетъ въ шумное замѣшательство.

Тогда встаетъ епископъ Скаржевскій и произноситъ рѣчь. Онъ развиваетъ ту же мысль которая была высказана королемъ: трактатъ требуется необходимостью, которую устранить никто не въ состояніи, потому что относительно ея согласились двѣ державы. Прерваніемъ переговоровъ нельзя возвратить ни одной пяди земли; а переговорами, напротивъ, можно помочь и братьямъ-Полякамъ переходящимъ подъ чужое

---

* Онъ укрылся въ каморку гдѣ обыкновенно прятала посуду прислуга, которая держала буфетъ въ корридорѣ предъ сеймовой залой. Тутъ онъ оставался часа два, подвергаясь насмѣшкамъ и брани со стороны прислуги (*Diarius*).

владычество, и самимъ можно добиться лучшихъ условій. Вопервыхъ, надобно требовать русской гарантіи въ торговомъ трактатѣ и въ сепаратныхъ пунктахъ, и гарантія эта должна быть принята Берлинскимъ дворомъ прежде ратификаціи трактата. Вовторыхъ, если городъ Ченстоховъ отойдетъ, то чудотворный образъ Богородицы и всѣ сокровища его пусть будутъ перенесены въ Краковъ. Втретьихъ, пусть въ случаѣ прекращенія Бранденбургской династіи прекратятся и права Пруссіи на польскія провинціи. Наконецъ, — утѣшалъ епископъ,—трактатъ заключенный между сильнымъ и слабымъ существуетъ только до тѣхъ поръ пока этотъ слабый не сдѣлается сильнымъ и не получитъ возможности потребовать справедливаго вознагражденія.

Голосъ Холмскаго епископа ободрилъ группу прусскихъ партизановъ: Міончинскій, Залѣскій, Виламовскій, Влодекъ, Рокасовскій и Іозефовичъ настаиваютъ на чтеніи проекта Подгорскаго. Но имъ горячо возражаетъ Краснодембскій. Онъ объявляетъ что если не боялся Сибири, когда противился договору съ Россіей, то не болѣе боится Шландау. Онъ совѣтуетъ отправить посольство въ Петербургъ съ просьбой о помощи, а если Петербургскій дворъ не хочетъ помогать Полякамъ противъ Пруссіи, то пусть дозволитъ имъ прогнать Пруссаковъ собственными силами. Для этого пусть гетманъ и региментарій дадутъ приказъ всѣмъ полкамъ выступить противъ „страшнаго Мёллендорфа", и пусть созовутъ посполитое рушеніе.

Но большинство собранія было далеко отъ того чтобы слѣдовать подобнымъ совѣтамъ. Секретарь, по приказанію маршала, снова пытается начать чтеніе проекта Подгорскаго и снова голосъ его заглушается криками оппозиціи. Міончинскій со своими единомышленниками требуетъ отъ сеймоваго маршала возвращенія къ порядку, но тотъ молчитъ и только пожимаетъ плечами. А Шидловскій ни за что не хочетъ уйти отъ жезла и воротиться на свое мѣсто, пока измѣнникъ не будетъ преданъ суду. Великій маршалъ литовскій, на обязанности котораго собственно лежали порядокъ и тишина сеймованія, думаетъ дать другой оборотъ дѣлу. Онъ замѣчаетъ что споръ идетъ о проектѣ который никѣмъ не подписанъ и авторъ коего не находится налицо, поэтому совѣтуетъ оставить его въ сторонѣ и просто рѣшить вопросъ: дозволить заключеніе трактата съ прусскимъ королемъ или нѣтъ? Такой

совѣтъ подалъ поводъ еще къ большему смятенію. Карскій подходитъ къ сеймовому секретарю, вырываетъ у него проектъ и удаляется съ нимъ въ глубину залы. На протестацію маршала онъ отвѣчаетъ что это не проектъ, а просто бумага безъ всякой подписи. Маршалъ обращается къ посредничеству короля, и тотъ строгимъ тономъ выговариваетъ Карскому за его поступокъ, который можетъ послужить дурнымъ примѣромъ и для будущихъ сеймовъ. Вслѣдъ за королемъ почти все собраніе настаиваетъ на возвращеніи проекта. Карскій наконецъ уступилъ, подошелъ и съ презрѣніемъ бросилъ проектъ на маршальскій столъ.

Секретарь опять дѣлаетъ попытку чтенія и опять безъ успѣха. Послы снова оставляютъ свои мѣста и толпятся на срединѣ залы; патріоты уже готовы были вступить чуть не въ рукопашную схватку со своими противниками. Маршалъ бросается между ними съ своимъ жезломъ и усиливается воротить пословъ на ихъ мѣста. Министры и сенаторы опять становятся полукругомъ около трона. Между тѣмъ, пользуясь безпорядкомъ, изгнанные изъ залы арбитры проникаютъ въ нее снова, смѣшиваются съ послами и усиливаютъ сторону безпокойныхъ патріотовъ.

Не видя другаго способа возстановить порядокъ, король приказываетъ позвать Подгорскаго и приглашаетъ его подписать проектъ. При видѣ его, снова поднимаются крики и ругательства. Подгорскій нѣсколько времени колеблется и не знаетъ на что рѣшиться. Наконецъ онъ изъявляетъ готовность подписать. Тогда враги его спрятали со стола чернильницу. Но король подаетъ ему собственный карандашъ, и онъ идетъ къ столу. Его толкаютъ, стараются помѣшать, однако онъ подписываетъ и спѣшитъ протѣсниться назадъ изъ толпы. Тутъ враги его уже дали волю своимъ рукамъ, и несчастный Подгорскій завопилъ къ великому маршалу литовскому чтобъ онъ исполнилъ свою обязанность и удалилъ бы изъ избы людей къ ней не принадлежащихъ. Тышкевичъ сильно оскорбляется тѣмъ что даже и Подгорскій дѣлаетъ ему выговоръ; онъ хочетъ отказаться отъ столь тягостнаго для него маршальскаго жезла. Слова его вызвали еще сильнѣйшую бурю. „Прочь съ негоднымъ измѣнникомъ!“ кричатъ патріоты. Король снова приглашаетъ Подгорскаго удалиться изъ залы. Когда онъ вышелъ, буря на минуту стихла; послы заняли свои мѣста.

Маршалъ сеймовый хочетъ воспользоваться минутою затишья и приказываетъ секретарю читать проектъ. И опять тщетно. Кимбаръ, Годачевскій, Карскій встаютъ и кричатъ что ни за чтò не допустятъ чтенія проекта. Міончинскій, Іозефовичъ, Коссаковскій, Виламовскій и Древновскій, напротивъ, требуютъ этого чтенія. Бѣлинскій, наконецъ, думаетъ помочь дѣлу тѣмъ чтобы подвергнуть вотированію слѣдующій вопросъ: „Проектъ Подгорскаго долженъ быть прочтенъ или нѣтъ?“ Но и эта уловка осталась безъ успѣха: робкое большинство, въ виду крайняго раздраженія своихъ противниковъ и арбитровъ, не рѣшилось поддержать маршала. Мануцци, посолъ инфлянтскій, отозвался что законъ не дозволяетъ приступать къ вотированію послѣ восьми часовъ, а теперь былъ уже десятый часъ. Маршалъ опять нѣсколько разъ пытается начать чтеніе проекта, но постоянно безуспѣшно. Неприличныя сцены длятся еще до полуночи. Наконецъ король приказываетъ закрыть это достопамятное засѣданіе.

Такая упорная оппозиція и неуваженіе къ авторитету русскаго посланника, заставили наконецъ Сиверса подумать о крайнихъ мѣрахъ. Но эти мѣры не согласовались ни съ его инструкціями, ни съ его собственнымъ взглядомъ на предметъ. Онъ рѣшилъ еще разъ ограничиться однимъ внушеніемъ.

На слѣдующій день, 19го (30го) августа, Яковъ Еѳимовичъ написалъ Тышкевичу что если арбитры снова проберутся въ залу засѣданія, то въ его имѣнія будетъ посланъ баталіонъ солдатъ на экзекуцію. А сейму онъ послалъ третью ноту, въ которой повторилъ прежнія увѣщанія и указалъ на опасность грозящую двумъ лучшимъ воеводствамъ Рѣчи Посполитой, если въ тотъ же день депутація не будетъ уполномочена подписать договоръ. Къ этой нотѣ онъ приложилъ составленный имъ проектъ полномочія, который былъ уже внесенъ Подгорскимъ. Съ трудомъ Бѣлинскій добился чтобъ оппозиція допустила чтеніе ноты. А когда секретарь хотѣлъ перейти къ чтенію проекта, снова произошли тѣ же сцены какъ наканунѣ. Съ одной стороны Міончинскій, Залѣскій, Древновскій и другіе сторонники Пруссіи требуютъ чтенія, съ другой оппозиціонная партія рѣшительно противится. Въ жару спора почти всѣ послы опять покинули свои мѣста и столпились въ серединѣ залы. Тышкевичъ, пытавшійся призвать собраніе къ

порядку, получилъ на свою долю нѣсколько толчковъ; Бѣлинскаго бранили въ глаза, а секретаря грозили просто убить. Но кому-то пришла въ голову счастливая мысль: пусть палата дозволитъ чтеніе проекта не какъ самостоятельнаго документа, а только какъ приложеніе къ нотѣ русскаго посланника. Большинство поддержало эту мысль, и столь долго оспариваемый проектъ былъ наконецъ прочтенъ, но посреди волненія и шума, такъ что едва ли кто слышалъ то что̀ читали. Снова посылались со всѣхъ сторонъ требованія голоса, а голосъ былъ уже обѣщанъ сеймовымъ маршаломъ Скаржинскому. Но король, видя крайне возбужденное состояніе палаты и опасаясь возобновленія неприличныхъ сценъ, объявилъ что о такомъ важномъ предметѣ надобно подумать, и распустилъ собраніе. *

XI.

Сеймъ окруженъ войскомъ. — Засѣданіе 22го августа (2го сентября.) Проектъ прусскаго договора принятъ, но съ добавочными статьями.

Неудачный исходъ послѣдняго засѣданія, повидимому, не очень огорчилъ Сиверса. Онъ въ этотъ вечеръ праздновалъ день своего рожденія и устроилъ концертъ, на которомъ, по обыкновенію, восхищался голосомъ графини Камелли. Можетъ-быть и самое засѣданіе поспѣшили прервать потому что многіе члены сейма были приглашены на этотъ концертъ и боялись чтобы пренія не продлились также долго какъ наканунѣ.

Однако надобно было предпринять что-нибудь рѣшительное чтобъ удовлетворить требованіямъ прусскаго посланника, который приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ безконечныхъ проволочекъ. На слѣдующее утро, въ субботу 20го (31го) августа, Яковъ Ѳеимовичъ собралъ своихъ *друзей* на совѣщаніе. Тутъ, прежде всего рѣшили чтобы въ тотъ день не было засѣданія, о чемъ просилъ и король чрезъ своего секретаря. Потомъ занялись вопросомъ: какими средствами принудить сеймъ къ уступкѣ?

---

* Рукописныя записки одного изъ арбитровъ (Людвика Гинета) прибавляютъ что оппозиція кричала вслѣдъ уходившему королю: „Вотъ другой измѣнникъ; это отецъ Подгорскаго!“ Король, повидимому, не слыхалъ этихъ возгласовъ, а можетъ-быть дѣлалъ видъ что не слышитъ.

Друзья предложили Сиверсу на выборъ двѣ принудительныя мѣры: 1) арестовать дюжину самыхъ дерзкихъ пословъ, или не пустить ихъ на засѣданіе; 2) окружить сеймъ баталіономъ гренадеръ и задержать собраніе до тѣхъ поръ пока оно сдѣлаетъ надлежащее постановленіе. Посланникъ распустилъ совѣтъ, не принявъ еще никакого положительнаго рѣшенія. „Ни одно изъ этихъ средствъ мнѣ не нравится, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи. — Если не представится другихъ, я рискну еще однимъ засѣданіемъ и, можетъ-быть, выберу первое.“

Но прусскій товарищъ рѣшился не давать ему времени для колебаній и размышленій. Въ тотъ же день онъ видѣлся съ Сиверсомъ и настаивалъ чтобъ Игельштрому разрѣшено было дѣйствовать заодно съ Мёллендорфомъ. Нашъ посланникъ уклонился отъ подобнаго разрѣшенія. Онъ замѣтилъ что принудительныя мѣры будутъ безполезны, если Бухгольцъ не подпишетъ трактата въ томъ видѣ въ какомъ онъ проектированъ при посредствѣ его, то-есть Сиверса. Бухгольцъ началъ понемногу сдаваться, и потребовалъ чтобы были исключены по крайней мѣрѣ пункты о русской гарантіи и медіаціи въ статьяхъ о торговлѣ. Сиверсъ отвѣчалъ что онъ не можетъ отбросить именно тѣ статьи которыя дѣлаютъ честь довѣрію Поляковъ къ его государынѣ. Общій выводъ изъ его словъ былъ слѣдующій: „Мы гарантируемъ уступку занятыхъ вами провинцій, и для этой цѣли употребимъ даже насиліе; но въ то же время не можемъ запретить Полякамъ требовать гарантій въ торговлѣ и другихъ предметахъ распри.“

На другой день, то-есть въ воскресенье, Бухгольцъ прислалъ Сиверсу записку съ просьбой о конференціи и съ увѣреніемъ что онъ предложитъ примирительный планъ, который удовлетворитъ равно оба двора, такъ какъ онъ построенъ на основаніяхъ Петербургской конвенціи. Но этотъ примирительный планъ на дѣлѣ оказался слѣдующій: или прервать переговоры и начать непріятельскія дѣйствія, или заключить простой договоръ объ уступкѣ, не упоминая въ немъ ни о медіаціи, ни о гарантіи, и всѣ пункты, которыхъ добиваются Поляки, отнести къ статьямъ сепаратнымъ. А для этихъ статей Бухгольцъ, по его собственному признанію, еще не имѣлъ инструкцій. Сиверсъ повторилъ тѣ же увѣренія какія были сказаны наканунѣ. „Ея императорское величество, замѣтилъ онъ, твердо настаиваетъ на строгомъ выполненіи конвенціи, и я имѣю приказаніе доставить всѣ возможныя гарантіи для

польской торговли.“ Если письмо къ Алопеусу, прибавилъ онъ, не побудило прислать Бухгольцу болѣе полныя инструкціи, то ея величество охотно вступитъ въ прямыя сношенія съ Берлиномъ чтобъ ихъ получить. „Это заявленіе заставило его поблѣднѣть, пишетъ Сиверсъ, что̀ укрѣпило меня въ необходимости настаивать на упомянутыхъ пунктахъ: безъ нихъ, очевидно, польскую торговлю ожидали тяжелыя оковы.“

Яковъ Ѳеимовичъ предложилъ своему товарищу отложить переговоры съ сеймомъ до новыхъ приказаній отъ обоихъ дворовъ. Но Бухгольцъ не соглашался на отсрочку, и убѣдительно просилъ Сиверса употребить принудительныя мѣры. Послѣдній обѣщалъ, и на томъ окончилась ихъ двухчасовая конференція.

Послѣ этого русскій посланникъ болѣе не колеблется. По его разчету, обѣ стороны были достаточно подготовлены: сеймъ чтобы согласиться на уступку провинцій; а Пруссаки чтобы допустить статьи смягчающія эту уступку, а также и статьи о русской гарантіи, которая должна обусловливать будущую зависимость Польши отъ Россіи. Изъ двухъ способовъ предложенныхъ его польскими совѣтниками, Сиверсъ выбралъ второй, какъ наиболѣе дѣйствительный. Сообразно съ тѣмъ онъ сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія чтобы вопросъ былъ рѣшенъ въ засѣданіи слѣдующаго дня, то-есть 22го августа (2го сентября).

Яковъ Ѳеимовичъ двинулъ въ городъ разные отряды расположенные по окрестностямъ и приказалъ занять ими всѣ выходы и главныя улицы. Безъ билета отъ русскаго коменданта въ тотъ день никто не могъ выйти изъ своего дома. Королевскій за̀мокъ былъ окруженъ двумя баталіонами гренадеръ съ четырьмя пушками, при которыхъ стояли артиллеристы съ зажженными фитилями. На дворѣ за̀мка и въ коридорахъ разставлена была сильная стража. Генералъ-майоръ Раутенфельдъ получилъ приказъ помѣститься съ дюжиной офицеровъ въ самой залѣ сеймовыхъ засѣданій, наблюдать чтобы не были допущены арбитры и вообще помогать великому маршалу литовскому въ сохраненіи порядка. Въ то же время Сиверсъ адресовалъ Тышкевичу письмо съ изложеніемъ причинъ по которымъ были приняты всѣ эти грозныя мѣры. До русскаго посланника, писалъ онъ, дошли слухи о существованіи заговора противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и другихъ достопочтенныхъ членовъ сейма. Поэтому

должна быть оставлена не запертою только одна дверь въ залу засѣданія; но при ней будетъ находиться стража изъ русскихъ офицеровъ для осмотра всѣхъ подозрительныхъ пословъ. Если у кого изъ нихъ найдется скрытое оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и судимъ какъ убійца. Литовская гвардія короля также должна подвергнуться осмотру, и если у кого окажутся порохъ и пули, того приказано также арестовать. Если въ залу проберется кто-либо изъ арбитровъ, то его взять и посадить въ тюрьму. Генералъ Раутенфельдъ займетъ кресло подлѣ королевскаго трона съ лѣвой стороны, а его офицеры сядутъ на скамьяхъ назначенныхъ для арбитровъ. Великій маршалъ пусть объявитъ членамъ сейма что никто изъ нихъ не долженъ сходить съ своего мѣста во все время засѣданія, но что впрочемъ *имъ предоставляется полная свобода слова.*

Сеймовому маршалу была отослана копія съ этого письма, а сейму адресована новая нота. То и другое Сиверсъ предварительно сообщилъ королю и своимъ, такъ-называемымъ, друзьямъ, то-есть вождямъ сеймоваго большинства. Предъ полуднемъ онъ самъ отправился въ зáмокъ и на мѣстѣ указалъ Раутенфельду какъ и гдѣ должны быть разставлены караулы. Потомъ онъ зашелъ къ королю, по его приглашенію, и выслушалъ отъ него усердную благодарность за попеченія о его безопасности; причемъ Станиславъ-Августъ, по обыкновенію, не преминулъ пожаловаться на свою горькую судьбу.

Въ четвертомъ часу пополудни послы начали собираться въ сеймовую залу. Ихъ впускали безъ всякаго затрудненія; но если кому-нибудь изъ нихъ приходила охота выйти, гренадеры, поставленные у дверей, скрестивъ штыки, преграждали ему дорогу. Сначала царствовало угрюмое молчаніе, но едва прибылъ король, какъ поднялась буря. Прусскіе сторонники требовали немедленнаго открытія засѣданія, а члены оппозиціи, собравшись въ кучку на срединѣ залы, кричали сеймовому маршалу чтобъ онъ прежде всего, согласно съ своею присягой, постарался удалить непрошеныхъ арбитровъ; а до тѣхъ поръ они не дозволятъ открыть засѣданіе. Тутъ подъ арбитрами разумѣлись, конечно, русскіе офицеры съ Раутенфельдомъ. Нѣкоторые, какъ Шидловскій и Гославскій, обращаютъ свои жалобы къ королю на такое недовѣріе къ Полякамъ и на чужеземную стражу его окружающую. Король отозвался что онъ вѣритъ въ свой народъ и нисколько не

причастенъ этому насилію. Его слова производятъ еще большее волненіе между послами. Многіе оставляютъ свои мѣста и кричатъ великому маршалу литовскому чтобъ онъ пригласилъ иностранныхъ офицеровъ удалиться изъ избы; нѣкоторые требуютъ распущенія сейма; а сторонники Пруссіи продолжаютъ настаивать на открытіи засѣданія. Посреди такого смятенія одни только русскіе офицеры неподвижно сидятъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя были имъ указаны.

Тышкевичъ представляетъ собранію полученное имъ письмо, въ доказательство того что онъ наравнѣ со всѣми подвергался чужеземному насилію. Онъ передалъ письмо сеймовому маршалу. Тогда возникаетъ новый споръ: Міончинскій съ товарищами требуютъ открытія засѣданія для прочтенія письма, а противники его ни подъ какимъ видомъ не соглашаются на то въ присутствіи военной силы. Наконецъ, по усильнымъ просьбамъ самого Тышкевича, чтобы дать ему возможность оправдаться въ глазахъ сословій, оппоненты допускаютъ чтеніе письма. Тонъ и содержаніе его произвели глубокое впечатлѣніе. Немедленно поднялись многіе голоса съ жалобами на оскорбительное подозрѣніе Поляковъ въ заговорѣ противъ короля. Микорскій требуетъ чтобы посланникъ назвалъ тѣхъ, которые могли составить такой ненавистный заговоръ. Шидловскій говоритъ что насиліе причиняемое сейму присутствіемъ иностранной военной силы еще менѣе чувствительно нежели самый поводъ къ нему, тѣмъ болѣе что Польша, всегда преданная особѣ своихъ королей, никогда не запятнала своихъ лѣтописей покушеніемъ противъ ихъ священной особы.* Онъ прибавляетъ что засѣданіе не можетъ быть дѣйствительнымъ, пока военная сила не удалится. То же самое повторяютъ и его товарищи по убѣжденіямъ.

Гославскій проситъ короля чтобъ онъ, въ знакъ довѣрія къ своей націи, приказалъ войскамъ удалиться. Король снова увѣряетъ собраніе въ томъ что онъ нисколько не причастенъ подобному насилію, и затѣмъ рѣшаетъ отправить къ русскому посланнику депутацію чтобы просить его объ удаленіи войска. Въ эту депутацію онъ назначаетъ обоихъ канцлеровъ и двухъ епископовъ, Коссаковскаго съ Масальскимъ. Но епископы уклонились отъ порученія, оправдываясь тѣмъ что подобныя депутаціи обыкновенно отправляются только свѣтскими особами. Тогда король вмѣсто епископовъ назначилъ

* Извѣстно какъ несправедливо это заявленіе.

литовскаго подскарбія Огинскаго и каштеляна Суходольскаго, какъ представителей сената; а отъ рыцарскаго сословія Бѣлинскаго и Анквича. Прежде нежели депутація успѣла выйти изъ палаты, Коссаковскій, желая конечно изгладить непріятное впечатлѣніе произведенное отказомъ епископовъ, проситъ короля чтобъ онъ дозволилъ собранію поцѣловать его руку въ знакъ неизмѣнной вѣрности народа къ его особѣ. Анквичъ повторяетъ ту же просьбу отъ имени рыцарскаго сословія (тогда какъ общая молва именно ему приписывала изобрѣтеніе слуха о мнимомъ заговорѣ). Маршалъ сеймовый, по обычаю, приказываетъ секретарю читать списки пословъ по воеводствамъ, для того чтобъ они по очереди подходили къ королевской рукѣ. Но оппозиція и тутъ не пропустила случая поднять споръ. Она не позволила читать списки на томъ основаніи что засѣданіе еще не было открыто. Рѣшено обойтись на этотъ разъ безъ чтенія списковъ.

Когда церемонія съ королевскою рукой была окончена, депутація отправилась къ посланнику. До ея возвращенія палата цѣлые два часа оставалась въ полномъ бездѣйствіи; послы въ это время раздѣлились на группы и разговаривали въ полголоса. А между тѣмъ стороннія посѣтители сеймовыхъ засѣданій воспользовались перерывомъ надзора и успѣли, въ значительномъ количествѣ, проникнуть въ залу.

Было уже около восьми часовъ вечера, когда депутація воротилась. Послы заняли свои мѣста и потребовали отъ нея отчета. Но канцлеръ коронный именемъ депутаціи предложилъ прежде открыть засѣданіе. Новый споръ: часть палаты поддерживаетъ это предложеніе, а оппозиція противится ему на томъ основаніи что депутація отправлена безъ открытія засѣданія, слѣдовательно нѣтъ въ немъ надобности и для отобранія отъ нея отчета. Депутаты уступили и начали одинъ за другимъ передавать подробности своего свиданія съ русскимъ посланникомъ.

Сущность этого отчета заключалась въ слѣдующемъ.

На просьбу сейма объ удаленіи офицеровъ изъ сеймовой залы и объ отозваніи войска изъ королевскаго замка, Сиверсъ согласился только на первое, то-есть на удаленіе офицеровъ, впрочемъ за исключеніемъ генерала Раутенфельда; а войско должно оставаться въ замкѣ до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ принятіе проекта, внесеннаго Подгорскимъ.

Въ оправданіе своей мѣры онъ сослался на бюллетени пяти послѣднихъ засѣданій, указалъ на выходки противъ короля и сеймоваго маршала, на равнодушіе съ которымъ приняты три русскія ноты. Кромѣ того, по его словамъ, уже нѣсколько дней ходятъ слухи о тайномъ заговорѣ противъ короля и другихъ высокихъ особъ. Вслѣдствіе всего этого онъ долженъ принять мѣры безопасности, напомнить сеймовымъ маршаламъ о порядкѣ и объ ихъ обязанностяхъ къ отечеству. Въ заключеніе онъ подтвердилъ что прежде надлежащаго постановленія по вопросу о прусскомъ договорѣ никто изъ сеймующихъ не будетъ выпущенъ изъ зáмка.

По окончаніи отчета маршалъ приступаетъ къ открытію засѣданія, но предварительно проситъ арбитровъ удалиться. Оппозиція и въ этомъ случаѣ не преминула заявить свое несогласіе: если генералъ Раутенфельдъ, говорила она, безъ всякаго права остается въ палатѣ, то почему же не могутъ быть въ ней польскіе арбитры, которые заинтересованы въ вопросѣ о цѣлости своего отечества? Однако большинство палаты поддержало маршала и настояло на удаленіи публики. Маршалъ объявляетъ что засѣданіе открыто (обычными словами: *сессія загоена!*); затѣмъ онъ указываетъ на смутныя обстоятельства въ которыхъ находится отечество, на необходимость удовлетворить требованіямъ русскаго посланника, и доноситъ о вновь полученной отъ него нотѣ. Секретарь читаетъ эту ноту. Въ ней снова высказывается упрекъ сейму за его упорство относительно прусскаго договора, говорится о явномъ присутствіи якобинской заразы и повторяется требованіе чтобы сеймъ немедленно снабдилъ депутацію полномочіемъ для подписи трактата, составленнаго при посредствѣ русскаго посланника и внесеннаго на сеймъ Подгорскимъ. (Проектъ былъ напечатанъ и розданъ посламъ.) Въ заключеніе нота упоминаетъ о принятыхъ мѣрахъ военной предосторожности и выражаетъ надежду что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ пока не будетъ постановлена подпись трактата.

Когда окончилось чтеніе ноты, въ палатѣ съ минуту царствовало молчаніе. Оно было прервано Скаржинскимъ, который голосомъ исполненнымъ скорбнаго чувства произнесъ пространную рѣчь.

„Наияснѣйшій король, панъ мой милостивый! Наияснѣйшія сословія Рѣчи Посполитой!“ началъ онъ. „Дни 17го іюля и

августа суть дни бѣдствія и упадка нашей отчизны, *—дни, которые мы должны оплакивать до конца нашей жизни. Они будутъ памятниками не только притѣсненія со стороны иноземцевъ, но и забвенія гражданскихъ обязанностей со стороны Поляковъ, недостаточно преданныхъ своему отечеству. Уже пала наша отчизна, уже потеряли мы наши провинціи сопредѣльныя съ Россіей, и потеряли безвозвратно, потому что большинство утвердило подпись и ратификацію трактата объ этомъ заборѣ. Какъ ни велика наша потеря, еслибъ она на томъ окончилась, была бы по крайней мѣрѣ еще сносною. Но, Боже мой, еще мы не отерли тѣхъ слезъ которыя причиняетъ намъ эта утрата, какъ уже наступаетъ такой же бѣдственный чередъ исполниться замысламъ Берлинскаго двора. А исполненіе этихъ замысловъ я предвижу въ томъ печальномъ обстоятельствѣ что оппозиція наша, одушевленная горячимъ патріотизмомъ, уменьшается съ каждымъ днемъ.“ Далѣе, ораторъ напомнилъ примѣръ древнихъ Грековъ, которые предпочитали лучше погребать себя въ развалинахъ своей отчизны нежели переживать ее, и еслибы Поляки дѣйствовали подобнымъ образомъ, Польша не подверглась бы паденію. Отдавать чужеземцу часть своей страны подъ предлогомъ спасти остальное, это то же самое какъ еслибы кто для спасенія отъ потопленія выбросилъ изъ лодки въ море человѣка который имѣлъ одинаковое съ нимъ право въ ней находиться. Ораторъ выражалъ увѣренность въ томъ что несогласно было бы съ душою Великой Екатерины утѣснить своимъ могуществомъ народъ, который въ теченіе этого сейма по большей части былъ ей такъ послушенъ. А прусскую силу Поляки должны отражать собственною силой, и еслибъ они были побѣждены, по крайней мѣрѣ сохранили бы свою честь. Уступка провинцій Россіи имѣла хотя нѣкоторую тѣнь основанія, потому что ей предшествовали военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. А какое основаніе для прусскаго забора? Развѣ Поляки нарушили послѣдніе трактаты съ Берлинскимъ дворомъ? Развѣ они вели съ нимъ войну?

Затѣмъ ораторъ указываетъ на самого себя. У него есть небогатое имѣніе, наслѣдованное отъ предковъ, въ трехъ только миляхъ отъ прусской границы, такъ что иноземная

* Въ эти дни сеймомъ рѣшена уступка провинцій Россіи и ратификація русскаго договора.

сила легко можетъ отнять его. Но она не отниметъ у него чести; сухой хлѣбъ съ водой будетъ ему милѣе всякаго изобилія; сума на плечахъ будетъ для него вмѣсто почетнаго знака отличія. А если иноземное насиліе отниметъ у него жизнь, о, онъ будетъ счастливъ окончить ее вмѣстѣ съ жизнію его любезнѣйшаго отечества!

Наконецъ, истощивъ подобные этому доводы противъ прусскихъ требованій, Скаржинскій хватается, какъ утопающій за соломинку, за несоблюденіе формальностей въ проектѣ Подгорскаго. Этотъ проектъ, никѣмъ неподписанный, прочтенъ былъ только какъ добавокъ къ нотѣ русскаго посланника, а постановленіе 1768 года дозволяетъ подавать проекты на сеймѣ только членамъ этого сейма; притомъ и самый авторъ проекта исключенъ изъ палаты. Заявивъ противъ него снова торжественный протестъ, ораторъ проситъ принять проектъ Шидловскаго; въ послѣднемъ могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя поправки, чтобы не прерывать дальнѣйшихъ переговоровъ съ Берлинскимъ дворомъ, но необходимо постановить рѣшительный отказъ въ уступкѣ земель. Въ заключеніе онъ взываетъ къ королю съ просьбой поддержать свой народъ въ этой великодушной рѣшимости. Если и все потеряно, по крайней мѣрѣ потомство не въ правѣ будетъ сѣтовать на нихъ; нѣкогда, вспоминая о своихъ отцахъ, оно со слезами на глазахъ скажетъ: „они погибли, но погибли съ честію“.

Краснорѣчіе Скаржинскаго не замедлило вызвать усердныхъ соревнователей. За нимъ говорилъ Микорскій, который направилъ свои стрѣлы преимущественно противъ короля за его покровительство столь незаконному и пагубному для республики проекту Подгорскаго. „Людовикъ XVI и Густавъ III“, сказалъ онъ между прочимъ, „позавидовали бы счастію вашего величества: царствовать надъ такимъ кроткимъ и доблестнымъ народомъ.“ Затѣмъ говорилъ Шидловскій, который съ большою энергіей требовалъ рѣшенія своего проекта, соглашаясь впрочемъ на нѣкоторыя поправки. Его поддерживаютъ Карскій, Богуцкій, Стоинскій и Краснодембскій.

„Пане маршалку!“ воскликнулъ Скаржинскій, обращаясь къ Бѣлинскому. „Такъ какъ многочисленные голоса высказались противъ прусскаго забора и ни одинъ въ пользу проекта Подгорскаго, то тѣмъ удобнѣе долженъ быть внесенъ проектъ пана Шидловскаго.“

Но Бѣлинскій, обѣщавшій во что бы то ни стало провести

проектъ Подгорскаго, конечно въ это время думалъ только о томъ какъ бы выполнить свою задачу. Въ борьбѣ членовъ оппозиціи съ подкупленными сторонниками Пруссіи явный перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ, а большинство палаты все еще не рѣшалось высказаться противъ горсти неукротимыхъ ораторовъ и даже показывало нѣкоторое сочувствіе къ ихъ пламеннымъ декламаціямъ. Притомъ и русскій посланникъ, какъ извѣстно, не слишкомъ усердно поддерживалъ своего прусскаго товарища, имѣя въ виду вынудить нѣкоторыя уступки съ его стороны. Но въ этотъ день рѣшено было положить конецъ дальнѣйшему сопротивленію.

Чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія, Сиверсъ отправился въ за́мокъ подъ предлогомъ визита сестрѣ короля, пани Краковской, и оставался у нея до одиннадцати часовъ вечера. Время отъ времени онъ призывалъ сюда тѣхъ которымъ хотѣлъ что-нибудь сказать, чтобъ устранять встрѣчавшіяся затрудненія. Когда нѣкоторые заговорили объ отсрочкѣ засѣданія, Яковъ Ѳеимовичъ громко далъ приказъ генералу Раутенфельду не выпускать никого прежде нежели будетъ рѣшенъ главный вопросъ, то-есть уступка провинцій; а относительно добавочныхъ статей онъ предоставилъ собранію свободу. Интересенъ между прочимъ слѣдующій фактъ: Гетманъ Коссаковскій, вице-канцлеръ Платеръ и каштелянъ Ледоховскій не пришли на засѣданіе. Сиверсъ послалъ къ нимъ своего дежурнаго штабъ-офицера, и велѣлъ именемъ ея величества сказать чтобъ они явились туда немедленно. Первый и третій тотчасъ исполнили приказаніе, а Платеръ написалъ посланнику письмо съ извиненіями. Но тотъ не принялъ никакихъ отговорокъ и подтвердилъ что надобно повиноваться. Вице-канцлеръ явился въ палату, и потомъ даже сказалъ очень патетическую рѣчь о повиновеніи должномъ ея императорскому величеству.

По прибытіи домой, взволнованный, утомленный, посланникъ набросалъ нѣсколько строкъ къ одной изъ своихъ дочерей. „Бьетъ полночь, писалъ онъ. Я воротился изъ дворца, который окруженъ двумя баталіонами, чтобъ образумить сеймъ. Онъ долженъ былъ очень меня разсердить, если я пошелъ такъ далеко. Засѣданіе не закроется до 5 часовъ утра; а если я потеряю turnum, то-есть большинство, то оставлю ихъ въ заперти.“ Но до такой крайности дѣло не дошло.

Когда большинство убѣдилось въ непреложномъ рѣшеніи

русскаго посланника покончить въ этотъ день съ главнымъ вопросомъ, оно оставило свои колебанія. Но къ рѣшенію вопроса вожди большинства пошли не прямо, а прибѣгли къ нѣкоторымъ предварительнымъ маневрамъ. Всталъ епископъ Коссаковскій, и въ пространной рѣчи указалъ на насиліе, съ одной стороны выразившееся въ угрожающихъ нотахъ и деклараціяхъ, съ другой—въ присутствіи иноземныхъ солдатъ у дверей самой палаты. Это насиліе очевидно для цѣлой Европы. Но если вслѣдствіе его въ проектѣ прускаго трактата и будетъ помѣщена уступка польскихъ земель, то по крайней мѣрѣ пусть статьи о торговлѣ и другіе важные пункты будутъ установлены прежде ратификаціи трактата. Сдѣлавъ этотъ важный шагъ впередъ, Коссаковскій какъ бы спѣшитъ ослабить непріятное впечатлѣніе произведенное его согласіемъ на уступку провинцій, и высказываетъ желаніе чтобы никто не подписывалъ своего имени подъ тѣмъ проектомъ, авторъ коего объявленъ измѣнникомъ отечеству. Напротивъ, онъ предлагаетъ принять проектъ Шидловскаго; но такъ какъ послѣдній, одушевленный высокимъ патріотизмомъ, самъ изъявилъ согласіе на нѣкоторыя въ немъ поправки, то пусть его проектъ будетъ дополненъ прибавками о торговомъ договорѣ и другихъ сепаратныхъ статьяхъ, и пусть въ немъ будетъ еще поставлена самая торжественная протестація противъ причиненнаго Полякамъ насилія. Въ заключеніе епископъ предлагалъ окончательную редакцію проекта поручить конституціонной депутаціи. Слѣдовательно, дѣло принимало такой оборотъ что за исходный пунктъ для дальнѣйшихъ переговоровъ какъ будто принимался оппозиціонный проектъ Шидловскаго.

Предложеніе Коссаковскаго на первый разъ вызвало только незначительныя замѣчанія. Тогда ободренные члены большинства пошли далѣе. Они согласились относительно нѣкоторыхъ добавленій, которыя и были немедленно поданы сеймовому маршалу Станишевскимъ, посломъ черскимъ. Тотъ велѣлъ секретарю прочесть эти добавленія. Сущность ихъ была слѣдующая: возвращеніе образа Ченстоховской Богоматери со всѣми принадлежавшими ему вещами; отреченіе прусскаго правительства отъ наслѣдства Радивилловъ въ случаѣ прекращенія этой фамиліи; пребываніе примаса во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой и, наконецъ, обезпеченіе за нимъ доходовъ въ краѣ отходящемъ къ Пруссіи. *

* Между Бранденбургскимъ домомъ и Радивиллами существовалъ

Міончинскій предложилъ чтобы конституціонная депутація немедленно занялась исправленіемъ проекта Шидловскаго на основаніи представленныхъ дополненій. Маршалъ сеймовый принялъ это предложеніе. Но Скаржинскій и товарищи его протестовали, такъ какъ дополненія Станишевскаго допускаютъ уступку провинцій, чего въ проектѣ Шидловскаго никоимъ образомъ помѣщено быть не можетъ. Снова возникли горячіе споры. Посреди этихъ споровъ Бѣлинскій вдругъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ и ставитъ вопросъ такимъ образомъ: „Будетъ ли принятъ проектъ полномочія, навязанный силою, или проектъ Шидловскаго?“ Но этотъ шагъ тотчасъ возбудилъ въ палатѣ страшную бурю. Оппозиція изо всѣхъ силъ кричитъ, что рядомъ съ проектомъ Шидловскаго не можетъ быть внесенъ измѣнническій проектъ Подгорскаго. Она повторяетъ опять тотъ же припѣвъ, что послѣдній нельзя назвать проектомъ, что это только прибавка къ нотѣ посланника и т. п. Но Бѣлинскій уже не отступаетъ предъ грозными кликами оппозиціи. Онъ только дѣлаетъ небольшой обходъ, чтобы вѣрнѣе подойти къ тому же вопросу. Онъ предварительно ставитъ слѣдующій turnus: „Сдѣланное имъ предложеніе палата принимаетъ или отвергаетъ?“

Напрасно Скаржинскій и его единомышленники продолжаютъ заявлять свои протесты. Большинство поддерживаетъ Бѣлинскаго и требуетъ голоса для короннаго референдарія, на обязанности котораго собственно лежало производство голосованія. Маршалъ великій литовскій, послѣ нѣкотораго колебанія, даетъ голосъ референдарію. Послѣдній обращается съ помянутымъ

договоръ, въ силу котораго первый долженъ былъ наслѣдовать огромныя имѣнія князя Доминика, въ случаѣ его бездѣтной смерти. Большая часть этихъ владѣній находилась въ провинціяхъ отошедшихъ теперь къ Россіи; слѣдовательно и Русскій дворъ также былъ заинтересованъ въ уничтоженіи этого договора. Остальныя дополненія, какъ видимъ, касались интересовъ духовенства и очевидно составлены были подъ вліяніемъ трехъ епископовъ засѣдавшихъ на сеймѣ: Масальскаго, Скаржевскаго и Коссаковскаго. Рукопись Гинета замѣчаетъ, что они долго и горячо спорили съ Бухгольцомъ на конференціяхъ депутаціи по поводу Ченстоховской иконы, и прибавляетъ слѣдующее размышленіе: „Удивительная вещь! Уступка милліона народу въ неволю (Пруссіи) было для нихъ легкимъ дѣломъ, которое они исполнили безъ всякаго сопротивленія; но захватъ иконы поразилъ ихъ чрезвычайно!“

вопросомъ сперва къ сенату и отбираетъ голоса; потомъ идетъ чередъ рыцарскаго сословія. При этомъ референдарій читаетъ печатный списокъ сейма и въ соотвѣтствующей графѣ отмѣчаетъ, кто подалъ голосъ affirmative и кто negative. Усилія оппозиціи помѣшать ему остаются тщетны. Въ результатѣ предложеніе маршала принято большинствомъ 60 голосовъ противъ 28.

Тогда Бѣлинскій спѣшитъ внести свое предложеніе облекши его въ слѣдующую форму: „Будетъ ли принятъ къ рѣшенію проектъ приложенный къ нотѣ русскаго посланника и поддержанный силою иноземнаго войска, или проектъ Шидловскаго?“ Снова оппозиція противится внесенію этого предложенія, и снова напрасно. Оно получаетъ 59 голосовъ противъ 26. Тогда нѣкоторые послы подаютъ свои прибавленія и поправки къ проекту Подгорскаго. Маршалъ сеймовый передаетъ ихъ конституціонной депутаціи, которая удаляется въ сосѣднюю комнату чтобы дать окончательную редакцію проекту Подгорскаго съ дополненіями. Спустя полчаса, она возвращается и подаетъ готовый проектъ. По прочтеніи его маршалъ сеймовый ставитъ turnus въ слѣдующей формѣ: „Проектъ полномочія принятый къ рѣшенію и исправленный депутаціей долженъ быть обращенъ въ законъ или нѣтъ?“ Группа оппозиціонныхъ пословъ еще разъ пытается протестовать и надрываетъ себѣ грудь чтобы заглушить короннаго референдарія, и опять безуспѣшно. Большинство очевидно уже махнуло рукой на всѣ ея возгласы и протестаціи. Происходитъ послѣднее голосованіе, и проектъ принятъ большинствомъ 61 голоса противъ 23. *

Этотъ исправленный и обращенный въ законъ проектъ полномочія для депутаціи, трактовавшей съ прусскимъ посломъ, начинался указаніемъ на бѣдственное, стѣсненное положеніе сейма и торжественною протестаціей предъ лицомъ Европы противъ учиненнаго ему насилія. Вслѣдствіе этого насилія, сословія принуждены разрѣшить депутаціи подпись трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при посредствѣ русскаго посланника, съ условіемъ чтобы пункты о торговлѣ и другія отдѣльныя статьи были заключены при

---

* Въ первомъ голосованіи, какъ видимъ, участвовали 88, во второмъ 85, а въ третьемъ 84. Вѣроятно, подъ конецъ засѣданія нѣкоторые члены палаты воздержались отъ подачи голоса.

медіаціи и гарантіи Русской императрицы, и чтобы подпись ихъ предшествовала ратификаціи договора объ уступкѣ земель. Въ числѣ отдѣльныхъ статей приведены тѣ, которыя упомянуты выше, то-есть сохраненіе примасу всѣхъ его доходовъ и пребываніе его въ Польшѣ; отреченіе Бранденбургскаго дома отъ Радивиловскаго наслѣдства и возвращеніе подлиннаго образа Ченстоховской Богоматери со всѣми его сокровищами.*

Предъ окончаніемъ засѣданія многіе послы потребовали еще, чтобы канцлеры сообщили иностраннымъ министрамъ всѣ угрожающія ноты посланниковъ русскаго и прусскаго, а также и послѣднее письмо Сиверса къ Тышкевичу. На запросъ маршала объ этомъ требованіи послѣдовала троекратная *згода* палаты (то-есть единогласіе безъ вотированія). Очевидно она думала хотя этимъ доказательствомъ насилія оправдать себя въ глазахъ Европы. Затѣмъ литовскій подканцлеръ Платеръ, по порученію короля, закрылъ засѣданіе до середы или до 4го сентября. Былъ уже четвертый часъ утра, когда послы начали расходиться изъ сеймовой залы.

Составляя подробное донесеніе о послѣднихъ засѣданіяхъ сейма, Яковъ Ѳеимовичъ прибавляетъ: „Приходилось произносить угрозы и жесткія слова, когда сердце стремится къ умѣренности и благотворительности относительно слабаго. Вчерашняя нота едва произвела свое дѣйствіе, — и то только съ помощью двухъ баталіоновъ, которые окружили зáмокъ“. Онъ выражаетъ далѣе надежду что прусскій министръ подпишетъ договоръ, хотя добавочные пункты причиняютъ ему досаду. Надежду эту онъ основываетъ на трехъ послѣднихъ письмахъ Мёллендорфа, которыя скорѣе похожи на жалобы чѣмъ на угрозы. Если Бухгольцъ не подпишетъ, во всякомъ случаѣ онъ, то есть Сиверсъ, не согласится на вступленіе Пруссаковъ въ Краковское и Сендомірское воеводства и заставитъ своего товарища подождать новыхъ инструкцій отъ обоихъ участвующихъ въ раздѣлѣ дворовъ.

Въ тотъ же день (3го сентября нов. ст.) Сиверсъ пишетъ своей старшей дочери: „Что должна была бы ты чувствовать при видѣ этого несчастнаго города! Каковы были мои чувства, когда я цѣлыхъ двѣнадцать часовъ держалъ въ заперти короля вмѣстѣ съ сеймомъ, и когда отдавалъ Раутенфельду приказъ не выпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не дадутъ согласія на подпись своего собственнаго несчастія! Вотъ тутъ

* *Korrespondent*, 1517.

есть что̀ читать: четыре ноты въ теченіе пяти дней, и однако Пруссакъ все еще недоволенъ."

Не задолго до знаменитаго засѣданія 22го августа (2го сентября) Сиверсъ получилъ отъ императрицы благосклонный рескриптъ (отъ 11го августа), въ которомъ она одобряла его поведеніе и поощряла поддерживать Поляковъ въ вопросѣ о границахъ и о коммерческомъ трактатѣ съ Пруссіей. А спустя недѣлю послѣ этого засѣданія онъ получилъ другой рескриптъ (отъ 23го августа). Екатерина хвалила его способъ посредничества между сеймомъ и Бухгольцомъ, и подтвердила, чтобъ онъ употребилъ все свое вліяніе для заключенія прусскаго договора, не прибѣгая къ насилію. Въ это время ей было неизвѣстно что наканунѣ ея посланникъ уже прибѣгъ къ насилію; но изъ слѣдующаго рескрипта (отъ 7го сентября) видимъ что она желала предупредить насиліе со стороны не Россіи, а Пруссіи. Императрица снова одобряетъ образъ дѣйствія своего посланника, и именно за то что онъ не допускаетъ Пруссаковъ исполнить ихъ угрозу, то-есть занять еще два воеводства. Теперь главная задача русскаго посланника полагалась въ томъ чтобы заключить между Польшей и Россіей союзный и торговый трактатъ. Но Екатерина предупреждаетъ Сиверса, чтобъ онъ подождалъ съ этимъ трактатомъ, пока не подписана уступка земель отходящихъ къ Пруссіи: иначе сеймъ еще болѣе будетъ противиться такой уступкѣ, опираясь на союзъ, и мы оказались бы въ печальной необходимости начать этотъ союзъ принудительными мѣрами въ пользу прусскихъ требованій. „Если договоръ съ Пруссіей, прибавляетъ рескриптъ, еще не заключенъ, употребите все ваше́ вліяніе чтобъ его ускорить."

Вмѣсто благодарности за энергическія мѣры употребленныя русскимъ посланникомъ чтобы вырвать у сейма согласіе на уступку провинцій, Бухгольцъ изъявилъ свое неудовольствіе на тѣ статьи, которыя были прибавлены къ этой уступкѣ. На слѣдующій день послѣ достопамятнаго засѣданія Сиверсъ говорилъ съ нимъ цѣлые три часа и убѣждалъ его подписать договоръ въ томъ видѣ въ какомъ онъ рѣшенъ наканунѣ сеймомъ. Но Бухгольцъ никакъ не соглашался на добавочныя статьи, тѣмъ болѣе что не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ полномочій. Онъ просилъ согласія на занятіе Пруссаками обоихъ воеводствъ. Сиверсъ отказалъ наотрѣзъ. Снова началась переписка о томъ же предметѣ съ Мёллендорфомъ,

который ссылался на приказанія своего короля о немедленномъ исполненіи угрозы, если сеймъ окажетъ сопротивленіе. Опять открылся рядъ конференцій между депутаціей и прусскимъ посланникомъ въ присутствіи Сиверса, который употреблялъ всѣ усилія чтобы привести къ соглашенію обѣ стороны.

Въ письмахъ къ дочерямъ Сиверсъ часто жалуется на свое тягостное положеніе, особенно на то что онъ принужденъ употреблять жестокія мѣры противъ Поляковъ въ пользу чужаго для него Прусскаго короля. Иногда онъ слегка трунитъ надъ собою, напримѣръ въ родѣ того что онъ сдѣлался сочинителемъ нотъ, но только не музыкальныхъ. Изъ тѣхъ же писемъ мы узнаемъ что посреди самой тревожной дѣятельности Яковъ Ѳеимовичъ попрежнему освѣжаетъ себя пріятнымъ пѣніемъ графини Камелли, съ акомпаниментомъ гитары графа Морелли, присутствуетъ на разныхъ празднествахъ или самъ даетъ банкеты.

7го сентября (нов. ст.) посланникъ устроилъ у себя балъ и большой ужинъ на 150 особъ въ честь Станислава Августа, такъ какъ это былъ день его избранія. Замѣчательны при этомъ родительская нѣжность Якова Ѳеимовича и неоднократное совпаденіе офиціальныхъ торжествъ съ его семейными праздниками. Увѣдомляя младшую дочь о пиршествѣ, онъ прибавляетъ что втайнѣ праздновалъ не день королевскаго избранія, а день рожденія своей возлюбленной Катеньки (тоесть старшей дочери). На этомъ праздникѣ повторенъ былъ тотъ же спектакль который давался по поводу дня рожденія Якова Ѳеимовича; только перемѣнили нѣсколько словъ чтобы вмѣсто его имени вставить имя короля. Говоря о праздникѣ, Яковъ Ѳеимовичъ по обыкновенію не упускаетъ случая упомянуть объ „увлекательномъ голосѣ“ графини Камелли. Мимоходомъ замѣтить, онъ однако не даетъ намъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой графинѣ. Въ одномъ только письмѣ упоминается, что графиня хлопочетъ о помѣщеніи своего брата, который желаетъ вступить въ русскую службу. Изъ другаго документа, именно изъ записки секретаря Фриза, поданной Станиславу Августу, видно, что русскій посланникъ рекомендовалъ особому покровительству короля „по истинѣ несчастную графиню“, и что ея отецъ и мужъ пользовались королевскими милостями. По словамъ этой записки, посланникъ желалъ бы, чтобы король удѣлилъ графинѣ

изъ полученныхъ имъ денегъ тысячи двѣ дукатовъ; тогда она могла бы, довольная и счастливая, воротиться къ своему мужу; а что касается до ея брата, Сиверсъ намѣренъ отправить его въ Петербургъ, снабдивъ хорошею рекомендаціей. *

На слѣдующій день, 8го сентября, былъ концертъ кларнетистовъ въ театрѣ и опять ужинъ у русскаго посланника. А 11го сентября (30го августа), въ день Александра Невскаго, графъ Николай Зубовъ давалъ балъ и большой концертъ съ участіемъ италіянской труппы проѣзжавшей въ Петербургъ. Около того же времени наступили празднества установленныя въ память Ясскаго мира съ Турціей. Императрица въ манифестѣ, подписанномъ ею 12го іюля 1793 года, связываетъ этотъ миръ съ присоединеніемъ новыхъ провинцій отъ Польши, которое прямо называетъ *возвращеніемъ нашего древняго достоянія.* Она повелѣваетъ принести торжественное благодареніе Богу за Ясскій миръ въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ губерніяхъ 2го сентября; а въ отдаленныхъ—тотчасъ по полученіи манифеста; ** Сиверсъ велѣлъ отпечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ его въ переводѣ на польскій языкъ и распространить во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой. Въ Варшавѣ обнародованіе манифеста происходило 2го (13го) сентября и сопровождалось, кромѣ молебствія, пушечною пальбой, иллюминаціей и фейерверкомъ. А въ Гроднѣ Яковъ Ефимовичъ 5го (16го) сентября далъ у себя великолѣпный балъ и угощеніе на 200 особъ. Если вѣрить его донесенію, адресованному на имя Зубова, манифестъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Поляковъ, и на балу ему много разъ слышались слова: „Зачѣмъ не взяли и насъ!"

XII.

Депутація для формы правительства. — Распущеніе Тарговицы. — Отказъ Пруссіи утвердить договоръ съ добавленіями. — Арестъ четырехъ пословъ. — Нѣмое засѣданіе. — Подпись прусскаго договора.

Послѣ бурныхъ преній объ уступкѣ земель главное вниманіе Гродненскаго сейма сосредоточилось на вопросахъ внутренней политики. Вопервыхъ, снова поднятъ вопросъ о

---

* *Blum.* III. 372.
** *П. С. З.* т. XXIII.

несостоятельныхъ банкирахъ. По представленному реэстру долговъ, оказалось что банкъ Теплера долженъ 60 милліоновъ злотыхъ, кіевскаго воеводы Прота Потоцкаго 90 милліоновъ, Кабра слишкомъ 20 и т. д. Вся масса банковыхъ долговъ простиралась до 250 милліоновъ польскихъ злотыхъ, что̀ далеко превышало сумму наличной монеты въ странѣ. Такое огромное банкрутство повлекло за собою разореніе множества лицъ которыя ввѣрили банкамъ почти все свое состояніе. Въ засѣданіи 25го августа (5го сентября) рѣшено назначить особую судную коммиссію для разбора этого дѣла. Въ томъ же засѣданіи каштелянъ смоленскій Суходольскій, единственный изъ наличныхъ въ Гроднѣ сенаторовъ явно примыкавшій къ оппозиціи, выступилъ въ пространной рѣчи противъ обвиненія Поляковъ въ якобинствѣ, которое русскій и прусскій посланники повторяютъ въ своихъ официальныхъ актахъ. Онъ предложилъ подать иностраннымъ министрамъ отвѣтную ноту по этому поводу. Предложеніе его принято единогласно. *

На слѣдующій день подскарбій литовскій Огинскій, конечно по предварительному соглашенію съ русскимъ посланникомъ, предлагаетъ палатѣ перейти къ рѣшенію его проекта о назначеніи особой депутаціи для пересмотра формы правительства (formy rządu). Этотъ проектъ былъ представленъ имъ еще въ засѣданіи 13го (24го) іюля. ** Но Огинскаго перебиваетъ Цемневскій, который требуетъ рѣшенія своему проекту, также давно имъ представленному, именно: о задержаніи пенсіи начальникамъ Тарговицкой конфедераціи, отсутствующимъ изъ края, то-есть двумъ гетманамъ, Браницкому и Ржевускому, и генералу коронной артиллеріи Щенсному-Потоцкому. Нѣкоторые изъ членовъ этой конфедераціи поспѣшили снова замять вопросъ о проектѣ Цемневскаго и потребовали чтобы прежде былъ рѣшенъ проектъ внесенный

---

* Нота была подана, но осталась безъ отвѣта. Сиверсъ говоритъ о ней: „Она очень хорошо написана; но я не отвѣчалъ на нее, это повело бы только къ спорамъ портящимъ кровь и замедляющимъ теченіе дѣлъ. Ибо тѣмъ не менѣе справедливо что этотъ духъ (якобинства) существуетъ, къ несчастію Польши, и особенно въ Варшавѣ.“ (Депеша № 63.)

** Въ томъ же засѣданіи, 24го іюля, Огинскій благодарилъ короля за свое подскарбство; при чемъ самъ выразился что онъ въ первый разъ говоритъ на этомъ сеймѣ (*Korresp.* 1.317). Но въ мемуарахъ своихъ онъ совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Огинскимъ, что подало оппозиціи поводъ произнести нѣсколько сильныхъ рѣчей противъ магнатовъ, которые своимъ пренебреженіемъ къ законамъ страны и угнетеніемъ слабыхъ сгубили отчизну.

Однако, когда дошло дѣло до голосованія, большинство рѣшило прежде дать ходъ проекту Огинскаго. Прочли этотъ проектъ. Затѣмъ послѣдовали еще долгіе споры о разныхъ его пунктахъ, именно: изъ сколькихъ членовъ должна состоять депутація? кто долженъ назначать этихъ членовъ, король или изба? и т. д.

Наконецъ проектъ Огинскаго, подвергшійся нѣкоторымъ поправкамъ, утвержденъ сеймомъ. Содержаніе его слѣдующее:

Предыдущія бѣдствія и анархія, въ которыя была ввержена Польша, заставляютъ короля и сеймъ позаботиться объ устройствѣ твердаго, свободнаго правительства. Съ этою цѣлію назначается особая депутація, которая займется устройствомъ судовъ и земскихъ урядовъ, а въ особенности войска и финансовъ. Она будетъ состоять изъ четырехъ министровъ, по два отъ короны и Литвы, изъ трехъ сенаторовъ и изъ 12ти пословъ, по четыре отъ каждой провинціи; кромѣ того, сеймовый маршалъ участвуетъ въ депутаціи въ силу своей должности. Сенаторовъ и министровъ назначитъ король, а пословъ изба. Всякій обыватель можетъ подавать депутаціи свои проекты, но съ тѣмъ чтобы въ нихъ не было ничего относящагося къ интересамъ частнымъ. Депутація вырабатываетъ свои положенія не decisive, а только proective, и должна представлять ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе сейма.*

Когда въ слѣдующемъ засѣданіи, 29го августа (9го сентября), приступили къ выбору членовъ новой депутаціи и роздали для этого билеты, оказалось что на каждомъ билетѣ было написано имя того посла которому онъ вручался. Оппозиція тотчасъ подняла шумъ, и многіе побросали билеты на землю, говоря что такія надписи были сдѣланы по желанію русскаго посланника, чтобы знать за кого каждый посолъ будетъ подавать голосъ. И конечно, они не ошибались. На упреки обращенные къ сеймовому маршалу послѣдній отвѣчалъ, что имена написаны просто для порядка при раздачѣ билетовъ. Но подобныя оправданія вызвали противъ него еще большія нареканія. На требованіе новыхъ билетовъ онъ

* *Коггевр.* 1.355.

замѣтилъ что у него есть только 200 отпечатанныхъ экземпляровъ, изъ нихъ 130 отмѣчены именами, и безъ подписей остается только 70. Послѣ многихъ споровъ рѣшено смѣшать тѣ и другіе билеты и раздать ихъ не обращая вниманія на подписи. Результатъ неудачи съ написанными билетами былъ тотъ что въ числѣ 12ти пословъ выбранныхъ въ депутацію, третья часть оказалась изъ среды оппозиціи.*

Депутація составленная для пересмотра государственныхъ учрежденій была не что иное какъ простая формальность. Никакихъ серіозныхъ работъ ей не предстояло. Новая польская конституція была уже готова. Въ общихъ чертахъ она была составлена въ Петербургѣ, а надъ подробностями ея, какъ мы знаемъ, Сиверсъ работалъ съ самаго начала своей миссіи. Мы знаемъ также, что главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ графъ Мошинскій. Обстоятельства эти ни для кого не были тайной, и оппозиція, конечно, не прошла ихъ молчаніемъ на сеймѣ.

На засѣданіи 31го августа (11го сентября) Микорскій позволилъ себѣ выразиться такимъ образомъ: „Доселѣ я думалъ что доблесть Поляковъ находится только въ усыпленіи, но при случаѣ покажетъ себя. Теперь вижу что я ошибался. Они совершенно похожи на тѣ китайскія пагоды, которыя ставятъ на каминахъ и которыя киваютъ головой при всякомъ прикосновеніи къ пружинѣ. Точно такимъ образомъ Рѣчь Посполитая киваетъ по мановенію проконсула, который предписываетъ при всякомъ случаѣ свою волю или волю своей государыни.“ Ораторъ указывалъ на то что дальнѣйшія засѣданія совершенно излишни, что пусть русскій посланникъ немедленно подастъ что хочетъ на утвержденіе сейма; ибо во всякомъ случаѣ за нимъ большинство. Оратору особенно понравилось названіе проконсула, и онъ въ теченіе своей рѣчи повторилъ его разъ двадцать. Микорскаго поддержали пять или шесть господъ изъ оппозиціи, которые, по

* Вотъ имена избранныхъ: отъ Малой Польши—Янковскій, Рачинскій, Пудавскій и Міончинскій; отъ Великой—Остророгъ, Скаржинскій, Оборскій и Скарбекъ; отъ Литвы—Годачевскій, Кимбаръ, Лопотъ и Снарскій. Король назначилъ отъ сената епископа Масальскаго, каштеляновъ Оборскаго и Ожаровскаго, а изъ министровъ великаго короннаго маршала Мошинскаго, великаго короннаго канцлера Сулковскаго, литовскаго подскарбія Огинскаго и польнаго литовскаго гетмана Забѣллу.

словамъ Сиверса, „вмѣстѣ пообѣдали и явились въ засѣданіе навеселѣ“. Одинъ изъ нихъ, Суфчинскій, имѣвшій „голосъ Стентора“, въ особенности потѣшалъ собраніе; онъ принимался говорить болѣе десяти разъ, и „почтенный ареопагъ смѣялся отъ всего сердца“. Даже Шидловскій, товарищъ ихъ по убѣжденіямъ, былъ возмущенъ этими неприличіями и предложилъ перенести засѣданія опять на утренніе часы. Предложеніе его впрочемъ не было принято.

На слѣдующій день Цемневскій снова принялся громить магнатовъ, какъ причину всѣхъ бѣдствій республики. На этотъ разъ онъ добился того что его проектъ, снабженный разными поправками, былъ наконецъ утвержденъ: министрамъ и всѣмъ урядникамъ, находящимся въ краѣ, но не отправляющимъ своихъ урядовъ, а тѣмъ болѣе пребывающимъ за границей, запрещено уплачивать пенсіи изъ государственной казны. Здѣсь не указывается прямо на бывшихъ вождей Тарговицы; но они очевидно подразумѣваются.

Выходки оппозиціи противъ этихъ вождей выдвинули впередъ вопросъ о генеральной конфедераціи, которая все еще продолжала существовать рядомъ съ Гродненскимъ сеймомъ, и такимъ образомъ представляла ненормальное явленіе двухъ верховныхъ властей, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Тарговицкая конфедерація уже исполнила все что̀ отъ нея требовалось, и дальнѣйшее ея существованіе оказывалось излишнимъ. Мы знаемъ, что Сиверсъ уже давно и неоднократно получалъ отъ императрицы не только разрѣшеніе, но и порученіе отмѣнить эту конфедерацію; но что онъ ограничивался пока отсрочкой ея засѣданій и сокращеніемъ ея дѣятельности, оберегая ее на крайній случай, напримѣръ на случай внезапнаго разрыва сейма. Мы знаемъ также, что о сохраненіи Тарговицы болѣе всѣхъ хлопотали Коссаковскіе, и посланникъ уступалъ ихъ внушеніямъ тѣмъ легче, что они пользовались покровительствомъ Платона Зубова; а братъ его Николай, бывшій въ то время въ Гроднѣ, явно находился съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но интригами своими Коссаковскіе продолжали выводить изъ терпѣнія Якова Ефимовича. Съ помощію своей многочисленной партіи они старались проводить виды иногда совершенно несогласные съ видами Сиверса. Вопреки его ограниченіямъ, они безъ всякой совѣсти продолжали именемъ конфедераціи выдавать

судебные декреты, клонившіеся къ обогащенію ихъ сторонниковъ и къ утѣсненію людей невинныхъ; подобные декреты, конечно, порождали множество жалобъ. Ихъ скрытая оппозиція русскому посланнику еще усилилась вслѣдствіе того, что они не попали въ члены (жондовой) депутаціи. Напримѣръ, договоръ съ Пруссіей еще не былъ заключенъ, а Сиверсу донесли, что вліяніе Коссаковскихъ ставитъ разныя препятствія этому договору. Все это заставило его покончить съ Тарговицей и сосредоточить весь высшій авторитетъ въ рукахъ сейма.*

Яковъ Еѳимовичъ предварительно отобралъ на этотъ счетъ мнѣнія наиболѣе довѣренныхъ лицъ и поручилъ имъ составить проекты. Ему было представлено пять или шесть разныхъ записокъ, которыя онъ передалъ съ собственными замѣтками своей правой рукѣ, великому коронному маршалу графу Мошинскому. Послѣдній составилъ изъ нихъ одинъ проектъ, долженствовавшій поступить на утвержденіе сейма.

3го (14го) сентября посланникъ, страдавшій небольшою лихорадкой, собралъ у своей постели двѣнадцать польскихъ друзей чтобы вмѣстѣ съ ними обсудить проектъ и тѣ мѣры, съ помощью которыхъ надобно было привести его въ исполненіе. Недоставало двухъ членовъ этого тайнаго совѣта: гетмана Коссаковскаго и Пулавскаго, не явившихся подъ предлогомъ болѣзни. Начались пренія. Епископъ Коссаковскій и польный гетманъ Забѣлло совѣтовали сохранить генеральную конфедерацію до конца сейма; а Мошинскій, оба канцлера, то-есть Сулковскій и Платеръ, оба подскарбія, Огинскій и Залускій, региментарій Ожаровскій, сеймовый маршалъ Бѣлинскій, послы Анквичъ и Міончинскій подали голосъ за

---

* Огинскій съ обычнымъ хвастовствомъ разказываетъ что распущеніе конфедераціи было собственно его дѣломъ. Онъ, желая избавить Литву отъ неправдъ и грабительствъ чинимыхъ Коссаковскими, сговорился съ Тышкевичемъ и Мошинскимъ, и они общими силами налегли на русскаго посланника, доводя до него ежедневно горькія жалобы на дѣйствія конфедератовъ. Такимъ образомъ они втроемъ сильно возбудили его противъ Тарговицы; тогда Сиверсъ сдѣлалъ представленія императрицѣ и получилъ отъ нея приказъ распустить конфедерацію (9я глава). Очевидно, воспоминанія Огинскаго преувеличиваютъ его вліяніе и повидимому не знаютъ, что посланникъ давно имѣлъ означенный приказъ. Въ разказѣ о распущеніи генеральной конфедераціи мы слѣдуемъ исключительно депешамъ Сиверса.

немедленное распущеніе. Послѣ многихъ споровъ пришли наконецъ къ рѣшенію: завязать новую генеральную конфедерацію изъ всѣхъ членовъ настоящаго сейма, ограничивъ его срокъ концомъ октября, и кромѣ того назначить депутацію для изслѣдованія жалобъ на декреты распущенной конфедераціи.

Послѣ того Сиверсъ письмомъ извѣстилъ короля о принятомъ рѣшеніи; а Мошинскій представилъ ему подробный отчетъ о томъ же предметѣ. Король казался очень доволенъ этимъ рѣшеніемъ и поручилъ благодарить посланника.

Въ воскресенье, 4го (15го) сентября, согласно съ условленнымъ планомъ дѣйствія, сенаторы и министры, вмѣстѣ съ довѣренными послами, явились въ королевскій замокъ въ 5 часовъ пополудни. Они попросили аудіенціи, и, посредствомъ епископа Масальскаго, заявили королю желаніе чтобы Тарговицкая конфедерація была распущена и замѣнена новою, Гродненскою конфедераціей. Міончинскій представилъ актъ этой новой конфедераціи, который и былъ немедленно прочитанъ Воловичемъ, референдаріемъ великаго княжества Литовскаго. Король отвѣчалъ что онъ никогда не отдѣляетъ себя отъ народа и немедленно подписалъ актъ. Всѣ наличные сенаторы и министры, въ числѣ 10, подписали вслѣдъ за королемъ. Только епископъ Коссаковскій, очевидно недовольный распущеніемъ Тарговицы, въ первую минуту отказался отъ подписи, замѣтивъ почему-то, что онъ можетъ это сдѣлать только послѣ рыцарскаго сословія; но когда съ десятокъ пословъ подписали, онъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Затѣмъ подписалось еще десятка два пословъ; такъ что всего набралось 41 подпись. Пулавскому и гетману Коссаковскому отнесли актъ на домъ. Первый тотчасъ подписалъ; а второй обѣщалъ это сдѣлать, когда ему будетъ лучше. Сиверсъ, чрезъ барона Бюлера, велѣлъ ему сказать что отниметъ у него гетманство, если онъ не подпишетъ: будучи въ состояніи подписывать письма, онъ очень хорошо можетъ подписать актъ. *

На слѣдующее утро остальные послы явились къ князю-епископу Масальскому, и подписали актъ. Но при этомъ не

---

* Но изъ донесенія отъ 6го (17го) сентября, адресованнаго на имя Зубова, видно что гетманъ Коссаковскій еще не подписалъ; вѣроятно, онъ сдѣлалъ это позднѣе. Король въ письмѣ къ Букатому замѣчаетъ что Коссаковскіе употребляли всѣ способы отдалить распущеніе Тарговицы. (*Documenta do Hist. 2go i 3go podziału.* **259.**)

обошлось дѣло безъ ребячества со стороны оппозиціи. Въ то время какъ нѣкоторые изъ нихъ занимали епископа разговорами, другіе имѣли возможность прибавить къ своимъ подписямъ разнаго рода условія, сводившіяся болѣе или менѣе къ сохраненію въ цѣлости границъ Рѣчи Посполитой. * Эта продѣлка раздосадовала Сиверса, и онъ былъ въ затрудненіи какимъ образомъ прочесть на сеймѣ актъ снабженный подобными замѣтками. Однако дѣло обошлось очень просто. Въ тотъ же день, то-есть 5го (16го) сентября, въ сеймовомъ засѣданіи, Бѣлинскій произнесъ длинную рѣчь о неудобствахъ бывшаго раздвоенія власти и о счастливомъ соединеніи ея теперь въ рукахъ новой конфедераціи. Затѣмъ прочли актъ ея безъ подписей. Король поблагодарилъ собраніе за нѣкоторыя возвращенныя ему прерогативы, и закрылъ засѣданіе.

Вотъ сущность акта новой, Гродненской, конфедераціи:

Такъ какъ нація достигла надлежащей степени спокойствія чтобы снова взять на себя отправленіе верховной власти, поэтому она развязываетъ Тарговицкую конфедерацію, и юрисдикцію ея объявляетъ недѣйствительною, начиная съ перваго ближайшаго октября. Всѣ акты этой конфедераціи пусть будутъ сданы въ государственные архивы. Составленные ею приговоры (sancita) должны быть исполнены; но настоящему и будущимъ сеймамъ предоставляется право измѣнить ихъ или отмѣнить совершенно. Назначается особая коммиссія для того чтобы собрать всѣ жалобы возникшія противъ этихъ приговоровъ и довести ихъ до свѣдѣнія сейма. Новой конфедераціи поручается охраненіе католической религіи, вольности и самодержавія народнаго, республиканской формы правленія, королевскихъ прерогативъ, и неприкосновенности настоящаго владѣнія какъ имуществомъ, такъ и должностями. Возстановляются земскіе суды въ томъ видѣ въ какомъ они существовали до 1788 года, и будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ дѣйствіе преобразующаяся теперь конституція. Срокомъ настоящаго сейма, который будетъ продолжаться съ тѣмъ же маршаломъ во главѣ, полагается 31ое октября. Королю на это время возвращается власть назначить членовъ разныхъ учрежденій и коммиссій. **

* См. въ *Korrespondent* 1637 стр. Такихъ условныхъ подписей встрѣчаемъ до 23; вмѣстѣ съ актомъ, онѣ внесены въ земскія книги Гродненскаго повѣта.

** *Korrespondent*, 1603.

Такимъ образомъ окончилась знаменитая Тарговицкая конфедерація, успѣвшая въ теченіе своего шестнадцатимѣсячнаго существованія возбудить противъ себя столько ненависти и презрѣнія.

Въ донесеніи своемъ отъ 6го (17го) сентября, адресованномъ на имя графа Зубова, Сиверсъ говоритъ: „Интересно видѣть, какой тонъ приметъ сеймъ съ завтрашняго засѣданія.“ Выразившееся въ этихъ словахъ опасеніе оказалось весьма основательнымъ. Въ засѣданіи слѣдующаго дня оппозиція дала полную волю своему языку въ нападкахъ на бывшую Тарговицкую конфедерацію. Болѣе всѣхъ отличился Краснодембскій. Онъ самыми черными красками изобразилъ главныхъ ея участниковъ и связи ихъ съ Россіей, которая распустила ее какъ болѣе „ненужную для своихъ видовъ“. Нѣкоторыя оскорбленныя лица, и въ томъ числѣ епископъ Коссаковскій, обратились послѣ того къ Сиверсу съ жалобой. Послѣдній хотѣлъ было арестовать Краснодембскаго, и велѣлъ изготовить грозную ноту, въ которой требовалъ подвергнуть его сеймовому суду. По обыкновенію, онъ сообщилъ ее предварительно королю. Станиславъ-Августъ началъ усильно просить посланника отмѣнить свое рѣшеніе, увѣряя его что слѣдующее засѣданіе будетъ спокойно. Сиверсъ уступилъ, но подъ условіемъ подать эту ноту, если кто изъ оппозиціи снова позволитъ себѣ декламировать противъ распущенной конфедераціи. Дѣйствительно, засѣданіе 8го (19го) сентября шло тихо, что̀ ясно показывало нѣкоторое вліяніе короля на оппозицію. Засѣданіе уже оканчивалось, когда Шидловскій потребовалъ голоса, а Бѣлинскій неосторожно далъ ему этотъ голосъ. Тогда онъ разразился сильнѣйшею филиппикой противъ старой конфедераціи; но не ограничился ею, а напалъ и на новую, то-есть Гродненскую. Онъ назвалъ послѣднюю просто толпою, которая въ одно изъ воскресеній внезапно приступила къ королю и принудила его подписать преступный актъ этой конфедераціи. Вся палата встала и потребовала чтобъ ораторъ былъ подвергнутъ суду. Но король началъ увѣщевать Шидловскаго чтобъ онъ просилъ прощенія. Тотъ послушался его увѣщаній, и палата оказала снисхожденіе виновному.

Тѣмъ не менѣе Сиверсъ послѣ того хочетъ исполнить свою угрозу, какъ вдругъ изъ Берлина прискакалъ отъ Алопеуса курьеръ съ извѣстіемъ о рѣшительномъ отказѣ министерства согласиться на добавочные пункты въ прусскомъ договорѣ.

Усилія русскаго посланника довести прусскаго товарища до согласія подписать проектъ договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ утвержденъ на засѣданіи 2го сентября, казалось, имѣли нѣкоторый успѣхъ; по крайней мѣрѣ Пруссаки уступили по вопросу о демаркаціонной линіи. Фридрихъ Вильгельмъ изъ своей главной квартиры въ Эдингхофенѣ написалъ Мёллендорфу, отъ 4го сентября, чтобъ онъ, для сохраненія согласія съ Русскими, держался границъ назначенныхъ Петербургскою конвенціей. Въ своей депешѣ отъ 28го августа (8го сентября) Сиверсъ увѣдомляетъ что при его посредствѣ на конференціяхъ депутаціи съ прусскимъ министромъ почти улажены четыре добавочныя статьи, именно: о примасѣ, о наслѣдствѣ Радивилловъ, о русской медіаціи и гарантіи въ торговомъ трактатѣ, и о мадоннѣ Ченстоховской; но что пятый пунктъ (чтобы ратификаціи договора предшествовало заключеніе торговаго трактата) составляетъ предметъ колебанія. Въ то же время Сиверсъ сообщилъ Алопеусу о положеніи дѣлъ въ Гроднѣ и старался всѣми мѣрами оправдать допущеніе прибавочныхъ статей (аннексовъ): только съ ихъ помощью проектъ договора былъ принятъ въ засѣданіи 2го сентября; а безъ нихъ „былъ бы недѣйствителенъ и громкій приказъ, запрещавшій отлагать засѣданіе или выходить кому-либо изъ залы“. Несогласіе Пруссіи подписать договоръ замедляетъ дѣло, а Поляки рады всякому замедленію; они надѣются на перемѣну въ обстоятельствахъ и даже на взрывъ народный, если Пруссаки займутъ еще два воеводства. Всѣ подобные доводы Алопеусъ, конечно, долженъ былъ сообщить прусскому министерству.

Прусскій посланникъ продолжалъ между тѣмъ переговоры объ аннексахъ, но въ видѣ проектовъ, а окончательно ни на что не рѣшался. Напрасно Сиверсъ торопилъ его подписью договора. Бухгольцъ даже началъ отказываться и отъ тѣхъ статей на которыя нѣсколько дней назадъ готовъ былъ согласиться; онъ объявилъ что подождетъ послѣднихъ приказаній отъ своего двора. Объясненія между двумя посланниками все болѣе и болѣе принимали недружелюбный характеръ. Бухгольцъ не скрывалъ своего огорченія на совершенную потерю прусскаго вліянія въ Польшѣ. А Сиверсъ уже прямо объявилъ ему, что „Польша должна находиться въ зависимости отъ

Россіи, потому что имѣетъ нужду въ ея покровительствѣ противъ Пруссіи по отношенію къ своей торговлѣ.“ *

Вечеромъ 5го (16-го) сентября въ Гродно прибылъ гонецъ съ письмомъ отъ Мёллендорфа. Прусскій главнокомандующій выражалъ большое безпокойство по слѣдующему поводу: слухъ о предстоявшемъ перенесеніи чудотворнаго образа привелъ въ чрезвычайное волненіе толпы народа собравшагося около Ченстохова чтобы праздновать день Рождества Богородицы. Фельдмаршалъ принужденъ былъ лично отправиться туда и двинуть войско чтобы предупредить безпорядки. Онъ напомнилъ что еще при самой капитуляціи Ченстохова честью обязался въ неприкосновенности образа и его сокровищъ, и если его обѣщаніе будетъ нарушено, то онъ предпочтетъ сложить съ себя командованіе. Сообщая о томъ своему двору, Сиверсъ думаетъ устранить этотъ пунктъ обратясь за рѣшеніемъ дѣла къ папѣ, который, по всей вѣроятности, оставитъ образъ на прежнемъ мѣстѣ. Къ папѣ однако не пришлось обращаться, потому что рѣшимость прусскаго короля вскорѣ положила конецъ всѣмъ спорамъ объ аннексахъ.

Замедленіе прусско-польскаго договора въ Гроднѣ и начавшееся вслѣдствіе того охлажденіе между двумя участвовавшими въ раздѣлѣ дворами, оказали сильную поддержку тѣмъ изъ приближенныхъ Фридриха-Вильгельма, которые несочувствовали его дѣятельному участію въ коалиціи противъ Франціи и старались обратить его главное вниманіе на пріобрѣтенія отъ Польши. Представителемъ этого направленія въ свитѣ короля былъ его дипломатъ Луккезини, а изъ министровъ прусскихъ сильнѣе другихъ высказывался въ томъ же смыслѣ Альвенслебенъ. ** Донесенія Бухгольца о тайномъ противодѣйствіи Русскаго двора и непріятныхъ прибавленіяхъ къ трактату, а также его представленія о необходимости личнаго вмѣшательства короля въ польско-прусскія переговоры поколебали упорство Фридриха Вильгельма, не желавшаго разстаться со своею рейнскою арміей. Къ тому же Австрія,

* Письмо къ Зубову отъ 28го августа (8го сентября). О подобномъ заявленіи свидѣтельствуетъ и донесеніе Бухгольца своему двору. См. *Deutsche Geschichte*, von Häusser. I. 512.

** См. его записку королю противъ политики Шуленбурга, который старался увлечь Фридриха Вильгельма въ войну съ Франціей. Hermann. 404.

терявшая надежду на столь желанное вознагражденіе въ Баваріи, въ это время снова выступила съ требованіемъ участія въ раздѣлѣ Польши. Фридрихъ рѣшился наконецъ погрозить своимъ союзникамъ отдѣленіемъ отъ коалиціи. 18го сентября онъ увѣдомилъ прусскаго главнокомандующаго на Рейнѣ герцога Браунштейгскаго о намѣреніи своемъ съ частью его войскъ двинуться къ предѣламъ Польши. Въ то же время онъ увѣдомилъ герцога Кобургскаго, предводителя австрійскихъ войскъ, что послѣднія событія въ Гроднѣ понуждаютъ его заняться своими важнѣйшими интересами и лично отправиться въ Польшу; на Рейнѣ же онъ оставитъ столько войска, сколько эти интересы позволятъ отдѣлить для *чуждаго ему дѣла.* При этомъ король указывалъ и на ту непріятную для него роль которую разыгрывалъ дипломатическій представитель Австріи въ Гроднѣ. * Вслѣдъ затѣмъ король дѣйствительно двинулъ съ береговъ Рейна часть своихъ войскъ и далъ приказъ подкрѣпить армію Мёллендорфа новыми полками изъ Пруссіи и Силезіи, чтобы довести ее до 40.000 человѣкъ. Въ то же время онъ послалъ приказъ въ Берлинъ своему министерству, чтобъ оно поручило Бухгольцу склонить сеймъ къ подписи трактата безъ всякихъ добавочныхъ пунктовъ, подъ угрозой немедленнаго вторженія прусскихъ войскъ въ сосѣднія воеводства. 29-го сентября король самъ отправился къ своей восточной арміи. Но въ то время вопросъ о прусско-польскомъ договорѣ былъ уже поконченъ.

Въ виду такихъ рѣшительныхъ демонстрацій, когда уже потеряна была надежда на утвержденіе добавочныхъ статей со стороны Пруссіи, Сиверсъ рѣшился уступить настояніямъ своего прусскаго товарища и снова употребить энергическія мѣры чтобы вырвать у сейма согласіе. 9го (20го) сентября онъ условился съ Бухгольцемъ подать на слѣдующій день ноты, заключавшія одно и то же требованіе немедленнаго и безусловнаго согласія на договоръ объ уступкѣ земель прусскому королю. Русскій посланникъ прибавилъ въ своей нотѣ обѣщаніе употребить всѣ зависящія отъ него средства чтобъ удовлетворить Поляковъ въ вопросѣ о коммерческомъ трактатѣ и ускорить его заключеніе.

Въ тотъ же день Сиверсъ отправилъ Алопеусу письмо, въ которомъ изложилъ въ общихъ чертахъ свою программу

---

* **Häusser. I. 514.**

дѣйствія на ближайшее время. „Я хотѣлъ, пишетъ онъ, чтобы завтра (въ субботу) было экстраординарное засѣданіе въ 10 часовъ утра; но король и министры настаивали на томъ, что эта поспѣшность съ ихъ стороны была бы вредна имъ во мнѣніи сейма. Я согласился чтобы собрались въ назначенное время и прочли бы ноту Бухгольца и мою. Пренія, безъ сомнѣнія, будутъ очень оживлены, такъ какъ льстили себя надеждой, что вопросъ этотъ не воротится уже болѣе на сеймъ. Король предложитъ депутировать ко мнѣ канцлеровъ. А я буду имѣть наготовѣ вторую энергическую ноту, къ которой приложу проектъ конституціи, * ибо ни одинъ членъ сейма не рискнетъ представить ее отъ своего имени. Это новость въ Польшѣ; но всѣхъ страшитъ послѣдній примѣръ Подгорскаго, котораго все еще хотятъ судить. Я велю двумъ баталіонамъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ города, придти съ четырьмя пушками и запереть собраніе. Не знаю еще, долженъ ли я довести насиліе до конца и заставить ихъ завтра же рѣшить вопросъ безъ обсужденія, или дать имъ время до понедѣльника: обыкновенно каждый проектъ переходитъ къ обсужденію на третій день.

„Если небо поможетъ мнѣ выйти изъ этого лабиринта, прибавляетъ Яковъ Ефимовичъ, я отправлюсь отдыхать подъ тѣнью, но только не лавровъ, а родныхъ липъ, въ надеждѣ хотя немного возстановить здоровье, которымъ я здѣсь жертвую и которое долго не выдержитъ.“

Дѣйствительно, все сдѣлалось такъ какъ Сиверсъ говоритъ въ этомъ письмѣ. На слѣдующій день онъ посѣтилъ короля и снова объявилъ ему что надобно покориться необходимости, обѣщая при этомъ сдѣлать все возможное для торговаго трактата. Онъ условился съ нимъ чтобы въ засѣданіи того же дня сеймъ поручилъ канцлерамъ подать русскому посланнику ноту призывающую его къ посредничеству. Засѣданіе было, конечно, довольно бурное. Когда прочли ноты, оппозиція по обыкновенію гремѣла противъ насилія двухъ сосѣднихъ державъ и заклинала своихъ товарищей не уступать прусскимъ требованіямъ. Особенно отличились Краснодембскій, Шидловскій, Микорскій и Скаржинскій, которые не щадили выраженій своего негодованія противъ сосѣдей. Ораторы большинства

* То-есть проектъ новаго постановленія, разрѣшающаго депутаціи подписать прусскій договоръ безъ добавокъ.

не противорѣчили имъ. Представитель русской партіи, графъ Анквичъ, горько жаловался на бѣдствія постигшія отечество и на притѣсненія сильнаго сосѣда. Въ заключеніе своей рѣчи онъ предложилъ подать русскому посланнику отвѣтную ноту съ выраженіемъ удивленія и скорби сословій и съ просьбой взять на себя посредничество чтобъ отвратить отъ Польши новыя бѣдствія. Король поддержалъ Анквича и изъявилъ желаніе немедленно отправить канцлеровъ съ этою нотой къ Сиверсу. Собраніе согласилось. *

Пока въ сосѣдней комнатѣ изготовлялась нота, канцлеръ коронный увѣдомилъ собраніе о результатахъ предложеннаго Суходольскимъ объясненія по поводу мнимаго якобинства Поляковъ. Ни тотъ, ни другой посланникъ не удостоили это объясненіе никакимъ отвѣтомъ. Точно также Бухгольцъ ничего не отвѣчалъ на другую ноту канцлеровъ, въ которой они просили о возвращеніи несправедливо захваченныхъ Пруссаками въ Ченстоховѣ и другихъ мѣстахъ польскихъ пушекъ, аммуниціи, коней и другихъ военныхъ принадлежностей.

Когда нота русскому посланнику была готова и одобрена собраніемъ, король поспѣшилъ закрыть засѣданіе: онъ опасался какихъ-нибудь выходокъ со стороны оппозиціи, къ чему уже дѣлалъ попытку Скаржинскій.

Сиверсъ отложилъ рѣшеніе вопроса до понедѣльника. Но затѣмъ онъ принялъ всѣ мѣры чтобы покончить съ нимъ въ этотъ день, то-есть 12го (23го) сентября. **

---

* Діаріушъ прибавляетъ, что Краснодембскій похвалилъ предложеніе Анквича и потребовалъ отъ него честнаго слова: когда будетъ идти прусская *матерія* противиться ей вмѣстѣ съ *патріотами*. Анквичъ далъ ему руку и завѣрилъ честнымъ словомъ.

** Въ иностранныхъ сочиненіяхъ о Гродненскомъ сеймѣ (напримѣръ, у Блума и Вегнера) говорится, что Сиверсъ въ этомъ случаѣ повиновался только мановенію данному изъ Петербурга. Вегнеръ разказываетъ даже (не указывая источники), что въ воскресенье утромъ, то-есть 11го (22го) сентября, Бухгольцъ посѣтилъ Сиверса и заклиналъ его прибѣгнуть къ насилію, и послѣдній согласился, потому что за часъ до того прибылъ изъ Петербурга курьеръ и привезъ ему приказаніе немедленно принудить сеймъ къ подписи прусскаго договора. Но едва ли тутъ можетъ подразумѣваться упомянутый выше рескриптъ 7го (18го) сентября, гдѣ говорилось: „если договоръ съ Пруссіей еще не заключенъ, употребите все ваше вліяніе чтобъ его ускорить". Этотъ рескриптъ едва ли могъ прибыть изъ Петербурга въ Гродно на четвертый день, такъ какъ обыкновенно курьеры

Якова Еѳимовича извѣстили что нѣкоторые литовскіе послы оставили Гродно и что многіе другіе готовятся сдѣлать то же самое; поэтому онъ въ воскресенье вечеромъ приказалъ разставить пикеты на всѣхъ выходахъ изъ города чтобы никого не пропустить безъ билета или паспорта. Кромѣ того онъ далъ приказъ генералъ-майору Раутенфельду на слѣдующій день рано по утру послать четыре отряда казаковъ чтобъ арестовать и потомъ увезти изъ Гродна четырехъ наиболѣе горячихъ членовъ оппозиціи: Краснодембскаго, Шидловскаго, Микорскаго и Скаржинскаго. Сиверсъ получилъ еще увѣдомленіе что оппозиція намѣрена помѣшать открытію засѣданія и съ этой цѣлію произведетъ шумъ. Въ донесеніи своему двору посланникъ высказываетъ увѣренность что она дѣйствовала такъ по тайному побужденію короля и Коссаковскихъ чтобы протянуть время и разстроить дѣло. *

Въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, городъ принялъ тотъ же воинственный видъ какъ и три недѣли тому назадъ (то-есть 2го сентября). Два баталіона гренадеръ окружили королевскій замокъ, а противъ воротъ его поставлены четыре пушки и при нихъ артиллеристы съ зажженными фитилями.

Когда разнеслась вѣсть объ арестѣ четырехъ пословъ, король неоднократно посылалъ министровъ и своего секретаря къ Сиверсу съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ. Но Яковъ Еѳимовичъ отказалъ наотрѣзъ. Такъ-называемые друзья собрались къ нему на конференцію; только епископъ Коссаковскій не явился на его приглашеніе. Условились о ходѣ предстоящаго засѣданія. Но благодаря оппозиціи, „условія

употребляли около шести дней на этотъ переѣздъ. Извѣстіе объ отказѣ прусскаго министерства согласиться на добавочные пункты пришло въ Гродно 19го или 20го сентября нов. ст., и того же 20го числа (еще за два дня до воскресенья), какъ мы видѣли, Сиверсъ писалъ Алопеусу о своемъ рѣшеніи употребить силу для удовлетворенія Пруссаковъ и не откладывать рѣшеніе далѣе понедѣльника. Притомъ въ корреспонденціи Сиверса мы ничего не находимъ о полученіи особаго рѣшительнаго приказанія въ воскресенье утромъ, а есть только въ письмѣ къ Зубову отъ 14го (25го) сентября слѣдующее выраженіе: „Я долженъ былъ употребить силу чтобъ удовлетворить настоятельнымъ требованіямъ рескриптовъ и покончить съ прусскимъ договоромъ.“ Тутъ, конечно, говорится вообще о предыдущихъ рескриптахъ и инструкціяхъ.

* Депеша № 63.

эти оказались безполезны“, какъ сознается самъ Сиверсъ въ своемъ донесеніи, и пришлось повторить исторію съ Гордіевымъ узломъ.

Послы, собравшіеся въ сеймовой залѣ, угрюмо сидѣли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи засѣданія. Только генералъ Раутенфельдъ, одѣтый въ полную форму, прохаживался посреди царствовавшей тишины.

Когда прибылъ король, маршалъ хотѣлъ открыть засѣданіе и произнесъ обычныя слова: „сессія загоена!“ „Нѣтъ, не загоена, не загоена!“ закричали съ разныхъ сторонъ. Всталъ Гославскій и объявилъ что засѣданіе не можетъ быть открыто, пока не будутъ освобождены четыре арестованные посла. Онъ сослался на законъ, постановленный тѣмъ же самымъ сеймомъ, о недѣйствительности засѣданія, если хотя одинъ изъ членовъ сейма лишенъ свободы на немъ присутствовать. Слова его послужили сигналомъ; тотчасъ же со всѣхъ сторонъ поднялись голоса повторявшіе тотъ же протестъ противъ насилія и требовавшіе освобожденія четырехъ пословъ. *

Крики и замѣшательства продолжались часа два; палата наконецъ приняла предложеніе Міончинскаго отправить депутацію къ русскому посланнику съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ. Король возложилъ это порученіе на двухъ канцлеровъ и сеймоваго маршала. Съ дозволенія Раутенфельда, депутація отправилась. Въ ожиданіи ея возвращенія прошло около двухъ часовъ; палата провела ихъ въ молчаніи; тишина прерывалась только шагами русскихъ офицеровъ, которые время отъ времени входили въ залу для полученія приказаній отъ своего генерала, сидѣвшаго подлѣ трона.

Депутація, явившаяся къ русскому посланнику застала у него Бухгольца и адъютанта Мёллендорфова. Когда она изложила просьбу сейма, Сиверсъ сказалъ, что по справедливости онъ не долженъ былъ бы давать на это никакого отвѣта, такъ какъ засѣданіе не было открыто и слѣдовательно депутація пришла отъ собранія не облеченнаго въ законную

* „Qui le croirait? (пишетъ Сиверсъ въ той же депешѣ № 63). Ce rassemblement de pretendus legislateurs, qui n'avaient plus ni assez d'energie pous vouloir, sinon le bien de leur pays, au moin la cessation de ses malheurs, appelaient à grand cri cette violence, et leur impatience rappellait parfaitement celle de ces bonnes religieuses dont le couvent etait menacé d'être assailli par des mécréans, et qui se disaient ingenuement: mais, ma soeur, quand viendra-t-on donc nous violer.“

форму; притомъ сеймъ не выслушалъ его нотъ, на что посланникъ можетъ смотрѣть какъ на оскорбленіе. Однако онъ оказалъ снисхожденіе и „далъ себѣ трудъ" письменно изложить свое мнѣніе. Сиверсъ собственноручно написалъ сейму ноту, заключавшую отказъ освободить пословъ. Затѣмъ онъ, въ присутствіи депутатовъ, подписалъ паспорты арестованнымъ и назначилъ прогонныя деньги до мѣстъ ихъ отправленія.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда канцлеры воротились въ палату и отдали отчетъ въ своемъ порученіи. Секретарь громогласно прочелъ отвѣтъ Сиверса. Въ немъ говорилось что настоящій поступокъ сейма есть новое оскорбленіе для двухъ союзныхъ дворовъ, такъ какъ сеймъ не позволяетъ открыть засѣданіе, когда извѣстно что отъ русскаго посланника имѣютъ быть прочитаны сегодня двѣ ноты: одна въ отвѣтъ на послѣднюю ноту канцлеровъ, а другая съ объясненіемъ причинъ побудившихъ къ аресту и высылкѣ изъ Гродна четырехъ пословъ. А что касается до нарушеннаго сеймоваго закона, то онъ уже состарился въ уваженіи къ законамъ, и ему приходится напомнить Полякамъ о самомъ первомъ изъ всѣхъ законовъ—объ уваженіи къ государямъ, въ которомъ имъ отказываютъ принципы якобинцевъ и 3го мая.

По прочтеніи этого отвѣта маршалъ сеймовый хочетъ перейти къ чтенію двухъ упомянутыхъ нотъ русскаго посланника; но крики и шумъ не дозволяютъ ему открыть засѣданіе. Со всѣхъ сторонъ слышны голоса: „Нѣтъ болѣе сейма! Нѣтъ засѣданія подъ игомъ насилія!" Члены оппозиціи собираются посрединѣ залы и не допускаютъ секретаря начать чтеніе нотъ. Отъ этой группы отдѣлился Гославскій и объявилъ собранію, что послѣ насильственнаго удаленія четырехъ добродѣтельныхъ гражданъ изъ собранія онъ не можетъ оставаться въ немъ съ честію. Затѣмъ онъ простился съ палатой и вышелъ изъ залы. *

Лобаржевскій предлагаетъ прочесть ноты русскаго посланника чтобъ очистить собраніе отъ обвиненія въ якобинствѣ. Его предложеніе поддерживаютъ послы инфлянтскіе, бельзскіе, волынскіе и закрочимскіе; но оппозиція никоимъ образомъ

* Русская стража, повидимому, не сочла нужнымъ его задержать. Въ оправданіе своего удаленія, Гославскій въ слѣдующемъ 1794 году, на сеймикѣ въ Кельцахъ, 24го февраля, мрачными красками набросалъ очеркъ Гродненскаго сейма. (Вегнеръ. Прилож. VI.)

не соглашается на открытіе засѣданія. * Послѣ долгихъ споровъ собраніе, по предложенію Міончинскаго, выбираетъ среднюю мѣру: прослушать ноты не открывая засѣданія. Секретарь сеймовый читаетъ прежде отвѣтъ Сиверса на поданную ему ноту 10го (21го) сентября о посредничествѣ и заступничествѣ. Посланникъ ничего другаго не можетъ сказать сословіямъ, какъ только пригласить ихъ къ немедленной подписи прусскаго трактата. Всякое замедленіе могло бы только ухудшить судьбу республики. Поэтому онъ настоятельно проситъ избавить его отъ необходимости прибѣгать къ исполненію своихъ угрозъ.

Затѣмъ секретарь пытается прочесть приложенный къ этому отвѣту и давно уже извѣстный сейму проектъ прусскаго договора объ уступкѣ земель безъ всякихъ добавочныхъ статей. Но его прервали вновь поднявшіеся крики. Оппозиція не хочетъ слушать проекта не вносимаго въ палату никакимъ ея членомъ. Чтобъ отвлечь раздраженные умы хотя на минуту отъ ненавистнаго прусскаго трактата, Анквичъ предложилъ выслушать другую ноту русскаго посланника, заключавшую въ себѣ причины, побудившія къ арестованію четырехъ пословъ. Секретарь читаетъ эту ноту. Вотъ ея сущность:

Посланникъ принужденъ былъ дѣлать сословіямъ частыя предостереженія по поводу дерзкихъ рѣчей которыя позволяли себѣ нѣкоторые изъ пословъ почти на каждомъ засѣданіи; но тщетно. Напротивъ того, ораторы эти дошли до высшей степени необузданности. Доказательствомъ служатъ послѣднія рѣчи Краснодембскаго 18го числа и Шидловскаго 19го, пропитанныя правилами якобинства и революціонной конституціи 3го мая, оскорбляющія двѣ сосѣднія державы и самый польскій народъ въ лицѣ сейма. Чтобы положить предѣлъ этой вредной для ихъ отечества оппозиціи, посланникъ нашелся вынужденнымъ арестовать двухъ упомянутыхъ пословъ вмѣстѣ съ двумя другими, не менѣе виновными по своимъ рѣчамъ, то-есть съ Микорскимъ и Скаржинскимъ, и

* Въ запискахъ Энгельгардта разказывается, что одинъ изъ пословъ замѣтилъ: „если кто тутъ якобины, такъ это генералъ Раутенфельдъ съ своими офицерами и солдатами, которые съ примкнутыми штыками стоятъ около сейма". Посолъ этотъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: „Я думаю, насъ называютъ якобинами потому что у насъ россійскій посолъ Якубъ Сиверсъ." И того вывели. (Но въ другихъ нашихъ источникахъ нѣтъ этихъ фактовъ.)

отправить ихъ въ тѣ мѣста гдѣ они были выбраны послами. Впрочемъ, „нижеподписавшійся никогда не имѣлъ намѣренія нарушать свободу слова и подачи голосовъ“. *

Объясненія эти никого не удовлетворили. Годачевскій, Кимбаръ, Янковскій, Олдаковскій и др. рѣшительно протестовали противъ всякаго сеймованія, пока не возвращены въ ихъ среду арестованные. Кимбаръ прибавляетъ что послы эти еще не выѣхали изъ Гродна. Король предлагаетъ еще разъ отправить канцлеровъ къ русскому посланнику съ просьбой объ освобожденіи арестованныхъ пословъ и о прекращеніи ареста самого сейма. Палата приняла это предложеніе, и по ея желанію король присоединилъ къ канцлерамъ еще четырехъ депутатовъ: отъ сената каштеляна Суходольскаго, а отъ рыцарскаго сословія Гродзицкаго, Богуцкаго и Кимбара (слѣдовательно, почти все членовъ оппозиціи). По уходѣ депутаціи палата въ молчаніи ожидала отвѣта. Въ двѣнадцатомъ часу депутація воротилась и донесла что посланникъ остается непоколебимъ: онъ даже выразилъ удивленіе, что его ноты прочитаны безъ открытія засѣданія, а приложенный къ нимъ проектъ совсѣмъ остался нечитаннымъ. На просьбу объ освобожденіи пословъ онъ отвѣчалъ, что еслибы получилъ приказъ изъ Петербурга освободить ихъ, и тогда бы не сдѣлалъ этого, а прежде отправилъ бы курьера съ объясненіемъ что освобожденіе ихъ несовмѣстно съ интересами императрицы. Въ заключеніе онъ торжественно объявилъ, что войска не удалятся до тѣхъ поръ пока не будетъ принятъ проектъ присоединенный къ его нотѣ; что даже если онъ будетъ вотированъ и не получитъ большинства, то генералъ Раутенфельдъ имѣетъ на этотъ счетъ особыя приказанія.

Изъ сеймовыхъ отчетовъ не видно, довела ли депутація до свѣдѣнія собранія слѣдующій отвѣтъ Сиверса. Канцлеры просили обѣщанія освободить пословъ по крайней мѣрѣ послѣ подписи договора. Сиверсъ отвѣчалъ, что для успѣха въ будущихъ работахъ полезно устранить людей которые сдѣлали своею задачей всему оппонировать. Этотъ отвѣтъ показываетъ что безконечная мелочная борьба съ оппозиціей утомила его, и онъ рѣшился не уступать въ вопросѣ объ арестованныхъ послахъ. А между тѣмъ въ настоящемъ засѣданіи, какъ мы видимъ, почти все сопротивленіе сейма сосредоточилось на

* *Korresp.* 1.641.

этомъ вопросѣ, такъ что даже прусскій трактатъ какъ бы отодвигается на второй планъ. Король не ограничился посылкой двухъ депутацій: онъ отправилъ еще къ Сиверсу особо отъ себя престарѣлаго епископа виленскаго съ тою же просьбой, но также безуспѣшно.

Послѣ отчета представленнаго депутаціей, въ палатѣ нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе. Міончинскій прервалъ его требованіемъ немедленнаго чтенія проекта. Его поддерживаютъ Древновскій, Гжегожевскій, Іозефовичъ, Модзелевскій и др., преимущественно послы равскіе, закрочимскіе, бельзскіе и инфлянтскіе. Маршалъ приказываетъ секретарю начать чтеніе. Но едва тотъ хотѣлъ начать, какъ оппозиція снова встрепенулась: Кимбаръ, Стоинскій, Янковскій, Нарбутъ, Богуцкій и другіе литовскіе послы криками своими покрываютъ голосъ секретаря. Повторились сцены засѣданія 2го сентября: съ одной стороны требуютъ чтенія, съ другой— его не допускаютъ. Несмотря на крики, маршалъ объявляетъ засѣданіе открытымъ. Прусскіе сторонники повторяютъ это объявленіе; а противники ихъ отрицаютъ его, и хотятъ чтобы маршалъ былъ судимъ. Умѣренная часть палаты тщетно старается примирить противуположныя стороны.

По временамъ шумъ и замѣшательство въ палатѣ смѣнялись мертвымъ молчаніемъ. Часть пословъ спала; старый, ослабѣвшій отъ усталости и волненія король также не могъ противиться дремотѣ. Но едва секретарь по приказу маршала начиналъ чтеніе проекта, какъ снова голосъ его терялся посреди криковъ оппозиціи, которая надсаживала себѣ грудь чтобы не допустить этой формальности.

Казалось, не было никакого исхода изъ этого томительнаго положенія палаты. Но вотъ встаетъ Рачинскій, посолъ сендомірскій, и предлагаетъ оригинальное средство чтобъ удовлетворить требованіямъ русскаго посланника и въ то же время сохранить пассивное состояніе.

„Обращаясь съ рѣчью къ этой избѣ, говоритъ онъ,—я вижу ее in passivitate; на сенатъ, на особу вашей королевской милости и на все собраніе пословъ я смотрю какъ на невольниковъ. Только русскаго генерала Раутенфельда я нахожу имѣющимъ activitatem. Надобно найти средство для исполненія неотложнаго и настоятельнаго приказа. Припоминаю себѣ славный примѣръ предшественника вашей королевской милости, Августа II, который принужденъ былъ Карломъ XII

подписать еще болѣе унизительныя условія; время однако ихъ исправило. Если мы уже высказали что не можемъ ничего сдѣлать, и если по закону изба остается in passivitate, то сберегая здоровье его королевской милости, приведемъ дѣло къ концу такимъ способомъ: запишемъ въ актахъ торжественное свидѣтельство угнетенія, заявимъ посредствомъ деклараціи о насиліи и принужденіи; а затѣмъ, не исполняя никакой формальности, то-есть не прибѣгая ни къ turnum, ни къ единогласію, сосредоточимся въ абсолютномъ молчаніи. Пусть проектъ будетъ прочтенъ; наше молчаніе, болѣе краснорѣчивое нежели безполезная оппозиція, послужитъ истолкованіемъ нашего положенія и нашихъ чувствъ."

Предложеніе Рачинскаго поддержалъ Анквичъ, который тотчасъ и представилъ собранію уже заготовленный проектъ „деклараціи сейма" о причиненномъ ему насиліи. Епископъ Коссаковскій одобрилъ его проектъ. Большинство палаты очевидно было радо схватиться за это средство чтобы покончить съ своимъ тягостнымъ положеніемъ. Возникаютъ споры о томъ какимъ образомъ принять декларацію. Лобаржевскій предлагаетъ прочесть прежде проектъ трактата, такъ какъ о немъ упоминается въ деклараціи. Раутенфельдъ подходитъ къ королю и проситъ его, чтобы приказалъ читать проектъ. Король исполняетъ его просьбу. Но голосъ секретаря снова теряется посреди криковъ оппозиціи. Тогда Раутенфельдъ вышелъ изъ залы и отправился къ Сиверсу за приказаніями. Въ собраніи водворилась мертвая тишина. Немного спустя, генералъ воротился и громко объявилъ, что всѣ послы будутъ задержаны въ этой залѣ до тѣхъ поръ пока не исполнятъ требованій посланника, и что на случай если это средство не подѣйствуетъ, онъ имѣетъ полномочіе прибѣгнуть къ еще болѣе суровымъ мѣрамъ. Затѣмъ Раутенфельдъ вручилъ записки отъ Сиверса королю, епископу Коссаковскому и великому маршалу Тышкевичу. Послѣднему Сиверсъ писалъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства самому королю не будетъ дозволено оставить тронъ, и что онъ велитъ принести въ залу соломы, на которой сенаторы могутъ отдыхать до тѣхъ поръ пока не будутъ выполнены его требованія.

Оппозиція и послѣ того противилась чтенію трактата; но наконецъ уступила убѣжденіямъ противной стороны и усильнымъ просьбамъ большинства. Воцарилось глубокое молчаніе, посреди котораго секретарь прочелъ проектъ трактата, а

потомъ и декларацію сейма. Въ этой деклараціи указывалось на насилія, причиненныя сейму 2го сентября и въ настоящемъ засѣданіи, на незаконный арестъ пословъ, на задержаніе подъ стражей всего сейма въ позднюю ночную пору, вмѣстѣ съ королемъ удрученнымъ лѣтами и столькими огорченіями. „Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ что, будучи не въ состояніи даже съ опасностію жизни избѣгнуть послѣдствій насилія, поручаемъ потомству, можетъ-быть болѣе насъ счастливому, тѣ способы къ оборонѣ отечества, которыхъ теперь нѣтъ въ нашей власти. Въ силу упомянутыхъ причинъ мы принуждены принять представленный въ избу проектъ посланника, противный нашей волѣ и нашимъ правамъ."

Въ депешѣ своей Сиверсъ выразился объ этой деклараціи такимъ образомъ: „Она, безъ сомнѣнія, немного сильна; но, кажется, надобно по крайней мѣрѣ оставить несчастнымъ способность жаловаться."

Затѣмъ секретарь прочелъ проектъ сеймоваго постановленія, которымъ депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, уполномочивалась подписать трактатъ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при посредствѣ русскаго посланника.

Послѣ прочтенія документовъ, въ залѣ продолжалось то же гробовое молчаніе. Слышался только глухой, мѣрный звукъ отъ шаговъ русскихъ часовыхъ, ходившихъ по корридору и подъ окнами сеймовой залы. Замковые часы пробили три часа утра. Раутенфельдъ, смущенный этимъ оригинальнымъ способомъ сеймованія, встаетъ и проситъ короля обычнымъ порядкомъ привести къ рѣшенію внесенные проекты. Король сухо отвѣтилъ ему что не въ его власти заставить пословъ прервать молчаніе. Тогда Раутенфельдъ сказалъ, что онъ долженъ ввести въ залу отрядъ гренадеровъ. Онъ направился къ дверямъ. Но въ эту минуту сеймовый маршалъ возвышаетъ свой голосъ, и обращается къ палатѣ съ вопросомъ: согласна ли она принять внесенные проекты? При этомъ вопросѣ группа оппозиціонныхъ пословъ, какъ бы пробужденная изъ своего оцѣпенѣнія, спѣшитъ снова заявить протестъ противъ прусскаго трактата. Маршалъ хочетъ перейти къ собиранію голосовъ. Но Анквичъ, сообразивъ что при неизбѣжномъ раздѣленіи мнѣній на pro и contra декларація его потеряетъ свой смыслъ, заявляетъ намѣреніе взять ее въ такомъ случаѣ назадъ. Маршалъ вторично объявляетъ, что

онъ принужденъ будетъ приступить къ вотированію, если не произойдетъ единогласія. Затѣмъ онъ формально ставитъ слѣдующій вопросъ: „Согласны ли сеймующія сословія чтобы депутація подписала проектъ представленный русскимъ посланникомъ?“ Мертвое молчаніе. Маршалъ повторяетъ свой вопросъ; потомъ спрашиваетъ въ третій разъ. Тоже молчаніе.

Тогда Бѣлинскій поспѣшно объявляетъ проектъ трактата принятымъ „единогласно“ и приглашаетъ членовъ конституціонной депутаціи снабдить его своею подписью. Въ $3^1/_2$ часа утра окончилось это такъ-называемое *Нѣмое засѣданіе.* *

Въ то же утро нѣкоторые члены оппозиціи занесли въ гродскихъ книгахъ протестацію противъ неслыханнаго насилія употребленнаго двумя сосѣдними дворами.

Но между тѣмъ какъ происходило знаменитое засѣданіе, посмотримъ чтò въ это время дѣлали четыре арестованные посла.

Рано поутру русскіе офицеры явились къ нимъ на квартиры и арестовали ихъ. Сначала къ нимъ допускали тѣхъ, которые желали ихъ видѣть; къ вечеру это было запрещено; а къ ночи ихъ вывезли. Во время ареста Скаржинскій плакалъ отъ неизвѣстности о судьбѣ его ожидавшей, Шидловскій также плакалъ и печалился, Микорскій обнаруживалъ нѣкоторое смущеніе, а Краснодембскій, напротивъ, все время оставался въ наилучшемъ расположеніи духа и шутилъ. Микорскій и Скаржинскій писали письма къ Сиверсу, въ которыхъ почтительнымъ тономъ говорили о несправедливости имъ причиненной. Къ семи часамъ вечера имъ приказано собраться въ путь; а такъ какъ они не хотѣли исполнить это добровольно, то ихъ посадили въ повозки и отправили подъ казацкимъ конвоемъ въ тѣ мѣста гдѣ они были выбраны. Казакамъ приказано было привести росписки отъ мѣстныхъ урядниковъ въ точной доставкѣ арестованныхъ. Пулавскій прислалъ имъ по 50 червонныхъ злотыхъ на дорогу; они поблагодарили, но никто изъ нихъ не принялъ денегъ. Краснодембскій не хотѣлъ ничего брать изъ своихъ вещей и

* Такимъ образомъ мы видимъ что Анквичемъ не была произнесена въ послѣднюю минуту фраза: „Молчаніе есть знакъ согласія!“ какъ то разказываютъ нѣкоторые писатели (напримѣръ Нѣмцевичъ и Лелевель). Эта фраза напоминаетъ, сочиненное послѣ, театральное восклицаніе Костюшки въ пылу битвы: „Finis Poloniae!“

отказался выйти изъ квартиры. Его взяли на руки и посадили въ брику. Онъ остался только въ плащѣ; офицеръ совѣтовалъ ему купить шубу, потому что стояла холодная погода. „Въ Сибири мѣха гораздо дешевле“, отвѣчалъ Краснодембскій. Когда же ему сказали, что его повезутъ не въ Сибирь, а на родину, или куда самъ пожелаетъ, то онъ, продолжая шутить, попросилъ отвезти его въ Италію: тамъ тепло и можно обойтись безъ шубы. Потомъ онъ обратился къ хозяину своей квартиры, Борисевичу:

— Я долженъ пану, вашей милости, слишкомъ 50 червонныхъ злотыхъ. У меня теперь только нѣсколько дукатовъ; вещи мои вмѣстѣ со слугой оставляю вамъ въ закладъ, пока пришлю деньги.

— Прошу не обижать меня, отвѣчалъ Борисевичъ,—я принимаю вещи для сохраненія, а не въ залогъ. Панъ мнѣ ничего не долженъ; за счастіе считаю, что такой достойный обыватель стоялъ у меня. Если панъ нуждается, то прошу принять отъ меня нѣсколько десятковъ червонныхъ злотыхъ; почту за честь, если буду въ состояніи оказать ему эту малую услугу.

Борисевичъ плакалъ, прощаясь съ Краснодембскимъ, а послѣдній повторялъ что возвратитъ ему долгъ, когда пришлетъ за своими вещами; но первый не хотѣлъ ничего слышать о долгѣ. *

13го (24го) сентября Сиверсъ созвалъ депутатовъ на конференцію, чтобы свѣрить представленную ему копію прусскаго трактата съ подлинникомъ. Предъ засѣданіемъ онъ, по желанію короля, зашелъ въ его кабинетъ. Станиславъ-Августъ жаловался на жесткій тонъ писемъ, которыя Яковъ Ефимовичъ присылалъ ему наканунѣ. Тотъ отвѣчалъ, что безъ нихъ его величество все еще сидѣлъ бы въ засѣданіи. Далѣе король выражалъ безпокойство о томъ, что изъ Петербурга еще не получены инструкціи для заключенія союзнаго и торговаго договора Польши съ Россіей. Посланникъ объяснилъ ему, что доселѣ мы не желали мѣшать свои дѣла съ прусскимъ договоромъ; но что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя императрица готовитъ Польшѣ для излѣченія ея ранъ. „Да, воскликнулъ король, безъ ея

---

* Этотъ эпизодъ о четырехъ послахъ мы находимъ только въ рукописномъ Діаріушѣ.

помощи мы никогда не получимъ торговаго трактата съ Пруссіей.“

На слѣдующій день конференція собралась снова, уже для подписи прусскаго договора. Утомленіе и безпокойство, испытанныя Сиверсомъ въ послѣдніе дни, значительно разстроили его, такъ что онъ не могъ въ этотъ разъ присутствовать лично и послалъ вмѣсто себя барона Бюлера. Депутація попыталась было еще оттянуть дѣло, на томъ основаніи, что многіе ея члены не явились. Но имъ послали подписать на домъ. Два сенатора совсѣмъ не хотѣли подписывать: „надобно было имъ пригрозить“, замѣчаетъ Сиверсъ въ своемъ донесеніи. Когда договоръ былъ подписанъ, копію его и бюллетени послѣднихъ сеймовыхъ засѣданій онъ отправилъ въ Петербургъ съ подполковникомъ графомъ Морелли.

XIII.

Проектъ вѣчнаго союза Польши съ Россіей.—Его содержаніе.—Онъ принятъ сеймомъ.—Награды главнымъ лицамъ.

Слѣдующія два или три сеймовыя засѣданія не обошлись безъ нѣкоторыхъ возгласовъ противъ ихъ законности, все по тому же поводу, то-есть по поводу ареста четырехъ пословъ. Даже отправили еще разъ ноту къ русскому посланнику съ просьбой объ ихъ освобожденіи; но получили вѣжливый отказъ. Затѣмъ вопросъ о четырехъ послахъ оставленъ въ сторонѣ, и перешли къ текущимъ дѣламъ. Въ засѣданіи 16го (27го) сентября утвержденъ сеймомъ проектъ о несостоятельныхъ банкирахъ. * А на слѣдующій день сеймъ перешелъ къ весьма важному вопросу—о тѣсномъ союзѣ Рѣчи Посполитой съ Россійскою Имперіей.

Когда уступка провинцій Прусскому королю была подписа-

* Для суда и разбора дѣлъ между банкирами и ихъ довѣрителями, какъ туземными, такъ и заграничными, назначается новая коммиссія изъ девяти членовъ отъ рыцарскаго сословія *cum voce decisiva*, и трехъ отъ городскаго сословія *cum voce consultiva;* назначеніе коммиссаровъ предоставлено королю. Кромѣ того въ коммиссіи принимаютъ участіе девять депутатовъ отъ трехъ сосѣднихъ дворовъ, то-есть: Петербургскаго, Берлинскаго и Вѣнскаго, по три отъ каждаго.

на, ближайшею и главною задачей Сиверса, какъ мы уже знаемъ, было заключеніе союзнаго и торговаго договора съ Россіей. Полученные около того времени изъ Петербурга рескрипты, отъ 7го (18го) сентября, предписывали слѣдующее: „Надобно дѣйствовать очень деликатно и *привести умы къ тому*, чтобы Поляки смотрѣли на этотъ договоръ какъ на милость съ моей стороны и видѣли бы въ немъ палладіумъ политическаго существованія Польши въ будущемъ. Надобно, чтобъ этотъ договоръ былъ принятъ сеймомъ единодушно и никакъ не казался бы навязаннымъ насильно. Настройте такъ, чтобы сеймъ принялъ его съ энтузіазмомъ и единодушіемъ; а когда дойдетъ до ратификаціи, чтобы торжественная депутація была назначена отъ сейма въ Петербургъ.“ — „Чтобъ избѣжать зависти Вѣнскаго двора относительно нашего союзнаго договора съ Польшей,“ говорилось въ другомъ предписаніи отъ того же числа, „надобно сдѣлать ему нѣкоторыя дружественныя представленія на этотъ счетъ, и я поручила Разумовскому войти въ конфиденціальныя объясненія съ австрійскими министрами о мотивѣ и цѣли моей настоящей системы относительно Польши. Вы прочтете копію съ инструкціи Разумовскому; тотъ же курьеръ проѣдетъ въ Вѣну. Подождите отвѣта отъ Разумовскаго и пока не начинайте рѣшительнаго дѣйствія; въ случаѣ сильной оппозиціи Австріи, подождите отъ меня инструкцій.“

Къ этимъ инструкціямъ приложенъ былъ составленный въ Петербургѣ проектъ союзнаго договора. „Вижу,“ говорилось въ томъ же рескриптѣ, „настоящее истощеніе Польши и безпокойства, которыя возникнутъ тамъ по выходѣ моихъ войскъ; *опасаюсь чтобы Польша не сдѣлалась добычею жадныхъ сосѣдей*. Въ этихъ видахъ даю мое одобреніе проекту договора, копію котораго вы здѣсь найдете. Въ случаѣ нужды уполномочиваю васъ сдѣлать кое-какія легкія измѣненія въ неважныхъ пунктахъ; но главные должны остаться безъ перемѣны.“ „Ничего не предписываю вамъ относительно короля, зная его измѣнчивость,“ прибавлялъ рескриптъ.

Сиверсъ не замедлилъ привести въ исполненіе волю императрицы, и, по обыкновенію, условился на этотъ счетъ со своими друзьями. Инціатива по данному вопросу на сеймѣ была предоставлена самому краснорѣчивому изъ вождей русской партіи, графу Анквичу, и онъ блистательно выполнилъ свою роль. Въ засѣданіи 17го (28го) сентября, Анквичъ въ

энергической рѣчи представилъ собранію, что для Польши нѣтъ другаго спасенія какъ тѣсныя связи съ Русскою Имперіей и ея могущественная помощь. Онъ предложилъ искать вѣчнаго союза съ Россіей и въ этомъ смыслѣ подать ноту Сиверсу. Затѣмъ секретарь прочелъ поданный Анквичемъ проектъ сеймоваго постановленія, которое поручало канцлерамъ войти немедленно въ переговоры съ русскимъ посланникомъ, вопервыхъ, о вѣчномъ союзѣ, вовторыхъ, о торговомъ трактатѣ, и втретьихъ, о его посредничествѣ для побужденія Пруссіи исполнить ея обѣщанія также относительно торговаго договора.

Два посла показали намѣреніе принять проектъ ad deliberandum. Король поспѣшилъ къ нему на помощь, и сказалъ нѣсколько словъ о настоятельной необходимости принять этотъ проектъ немедленно и единогласно. Тогда маршалъ сеймовый три раза обращается съ вопросомъ къ палатѣ, и получаетъ троекратную *згоду*. Увлекаясь подготовленнымъ успѣхомъ или просто желая вторить словамъ рескрипта, Сиверсъ увѣряетъ въ своей депешѣ (отъ 19го сентября), что проектъ былъ принятъ съ восторгомъ. Но одинъ литовскій посолъ „испортилъ вечеръ". Едва проектъ Анквича былъ утвержденъ, какъ Нарбутъ предложилъ адресовать русскому посланнику другую ноту: объ очищеніи Рѣчи Посполитой отъ русскихъ войскъ. Онъ указалъ на дурную жатву, которая заставляетъ опасаться голода, и кромѣ того предложилъ назначить делегацію для разбора жалобъ на обиды причиненныя русскими войсками жителямъ. Секретарь прочелъ и его проектъ; но Міончинскій поспѣшилъ взять его ad deliberandum. „Дѣйствительно," замѣчаетъ Сиверсъ, „въ Вильнѣ стоятъ тройныя цѣны."—„Я все еще лежу въ постели," прибавляетъ онъ. „Не знаю, должно ли заключить договоръ о союзѣ до устройства новой формы правленія, или послѣ. Думаю что прежде." Въ то же время онъ писалъ въ особомъ письмѣ къ императрицѣ: „Въ ожиданіи извѣстій изъ Вѣны, моя болѣзнь доставляетъ мнѣ видимый предлогъ къ замедленію, хотя депутація готова была бы отправлять свои засѣданія у меня и даже предъ моею постелью, еслибъ я того пожелалъ, то-есть, такимъ же образомъ какимъ происходятъ конференціи съ моими друзьями о ходѣ сейма."

Итакъ, въ ожиданіи извѣстій изъ Вѣны, нашъ посланникъ пока не спѣшилъ своимъ отвѣтомъ на ноту о союзѣ, подан-

кую ему канцлерами. Кромѣ болѣзни, въ это время его не мало озабочивали свои личныя и семейныя обстоятельства. Коссаковскіе, конечно, не могли простить ему распущенія Тарговицкой конфедераціи, и въ особенности не могли простить назначенія особой коммиссіи для пересмотра ея судебныхъ приговоровъ. Интриги и недоброжелательство этой фамиліи снова начали выводить посланника изъ терпѣнія. Въ письмѣ къ Зубову, отъ 14го (25го) сентября, онъ предупреждаетъ, что если не встрѣтитъ со стороны Коссаковскихъ содѣйствія при заключеніи союзнаго договора, то не пощадитъ ихъ, и начнетъ съ того что отниметъ у нихъ доходы Краковскаго епископства, которые простираются до 130.000 серебряныхъ рублей. „Графъ, вашъ братъ," пишетъ онъ, „очень близокъ съ Коссаковскими. Они дѣлаютъ парадъ изъ этой связи, и распускаютъ слухи, что я не въ благоволеніи при дворѣ и не въ хорошихъ отношеніяхъ съ вами; что я буду отозванъ, и для нихъ обстоятельства скоро перемѣнятся; въ доказательство приводятъ то, что я обойденъ при раздачѣ милостей, разсылаемыхъ полною рукой на всю Имперію (по поводу празднованія Ясскаго мира?). Они говорятъ, что поэтому и зять мой, выборгскій губернаторъ, ничего не получилъ. Но имъ не удастся отклонить меня отъ моего пути. То что̀ мнѣ назначено за мои слабыя услуги не уйдетъ отъ меня. Я знаю мою государыню. Она оцѣнитъ стараго и вѣрнаго слугу за его добровольную жертву своими послѣдними днями. Она хотѣла чтобъ я еще разъ былъ исполнителемъ ея благодѣяній. Я буду имъ съ тою же ревностью какъ прежде и, надѣюсь, съ тѣмъ же успѣхомъ."

„О своемъ здоровьѣ скажу, что я начинаю покидать постель на нѣсколько часовъ въ день," говоритъ Яковъ Ѳеимовичъ въ письмѣ къ старшей дочери (отъ 1го октября н. ст.). „Вчера и сегодня я ѣздилъ гулять. Меня ослабилъ недостатокъ движенія въ эту недѣлю, которую я пролежалъ въ постели. Медикъ мой, родомъ изъ Лотарингіи, хорошій человѣкъ. Онъ живетъ подлѣ меня и посѣщаетъ меня три раза ежедневно." Въ то же время онъ пишетъ младшей дочери: „Что̀ скажешь ты, когда узнаешь что даже въ эту минуту, какъ и въ теченіе цѣлаго дня до полуночи, я мучаюсь съ дѣлами. Региментарій Ожаровскій, подъ начальствомъ котораго состоитъ все польское войско, пустилъ кровь изъ ноги, и будучи не въ состояніи всходить на лѣстницу, предложилъ мнѣ

общую прогулку чтобы переговорить о нашихъ дѣлахъ. По счастію, такъ какъ разговоръ не былъ пріятенъ, встрѣтилась намъ графиня Камелли. Мы пригласили ее сѣсть съ нами въ экипажъ, и она насъ развеселила. Я взялъ ее вмѣстѣ съ ея братомъ къ себѣ обѣдать. Еще двѣ трети дня я остаюсь въ постели.“ Потомъ въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 4го октября): „У меня едва есть время сказать тебѣ, что я чувствую себя довольно хорошо; только осталась слабость. Для вчерашняго праздника (коронаціи императрицы) я долженъ былъ собрать общество и дать ужинъ, слѣдствіемъ чего была порядочная головная боль; но она уже прошла. Графиня Камелли никогда не пѣла лучше.“

25го сентября (6го октября) Яковъ Ефимовичъ давалъ балъ, и въ 12 часовъ, послѣ бала, пишетъ младшей дочери: „Я не танцовалъ. Между тѣмъ какъ диктую тебѣ эти строки, ложусь въ постель. Но не о балѣ я хочу тебѣ разказать, а объ одномъ импровизаторѣ, маркизѣ Гизильери изъ Болоньи, котораго тестя я хорошо зналъ. У него необыкновенный талантъ. Третьяго дня вечеромъ я сдѣлалъ первый свой визитъ послѣ выздоровленія епископу ливонскому. Къ маркизу обратились съ просьбой объ импровизаціи. Онъ попросилъ дать ему тему. Я указалъ на предыдущій день, то-есть на коронацію императрицы. Онъ нараспѣвъ произнесъ стихи, и они были хорошо составлены; въ заключеніе сдѣлалъ нѣсколько комплиментовъ присутствующимъ генераламъ и посланнику какъ миротворцу. Онъ говорилъ около получаса, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе оживлялся; голосъ его становился все пріятнѣе, но онъ дѣлалъ много жестовъ, опершись на спинку стула. Вчера вечеромъ я встрѣтилъ его у графини Огинской, гдѣ Камелли пропѣла какъ ангелъ двѣ аріи. При концѣ второй маркизъ вдругъ воспламенился, и обратился къ ней съ прекрасными стихами. Но это не все. Папскій нунцій сказалъ мнѣ, что маркизъ былъ женатъ и сочинилъ 24 сонета чтобы помѣстить ихъ на гробѣ своей жены. Его попросили сказать первый и послѣдній сонетъ. Онъ исполнилъ просьбу съ очень печальнымъ лицомъ. У насъ на глазахъ выступили слезы; Камелли плакала какъ ребенокъ. Всѣ они сегодня танцовали, между тѣмъ какъ я совѣщался съ министрами.“

Въ письмахъ къ дочерямъ, Сиверсъ по-прежнему обнаруживаетъ свое сантиментальное настроеніе по отношенію къ Полякамъ. Онъ безпрерывно жалуется на ихъ моральную не-

состоятельность и все еще выражаетъ надежду ихъ облагодѣтельствовать. „Они легкомысленны, неразумны, корыстолюбивы,“ пишетъ онъ 30го сентября (11го октября); „было бы подвигомъ упрочить ихъ счастіе вопреки имъ самимъ, и я не отступлюсь отъ этой задачи. Черезъ недѣлю ты должна получить отъ меня извѣстія посредствомъ моего курьера; * онъ повезетъ трактатъ, переговоры о которомъ я началъ, и которымъ, надѣюсь, останутся довольны обѣ стороны. Но это не единственная моя задача. Надобно наблюдать за обработкой новой конституціи, за уменьшеніемъ войска и назначеніемъ высшихъ сановниковъ. Безъ сомнѣнія, этотъ бѣдный король достоинъ сожалѣнія, но онъ также виноватъ и самъ. Онъ былъ неблагодаренъ въ отношеніи къ своей благодѣтельницѣ, впрочемъ, болѣе по непонятному легкомыслію чѣмъ вслѣдствіе дурнаго сердца. Сюда примѣшалось и властолюбіе. Его обманули низкіе якобинцы такъ же какъ короля Франціи; но, кажется, онъ прозрѣлъ. Еще вчера, во время двухчасовой бесѣды которую я имѣлъ съ нимъ, онъ обнималъ меня въ умиленіи, сказалъ мнѣ много лестнаго и обѣщалъ во всемъ меня слушаться. Если онъ сдержитъ слово, то я обезпечу ему счастливую будущность.“ Вотъ какъ далеко заходила въ это время увѣренность русскаго посланника въ своихъ средствахъ и своемъ вліяніи на дальнѣйшую судьбу Польши.

Между тѣмъ въ сеймовомъ засѣданіи 27го сентября (7го октября) представленъ былъ отвѣтъ Сиверса на ноту канцлеровъ о союзѣ. Онъ не замедлитъ, говорилось въ отвѣтѣ, донести объ этой нотѣ своей государынѣ. Восхищенный такимъ довѣріемъ со стороны сословій, онъ вдвойнѣ счастливъ, потому что и съ своей стороны можетъ завѣрить канцлеровъ, что уже получилъ отъ своего двора приказанія войти въ переговоры о столь важномъ предметѣ, который обѣщаетъ Рѣчи Посполитой счастливую будущность. Торговыя сношенія сдѣлаются еще болѣе выгодными, такъ какъ будутъ основаны на полной взаимности, и облегчится вывозъ польскихъ произведеній въ русскія гавани на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Онъ надѣется что депутація уполномоченная для трактованія съ нимъ приготовитъ съ этою цѣлью проектъ, на осно-

* Курьеры изъ Гродна въ Петербургъ скакали тогда чрезъ Балтійскія провинціи; это обстоятельство и помогало дѣятельной корреспонденціи Сиверса съ дочерями.

ванія котораго сословія сдѣлаютъ свои постановленія, и что она назначитъ день для первой конференціи. Не менѣе ревности покажетъ онъ и въ своемъ посредничествѣ при заключеніи торговаго договора съ Пруссіей, относительно чего получилъ уже потребныя полномочія отъ своей монархини. Онъ льститъ себя надеждой что желанія націи будутъ выполнены вскорѣ послѣ заключенія союзнаго и торговаго договора между Польшей и Россіей.

Въ этомъ отвѣтѣ, какъ видимъ, почнъ въ дѣлѣ проекта союзнаго договора предоставляется депутаціи. Но то была только вѣжливая форма. Всѣ существенныя основанія проекта были уже выработаны въ Петербургѣ и давно сообщены русскому посланнику. Основанія эти конечно клонились къ тому, чтобы торжественнымъ актомъ установить подчиненныя отношенія Польши къ Россіи и дать русскому правительству законные поводы вмѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой.

Въ тотъ день, когда подана была отвѣтная нота, Сиверсъ посѣтилъ короля и сообщилъ ему канву для договора. Король сдѣлалъ на нее нѣкоторыя замѣчанія. Яковъ Ефимовичъ попросилъ его передать эту канву отъ своего имени канцлерамъ съ тѣмъ, чтобъ она послужила исходнымъ пунктомъ для первой конференціи. Но когда началась эта конференція, къ удивленію Сиверса, сообщенный имъ документъ не былъ представленъ отъ имени короля, и депутація поручила канцлерамъ составить исходные пункты для договора. Тогда посланникъ оставилъ въ сторонѣ церемоніи. На слѣдующій день онъ препроводилъ къ королю въ копіи свой проектъ договора вполнѣ и приложилъ внушительное письмо. Въ этомъ письмѣ онъ напомнилъ Станиславу Августу, что не задолго до сейма 1788 года король самъ подалъ императрицѣ записку о тѣсномъ союзѣ Польши съ Россіей, и что основные пункты его записки остаются въ новомъ проектѣ почти тѣ же, только сдѣланы измѣненія сообразно съ новыми обстоятельствами. Польша, при своей настоящей слабости, не можетъ имѣть вліянія на европейскую политику; по крайней мѣрѣ она займетъ такое же мѣсто какое имѣютъ Данія, Швеція и Сардинія. Но безъ рѣшительной и могущественной поддержки Россіи она снова сдѣлается поприщемъ внутреннихъ распрей и внѣшнихъ интригъ и въ заключеніе будетъ окончательно раздѣлена своими сосѣдями. Сиверсъ увѣщеваетъ короля положиться впол-

нѣ на великодушіе императрицы и сообщить депутаціи пункты договора какъ бы исходящіе отъ него самого.

Получивъ письмо, король пригласилъ къ себѣ посланника и пробесѣдовалъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ о проектѣ договора. Онъ согласился наконецъ, чтобы тринадцать пунктовъ этого проекта были предложены русскому посланнику самой депутаціей; а потомъ посланникъ съ своей стороны предложитъ остальные четыре пункта. Бесѣда окончилась увѣреніями посланника въ дружбѣ и покровительствѣ его императрицы по отношенію къ польской націи. „Король казался умиленнымъ, доноситъ Сиверсъ,—всталъ, обнялъ меня и увѣрялъ что онъ сдѣлаетъ все что̀ можно отъ него требовать. Потомъ онъ началъ говорить о судьбѣ своей фамиліи и особенно о братѣ примасѣ, которому просилъ дать администрацію Варшавскаго епископства. Я сказалъ ему, что разчитывалъ перевести туда холмскаго епископа; однако подалъ надежду, что желаніе его можетъ исполниться вслѣдствіе дружественныхъ чувствъ ея величества. Потомъ онъ съ большою живостію говорилъ мнѣ объ опалѣ своего племянника. Я отвѣчалъ что, зная сердце моей государыни, не сомнѣваюсь въ ея прощеніи прошлымъ проступкамъ, если онъ пожелаетъ сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ своего отечества.“

Послѣ того переговоры съ депутаціей пошли условленнымъ порядкомъ. Сиверсъ три дня сряду имѣлъ съ нею конференціи (10го, 11го и 12го октября нов. ст.). Нѣкоторыя статьи проекта, по его словамъ, были встрѣчены аплодисментами, а нѣкоторыя возбудили легкія пренія. Обыкновенно предъ засѣданіемъ посланникъ совѣщался съ канцлерами о предстоявшихъ пунктахъ и по ихъ представленіямъ соглашался на неважныя измѣненія въ проектѣ; также и во время конференцій онъ уступилъ Полякамъ нѣсколько выраженій. Эти уступки, судя по его донесенію, касались тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ надобно было щадить національное тщеславіе Поляковъ. На послѣднемъ засѣданіи, въ субботу 1го (12го) октября, президентъ депутаціи, епископъ Масальскій, произнесъ очень патетическую рѣчь о положеніи Польши и о безграничномъ довѣріи націи къ великодушію ея величества. Русскій посланникъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Въ это засѣданіе окончили обсужденіе всѣхъ тринадцати пунктовъ. Было уже $3^1/_2$ часа пополудни. Сиверсъ объявилъ, что онъ съ своей стороны имѣетъ предложить еще четыре пункта, которые отлагаетъ до поне-

дѣльника. Но члены депутаціи просили его лучше назначить другую конференцію въ шесть часовъ того же дня, потому что въ понедѣльникъ они желаютъ весь проектъ представить на утвержденіе сейма. Сиверсъ согласился.

Недаромъ приберегалъ онъ къ концу свои четыре пункта. Это именно были тѣ положенія, которыя допускали свободное вступленіе и пребываніе русскихъ войскъ во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой.

Предъ вторичнымъ засѣданіемъ того же дня, посланникъ потребовалъ отъ короля, чтобъ онъ предупредилъ преданную себѣ часть депутаціи о содержаніи этихъ пунктовъ, такъ же какъ посланникъ предупредилъ о нихъ другую часть. Когда началось засѣданіе и четыре пункта были прочитаны, сначала на французскомъ языкѣ, потомъ на польскомъ, Сиверсъ на часъ покинулъ депутацію, подъ предлогомъ дать ей время посовѣтоваться о такихъ важныхъ статьяхъ. Онъ отправился къ пани Краковской, куда пришелъ и король, по заранѣе условленному плану. Три или четыре раза являлся сюда королевскій секретарь съ проектомъ измѣненій, которыя желала сдѣлать депутація. Одни изъ нихъ посланникъ принялъ, въ другихъ отказалъ. Часа черезъ полтора все было кончено. Часть этого времени была употреблена на согласованіе означенныхъ пунктовъ съ основными законами Рѣчи Посполитой, то-есть собственно съ тою конституціей, надъ которой работала тогда особая депутація подъ руководствомъ русскаго посланника. Король однако упросилъ Сиверса исключить изъ договора слова прямо указывающія на это согласованіе.

На слѣдующій день, то-есть въ воскресенье, король пригласилъ Сиверса къ обѣду. Предъ обѣдомъ онъ повелъ его къ себѣ въ кабинетъ, и здѣсь распространился объ основныхъ законахъ республики въ ихъ новомъ проектированномъ видѣ. Особенно сильно жаловался онъ на ту неподвижность, которую хотѣли имъ придать, напримѣръ, такимъ постановленіемъ: еслибы сеймъ единогласно согласился на какую-нибудь перемѣну, то король долженъ произнести veto; а если и онъ согласится, то всѣ акты этого сейма сдѣлаются недѣйствительны. Станиславъ - Августъ говорилъ, что надобно было бы оставить свободный доступъ русскому вліянію: черезъ 50 или 100 лѣтъ можетъ-быть Россія пожелаетъ наслѣдственнаго престола. Второй пунктъ возмущавшій его въ этихъ законахъ относился къ положенію несчастныхъ кре-

стьянъ, которые обрекались на безконечное и безусловное рабство.

Относительно союзнаго договора король изъявлялъ полное свое упованіе на волю ея величества, какъ по личной своей преданности, такъ и по убѣжденію въ томъ что спасеніе Польши зависитъ отъ нея. Онъ выразилъ только одно опасеніе: чтобы, въ случаѣ какого-либо болѣе важнаго интереса для Россіи, онъ не былъ оставленъ въ жертву Австріи и особенно Пруссіи; тогда Польша погибнетъ. Яковъ Ѳеоимовичъ возразилъ что при союзѣ съ Россіей существованіе Польши обезпечено; для Русской Имперіи и для славы ея величества оно становится столь важнымъ интересомъ что императрица никогда отъ него не отступится.

— Завѣряете ли вы меня въ томъ какъ ея посланникъ? спросилъ король.

— Да, государь, завѣряю самымъ торжественнымъ образомъ, отвѣчалъ Сиверсъ.

Король обнялъ его и продолжалъ разговоръ о различныхъ предметахъ, въ особенности о способахъ достигнуть единогласія для союзнаго договора.

За обѣдомъ присутствовали русскіе генералы и нѣсколько полковниковъ. Послѣ стола Станиславъ-Августъ опять попросилъ Сиверса въ свой кабинетъ, на этотъ разъ вмѣстѣ съ тремя сановниками: великимъ маршаломъ Мошинскимъ, епископомъ Масальскимъ и подскарбіемъ Огинскимъ. Тутъ онъ снова заговорилъ о двухъ упомянутыхъ пунктахъ основныхъ законовъ, и выразилъ желаніе помѣстить ихъ въ число тѣхъ государственныхъ вопросовъ, которые сеймъ можетъ измѣнить большинствомъ трехъ четвертей голосовъ. Затѣмъ онъ просилъ присутствующихъ сановниковъ сдѣлать все отъ нихъ зависѣвшее чтобы на слѣдующій день получить единогласіе сейма относительно союзнаго договора. Сиверсъ, съ своей стороны, сообщилъ о письмѣ прусскаго посланника, который извѣщалъ его что уже получилъ ратификацію своего трактата, и увѣрялъ что черезъ нѣсколько дней онъ ожидаетъ инструкцію для сепаратныхъ статей и коммерческій трактатъ. Яковъ Ѳеоимовичъ не преминулъ прибавить, что такое измѣненіе въ тонѣ Берлинскаго двора конечно явилось вслѣдствіе проектированнаго союза Польши съ Россіей.

Въ шесть часовъ вечера русскій посланникъ имѣлъ опять совѣщаніе съ депутаціей, на которомъ просмотрѣли оконча-

тельную редакцію договора и условились о томъ какимъ образомъ провести вопросъ въ сеймовомъ засѣданіи слѣдующаго дня.

Такъ какъ по желанію императрицы единогласіе должно было непремѣнно увѣнчать союзный договоръ, то Яковъ Ѳеимовичъ всѣми средствами старался расположить въ его пользу оппозицію. Вопервыхъ, онъ уполномочилъ короля обѣщать членамъ оппозиціи денежные подарки, которые они получатъ при концѣ сейма. Вовторыхъ, онъ возвратилъ свободу четыремъ посламъ, отправленнымъ въ мѣста ихъ избранія (однако безъ права участвовать на сеймѣ). Одинъ изъ нихъ, Микорскій, проѣзжалъ чрезъ Гродно, получилъ позволеніе видѣться съ русскимъ посланникомъ и просилъ принять его въ русскую службу. Сиверсъ нашелъ что это человѣкъ съ умомъ, обласкалъ его, выразилъ надежду что онъ откажется отъ своихъ прежнихъ принциповъ, и обѣщалъ исполнить его просьбу. Далѣе, русскій посланникъ велѣлъ напечатать маленькую брошюру (въ листъ), въ которой доказывалась польза и необходимость союзнаго договора съ Россіей и печальныя послѣдствія противуположнаго исхода.

А между тѣмъ изъ Вѣны отъ графа Разумовскаго все еще не получалось никакихъ извѣстій о согласіи Австріи на этотъ договоръ. Но Сиверсъ рѣшился не терять болѣе времени въ ожиданіяхъ. Вотъ какими причинами оправдывалъ онъ потомъ свою рѣшимость въ письмѣ къ императрицѣ:

„Волненіе умовъ достигло своей высшей степени, когда получили отвѣтъ прусскаго короля относительно дополненій, которыя сеймъ хотѣлъ присоединить къ договору объ уступкѣ. Еслибъ я тогда же, не дожидаясь извѣстій изъ Вѣны, предложилъ свой союзный трактатъ, онъ былъ бы принятъ единогласно безъ малѣйшей перемѣны. Но вслѣдствіе замедленія, напротивъ, жаръ мало-по-малу остылъ. При первомъ же заявленіи о проектѣ союзнаго договора, прусскій министръ обнаружилъ большое безпокойство, и началъ раздавать деньги, подъ предлогомъ еще неоконченной уплаты за свой трактатъ; а я увѣренъ что онъ старался намъ противодѣйствовать. Тогда я не колебался болѣе. Я началъ съ короля, котораго надобно было склонить прежде всего, и это удалось мнѣ безъ большаго труда. Вотъ причина, почему мой образъ дѣйствія не вполнѣ согласовался съ тѣмъ что̀ было мнѣ предписано. Я рѣшился поспѣшить, — и была уже пора. Еслибы прусскій

курьеръ съ ратификаціей и обѣщаніями немедленнаго торговаго трактата двумя или тремя днями прибылъ ранѣе чѣмъ договоръ мой прошелъ чрезъ депутацію, то я имѣлъ бы съ нею гораздо болѣе затрудненій, и безконечно болѣе съ самимъ сеймомъ, и можетъ - быть потерпѣлъ бы неудачу. Меня понуждали мои друзья, отъ которыхъ я скрывалъ свои опасенія и которые не подозрѣвали что я жду курьера изъ Вѣны; даже король просилъ меня не откладывать. Извѣстная медленность Вѣнскаго двора, присутствіе въ Пётрковѣ прусскаго короля, которому могла придти мысль озадачить Поляковъ какою-нибудь чертою великодушія или гуманности; опасеніе подкуповъ, къ которымъ этотъ народъ такъ склоненъ; необходимость заключить договоръ не дожидаясь извѣстій изъ Вѣны, еслибы Вѣнскій дворъ промедлилъ еще недѣлю; наконецъ, ропотъ на обремененіе войсками вашего императорскаго величества, при боязни голода и при уплатѣ за провіантъ по низкимъ цѣнамъ; а также неизбѣжный безпорядокъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ полиціи—все это заставило меня рѣшиться“.

3го (14го) октября Сиверсъ устроилъ у себя обѣдъ для членовъ депутаціи; а сеймовые послы въ это время обѣдали у своего маршала. Послѣ обильнаго угощенія, въ обычное время собралось сеймовое засѣданіе. По условленному заранѣе порядку, маршалъ произнесъ рѣчь о необходимости союза слабѣйшихъ государствъ съ сильнѣйшими; а потомъ пригласилъ великаго канцлера, князя Сулковскаго, отдать отчетъ въ томъ что̀ сдѣлала депутація назначенная для переговоровъ съ русскимъ посланникомъ. Канцлеръ въ короткихъ словахъ передалъ ходъ этихъ переговоровъ, а потомъ секретарь прочелъ выработанный депутаціей проектъ союзнаго трактата.

Во введеніи къ нему говорилось: по заключеніи съ Россіей трактата 11го (22го) іюля, сеймъ, разсудивъ прилежно о настоящемъ состояніи Рѣчи Посполитой, пришелъ къ убѣжденію что для укрѣпленія ея прочности и долговѣчности нѣтъ ничего болѣе пригоднаго какъ заключить тѣсный и вѣчный союзъ съ императрицею Всероссійскою. Движимая своимъ постояннымъ расположеніемъ къ народу Польскому, императрица милостиво приняла сдѣланное ей въ этомъ смыслѣ предложеніе. Ея величество, а также наияснѣйшій король и Рѣчь Посполитая уполномочили тѣ же лица, которыя трудились надъ уложеніемъ помянутаго трактата, начать и окончить это новое соглашеніе.

Затѣмъ слѣдовалъ самый договоръ, раздѣленный на 18 пунктовъ. Вотъ содержаніе этого договора:

Между императрицею Всероссійскою и ея наслѣдниками, съ одной стороны, королемъ Польскимъ, его преемниками и Рѣчью Посполитой, съ другой, заключается навсегда неразрывный, оборонительный союзъ. Подтверждаются всѣ прежніе договоры между обоими государствами, начиная съ Московскаго трактата 1686 года. Обѣ стороны гарантируютъ другъ другу ихъ европейскія владѣнія и обѣщаютъ въ случаѣ нападенія на кого-либо изъ нихъ въ Европѣ взаимно помогать всѣми вооруженными силами. Главное командованіе надъ союзными войсками будетъ на сторонѣ той державы, которая выставитъ болѣе многочисленныя силы. Король и Рѣчь Посполитая польская признаютъ полезнымъ, чтобы императрица и ея наслѣдники могли, по соглашенію съ Рѣчью Посполитою, принимать военныя или политическія мѣры для ея цѣлости и безопасности. Поэтому Русскіе государи, въ случаѣ надобности, могутъ вводить свои войска въ границы Рѣчи Посполитой, дружески предваривъ ее напередъ о томъ и получивъ ея согласіе; могутъ устраивать тамъ военные магазины и принимать всѣ нужныя предосторожности для ихъ сохраненія. Съ своей стороны, русскія войска обязаны наблюдать строжайшую дисциплину и осторожность въ отношеніи къ обывателямъ и за все исправно платить по условленнымъ цѣнамъ. Въ случаѣ войны, Рѣчь Посполитая обязывается пополнить недостаточное число своего постояннаго войска чрезвычайными средствами. Такъ какъ Русская императрица беретъ на себя столь обширныя обязанности въ отношеніи ко всему, что касается независимости и цѣлости владѣній и вообще существованія наияснѣйшей Рѣчи Посполитой, то послѣдняя, съ своей стороны, обязуется не входить ни въ какія связи и переговоры съ какою-либо державой безъ вѣдома ея величества, и въ отношеніи иностранныхъ государствъ не дѣлать никакого важнаго шага безъ ея согласія. Поэтому вездѣ польскіе и русскіе посланники должны жить въ наилучшихъ отношеніяхъ и сообщать другъ другу все касающееся ихъ взаимныхъ интересовъ. При тѣхъ дворахъ гдѣ не будетъ польскихъ министровъ обязанности ихъ въ отношеніи къ Полякамъ принимаютъ русскіе министры. Императрица за себя и наслѣдниковъ своихъ торжественно гарантируетъ всѣ конституціи и законы, которые будутъ установлены въ Рѣчи Посполитой настоящимъ сконфедерованнымъ сеймомъ. Эта

гарантія не отнимаетъ однако права на тѣ исправленія и перемѣны, которыя Рѣчь Посполитая найдетъ нужнымъ предпринять при новомъ сеймѣ; но всякія измѣненія въ формѣ правленія, долженствующія оказать вліяніе на спокойствіе республики, а черезъ нее на спокойствіе Россійской Имперіи, могутъ быть произведены только съ согласія Русскихъ государей. Дворянство обѣихъ державъ пользуется въ союзной странѣ всѣми мѣстными правами и привилегіями своего сословія; но однако съ тѣмъ условіемъ что русскіе дворяне могутъ занимать гражданскія должности въ Польшѣ только въ томъ случаѣ, если пріобрѣтутъ тамъ поземельныя владѣнія, принесутъ присягу на вѣрность королю и республикѣ; кромѣ того, сохраняются исключенія по отношенію къ религіи, на основаніи трактатовъ 1773 и 1775 годовъ. Подобно дворянству и купечество обѣихъ державъ пользуется въ союзной странѣ всѣми мѣстными правами и привилегіями; но вмѣстѣ съ тѣмъ подлежитъ всѣмъ мѣстнымъ уставамъ и торговымъ пошлинамъ. Въ случаѣ заключенія особаго торговаго трактата между союзными державами этотъ пунктъ будетъ положенъ въ его основу.

Осьмнадцатый, то-есть послѣдній, пунктъ говоритъ о ратификаціи союзнаго договора, которая должна послѣдовать не позднѣе шести недѣль.

Когда прочтенъ былъ проектъ, сеймовый маршалъ далъ слово одному послу изъ оппозиціи, именно Янковскому, который участвовалъ въ депутаціи. Онъ критически, но слегка коснулся нѣкоторыхъ пунктовъ проекта, особенно о свободномъ вступленіи русскихъ войскъ въ польскія владѣнія, и предложилъ взять проектъ ad deliberandum. Послѣ него, по заранѣе опредѣленному плану, получилъ слово графъ Анквичъ, лучшій ораторъ сейма. Онъ живыми красками изобразилъ печальное состояніе Польши, и старался показать, что ея будущее зависитъ отъ тѣснаго и неразрывнаго союза съ Русской императрицей. Въ заключеніе Анквичъ подалъ маршалу проектъ полномочія, въ силу котораго депутація отъ имени короля и сейма должна была подписать союзный договоръ съ Россіей.

Когда секретарь окончилъ чтеніе этого полномочія, маршалъ обратился съ запросомъ къ сейму, и въ отвѣтъ ему раздалось троекратное *згода*! Въ этомъ крикѣ затерялись нѣкоторые слабые голоса оппозиціи. Затѣмъ маршалъ обратился къ членамъ депутаціи съ приглашеніемъ подписать. Всѣ они немед-

ленно подошли къ столу. Только каштелянъ Суходольскій заставилъ себя нѣсколько просить. Три члена оппозиціи, Олдаковскій, Цемневскій и Кимбаръ попытались было противиться принятому рѣшенію; Кимбаръ подошелъ къ столу и схватилъ Суходольскаго за руку, чтобы помѣшать ему подписывать. Однако клики большинства заставили наконецъ оппозицію смолкнуть. Въ заключеніе засѣданія король произнесъ очень патетическую рѣчь, въ которой старался смягчить впечатлѣніе произведенное седьмымъ пунктомъ договора, то-есть свободнымъ вступленіемъ русскихъ войскъ. Онъ ссылался на исторію въ доказательство того, что безъ союзовъ ни одинъ народъ не могъ утвердить своего существованія, ссылался и на недавній примѣръ самихъ Поляковъ, которые принуждены были опираться на однѣ собственныя силы, будучи оставлены безъ помощи коварнымъ союзникомъ (то-есть Прусскимъ королемъ). А въ прочности русскаго союза, по его словамъ, нечего было сомнѣваться, потому что этотъ союзъ въ интересахъ самой Россіи.

Сиверсъ вмѣстѣ съ двумя братьями Зубовыми (Валеріяномъ и Николаемъ) и со своею свитой присутствовалъ при этомъ засѣданіи на мѣстахъ арбитровъ. По окончаніи его онъ перешелъ въ комнаты пани Краковской. Король также пришелъ сюда. Начались взаимныя поздравленія. Станиславъ-Августъ казался очень растроганнымъ, и часто повторялъ посланнику:

— Nous voilà unis, nous voilà amis, nous voilà qu'un!—Vous ne m'ordonnerez rien que ce qui fera le bien de l'ensemble, прибавлялъ онъ.

Яковъ Еѳимовичъ благодарилъ его за рѣчь и просилъ съ нея копію, чтобы препроводить императрицѣ. Король отвѣчалъ что она не была приготовлена заранѣе, а сказалась отъ избытка чувствъ; но такъ какъ всѣ рѣчи на сеймѣ записывались, то онъ обѣщалъ прислать ее, и притомъ въ собственномъ переводѣ на французскій языкъ. Узнавъ что Сиверсъ въ ту же ночь посылаетъ курьера въ Петербургъ, Станиславъ-Августъ сказалъ:

— Напишите императрицѣ обо всемъ что̀ вы видѣли и слышали. Я буду писать ей послѣ подписи трактата. Уважьте теперь мою первую, настоятельную просьбу. Мы уже союзники и друзья; наблюдайте дисциплину и уменьшите количество войскъ, ко-

торыя особенно обременяютъ Литву при настоящемъ дурномъ урожаѣ.

Съ 10 часовъ вечера посланникъ принялся диктовать донесеніе въ Петербургъ о событіяхъ того дня. Офиціальную депешу, по обычаю, онъ адресовалъ на имя вице-канцлера; потомъ другую на имя графа Зубова. Послѣднему онъ сообщаетъ о зависти, которую возбуждаетъ договоръ въ посланникахъ другихъ державъ. „Пруссія не скрываетъ ее; молчаніе австрійскаго нисколько не двусмысленно; сарказмы шведскаго надъ прусскимъ столько же обнаруживаютъ его зависть сколько досаду на свой близкій отъѣздъ, такъ какъ Потоцкій отзывается изъ Стокгольма. Только Англичанинъ благодушно замѣчаетъ о договорѣ: „by God, это оригинально". Папскій нунцій искренно радуется. Я все еще не имѣю извѣстій отъ графа Разумовскаго изъ Вѣны. Договоръ будетъ подписанъ послѣ завтра. До тѣхъ поръ не будетъ сеймоваго засѣданія, чтобы не уменьшить впечатлѣніе одобрительныхъ кликовъ." Далѣе Сиверсъ признается Зубову въ своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, вслѣдствіе огромныхъ расходовъ на сеймъ. „Прощаніе съ сеймомъ будетъ стóить очень дорого, потому что каждому послу надобно дать средства воротиться домой". Баронъ Игельштромъ находится также въ затрудненіи: ему нечѣмъ платить за съѣстные припасы и за фуражъ. Посланникъ совѣтуетъ вывести часть русскихъ войскъ изъ Литвы. Затѣмъ онъ извѣщаетъ, что Прусскій король за услуги оказанныя Сиверсомъ при заключеніи трактата объ уступкѣ земель прислалъ ему, при весьма милостивомъ рескриптѣ, знаки ордена Чернаго Орла, украшенные бриллiянтами, цѣною въ 5 или 6 тысячъ дукатовъ. Сиверсъ проситъ Зубова исходатайствовать у ея величества позволеніе принять и носить ихъ въ дни королевскихъ праздниковъ. Онъ совѣтуетъ наградить Бухгольца орденомъ Св. Анны съ алмазами или драгоцѣнной табакеркой. Игельштромъ также получилъ знаки Чернаго Орла; поэтому надобно наградить фельдмаршала Меллендорфа лентой Св. Андрея. Польскій король, съ своей стороны, проситъ у ея величества позволеніе вручить русскому посланнику знаки ордена Бѣлаго Орла. Въ заключеніе своего донесенія Сиверсъ благодаритъ Зубова за то, что братъ его Валеріянъ сдѣлалъ надлежащее внушеніе епископу Коссаковскому. „Дѣйствіе этого внушенія—замѣчаетъ

онъ—я видѣлъ въ одобрительныхъ восклицаніяхъ сегодняшняго вечера.“

Съ такимъ пріятнымъ донесеніемъ посланникъ не преминулъ послать курьеромъ одного изъ своихъ племянниковъ, поручика Карла Сиверса, и не забылъ рекомендовать его вниманію Платона Зубова.

При официальномъ донесеніи онъ отправилъ еще особое письмо императрицѣ. Тутъ Яковъ Ефимовичъ выражается такимъ образомъ: „Вѣчный союзъ между вашею державой и Польшей только что рѣшенъ единогласнымъ одобреніемъ въ сеймовомъ засѣданіи этого вечера. Вѣчно памятный день въ лѣтописяхъ обоихъ государствъ.“ Далѣе слѣдуютъ приведенныя нами выше оправданія въ томъ, что дѣло рѣшено до полученія извѣстій изъ Вѣны. „Смѣю увѣрить ваше величество, что весь свѣтъ доволенъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фанатиковъ.“ Затѣмъ, вѣрный данному королю обѣщанію, посланникъ проситъ сократить на половину пятидесятитысячное русское войско въ польскихъ владѣніяхъ, и это сокращеніе произвести тотчасъ послѣ уменьшенія польской арміи.

Спустя два дня, то-есть 5го (16го) октября, послѣдовала подпись союзнаго трактата. Въ ту минуту, когда Сиверсъ садился въ карету чтобъ ѣхать для этого на засѣданіе депутаціи, прибылъ курьеръ изъ Вѣны съ давно ожидаемымъ извѣстіемъ. Оно оказалось удовлетворительнымъ: графъ Разумовскій писалъ, что Вѣнскій дворъ согласенъ на Петербургскую конвенцію. Это извѣстіе посланникъ поспѣшилъ передать депутаціи и, по его словамъ, оно произвело всеобщую радость. А когда онъ сообщилъ ее королю, то у послѣдняго на глазахъ показались слезы. Онъ увѣрялъ что это уже не слезы горести, а внутренняго удовольствія. „Я доволенъ и счастливъ“, повторялъ онъ, и нѣсколько разъ обнялъ русскаго посланника.

Наканунѣ былъ большой обѣдъ у Пулавскаго, вновь пожалованнаго генералъ-инспекторомъ коронной кавалеріи. Обѣдъ давался въ честь генерала Зубова, какъ извѣстила о томъ варшавская газета (*Korresp.*). На немъ присутствовали всѣ русскіе генералы и штабъ-офицеры. На срединѣ стола красовались два орла, соединенные лавромъ и осѣненные лавровымъ деревомъ, съ надписью: in unitate felicitas.

Въ самый день подписи трактата, Масальскій, въ качествѣ президента депутаціи, давалъ у себя роскошный пиръ, на которомъ провозглашались тосты при пушечной пальбѣ. Вечеромъ былъ блестящій балъ у русскаго посланника. Для тѣхъ сеймовыхъ пословъ, которые не могли найти мѣста за ужиномъ у Сиверса, устроенъ былъ ужинъ въ городскомъ клубѣ, и тамъ роль хозяина игралъ генералъ Раутенфельдъ. Посылая донесеніе объ этомъ днѣ, Сиверсъ снова ходатайствуетъ о выводѣ части русскихъ войскъ, на чтò онъ уже подалъ надежду Полякамъ; говоритъ о денежныхъ затрудненіяхъ своихъ собственныхъ и короля; проситъ также о наградѣ членовъ депутаціи и вообще всѣхъ лицъ способствовавшихъ заключенію союзнаго трактата. Съ этимъ донесеніемъ отправился другой племянникъ Сиверса, Яковъ, также прикомандированный къ его канцеляріи и также рекомендованный теперь благосклонному вниманію Зубова.

Интересны откровенныя письма нашего посланника къ его дочерямъ, набросанныя въ эти тревожные и вмѣстѣ пріятные для него дни. 4го (15го) октября онъ пишетъ слѣдующее: „Если я скажу тебѣ что вчера весь день былъ на ногахъ, а вечеромъ на галлереѣ сеймовой залы, чтобы присутствовать при заключеніи союзнаго трактата Россіи съ Польшей, всю ночь писалъ, частію уже въ постели, то ты спросишь: правда ли? Да, мое сердце, но на этотъ разъ, слава Богу! Это трактатъ единственный въ своемъ родѣ.“ Послѣ подписи договора онъ пишетъ дочери около трехъ часовъ утра: „Видишь сколько часовъ. Итакъ, дорогая моя, не жури меня. Я пойду спать, подписавъ союзный трактатъ, который запечатлѣлъ счастье Польши. Король заставилъ меня и графа Зубова принять богато украшенную ленту Бѣлаго Орла. Итакъ, у меня два орла и двѣ звѣзды съ бриллiантами. Чтобъ утѣшить тебя, я долженъ тебѣ сказать что сегодня на своемъ балу протанцовалъ пять полонезовъ; ибо балы необходимы Полякамъ. Я начинаю ихъ любить, потому что и они также начинаютъ меня любить.“ Послѣдняя фраза обнаруживаетъ сантиментальную струну нашего почтеннаго государственнаго мужа, который нѣсколько личныхъ отношеній готовъ принять за чувства всего польскаго общества и серіозно считаетъ себя призваннымъ облагодѣтельствовать цѣлую націю.

Подобная сантиментальность впрочемъ не мѣшала при всякомъ удобномъ случаѣ выдвигать впередъ людей близкихъ.

Увѣдомляя о двухъ племянникахъ, отправленныхъ курьерами въ Петербургъ, Яковъ Еѳимовичъ прибавляетъ: „Надѣюсь что молодежь при этомъ что-нибудь получитъ и на свою долю. По крайней мѣрѣ я этого желаю.“ „Король прислалъ мнѣ для обоихъ племянниковъ два прекрасные перстня съ своимъ именемъ, украшенные бриллiантами, въ пять или шесть сотъ рублей. Дивовъ въ то же время получилъ перстень въ 1.500 рублей. Это мнѣ прискорбно, потому что бѣдному королю самому нечѣмъ жить, и то что̀ онъ имѣетъ получаетъ отъ меня же. Я совсѣмъ противъ своего желанiя долженъ былъ принять отъ него дорогую ленту.“ „Здѣсь приложенъ самый договоръ, который не имѣетъ себѣ подобнаго въ новой исторiи; а можетъ быть и въ древней. Посылаю тебѣ четыре экземпляра; два изъ нихъ спрячь, чтобы Жако (то-есть внукъ), когда выростетъ, прочелъ ихъ.“ Бѣдный посланникъ, такъ высоко цѣнившiй свой дипломатическiй актъ, и не подозрѣвалъ что этому акту не суждено было имѣть ни малѣйшей будущности!

„Сеймъ приближается къ концу, пишетъ Сиверсъ на слѣдующiй день, а я къ возвращенiю въ Варшаву. Я буду теперь на 43 мили дальше отъ тебя, но наша корреспонденцiя сдѣлается правильнѣе. Мы будемъ съ бо̀льшими удобствами переписываться объ музыкѣ, о книгахъ и о нашемъ препровожденiи времени. Мнѣ не придется болѣе писать тебѣ каракули, лежа въ постели и продолжая притомъ заниматься дѣлами, диктуя бумаги и сочиняя даже записки женщинамъ. Къ несчастiю Польши, женщины много содѣйствовали ея безпорядкамъ. Между ними много якобинокъ, которыя ходатайствуютъ за такъ-называемыхъ патрiотовъ.“ Такое мнѣнiе о польскихъ женщинахъ не мѣшаетъ Якову Еѳимовичу только въ дамскомъ обществѣ находить отдыхъ и отраду отъ своихъ трудовъ и заботъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ сообщаетъ о музыкальныхъ собранiяхъ у графини Огинской, молодой и очень милой жены литовскаго подскарбiя. Здѣсь иногда поетъ графиня Камелли; кромѣ нея онъ встрѣчаетъ тутъ княгиню Радзивилъ, также хорошую пѣвицу, и хорошенькую дѣвушку Нарбутъ, которая отлично играетъ на клавикордахъ.

На сеймовомъ засѣданiи 7го (18го) октября одинъ изъ пословъ (Станишевскiй) предложилъ отправить въ Петербургъ торжественное посольство съ изъявленiемъ императрицѣ бла-

годарности по случаю заключеннаго съ нею союзнаго трактата. Предложеніе это сдѣлано по тайному порученію короля, который въ свою очередь условился предварительно съ Сиверсомъ. Но нѣкоторые члены оппозиціи взяли это предложеніе ad dileberandum, а потому оно рѣшено было только въ слѣдующемъ засѣданіи. Послѣ многихъ переговоровъ о томъ, кого именно поставить во главѣ посольства, король и Сиверсъ остановились на двухъ королевскихъ племянникахъ, графѣ Мнишкѣ и графѣ Тышкевичѣ. Сеймъ выбралъ литовскаго маршала Тышкевича. На издержки посольства опредѣлено 10.000 дукатовъ. Но отъѣздъ его былъ отложенъ до конца настоящаго сейма.

Въ отвѣтъ на послѣднія донесенія посланника прибылъ изъ Петербурга милостивый рескриптъ, помѣченный 16мъ октября стараго стиля. Сиверсу пожалованъ орденъ Св. Владиміра первой степени; причемъ ему разрѣшалось принять и носить ордена полученные отъ королей Прусскаго и Польскаго. Кромѣ того, ему обѣщано награжденіе деревнями, но число душъ пока не было обозначено. Къ рескрипту приложенъ списокъ наградъ, которыя посланникъ долженъ былъ раздать польскимъ министрамъ и членамъ депутаціи подписавшей два проекта: объ уступкѣ земель и о союзѣ. * Относительно наградъ прусскому посланнику и прусскому фельдмаршалу, императрица не вполнѣ послѣдовала совѣту Сиверса; желая вѣроятно показать Берлинскому двору нѣкоторое неудовольствіе на его образъ дѣйствій, она ограничилась табакеркой осыпан-

* Вотъ этотъ списокъ: епископу Масальскому—крестъ и сапфирный перстень, украшенные брилліантами; епископу Скаржевскому—топазовый крестъ и изумрудный перстень, съ брилліантами; епископу Коссаковскому, Мошинскому, Радивилу и Тышкевичу—табакерки съ портретомъ ея величества, украшеннымъ алмазами; гетману Коссаковскому—перстень съ алмазами; канцлеру Сулковскому и подскарбію Огинскому—табакерки съ портретомъ, украшеннымъ брилліантами; Платеру, Ожаровскому, Оборскому и Бѣлинскому—перстни съ брилліантами; Забѣло, Залускому и Дзяковскому—табакерки съ брилліантовымъ вензелемъ ея величества; Анквичу — табакерку украшенную голубою эмалью и алмазами. Передавая ему подарокъ, Сиверсъ имѣлъ порученіе сказать что „это есть особая награда его рвенію въ дѣлѣ союза двухъ націй.“ На каждой вещи отчеканено имя того кому она назначалась. Сверхъ этихъ подарковъ прислано было тринадцать перстней и одна табакерка безъ означенія именъ; посланникъ долженъ былъ раздать ихъ по своему выбору.

ной бриллiянтами для Бухгольца и Анненскою лентой для Меллендорфа.

Станиславу-Августу императрица прислала отвѣтъ на его благодарственное письмо о союзномъ трактатѣ и поручила посланнику прибавить еще словесное внушенiе. „Скажите ему, писала она, что если онъ хочетъ спокойно окончить свое царствованiе, то нѣтъ другаго средства какъ дѣйствовать согласно съ вами. Скажите что всѣ его несчастiя, а также несчастiя его страны, произошли отъ ложной идеи независимости и отъ стремленiя увеличить свою власть. Пора ему довѣриться мнѣ безъ всякаго колебанiя и риска. Вотъ уже 32 года мое царствованiе сопровождается постоянными успѣхами въ моихъ предпрiятiяхъ и въ моихъ мѣрахъ. Я не могу еще, прибавьте какъ бы отъ себя, положиться на него послѣ опытовъ прошедшаго. Поэтому сожалѣю о томъ, что вы сообщили ему о моемъ обращенiи къ Вѣнскому двору относительно проектированнаго договора съ Польшей; тѣмъ болѣе, что мы не сдѣлали того же по отношенiю къ Берлинскому двору, который узнавъ будетъ завидовать. На будущее время ничего не сообщайте о моихъ отношенiяхъ къ дворамъ безъ особаго отъ меня разрѣшенiя.“ Вмѣстѣ съ рескриптами императрица прислала и ратификацiю союзнаго договора.

Король, по словамъ Сиверса, былъ очень обрадованъ письмомъ императрицы и ратификацiей договора; онъ въ присутствiи посланника призвалъ къ себѣ графа Морелли, прибывшаго изъ Петербурга курьеромъ съ означенными документами и подарками, и вручилъ ему драгоцѣнную табакерку. Потомъ, обратясь къ Сиверсу, Станиславъ-Августъ сказалъ патетическимъ тономъ: „Любезный посланникъ, вы будете еще работать съ прусскимъ министромъ надъ коммерческимъ трактатомъ для благополучiя Польши. Все что вы для нея прiобрѣтете будетъ одолжено единственно благодѣтельному влiянiю императрицы, которой мы обязаны всѣмъ и отъ великодушiя которой мы всего ожидаемъ. Увѣренный въ вашемъ усердiи къ исполненiю ея плановъ, я вполнѣ на васъ полагаюсь.“

5го (16го) ноября произошелъ обмѣнъ ратификацiй союзнаго договора. Послѣ этого обмѣна посланникъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ депутацiи и тутъ роздалъ имъ подарки присланные императрицей.

XIV.

Вопросъ о сокращеніи войска.—Ревизія Тарговицкихъ sancita.—Проектъ основныхъ законовъ.—Объясненіе Екатерининской политики въ связи съ этимъ проектомъ и съ союзнымъ договоромъ.

Постараемся теперь въ сжатомъ очеркѣ досказать исторію знаменитаго Гродненскаго сейма.

Нѣсколько разъ назначаемъ былъ срокъ для его закрытія; но неоконченныя задачи постоянно заставляли русскаго посланника отодвигать этотъ срокъ все далѣе и далѣе. Въ послѣдній разъ онъ былъ продолженъ до 12го (23го) ноября. А между тѣмъ предстояло еще много работъ; но Яковъ Еѳимовичъ настоялъ на томъ, чтобъ этотъ срокъ дѣйствительно былъ послѣдній, и сеймъ нашелся вынужденнымъ собираться большею частію два раза въ день, то-есть поутру и послѣ обѣда. Собственно въ общихъ засѣданіяхъ разсматривались и утверждались результаты работъ сообщаемые разными коммиссіями или депутаціями, каковы: фондовая, доставлявшая проекты новой правительственной организаціи со всѣми ея подробностями; депутація иностранныхъ дѣлъ, которая вела переговоры съ русскимъ и прусскимъ посланниками; депутація для ревизіи войска; депутація для ревизіи дѣлъ постояннаго совѣта; депутація банковая — по дѣлу о несостоятельныхъ банкирахъ; депутація для пересмотра декретовъ или sancita Тарговицкой конфедераціи; депутація скарбовая или финансовая и т. д.

Остановимся на тѣхъ вопросахъ, которымъ по преимуществу посвящено было вниманіе сейма въ послѣдній періодъ его дѣятельности, а именно: сокращеніе войска, отмѣна Тарговицкихъ декретовъ и новая конституція Рѣчи Посполитой.

Какъ ни было незначительно количество польскаго войска въ данную эпоху (отъ 30 до 40.000); но и оно найдено не по средствамъ Рѣчи Посполитой послѣ уменьшенія ея предѣловъ. Рѣшено сократить его до самыхъ скромныхъ размѣровъ. Послѣ многихъ проектовъ и контръ-проектовъ сеймъ остановился на 8.000 съ небольшимъ для Короны и на 6.000 для Литвы. Но затѣмъ представлялся вопросъ: какимъ образомъ произвести это сокращеніе и какъ поступить съ лиш-

нимъ количествомъ арміи, заключавшимъ въ себѣ болѣе 20.000 солдатъ и до 500 офицеровъ? По обыкновенію Рѣчи Посполитой, государство находилось постоянно въ долгу у войска вслѣдствіе неуплаты жалованья. Быстрое распущеніе такого количества солдатъ, ничѣмъ необезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, грозило наполнить страну шайками бродягъ и грабителей. Относительно офицеровъ всѣ болѣе или менѣе соглашались съ тѣмъ, что при отпускѣ имъ должно быть выдано денежное вспоможеніе. Но сеймъ становился въ тупикъ при вопросѣ, гдѣ взять денегъ при совершенномъ разстройствѣ финансовъ? Онъ не зналъ какъ справиться съ долгами республики, и разчитывалъ только на новые займы и на русскую помощь.

Мы знаемъ, что императрица и ея посланникъ желали помѣстить излишекъ польскихъ войскъ въ ряды русской арміи. Но затрудненіе состояло въ томъ: какъ осуществить это желаніе? Опасеніе протеста со стороны Австріи и особенно Пруссіи не позволяло дѣйствовать открыто и рѣшительно. Между прочимъ была мысль перевести въ русскую службу изъ польской арміи уроженцевъ тѣхъ провинцій, которыя отошли къ Россіи. Но эта мысль по всей вѣроятности сдѣлалась извѣстною Прусскому королю, и онъ не замедлилъ послать Бухгольцу приказъ, чтобы тотъ потребовалъ возвращенія изъ польской арміи всѣхъ уроженцевъ провинцій отошедшихъ къ Пруссіи. Бухгольцъ сообщилъ это требованіе Сиверсу, и послѣдній отвѣтилъ ему письменно, что польскіе солдаты имѣющіе быть распущенными должны получить полную свободу.

Между тѣмъ, кромѣ сосѣднихъ державъ, на предстоящее уменьшеніе польской арміи не замедлили обратить вниманіе и Англичане. Два англійскихъ штабъ-офицера, обильно снабженные золотомъ, уже явились въ Польшѣ для того, чтобы вербовать охотниковъ въ свою службу. Они дѣйствовали подъ покровительствомъ своей дипломатіи; но Игельштромъ и Сиверсъ поспѣшили поставить имъ разныя препятствія. Посланникъ нашъ продолжалъ настаивать предъ императрицею на вербовкѣ польскихъ солдатъ въ русскую службу; но Петербургъ медлилъ доставленіемъ денегъ на эту вербовку. При закрытіи сейма редукція арміи передана военной коммиссіи, въ которой предсѣдательствовали оба великіе гетмана, Ожаровскій и Коссаковскій. За неимѣніемъ денегъ она замедлилась; а потомъ, когда декретъ о сокращеніи арміи вздума-

ли привести въ исполненіе, эта мѣра, какъ извѣстно, дала толчекъ къ возстанію 1794 года.

Пока въ Петербургѣ и Гроднѣ занимались вопросомъ о томъ, что̀ дѣлать съ излишкомъ польской арміи, она не оставалась равнодушною къ этому вопросу. Слухи о предстоящемъ распущеніи большей части войска не замедлили вызвать броженіе въ военныхъ кружкахъ; тѣмъ болѣе, что всякій еще могъ задавать себѣ вопросъ: останется ли онъ на службѣ или подвергнется увольненію? Патріотическая партія, озлобленная вторымъ раздѣломъ и нисправерженіемъ майской конституціи, конечно, не упустила случая воспользоваться волненіемъ арміи и ускорила свои подготовительныя работы къ мятежу. „До меня доходятъ очень достовѣрныя извѣстія, пишетъ Сиверсъ императрицѣ (28го октября нов. ст.), о томъ что эмигранты и якобинцы строятъ ковы; они разчитываютъ на общее неудовольствіе войска, а кромѣ того на народъ и на помощь Вѣнскаго двора.“ Но очевидно до Сиверса доходили только неясные слухи и онъ не вѣдалъ того, что о бокъ съ нимъ, въ самомъ Гроднѣ, наполненномъ русскими приверженцами и русскими войсками, уже завязана была организація для будущаго возстанія.

Есть извѣстіе, именно въ мемуарахъ нѣкоего полковника Гонсяновскаго, что въ концѣ августа въ Гродно пріѣхалъ подъ чужимъ именемъ Костюшко и привезъ съ собой готовый планъ возстанія. Офицеры, послы и обыватели извѣстные своимъ патріотическимъ настроеніемъ сходились съ нимъ по ночамъ, то въ квартирѣ майора Краснодембскаго (члена сеймовой оппозиціи), то въ палацѣ гетманши Огинской. Въ числѣ другихъ здѣсь встрѣчаемъ имена Адама Чарторыйскаго, князя Казиміра-Сапѣги и генерала Бышевскаго. Костюшко предложилъ разослать во всѣ стороны эмиссаровъ, выбранныхъ между наиболѣе надежными офицерами. Предложеніе его принято, и бывшіе налицо военные начальники сообщили по полкамъ приказы о присылкѣ въ Гродно офицеровъ отличающихся добрымъ поведеніемъ и преданностію религіи. Костюшко отправился въ Пулавы, извѣстное имѣніе Чарторыйскихъ, недалеко отъ Варшавы, и приготовилъ тамъ прокламаціи къ народу, которыя написаны были въ аллегорической формѣ отъ имени разныхъ магнатовъ. Воротясь въ Гродно, онъ нашелъ уже офицеровъ прибывшихъ изъ полковъ. Поговоривъ съ каждымъ изъ нихъ, Костюш-

ко выбралъ тѣхъ, которые показались ему наиболѣе способны къ эмиссарскому дѣлу, и оставилъ ихъ въ Гроднѣ; а прочіе были отпущены назадъ. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Краковъ. Эмиссары были расписаны по воеводствамъ и имѣли отправиться туда подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ по имѣніямъ. Снабженные отъ своихъ генераловъ безсрочными отпусками, они явились въ канцеляріи русскаго и прусскаго посланниковъ, получили тамъ еще особые паспорты, и благополучно отправились волновать народъ. *

Многочисленныя жалобы на произволъ и несправедливости, учиненные фамиліей Коссаковскихъ въ бытность ихъ вождями Тарговицкой конфедераціи, вызвали, какъ мы знаемъ, учрежденіе особой коммиссіи; задача ея состояла въ томъ, чтобы пересмотрѣть sancita, или приговоры этой конфедераціи, и тѣ которые она найдетъ несправедливыми представить на перерѣшеніе сейма. Едва составилась подобная коммиссія, какъ сеймъ вскорѣ былъ заваленъ ея докладами и ходатайствами многихъ лицъ объ отмѣнѣ относившихся къ нимъ декретовъ. Сеймъ съ большимъ рвеніемъ принялся однпъ за другимъ отмѣнять приговоры. Бывшіе члены Тарговицы могли оказывать только слабое сопротивленіе въ виду своихъ многочисленныхъ недоброжелателей, которые въ этомъ случаѣ надѣялись и на могущественную поддержку русскаго посланника; такъ какъ извѣстны были его недружественныя отношенія къ братьямъ Коссаковскимъ. Послѣдніе принуждены были молча переносить на сеймѣ оскорбленія отъ противниковъ. Но они не упускали случая обращаться въ Петербургъ съ

* *Pamiętniki Gąsianowskiego*. 122. Эти записки представляютъ образецъ польскихъ мемуаровъ, наполненныхъ невѣрностями и противорѣчіями. За неимѣніемъ другихъ данныхъ, мы не можемъ пока принять за несомнѣнный фактъ разказъ о пребываніи въ Гроднѣ Костюшки. Но что въ то время уже завязывалась здѣсь организація будущаго возстанія, это подтверждается и мемуарами Охоцкаго. По всѣмъ признакамъ, онъ пріѣзжалъ въ Гродно, вмѣстѣ съ генераломъ Дзялынскимъ, именно для того чтобы участвовать въ обсужденіи плановъ повстанья и въ переговорахъ съ оппозиціонною группой сеймовыхъ пословъ. Эти приготовленія къ мятежу могутъ намъ объяснить отчасти и поведеніе оппозиціи на сеймѣ, а можетъ-быть и двусмысленную роль самого короля. Повидимому тайная полиція Сиверса не все доносила ему что̀ знала, или сама не знала многаго.

своими жалобами и навѣтами тамъ, гдѣ представлялся удобный случай. *

Между тѣмъ рвеніе въ походѣ открытомъ противъ Тарговицкой конфедераціи дошло до того, что не задолго до окончанія сейма король, конечно побуждаемый другими, просилъ Сиверса о дозволеніи кассировать разомъ всѣ sancita Тарговицы. На такую крайнюю мѣру Сиверсъ не могъ дать своего согласія, и разрѣшилъ отмѣнить только тѣ постановленія, которыя относятся лично къ королю. Но они и безъ того отмѣнялись въ силу новаго уложенія.

Чтò касается до проекта новой польской конституціи, то самые существенные пункты его, которые со стороны Петербурга поручались особому вниманію нашего посланника, были слѣдующіе: сохраненіе избирательнаго престола и liberum veto, возстановленіе гетманскихъ прерогативъ, исключительный доступъ дворянскому сословію къ офицерскимъ чинамъ, невмѣшательство короля въ воспитаніе юношества и въ процессы частныхъ лицъ, и т. д. Отдѣльныя части проекта, по мѣрѣ ихъ изготовленія, отсылались въ Петербургъ, просматривались императрицею и возвращались уже ею одобренныя.

---

* Сеймъ между прочимъ назначилъ особую депутацію для ревизіи военной литовской коммиссіи, президентомъ которой былъ гетманъ Коссаковскій. Огинскій разказываетъ, что по его указаніямъ назначены были десять членовъ этой депутаціи, и что гетманъ представилъ Сиверсу записку объ этихъ членахъ, какъ объ отъявленныхъ якобинцахъ. Онъ прибавилъ, что намѣренъ написать Зубову, желая увѣдомить императрицу о томъ чтò происходитъ въ Гроднѣ. Сиверсъ обратился съ упрекомъ къ королю; а тотъ прибѣгъ за совѣтомъ къ Огинскому. Послѣдній тотчасъ набросалъ на бумагу біографическіе очерки членовъ' и, разумѣется, постарался изобразить ихъ какъ людей не только способныхъ, но и доблестныхъ, извѣстныхъ своими заслугами отечеству. Посланникъ удовлетворился объясненіями; но Коссаковскій, безъ сомнѣнія, исполнилъ свою угрозу и сообщилъ обо всемъ въ Петербургъ. Въ донесеніяхъ Сиверса однако мы не нашли ничего относительно этого случая.

Примѣромъ того, какъ еще были сильны вожди Тарговичанъ и какъ дружно отстаивали они свои интересы, служитъ дѣло о нѣкоторыхъ имуществахъ академій Краковской и Виленской, розданныхъ Тарговицей въ пользованіе своимъ членамъ. По этому дѣлу хлопоталъ въ Гроднѣ у Сиверса Снядецкій, въ то время профессоръ Краковской академіи, а въ послѣдствіи ректоръ Виленской. (Pamiętniki o Janie Sniadeckim, przez M. Balińskiego. I. 233.).

Только за недѣлю до окончанія сейма, именно въ засѣданіи 5го (16го) ноября, проектъ о формѣ правительства былъ представленъ на обсужденіе сейма, и затѣмъ бóльшая часть засѣданій посвящалась чтенію этого проекта. Сущность его заключалась, конечно, въ основныхъ или кардинальныхъ законахъ государства (prawa kardinalne). Содержаніе этихъ законовъ, раздѣленныхъ на 16 статей или артикуловъ, было слѣдующее:

Верховная и законодательная власть по-прежнему принадлежитъ сейму, который во главѣ своей имѣетъ короля и составляется изъ сената и рыцарскаго сословія. Народъ обязанъ повиноваться только тѣмъ законамъ, которые установлены сеймомъ; только сеймъ имѣетъ право налагать подати и распоряжаться ихъ употребленіемъ; только ему подчинена и обязана вѣрностію военная сила; онъ ставитъ надъ ней начальниковъ; онъ объявляетъ войну и заключаетъ договоры, учреждаетъ магистратуры и назначаетъ высшихъ сановниковъ. Но законодательная власть навсегда отдѣлена отъ власти исполнительной, и потому сеймъ не самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія, а посредствомъ магистратуръ. Рѣчь Посполитая навсегда сохраняетъ свои верховныя права относительно земель находящихся во временномъ пользованіи. Римско-католическая вѣра обоихъ обрядовъ (латинскаго и уніатскаго) сохраняетъ навѣки свое господствующее положеніе со всѣми своими привилегіями; переходъ изъ этой вѣры въ другую есть уголовное преступленіе, и наказывается изгнаніемъ; въ отношеніи диссидентовъ сохраняется постановленіе 1775 года. Королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ можетъ быть только римскій католикъ, а также и королева, и пока она не приняла католичества, не можетъ быть коронована.

Великое княжество Литовское, посредствомъ уніи соединенное съ Короною въ одно тѣло Рѣчи Посполитой, навсегда останется въ этомъ соединеніи. Связь съ ними Курляндіи останется въ силѣ на основаніи устава 1569 года. Никакая власть въ республикѣ, ни даже сеймъ, не имѣетъ права дѣлать уступку земель изъ владѣній Рѣчи Посполитой. Вольное избраніе королей сохраняется во всей силѣ. Если случится что король нарушилъ что-либо изъ основныхъ законовъ или pacta conventa, которымъ онъ присягалъ, тогда сеймъ имѣетъ право постановленіемъ двухъ третей, при тайной подачѣ голосовъ,

…одъ отъ обязанности повиноваться королю. … Совѣтъ въ такомъ случаѣ собираетъ чрезвычай…ъ. Право на государственныя должности, на свѣтскіе …овные уряды принадлежитъ только шляхетскому сосло…; а епископства и министеріи будутъ занимаемы только родовитою шляхтою. Впрочемъ, сохраняется неизмѣнное равенство въ шляхетскомъ сословіи, и особые титулы нисколько не должны нарушать этого равенства. Право шляхты на владѣніе наслѣдственными землями и подданными навсегда останется въ цѣлости, но права жизни и смерти она не имѣетъ. На сеймикахъ всякій шляхтичъ имѣетъ вольный голосъ. Уряды и достоинства, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, могутъ быть отняты только по приговору компетентнаго суда. Настоящіе основные законы пребудутъ въ Рѣчи Посполитой навсегда нерушимы. Никакой сеймъ не имѣетъ права измѣнять или исправлять ихъ, даже и посредствомъ единогласія. Король въ такомъ случаѣ противопоставляетъ рѣшенію сейма свое veto. А еслибъ онъ не воспользовался своимъ правомъ, тогда Постоянный Совѣтъ, даже и безъ участія короля, собираетъ чрезвычайный сеймъ для того чтобъ онъ кассировалъ всякое измѣненіе въ основныхъ законахъ. *

За основными законами слѣдуютъ pacta conventa, потомъ сеймики, сеймы, суды, Постоянный Совѣтъ, коммиссія эдукаційная и прочія учрежденія Рѣчи Посполитой. Весь проектъ раздѣленъ на 40 главъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этой конституціи, которой не суждено было перейти въ жизнь. Замѣтимъ только объ общемъ ея характерѣ, насколько онъ выразился въ основныхъ законахъ.

Новая форма правленія не только отмѣняла всѣ учрежденія 3го мая, но въ отрицаніи своемъ она пошла даже далѣе конституціи 1775 года. Король терялъ почти всякое значеніе; никто въ государствѣ не имѣлъ права почина, такъ какъ государственныя учрежденія и сословныя отношенія осуждались на полную неподвижность. Эта конституція, конечно, могла существовать только въ неразрывной связи съ приведеннымъ нами союзнымъ договоромъ, то-есть неприкосновенность ея могла покоиться только на остріѣ русскихъ штыковъ, которые, на основаніи союзнаго договора, получали законную возможность почти никогда не покидать предѣловъ Рѣчи Пос-

* *Korresp.* **1111.**

политой. Избраніе короля зависѣло, конечно, отъ Россіи; но еслибъ и король вздумалъ ей противодѣйствовать, тогда на передній планъ можно было выдвинуть Постоянный Совѣтъ, составленный изъ лицъ, на которыхъ русское правительство могло положиться. Дѣйствительная власть въ Рѣчи Посполитой окончательно должна была сосредоточиться въ рукахъ русскаго посланника, который въ сущности представлялъ бы нашего намѣстника въ Варшавѣ.

Мы никоимъ образомъ не можемъ порицать тѣхъ цѣлей, которыми руководствовалась политика Екатерины II въ отношеніи къ Рѣчи Посполитой: она была направлена на то чтобы подготовить сліяніе Польши съ Россіей и прежде всего имѣла въ виду не чужіе, а собственные русскіе интесы. Это обстоятельство однако не мѣшаетъ намъ критически отнестись къ тѣмъ мѣрамъ, которыми она думала достигнуть своихъ цѣлей. Полагаться главнымъ образомъ на силу штыковъ и на подкупы, вынуждать разнаго рода трактаты и конституціи, издавать ихъ отъ имени мнимаго большинства націи—все это представляло слишкомъ ненадежныя средства для скрѣпленія связей между двумя сосѣдними и родственными народами. При первомъ удобномъ случаѣ накоплявшееся раздраженіе производило взрывъ, и дипломатическіе акты оказывались ни для кого необязательными. А между тѣмъ такая система поневолѣ влекла за собою многія уступки съ нашей стороны, которыя въ свое время казались также признакомъ мудрой политики и перешли по наслѣдству къ послѣдующему поколѣнію, но въ сущности приготовляли серіозныя препятствія къ достиженію главной цѣли, то-есть къ сліянію бывшихъ областей Рѣчи Посполитой съ Россіей. Укажемъ на самый крупный фактъ въ этомъ отношеніи: на ласкательства которыя оказывались польской шляхтѣ и католическому духовенству въ провинціяхъ перешедшихъ отъ Польши къ Россіи. Всѣ ихъ сословныя привилегіи были не только утверждены, но и усилены, въ ущербъ главнаго населенія, то-есть въ ущербъ русской народности. Та же система послѣ Екатерины перешла въ менѣе искусныя руки и приняла еще болѣе обширные размѣры; потребовалось много времени и много горькихъ опытовъ чтобъ убѣдиться въ ея несостоятельности.

Болѣе практичною была политика Пруссіи. Она представляла русской дипломатіи играть самую видную роль въ

...Посполитой и накоплять раздраженіе Поля... России; а потомъ, когда поднималось возстаніе ...лось русскими силами, Пруссія принимала дѣятель...стіе въ раздѣлѣ, и затѣмъ, не заботясь много о чу...ѣ мнѣніи, начинала усердно усвоивать своему организму пріобрѣтенныя области. Въ поземельномъ владѣніи, въ торговомъ отношеніи и въ церковныхъ вопросахъ она не дѣлала почти никакихъ уступокъ, которыя могли обратиться въ ущербъ ея интересамъ, государственнымъ и національнымъ.

Но мы были бы несправедливы къ памяти великой императрицы, еслибы стали вполнѣ примѣнять къ ея дѣйствіямъ политическія идеи и воззрѣнія нашего времени. То что̀ для насъ уяснилось, вслѣдствіе продолжительнаго опыта, не могло быть отчетливо сознаваемо во второй половинѣ XVIII вѣка; тогда не существовалъ почти и самый вопросъ о національностяхъ и національной политикѣ. Въ этомъ отношеніи Екатерина все-таки многое угадывала съ помощію своего сильнаго ума, и умѣла избѣгать тѣхъ крайностей, которыя были допущены въ эпоху за ней послѣдовавшую. Притомъ, если сравнимъ положеніе Россіи и Пруссіи того времени, то увидимъ что разница ихъ политики обусловливалась, конечно, и различіемъ въ ихъ цивилизаціи, въ ихъ географическихъ и этнографическихъ обстоятельствахъ и разными другими отношеніями. Наконецъ, надобно сознаться что задача сліянія Польши съ Россіей, въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ она была предпринята Екатериною,—эта задача едва ли сотвѣтствовала нашимъ средствамъ въ то время, и естественно правительство старалось привлечь на свою сторону то сословіе, которое привыкло въ себѣ одномъ воплощать Рѣчь Посполитую, то-есть сословіе шляхетское. Нашъ государственный строй и наши собственныя сословныя отношенія того времени также обусловливали эту систему.

При обсужденіи Екатерининской политики, легко можетъ представиться слѣдующій вопросъ: зачѣмъ императрица не удовольствовалась возвращеніемъ Русскому народу того, что̀ ему когда-то принадлежало, и не хотѣла предоставить остальную Польшу ея собственной участи? Но, вопервыхъ, повторяемъ, вопросъ о національностяхъ еще не былъ выясненъ и недостаточно вліялъ на политику; при запутанныхъ національныхъ и церковныхъ отношеніяхъ въ западной Россіи, не было достаточно ясно гдѣ кончалось свое и начиналось чужое.

Вовторыхъ, предоставить Польшу собственной участи было бы очень рискованнымъ для русскихъ интересовъ: если она оправится отъ анархіи и усилится, то, конечно, будетъ домогаться возвращенія отошедшихъ провинцій, будетъ возбуждать враждебное къ намъ настроеніе въ нерусскихъ элементахъ западной Россіи и будетъ готовымъ союзникомъ всякаго внѣшняго врага Русской Имперіи; если же она не оправится отъ анархіи, то будетъ подѣлена своими нѣмецкими сосѣдями и пойдетъ на усиленіе ихъ средствъ, въ ущербъ нашему значенію. Вотъ тотъ кругъ идей и соображеній, въ которомъ, безъ сомнѣнія, вращалась Екатерининская политика, и, вникая въ нихъ, мы уже не можемъ очень строго относиться къ ея системѣ.

Взгляды Екатерины на польскія отношенія нѣсколько уясняются намъ еще изъ любопытнаго рескрипта Сиверсу, отъ 10го ноября стараго стиля. Этотъ же рескриптъ убѣждаетъ насъ, что у нея не было (да и не могло еще быть) подробнаго и яснаго плана относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій; этотъ образъ дѣйствій, конечно, предоставлялся указаніямъ обстоятельствъ; а пока предполагалось привести Польшу въ полную зависимость отъ одной Россіи и устранить вмѣшательство въ ея дѣла со стороны другихъ сосѣдей.

Мы знаемъ, что, препровождая своему посланнику проектъ союзнаго договора съ Польшею, императрица уполномочила его, при совмѣстной съ Поляками редакціи проекта, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но только не въ существенныхъ пунктахъ. Когда полученъ былъ въ Петербургѣ договоръ подписанный и утвержденный сеймомъ, на первыхъ порахъ императрица отправила своему посланнику полное одобреніе его образу дѣйствія. Но потомъ, просмотрѣвъ протоколы конференцій и вникнувъ въ нѣкоторыя выраженія, несходныя съ ея собственнымъ проектомъ, Екатерина нашла что Сиверсъ не вездѣ удачно воспользовался ея позволеніемъ сдѣлать въ немъ перемѣны и обнаружилъ излишнюю уступчивость въ отношеніи къ Полякамъ. Она препроводила ему свои замѣчанія и наставленія, которыя помѣчены 10мъ (21мъ) ноября, то-есть за нѣсколько дней до окончанія Гродненскаго сейма, а Сиверсомъ получены уже послѣ его закрытія.

„Вспомните, говоритъ императрица, какъ я писала вамъ въ секретной инструкціи, что большинство Поляковъ послѣ раз-

дѣла считаютъ свое государство слишкомъ слабымъ чтобы существовать отдѣльно. По ихъ мнѣнію, чтобы предупредить новый раздѣлъ, лучше совсѣмъ перейти подъ владѣніе одной изъ сосѣднихъ державъ, и въ этомъ отношеніи они отдавали предпочтеніе мнѣ, надѣясь спокойнѣе всего жить подъ моею державой. Я готова была принять ихъ предложеніе, еслибы политическія причины не заставили меня избѣгать возбужденія зависти въ сосѣднихъ державахъ. Я принуждена была допустить ихъ къ участію; но составила такой планъ союза, который навсегда долженъ отнять у другихъ сосѣдей возможность удовлетворять ихъ жадности насчетъ Польши и въ то же время сдѣлать изъ нея для Россіи противъ нихъ оплотъ („барьеръ"). Я ожидала что Поляки единодушно и съ восторгомъ примутъ этотъ планъ. Но у нихъ еще есть настолько ложной національной гордости что они потребовали разныхъ смягченій и ослабленій въ пунктахъ союзнаго договора. Въ протоколахъ вашихъ конференцій, которые пришли ко мнѣ уже послѣ отправки моихъ ратификацій, я ожидала найти мотивы болѣе серіозные чѣмъ нашла въ дѣйствительности. А именно: первый и второй пункты не представляютъ недоразумѣній въ истолкованіи; они ясны. Но въ третьемъ пунктѣ нашлись искаженія. * Конечно депутаты, съ которыми вы переговаривались, могли очень хорошо понять, что я не потребую польскихъ войскъ себѣ на помощь на моихъ азіятскихъ границахъ, и тутъ прибавлены совсѣмъ излишнія предосторожности. Далѣе, напрасно замѣнили слово „способы" (facultés) прилагательнымъ „военныя" (militaires). Вотъ это мѣсто въ протоколѣ: „Такъ какъ обычай посполитаго рушенія не былъ отмѣненъ въ Польшѣ, то могло возникнуть опасеніе чтобы принятое Рѣчью Посполитой обязательство помогать Россіи *всѣми своими силами и способами* не означа-

* Вотъ этотъ пунктъ договора во французскомъ переводѣ, которымъ собственно и руководствовались въ своей перепискѣ императрица и ея посланникъ. „En conséquence de l'intime union stipulée par l'article 1er entre les deux hautes parties contractantes, elles s garantissent, de la manière la plus formelle et la plus obligatoire, leurs Etats, domaines et possessions respectifs, tels qu'elles les possèdent actuellement en Europe, de s'entraider et de se secourir mutuellement de toutes leurs forces militaires, en y employant avec zèle et bonne foi tous les moyens que la Providence leur a dispensés, et de ne faire ni paix ni trêve séparément." (d'Angeberg. 249.)

ло обязательства созывать также и посполитое рушеніе.“ Я лучше всего знаю, что это средство неудобно и опасно. Но съ другой стороны, нельзя не сознаться, что республика имѣетъ только это единственное средство сколько-нибудь значительное. Въ случаѣ нападенія кого-нибудь на Россію, развѣ его могутъ удержать 10 или 12 тысячъ польскаго войска? Поэтому республика должна бы представить по крайней мѣрѣ хоть возможную (а не дѣйствительную) силу, рядомъ съ тѣмъ что̀ представляетъ ей помощь Россіи.

„Далѣе, зачѣмъ мое „необходимое вліяніе“ (influence necessaire) въ мѣрахъ военныхъ и политическихъ, которыя захочетъ принять король и республика, измѣнено въ „полезное вліяніе“ (influence d'utilité)? Какъ будто мое вліяніе можетъ быть безполезно! И сюда еще прибавлены слова: „по предварительному соглашенію съ польскимъ правительствомъ“. Я вижу во всемъ этомъ скрытое намѣреніе при случаѣ отклониться отъ прямаго смысла настоящаго договора.

„Вслѣдствіе всего этого держитесь слѣдующихъ правилъ:

„1. Строго наблюдайте, чтобы король не пріобрѣлъ болѣе авторитета, чѣмъ это нужно для нашихъ интересовъ.

„2. Избѣгайте системы вашихъ предшественниковъ вліять на націю посредствомъ короля. Напротивъ, старайтесь образовать партію независимую отъ него, и сдерживайте ихъ другъ другомъ.

„3. Препятствуйте его величеству являться слишкомъ усерднымъ адвокатомъ, декламирующимъ о такъ-называемыхъ интересахъ націи. Въ случаѣ его іеремiадъ на мои войска, никогда не отвѣчайте ему письменно; но вмѣстѣ съ моими генералами примите быстрыя мѣры противъ безпорядковъ и обидъ причиняемыхъ войсками жителямъ.

„4. Старайтесь чтобы всѣ важныя мѣста въ республикѣ были заняты людьми надежными, и между прочимъ такими, которые бы не имѣли слишкомъ большихъ владѣній въ предѣлахъ австрійскихъ или прусскихъ. Напримѣръ, великаго канцлера князя Сулковскаго постарайтесь замѣнить другимъ.

„5. Наблюдайте чтобы король не раздавалъ мѣстъ и должностей безъ вашего совѣта и согласія. Напримѣръ, въ числѣ назначенныхъ сеймомъ коммиссарами въ банковую депутацію находятся Воловичъ, Александръ Потоцкій и Выбицкій—извѣстные энтузіасты 3го мая и якобинскихъ принциповъ. Для исправленія этой ошибки, приказываю потребовать отъ короля

моимъ именемъ, чтобы названныя личности были непремѣнно смѣщены и чтобы на будущее время король сообразовался съ трактатомъ, который распространяетъ мое вліяніе и на самое назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ. Справедливость требуетъ, чтобы люди оказавшіе намъ услуги въ послѣднее время были награждены участіемъ въ этихъ мѣстахъ.

„По седьмому пункту я могу вводить свои войска въ Польшу „во всякое время“. Это выраженіе потребно было для обезпеченія отъ притязаній другихъ сосѣдей въ польскихъ дѣлахъ. А его замѣнили словами: „во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ“ (dans tous les cas de necessité). Слѣдовательно, каждый разъ долженъ подниматься о томъ вопросъ, и я должна ждать на это рѣшенія. Да отъ кого же? Отъ короля или отъ сейма, подверженнаго разнороднымъ вліяніямъ? Я, конечно, не обременила бы себя обязательствомъ поддерживать и защищать націю лишенную всѣхъ собственныхъ средствъ, отъ которой я могу ожидать только пассивной пользы, еслибы не разчитывала съ ея стороны на полную преданность моимъ видамъ и планамъ. Вы воспользуетесь настоящими движеніями внутри страны, чтобы показать необходимость пребыванія моихъ войскъ въ извѣстномъ числѣ. Впрочемъ, слухи объ этихъ движеніяхъ по всей вѣроятности преувеличены, чтобъ отвлечь ваше вниманіе отъ окружающихъ. Я не хочу, чтобы люди оказавшіе мнѣ услуги подверглись какимъ-либо преслѣдованіямъ отъ противной партіи. Пора перестать договариваться съ Поляками, а заняться ихъ организаціей и поставить ихъ въ такое состояніе, которое соотвѣтствовало бы заключенному мною союзу.“

Тѣмъ же 10мъ ноября помѣчены еще два рескрипта Сиверсу: однимъ изъ нихъ императрица одобряетъ нѣкоторыя мѣры посланника относительно Французовъ, проживающихъ въ Польшѣ, и его отказъ на прусскія требованія о тѣхъ польскихъ солдатахъ, которые происходили изъ новыхъ прусскихъ провинцій. Кромѣ того, она выражаетъ согласіе гарантировать голландскій заемъ, который намѣрена сдѣлать Польская республика, но только при вѣрной ипотекѣ. Въ другомъ рескриптѣ Екатерина даетъ отвѣтъ на четыре требованія предъявленныя Сиверсу со стороны депутаціи. Вотъ эти требованія:

1. Такъ какъ есть епископы греческаго исповѣданія, имѣющіе жительство въ Россіи, часть епархіи которыхъ нахо-

дится въ польскихъ предѣлахъ, то справедливо было бы чтобы проживающіе въ Польшѣ епископы того же исповѣданія также не теряли своей юрисдикціи въ частяхъ ихъ епархій отошедшихъ къ России.

2. Необходимо фиксировать курсъ русской монеты въ Польшѣ.

3. Чтобы смѣшанные подданные, имѣющіе земли въ присоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ, могли получать свои доходы въ рубляхъ или въ другой звонкой монетѣ.

4. Чтобы былъ обезпеченъ свободный ввозъ произведеній въ Польшу изъ Украйны и другихъ провинцій перешедшихъ подъ русское владычество.

„Относительно перваго пункта, говоритъ рескриптъ,—такъ какъ православные епископы въ Польшѣ въ духовныхъ дѣлахъ всегда относились къ митрополиту кіевскому или его суфрагану, епископу переяславскому, то не можетъ быть и рѣчи о взаимно равныхъ правахъ между русскими и польскими епископами. Кажется, вы этого не знали, потому что предложили учредить особаго епископа въ Польшѣ, чтобы тамъ была греческая іерархія независимая отъ Россіи. Революціонный сеймъ 1788 года именно старался всѣми силами отдѣлить греческое духовенство въ польскихъ предѣлахъ отъ всякихъ отношеній къ русскому, и хотѣлъ поставить его въ непосредственную зависимость отъ Константинопольскаго патріарха. Основанія ихъ (то-есть Поляковъ) нисколько не соотвѣтствуютъ союзному договору, который долженъ не уменьшать мои средства вліянія у нихъ, а увеличивать. Вы совершенно откажете имъ въ этомъ пунктѣ. Второй пунктъ я предоставлю на обсужденіе моей коммерческой коммиссіи, а пока пришлите сюда образчики разныхъ польскихъ монетъ. Относительно третьяго пункта я не нарушу закона о невывозѣ монеты изъ Россіи; этотъ законъ существуетъ чтобъ удержать монету, и если позволить вывозить ее въ Польшу, то она пойдетъ и далѣе, и у насъ будетъ въ ней недостатокъ. Да и несправедливо для нѣсколькихъ лицъ дѣлать вредъ цѣлой странѣ; притомъ это бы значило поощрять помѣщиковъ жить за границей; нѣтъ, пусть они живутъ у насъ и издерживаютъ свои доходы въ самой странѣ. Касательно четвертаго пункта: всѣ прежнія льготы, дарованныя Полякамъ до 1788 года, останутся и теперь.

Посланникъ конечно не остался нечувствителенъ къ замѣ-

чаніямъ императрицы на окончательную редакцію союзнаго трактата, и немедленно отправилъ къ ней довольно пространную записку съ своими оправданіями. Онъ снова ссылается на то обстоятельство что была упущена благопріятная минута: еслибы нашъ трактатъ былъ предложенъ тотчасъ послѣ договора объ уступкѣ земель Пруссіи, то онъ встрѣтилъ-бы единодушное одобреніе; а спустя нѣсколько времени, настроеніе умовъ начало ужь измѣняться. Притомъ весьма естественно что нація, хотя въ сущности зависимая, но по внѣшнимъ формамъ еще свободная, хотѣла сохранить этотъ призракъ свободы. Отъ общихъ мыслей Сиверсъ переходитъ далѣе къ самымъ пунктамъ указаннымъ императрицей, и старается доказать, что нѣкоторыя измѣненія въ выраженіяхъ нисколько не измѣняютъ сущности дѣла. Высказанныя здѣсь мысли дополняютъ то что̀ сказано въ рескриптѣ 10го (21го) ноября, и помогаютъ уясненію Екатерининской политики по отношенію къ Польшѣ.

Вотъ сущность его разсужденій:

Наиболѣе распространяется онъ по поводу самаго важнаго пункта, то-есть седьмаго, о правѣ вводить въ Польшу русскія войска во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ, по предварительному соглашенію съ польскимъ правительствомъ. Мы видѣли что по редакціи императрицы надобно было сказать просто „во всякое время“ и ничего не упоминать о предварительномъ соглашеніи. Сиверсъ доказываетъ, что выраженія эти не будутъ имѣть никакого вліянія на дѣйствительныя отношенія; причина тому очень простая: не будетъ и вопроса о вводѣ русскихъ войскъ въ польскіе предѣлы, потому что они и не выдутъ изъ этихъ предѣловъ; а подкрѣпленія конечно всегда можно посылать. А русскія войска нельзя вывести изъ Польши опять таки по той причинѣ, что страна снова впадетъ въ сильнѣйшую анархію чѣмъ та, изъ которой она извлечена русскимъ оружіемъ. На вопросъ: кого пришлось бы спрашивать о согласіи на вступленіе русскихъ войскъ? Сиверсъ отвѣчаетъ: „Ужь конечно не короля, который ничего не значитъ безъ Постояннаго Совѣта“. Постоянный Совѣтъ и есть то что̀ въ договорѣ обозначено неяснымъ выраженіемъ „польское правительство“. — „Русскій посланникъ былъ бы очень простъ, еслибъ онъ не держалъ въ своихъ рукахъ этого Совѣта“. Сиверсъ намѣренъ устроить такъ, чтобы въ каждомъ изъ четырехъ его отдѣленій имѣть особаго члена,

который долженъ отдавать ему отчетъ обо всемъ имѣющемъ сколько-нибудь интереса. „До сихъ поръ, говоритъ онъ,—я тайно получалъ копіи со всѣхъ министерскихъ депешъ; на будущее время потребую, чтобы мнѣ сообщали подлинники". „Что̀ касается до настоящаго короля, то его надобно держать подъ страхомъ наказанія; а будущій король будетъ избранъ вашимъ величествомъ; онъ получитъ также свои наставленія и своего майордома съ титуломъ русскаго посланника и съ гораздо большею властію чѣмъ имѣлъ вице-король Ирландіи или Сициліи".

Пятнадцатая статья договора подтверждаетъ, что никакой перемѣны въ управленіи не можетъ произойти безъ согласія Русскаго государя. Эта статья даетъ Сиверсу поводъ заговорить о вновь сочиненной конституціи.

„Я принужденъ былъ, пишетъ онъ, — такъ-сказать день и ночь подгонять работу надъ формою правленія. Только одинъ Мошинскій хлопоталъ о добрѣ для самого добра; остальные работали изъ одного тщеславія или корыстолюбія, съ прибавленіемъ вѣроломства, учиненнаго противъ меня епископомъ Коссаковскимъ. При выборѣ членовъ (депутаціи для формы правленія) король провелъ нѣкоторыхъ мнимыхъ патріотовъ изъ оппозиціи, варшавскихъ или мазовецкихъ адвокатовъ, которые ничего не дѣлали и только ораторствовали. Многое пропустилъ я вслѣдствіе недостаточныхъ свѣдѣній въ польскомъ языкѣ; соперничество между двумя провинціями представляло также значительныя затрудненія. Тѣхъ кто обнаруживалъ преданность Россіи я отличилъ и наградилъ, какъ деньгами, такъ и мѣстами. При назначеніи на мѣста второстепенныя я слѣдовалъ собственному мнѣнію, а гдѣ его было недостаточно, мнѣнію Мошинскаго, Рачинскаго, епископа Коссаковскаго, короля и еще четырехъ или пяти особъ, но однако послѣ предварительнаго одобренія Мошинскаго. По мѣрѣ того какъ пріобрѣтаю свѣдѣнія, я начинаю дѣйствовать болѣе самостоятельно. Сначала я слѣпо слѣдовалъ Коссаковскимъ; но скоро разочаровался, потому что слишкомъ ясно увидалъ вопіющія несправедливости, которыя они позволяли себѣ въ дѣлахъ съ частными лицами; общественныхъ денегъ они также не щадили. Введенный ими въ заблужденіе, я оставлялъ Тарговицкую конфедерацію существовать рядомъ съ сеймомъ, который они затянули своими безконечными происками. Адъютанты гетмана (Коссаковска-

го) и многіе послы, обязанные ему своими мѣстами, постоянно вотировали противъ меня. Однимъ словомъ, они желали произвести замѣшательство и продлить существованіе конфедераціи послѣ сейма.“

Затѣмъ Сиверсъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщаетъ о результатахъ пересмотра, которому подвергнуты были декреты Тарговицкой конфедераціи: „Всѣ ея sancita имѣющія политическое значеніе остались нетронутыми. Точно также и всѣ денежныя награды ею назначенныя. Но то что было пожаловано изъ казенныхъ имѣній въ Литвѣ предоставлено на утвержденіе ближайшаго сейма. Нѣкоторые декреты по дѣламъ частныхъ лицъ отмѣнены; исполненіе тѣхъ которые оказались спорными отложено; но остались еще сотни декретовъ. Грѣхамъ и грабежамъ учиненнымъ съ 1788 года даровано забвеніе; но не объявлена всеобщая амнистія, какъ того желалъ король. Изслѣдованія протянули бы сеймъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и принесли бы мало пользы, но очень много раздраженія. Притомъ самые крупные грѣшники находятся за границей.“

XV.

Проектъ присяги Французовъ. -Послѣднее засѣданіе.—Продѣлка съ военнымъ орденомъ.—Отбытіе въ Варшаву короля и посланника.— Отставка Сиверса.—Заключеніе.

Мы упомянули, что въ одномъ изъ рескриптовъ 10го ноября императрица одобрила мѣры принятыя Сиверсомъ противъ Французовъ проживающихъ въ Польшѣ. Вопросъ о нихъ не мало занималъ нашего посланника въ послѣдній періодъ Гродненскаго сейма, и доставилъ сеймовой оппозиціи случай еще разъ заявить о своемъ существованіи. Извѣстно что, послѣ казни Людовика XVI, императрица повелѣла ото всѣхъ Французовъ находящихся въ Россіи потребовать присяги на вѣрность Людовику XVII, и высылать тѣхъ, которые откажутся отъ присяги. Сиверсу поручено было распространить эту мѣру и на владѣнія Рѣчи Посполитой.

Сораздѣляющіе дворы не совсѣмъ безосновательно ссылались въ своихъ нотахъ на присутствіе якобинскихъ принциповъ между Поляками. Изъ донесеній Сиверса видно, что государственные люди того времени приписывали этимъ прин-

ципамъ дѣйствительную силу, и многое въ Польшѣ объясняли ихъ вліяніемъ. Въ Варшавѣ, гдѣ проживало значительное количество французскихъ выходцевъ, даже существовалъ тайный якобинскій клубъ; въ немъ участвовали польскіе, такъ-называемые, патріоты, и этотъ клубъ производилъ большое волненіе въ умахъ. Чтобы сообщить законную форму всѣмъ мѣрамъ обращеннымъ противъ Французовъ, надобно было имѣть сеймовое постановленіе. Послѣ ратификаціи союзнаго договора, Сиверсъ не замедлилъ выдвинуть на сцену проектъ присяги, которую надлежало потребовать отъ Французовъ. Предварительно онъ условился, конечно, со своими совѣтниками и сообщилъ о немъ королю. Тотъ, хотя не охотно, далъ обѣщаніе его поддерживать. Предложить этотъ проектъ на сеймѣ взялъ на себя Міончинскій. „Онъ, замѣчаетъ Сиверсъ, всегда выступаетъ впередъ въ вопросахъ, которые я хочу энергически провести на сеймѣ".

22го октября (2го ноября) Міончинскій внесъ проектъ о присягѣ Французовъ поселившихся на польской территоріи, и о невпущеніи новыхъ французскихъ выходцевъ, если они не могутъ представить удостовѣренія въ томъ, что не раздѣляютъ гнусныхъ якобинскихъ принциповъ и признаютъ своимъ законнымъ государемъ Людовика XVII. Этотъ проектъ сначала встрѣтилъ слабую оппозицію; но на слѣдующемъ засѣданіи она усилилась. Особенно Карскій и Цемневскій съ жаромъ напали на Міончинскаго и защищали свободный пріѣздъ Французовъ; возставали также и противъ запрещенія ввозить французскіе журналы. Млодзяновскій указалъ на XI пунктъ вновь заключеннаго договора съ Россіей, по которому Поляки не могли предпринять никакой важной мѣры въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ безъ согласія русскаго правительства. Поэтому онъ потребовалъ отложить рѣшеніе вопроса, пока русскій посолъ не заявитъ своего мнѣнія. Сиверсъ, нотою отъ 26го октября (6го ноября), подтвердилъ что проектъ о Французахъ извѣстныхъ своимъ якобинскимъ духомъ согласенъ съ волею ея императорскаго величества. Тогда проектъ Міончинскаго былъ принятъ и получилъ силу закона.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ занятіяхъ Гродненскаго сейма или различныхъ его депутацій за послѣднее время его существованія. Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи могла бы представить та депутація, которая вела конференціи съ прусскимъ министромъ о сепаратныхъ стать-

яхъ и о торговомъ договорѣ съ Пруссіей. Сиверсъ участвовалъ въ нихъ какъ посредникъ, и въ донесеніяхъ его мы встрѣчаемъ неоднократныя указанія на трудность улаживать споры, возникавшіе вслѣдствіе неуступчивости Пруссаковъ, которые, съ обычною твердостію, заботились прежде всего о выгодахъ своего народа. Проектъ сепаратныхъ статей и торговаго договора съ Пруссіей еще не былъ оконченъ при закрытіи сейма. Къ тому же, всѣ эти переговоры остались безъ послѣдствій по причинѣ наступившаго потомъ окончательнаго разгрома Рѣчи Посполитой.

Въ одномъ изъ послѣднихъ сеймовыхъ засѣданій, именно 4го (15го) ноября, тщеславіе Поляковъ еще разъ было польщено тѣмъ, что на утвержденіе сейма представлено соглашеніе между Курляндскимъ герцогомъ и его дворянствомъ. Давно происходившія распри между ними за дворянскія привилегіи разрѣшены были наконецъ соглашеніемъ, которое конечно состоялось подъ русскимъ вліяніемъ. Но императрица все еще оставляла тѣнь вассальныхъ отношеній Курляндіи къ Польшѣ, и уполномоченные обѣихъ споровшихъ сторонъ обратились къ сейму съ покорною просьбой утвердить ихъ договоръ, что̀ и было исполнено. *

Въ пятницу 11го (22го) ноября было отправлено торжественное богослуженіе въ память только-что казненной французской королевы. Службу совершалъ князь-епископъ виленскій, и произнесъ при этомъ очень трогательную рѣчь, сообразную съ обстоятельствами; „но я замѣтилъ, доноситъ Сиверсъ, что она не произвела сильнаго впечатлѣнія ни на короля, ни на публику“.

На слѣдующій день происходило послѣднее, по счету сто первое, засѣданіе Гродненскаго сейма. Доступъ къ нему арбитрамъ былъ строжайше воспрещенъ.

Такъ какъ сейму предстояло еще постановить рѣшеніе для цѣлой массы проектовъ, простиравшихся числомъ до 112, то,

* *Korresp.* 2.063 и 2.097. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ также внесены и утверждены проекты наградъ за труды главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Такъ Бѣлинскому назначены 100.000 злотыхъ и санъ надворнаго короннаго маршала; Пулавскому также 100.000 злотыхъ и польное гетманство; за Мошинскимъ оставлено коронное канцлерство, за Ожаровскимъ великое гетманство; Анквичъ, согласно обѣщанію Сиверса, утвержденъ маршаломъ Постояннаго Совѣта, епископъ Скаржевскій коронным подканцлеромъ и т. д.

по предложенію Анквича, былъ принятъ такой порядокъ: Всѣ проекты раздѣлены на три категоріи, съ тѣмъ чтобы заняться ими по очереди. Къ первой принадлежали тѣ, которые заключали въ себѣ уложеніе о новой формѣ правленія, въ количествѣ 40 главъ или проектовъ; ко второй, въ количествѣ 32 проектовъ, отнесены еще неотмѣненныя постановленія Четырехлѣтняго сейма; а третью категорію составляли мнѣнія разныхъ депутацій и многія мелочи относящіяся къ частнымъ случаямъ. Сначала секретарь сеймовый принялся дочитывать статьи новой формы правленія. Когда онъ окончилъ, возникъ небольшой споръ по поводу перемѣнъ въ названіяхъ и границахъ нѣкоторыхъ воеводствъ; эти перемѣны были вызваны уступкою земель Россіи и Пруссіи. * Едва уладили этотъ вопросъ, какъ нѣкоторые послы выступили съ своими поправками къ статьямъ о новой формѣ правленія; но другіе возстали противъ того, и потребовали чтобы весь проектъ былъ принятъ въ цѣлости, такъ какъ разбирать по статьямъ не было времени. Споръ не замедлилъ принять бурный характеръ. Тогда сеймовый маршалъ поспѣшилъ приступить къ вотированію, и постановилъ слѣдующій вопросъ: Проектъ формы правленія будетъ ли обращенъ въ законъ или отосланъ къ исправленію? Въ результатѣ получено 87 утвердительныхъ голосовъ, противъ 8 отрицательныхъ.

Затѣмъ перешли къ чтенію проектовъ второй и третьей категоріи; послѣ небольшихъ преній, они частію были приняты, частію отвергнуты. Нѣкоторые члены оппозиціи не упустили случая еще разъ обратиться къ собранію съ словами горькой жалобы и протеста на главные акты совершенные сеймомъ.

„Уже приходитъ часъ окончитъ наше сеймованье—говорилъ Цемневскій по поводу проекта о назначеніи демаркаціонной коммиссіи. Уже замыкаемъ ту ужасную для Поляка эпоху, отъ которой народы будутъ считать гибель его отечества, а мы и наши потомки дни слезъ и несчастій! Уже наступило и то время, когда мы должны стать предъ нашими братьями и отдать страшный отчетъ въ нашихъ дѣяніяхъ и постановле-

---

* Распорядокъ новыхъ воеводствъ и земель см. въ *Korresp.* 2.271 и 2.295 стр.; а перемѣна въ границахъ духовныхъ епархій, предполагаемое учрежденіе Варшавскаго епископства и примасовства Краковскаго (вмѣсто Гнѣзненскаго отошедшаго къ Пруссіи) ibid. 2.182 и 2.210 стр., подъ оглавленіемъ *Urządzenie funduszow duchowınych.*

ніяхъ“. Далѣе ораторъ говоритъ, что онъ явится посреди своихъ братій со слезами на глазахъ, но съ спокойною совѣстью, и смѣло повѣдаетъ имъ о желѣзныхъ оковахъ, которыя они имѣютъ теперь вмѣсто золотой вольности. Онъ скажетъ о томъ безъ боязни, потому что самъ не участвовалъ въ этихъ ужасныхъ постановленіяхъ; мало того, онъ всѣми силами противился и трактатамъ о раздѣлѣ и союзному договору. Поэтому онъ не соглашается и на проектъ демаркаціи, какъ на подтвержденіе раздѣловъ Рѣчи Посполитой.

Карскій, Стоинскій и нѣкоторые другіе точно также повторяютъ самыя торжественныя протестаціи противъ всего сдѣланнаго настоящимъ сеймомъ, и не соглашаются на назначеніе демаркаторовъ, а также и на врученіе полномочія Постоянному Совѣту. Но, несмотря на ихъ голоса, большинство утверждаетъ эти проекты.

Засѣданіе длилось всю ночь. Проекты все предлагались на разсмотрѣніе сейма, когда въ 7 часовъ утра многочисленные голоса утомленныхъ пословъ потребовали распущенія палаты. Король изъявилъ на это согласіе; но замѣтилъ, что предварительно надобно выслушать присягу членовъ Постояннаго Совѣта и актъ развязывающій настоящую конфедерацію. То и другое было немедленно исполнено. Члены Постояннаго Совѣта выступили впередъ, имѣя во главѣ Анквича, какъ своего маршала, и произнесли присягу. Затѣмъ Гродзицкій, краковскій посолъ, представилъ актъ развязывающій Гродненскую конфедерацію. Секретарь прочелъ его. Сеймовый маршалъ хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ заявилъ собранію, что по слабости не можетъ произнести приготовленную имъ прощальную рѣчь, и прикажетъ напечатать ее въ діаріушѣ. Онъ въ короткихъ словахъ простился съ палатой и попросилъ короля о дозволеніи рыцарскому сословію поцѣловать его руку. Когда окончилась эта церемонія, подканцлеръ литовскій Платеръ произнесъ къ палатѣ длинную прощальную рѣчь отъ лица его величества. Былъ уже девятый часъ утра, воскресенья 18го (24го) ноября, когда все собраніе встало и отправилось въ замковую капеллу, гдѣ епископъ Скаржевскій отслужилъ благодарственный молебенъ, и было пропѣто Te Deum laudamus. Такъ закончился послѣдній сеймъ самобытной Рѣчи Посполитой, продолжавшійся 5 мѣсяцевъ и 6 дней.

На этомъ заключительномъ засѣданіи случился эпизодъ, самъ по себѣ незначительный, но имѣвшій важныя послѣдствія, по

крайней мѣрѣ по отношенію къ главному дѣйствующему лицу Гродненской драмы, то-есть къ русскому посланнику.

Мы уже говорили что особо назначенная депутація для пересмотра Тарговицкихъ sancita представляла къ отмѣнѣ тѣ изъ нихъ, какія находила несправедливыми. По недостатку времени сейму некогда было входить въ ихъ подробное обсужденіе, и приговоры о нихъ составлялись наскоро, безъ соблюденія формальностей. Нѣсколько пословъ воспользовались суматохою послѣдняго засѣданія, и въ числѣ другихъ статей предложили отмѣнить то постановленіе Тарговицкой конфедераціи, которымъ запрещалось носить знаки военнаго ордена, учрежденнаго во время Четырехлѣтняго сейма. Этотъ орденъ розданъ былъ многимъ офицерамъ за прошлогоднюю войну съ Русскими. Предложеніе встрѣчено кликами одобренія со стороны собранія; еще болѣе шумные крики раздались изъ галлерей, которыя, вопреки запрещенію, успѣли наполниться арбитрами. * Двое изъ представителей русской партіи, Лобаржевскій и Юзефовичъ, попытались было противорѣчить, но тщетно. Сеймъ разрѣшилъ снова носить военный орденъ. Между присутствующими нашелся офицеръ, который немедленно вынулъ изъ кармана орденскій крестъ и надѣлъ на себя. Такой поступокъ вызвалъ аплодисменты. Король увлекся общимъ примѣромъ, и также принялъ участіе въ этой демонстраціи противъ Россіи, то-есть аплодировалъ.

На другой день Станиславъ-Августъ спохватился, и послалъ къ Сиверсу своего секретаря съ нѣсколькими довѣренными лицами просить извиненія и увѣрить, что упомянутый эпизодъ случился вопреки его желанію. Встревоженный Яковъ Ефимовичъ тотчасъ обратился за совѣтомъ къ своимъ друзьямъ. Одни изъ нихъ предлагали немедленно подать грозную ноту на имя Постояннаго Совѣта; а другіе не придавали этому событію никакой важности. Послѣ нѣкотораго колебанія, Сиверсъ склонился ко второму мнѣнію. Онъ ограничился отвѣтомъ, что это не первая глупость, которую императрица проститъ Полякамъ! но что вѣроятно она не обойдется безъ непріятностей для ихъ посланника, отправляющагося въ Петербургъ (то-есть для графа Тышкевича), который такъ слабо исполнялъ обязанности великаго маршала, что на засѣданіи

* Итакъ, до самаго конца тщетны были всѣ усилія русскаго посланника удалить отъ сейма непрошенную публику.

оказалось отъ пяти до шести сотъ (?) арбитровъ. Въ донесеніи своему правительству Сиверсъ прибавляетъ, что онъ постарается принять мѣры, которыя воспрепятствовали бы дѣйствительному ношенію этого ордена. Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ даже склоняется къ тому мнѣнію, что можно дозволить ношеніе ордена, только надобно предупредить злоупотребленія. Яковъ Еѳимовичъ и не подозрѣвалъ какая гроза обрушится на его голову за эту шалость польскихъ патріотовъ.

Огинскій разказываетъ что при закрытіи Гродненскаго сейма, члены его, за исключеніемъ немногихъ, разошлись печальные и пристыженные. Особенно рѣзкая перемѣна, по его словамъ (подтверждающимъ отзывъ Охоцкаго), произошла въ физіономіи короля. До этого сейма онъ еще держалъ себя довольно бодро и сохранялъ слѣды своей пріятной наружности. Но теперь Станиславъ-Августъ казался постарѣвшимъ на много лѣтъ; лицо его поблѣднѣло и осунулось; глаза потухли; онъ внушалъ участіе и состраданіе даже тѣмъ, которые являлись самыми горячими декламаторами противъ него на сеймѣ.

14го (25го) ноября русскій посланникъ далъ свой послѣдній балъ, въ годовщину королевскаго коронованія. На слѣдующій день Постоянный Совѣтъ открылъ свои засѣданія, въ числѣ шестнадцати членовъ, подъ предсѣдательствомъ Анквича. А 17го (28го) ноября король выѣхалъ изъ Гродна въ Варшаву, въ сопровожденіи немногихъ лицъ. За нимъ потянулась впрочемъ довольно длинная вереница повозокъ, а конвой его составлялъ отрядъ польскихъ уланъ. На главныхъ пунктахъ дороги разставлены были русскія войска; но король попросилъ Сиверса избавить его отъ всякихъ военныхъ почестей, и тотъ велѣлъ части нашихъ войскъ отойти въ сторону. Станиславъ-Августъ очевидно не спѣшилъ своимъ появленіемъ въ столицѣ. Въ Бѣлостокѣ онъ остановился на два дни у своей сестры, пани Краковской; потомъ заѣхавъ въ Семятычи къ княгинѣ Аннѣ Яблоновской, воеводинѣ Браплавской, пробылъ тутъ болѣе сутокъ, и осматривалъ разныя коллекціи по естественной исторіи. Отсюда онъ переѣхалъ въ Соколово, имѣніе литовскаго подскарбія Огинскаго.

Подскарбій, если вѣрить его мемуарамъ, въ качествѣ любезнаго хозяина старался разсѣять грустное настроеніе короля, показывалъ ему свою библіотеку, свои фабрики и другія мануфактурныя заведенія. Разказывая о ремесленникахъ и земледѣльцахъ вызванныхъ имъ изъ Швейцаріи и Германіи,

Огинскій упомянулъ о конституціонномъ сеймѣ, который даровалъ всѣмъ иностранцамъ права свободныхъ занятій. Воспоминаніе объ этомъ сеймѣ вызвало у короля сильное волненіе, и онъ не могъ удержаться отъ слезъ и восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: „Несчастные, что теперь будетъ съ ними! Проклятая Тарговицкая конфедерація, которая нанесла намъ столько неисправимаго зла! Какъ была бы счастлива Польша, еслибы конституція 3го мая могла доставить ей нѣсколько лѣтъ хорошаго управленія!“ Затѣмъ онъ распространился въ горькихъ жалобахъ на собственную судьбу, на свою терновую корону, и на то что онъ пережилъ единственный счастливый моментъ его царствованія, то-есть переворотъ 3го мая. Онъ не могъ продолжать разговора, и закрылъ себѣ лицо обѣими руками. Находившійся въ сосѣдней комнатѣ оберъ-шталмейстеръ Кицкій, одинъ изъ самыхъ преданныхъ друзей и слугъ Станислава-Августа, говорилъ потомъ Огинскому, что онъ никогда не видалъ короля въ такомъ сильномъ припадкѣ скорби.

Когда разговоръ возобновился, Станиславъ-Августъ спросилъ Огинскаго, что думаетъ онъ теперь предпринять? Послѣдній отвѣчалъ, что намѣренъ продать все что имѣетъ и удалиться съ семействомъ за границу, какъ можно далѣе отъ своего несчастнаго отечества. Тогда король будто бы просилъ его не спѣшить этимъ рѣшительнымъ шагомъ, потому что его услуги могутъ еще понадобиться отечеству. Затѣмъ онъ началъ дѣлать предположеніе насчетъ того, что такой порядокъ вещей не можетъ-быть продолжителенъ; что всѣ оставшіеся вѣрными конституціи 3го мая и удалившіеся за границу по всей вѣроятности будутъ искать помощи у Франціи, Англіи и Турціи; произойдутъ новыя волненія и новыя войны, слѣдствіемъ которыхъ можетъ быть третій и послѣдній раздѣлъ Польши. Но тутъ король спохватился, и замѣтилъ что сказалъ лишнее; изъ его словъ можно было вывести заключеніе что ему уже извѣстны планы патріотовъ и подготовлявшееся движеніе арміи. Онъ поспѣшилъ склонить разговоръ на другіе предметы.

Послѣ Огинскаго, король еще заѣхалъ въ Сѣдльцы къ гетманшѣ Огинской, родственницѣ подскарбія, гдѣ также прогостилъ болѣе сутокъ. 2го декабря (нов. ст.) онъ достигъ Варшавы; но, избѣгая торжественной встрѣчи, пріѣхалъ ранѣе того часа, въ какомъ его ожидали. На слѣдующій день прибылъ сюда и русскій посланникъ.

Хотя Яковъ Ефимовичъ въ письмахъ къ дочерямъ и жаловался на крайнее утомленіе, на разстроенное здоровье и разнаго рода непріятности, однако настроеніе его далеко не походило на состояніе духа Станислава-Августа. Онъ былъ проникнутъ сознаніемъ совершеннаго имъ великаго дѣла, но вмѣстѣ и сознаніемъ того что ему предстоятъ еще многіе труды. Въ самую непріятную эпоху сейма онъ, какъ мы знаемъ, изъявлялъ желаніе отправиться на покой, какъ только выберется изъ этого лабиринта. Но по окончаніи сейма онъ уже не разчитываетъ сойти такъ скоро съ своего виднаго поприща, хотя иногда и поговариваетъ о томъ слегка. Въ письмѣ къ своей дочери, отъ 18го (29го) ноября, по поводу водворенія ея въ Бауенхофѣ вмѣстѣ съ мужемъ (получившимъ отставку генераломъ Гюнцелемъ), онъ поручаетъ имъ устроиться тамъ по своему усмотрѣнію. „Если я туда возвращусь — прибавляетъ онъ,—то вы мнѣ очистите небольшой уголокъ, пока я не займу еще меньшій у Св. Матѳея (то-есть на кладбищѣ). Польскій сеймъ очень приблизилъ меня къ этому уголку.“ Въ письмѣ къ другой дочери, отъ того же числа, онъ прямо выражаетъ надежду на продолжительное пребываніе въ Варшавѣ. „Повидимому меня не думаютъ обратить на какое-нибудь другое дѣло, ибо польское еще не кончено, и, кажется, не скоро кончится.“ А въ письмѣ отъ 29го ноября (10го декабря) онъ говоритъ что въ эту зиму вѣроятно не увидится съ дочерями. „Пока мною будутъ довольны, я остаюсь здѣсь. На будущее лѣто посмотримъ, не лучше ли чтобы вы пріѣхали ко мнѣ чѣмъ я къ вамъ“.

Съ разныхъ сторонъ на нашего государственнаго мужа сыпались поздравленія и похвалы. Напримѣръ, Игельштромъ, втайнѣ копавшій подъ нимъ яму, въ напыщенныхъ фразахъ поздравляетъ его съ высочайшими наградами, „которыя онъ такъ хорошо заслужилъ своимъ великимъ дѣломъ, совершеннымъ безъ пролитія и капли человѣческой крови.“ „Я горжусь, замѣчаетъ генералъ, быть свидѣтелемъ всего этого и дѣйствовать подъ вашею диктатурой.“ Изъ Италіи Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, старый пріятель Сиверса, шлетъ ему привѣтъ и удивляется его рѣшительному, искусному образу дѣйствія. Изъ Константинополя пишетъ къ нему нашъ посланникъ, Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ, и до небесъ восхваляетъ заключенный имъ союзный договоръ съ Польшей; по его словамъ, когда было получено извѣстіе объ этомъ

договорѣ, Порта совсѣмъ измѣнила тонъ съ русскимъ посланникомъ и сдѣлалась съ нимъ очень ласкова.

По пріѣздѣ въ Варшаву, Сиверсъ усердно принялся руководить дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, и особенно дѣятельностію Постояннаго Совѣта. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій здѣсь была присяга, которую потребовали отъ Французовъ въ силу извѣстнаго декрета Гродненскаго сейма. Многіе старались уклониться отъ нея, выдавая себя за Швейцарцевъ, Бельгійцевъ, за водворенныхъ въ Польшѣ и т. п. Нѣкоторые наиболѣе упорные были арестованы; до 200 человѣкъ присягнули. Къ большой досадѣ Сиверса, дѣло объ этой присягѣ до сихъ поръ замедлялось по винѣ Бѣлинскаго, который цѣлыя три недѣли откладывалъ публикацію декрета; посланникъ выразилъ ему сильное неудовольствіе. Но главнымъ виновникомъ этой интриги онъ называетъ короля, имѣвшаго при себѣ трехъ камердинеровъ-Французовъ. Ему онъ приписываетъ также и продѣлку съ военнымъ орденомъ. Станиславъ-Августъ, по его отзывамъ, рѣшительно неисправимъ въ своей преданности принципамъ революціоннаго сейма; „онъ не перестаетъ втайнѣ утѣшать и отличать приверженцевъ 3го мая, и вездѣ подставляетъ ихъ на должности гдѣ только можетъ“. Къ довершенію подозрѣній, „у короля явились откуда-то деньги, тогда какъ ихъ у него должно бы быть очень мало“, замѣчаетъ Сиверсъ въ депешѣ на имя Зубова, отъ (13го) 24го декабря. Заговоривъ о деньгахъ, онъ не пропускаетъ случая возобновить свои жалобы на генералъ-прокурора, который „нескромнымъ образомъ“ отказался платить его векселя. „Меня увѣряютъ, прибавляетъ онъ, что никогда сеймъ не обходился Россіи дешевле; а между тѣмъ онъ принесъ ей богатые плоды.“

Въ одномъ изъ слѣдующихъ донесеній на имя вице-канцлера, отъ 15го (26го) декабря, нашъ посланникъ усердно поддерживаетъ просьбу Поляковъ о русской гарантіи въ новомъ голландскомъ займѣ, который необходимъ для уплаты жалованья арміи и для произведенія ея редукціи. Онъ предлагаетъ также, для обезпеченія русскаго вліянія, назначить ежегодныя пенсіи членамъ Постояннаго Совѣта и нѣкоторыхъ коммиссій. Далѣе онъ жалуется на затрудненія относительно торговаго договора между Польшей и Пруссіей, такъ какъ Пруссаки не соглашаются допустить свободный вывозъ продуктовъ изъ

Польши. Онъ совѣтуетъ императрицѣ по этому поводу самой обратиться къ Берлинскому двору.

Но всѣ эти заботы и хлопоты Якова Ефимовича о польскихъ дѣлахъ были внезапно прерваны. Въ то время когда онъ доканчивалъ послѣднюю депешу, прибылъ изъ Петербурга курьеръ, который вручилъ ему рескриптъ объ его отозваніи изъ Варшавы.

Вотъ что говорилось въ этомъ рескриптѣ: *

„Не могли мы безъ крайняго неудовольствія узнать изъ письма вашего, отъ 13го (24го) сего мѣсяца, къ нашему генералъ-фельдцейхмейстеру, графу Зубову, что Гродненскій сеймъ на послѣднемъ своемъ засѣданіи, не сносясь съ вами, или лучше сказать совершеннымъ обманомъ, возобновилъ тотъ самый орденъ, который учрежденъ королемъ Польскимъ въ обстоятельствахъ смутныхъ и враждебныхъ противъ Россіи, и потому по нашему требованію Тарговицкою конфедераціей уничтоженъ. Не одно легкомысліе и безразсудство, какъ вы говорите, но также и духъ коварства, злобы и властолюбія, причинившій извѣстную перемѣну 3го мая, видны въ семъ дерзкомъ поступкѣ. Почему не можемъ одобрить что, не уваживъ его въ истинномъ видѣ, распустили вы сами безъ надлежащаго въ томъ направленія, имѣя къ тому неоспоримое право новозаключеннымъ трактатомъ (гдѣ правительство польское обязуется не дѣлать никакого важнаго внутренняго учрежденія безъ предварительнаго съ вами соглашенія). Напрасно воздержались отъ новаго подвига предъявленіемъ вами опасенія подвергнуть плодъ трудовъ вашихъ непріятному окончанію. Плодъ сей самымъ дѣломъ потерпѣлъ, когда, съ одной стороны, трактатъ союзный нарушенъ, а съ другой—оказалось что немного успѣли вы въ одномъ изъ главныхъ предметовъ попеченію вашему ввѣренныхъ: чтобъ умножить въ народныхъ совѣтованіяхъ число благонамѣренныхъ, приверженныхъ къ Россіи; ибо за отсутствіемъ двухъ человѣкъ именованныхъ въ томъ же письмѣ вашемъ не нашлось никого кто бы могъ не только остановить дѣло, но даже васъ предостеречь. Что́ же касается до трактата которымъ присоединились провинціи польскія къ Имперіи нашей, то мы одержимъ оный

* Копія съ него (въ Московъ. архивѣ м. и. д.) написана по-русски и не имѣетъ даты. Изъ отвѣтныхъ словъ Сиверса видно, что онъ былъ помѣченъ 2мъ декабря ст. стиля.

оружіемъ нашимъ; тѣмъ же охраненъ будетъ въ безприкосновенности.

„Но какъ одни сіи разсужденія недостаточны къ поправленію содѣяннаго, то и надлежитъ намъ прибѣгнуть къ дѣйствительнѣйшимъ средствамъ, въ числѣ которыхъ первое поставляемъ то чтобъ изъявить ощутительнымъ образомъ предъ королемъ и народомъ польскимъ праведное наше въ ономъ дѣлѣ негодованіе. И для сего повелѣваемъ вамъ прекратить настоящее ваше служеніе, оставивъ Варшаву, и возвратиться ко двору нашему, объявя на прощальномъ вашемъ свиданіи съ королемъ, министерствомъ, президентомъ и главнѣйшими членами Непремѣннаго Совѣта прямо причину вашего удаленія, и прибавя къ тому, что мы нашли несходнымъ съ достоинствомъ нашимъ продлить пребываніе ваше въ настоящемъ званіи послѣ оказаннаго вамъ неуваженія, которое, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ и въ разныхъ его отношеніяхъ, сущимъ и самымъ непристойнымъ посмѣяніемъ справедливости назвать можно. Но что и тутъ по сродному намъ великодушію и правосудію, различая виновниковъ сего поступка отъ цѣлости націи, которую мы недавно столь щедро и благотворительно подъ сѣнь нашей защиты и нашего покровительства приняли, не хотимъ мы ни мало ослабить или вовсе разорвать составленную съ нею связь; а напротивъ того, для безпрерывнаго наблюденія и вящаго оной укрѣпленія, покамѣстъ не изберемъ мы вамъ преемника въ равномъ съ вами качествѣ, назначили мы временно таковаго въ степени полномочнаго министра, которому и препоручаемъ наисильнѣйше домогаться о надлежащемъ удовлетвореніи за оказанное намъ оскорбленіе.

„Сего послѣдняго избрали мы въ лицѣ нашего генералъ-аншефа и кавалера барона Игельштрома, къ которому мы съ симъ же курьеромъ повелѣваемъ доставить на новое его званіе вѣрющія грамоты; ваши же отзывныя въ свое время присланы и въ отсутствіи вашемъ вручены будутъ. Между тѣмъ имѣете вы сдать съ рукъ вашихъ помянутому генералу Игельштрому архивъ предмѣстниковъ вашихъ, переписку, всю безъ изъятія, какъ прямо съ нами, такъ и съ министерствомъ, и съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ нашимъ, канцелярскихъ служителей при васъ обрѣтающихся, и напослѣдокъ, вещи и деньги казенныя вамъ ввѣренныя, съ подробнѣйшимъ описаніемъ и подлежащими счетами, показующими издержки по дѣламъ

нашимъ вами учиненныя. Доставленіе таковыхъ счетовъ и къ намъ самимъ при настоящемъ случаѣ требуемъ мы отъ васъ, тѣмъ побудительнѣе что, вопреки древняго обыкновенія и примѣровъ предмѣстниковъ вашихъ, мы о семъ отъ васъ во всю бытность вашу при мѣстѣ вашемъ вовсе не получали, когда напротивъ того, сверхъ суммъ отсюда вамъ переведенныхъ, высылали вы на наше казначейство довольно знатные векселя, не объясняя именно для какого употребленія. Мы уповаемъ что вы все вамъ предписанное исполните въ самой точности и скорости, повелѣвая вамъ не останавливать отъѣзда вашего ни въ какомъ случаѣ, ниже въ томъ чтобы король и правительство польскіе, сами собою одумавшись или подвигнутые предписаннымъ вамъ шагомъ, представили вамъ совершенную податливость на исправленіе предъ нами проступка. Пребываемъ впрочемъ императорскою нашею милостью благосклонны."

Біографъ Сиверса, Блумъ, не находитъ словъ для выраженія своего негодованія по поводу столь внезапной отставки его героя. Онъ изумляется поступку „великой императрицы", которая уступила интригамъ такихъ людей какъ Зубовъ и его наперсникъ Морковъ, и пожертвовала для нихъ столь „высокоуважаемымъ мужемъ" каковъ былъ Сиверсъ; а они хлопотали о его удаленіи, потому что его честность и благородство мѣшали ихъ интригамъ и своекорыстнымъ цѣлямъ. По поводу упрека сдѣланнаго ему въ рескриптѣ за непредставленіе отчетовъ въ расходованіи суммъ, Блумъ увлекается до того что говоритъ слѣдующее: „Между тѣмъ какъ *онъ пріобрѣлъ ей* цѣлыя земли, безчисленные села и города, она постоянно держала его въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ извлекали его только собственная находчивость и усердіе." Очевидно Блумъ поддался тому же увлеченію въ какомъ находился и самъ Сиверсъ, который, судя по тону нѣкоторыхъ его писемъ, готовъ былъ тогда въ самомъ дѣлѣ договоръ объ уступкѣ земель приписать своему дипломатическому искусству. Эта черта не осталась незамѣченною въ Петербургѣ, и конечно въ рескриптѣ не безъ цѣли прямо сказано что трактатъ съ Польшей былъ слѣдствіемъ успѣховъ нашего оружія.

Мы нисколько не думаемъ умалять заслуги Сиверса, какъ русскаго государственнаго человѣка; вся изложенная нами исторія Гродненскаго сейма свидѣтельствуетъ, что онъ усерд-

но, добросовѣстно и даже искусно выполнилъ возложенное на него императрицей трудное порученіе. Но, отдавая ему справедливость, не лишнимъ считаемъ указать на преувеличенія его біографа. У Блума Сиверсъ какъ будто является въ постоянномъ антагонизмѣ съ Зубовымъ и нисколько не способенъ преклоняться или умалять свое достоинство въ отношеніяхъ къ надменному любимцу. Факты однако не вполнѣ это подтверждаютъ. Изъ его дипломатической корреспонденціи мы видимъ что онъ не разъ обращается къ покровительству Зубова по поводу своихъ личныхъ интересовъ или интересовъ своихъ родственниковъ; между прочимъ онъ не мало, можно сказать, докучаетъ ему съ своимъ зятемъ, генераломъ Гюнцелемъ. *

* Укажемъ еще на его письмо отъ 2го (13го) ноября. Въ этомъ письмѣ (или собственно въ Postscriptum къ своему донесенію) Яковъ Ефимовичъ благодаритъ Зубова за милости императрицы и особенно за обѣщанное ему награжденіе землями и крестьянами. „У меня остается одно желаніе, продолжаетъ онъ,—и почему я не открою его *моему благодѣтелю*? Это дипломъ на графа (Римской) имперіи. Не думайте чтобы то было слѣдствіемъ простаго честолюбія. Не имѣя сыновей, я довольно равнодушенъ къ тому. Но тутъ замѣшано происхожденіе моей фамиліи: безстыдные Французы, служившіе у насъ, унизили ея честь въ своихъ мемуарахъ, изданныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Посредствомъ вѣнскаго диплома она была бы легко возстановлена, и это стоило бы вамъ только одного слова о рекомендаціи ея величества графу Кобенцелю. Вы были бы благодѣтелемъ многочисленной фамиліи.“ Просьба осталась безъ исполненія. Графскій титулъ Сиверсъ получилъ впослѣдствіи, при Павлѣ I. Очевидно Зубовъ не прощалъ Якову Ефимовичу его попытокъ войти въ переписку съ императрицей помимо любимца. Навѣты Игельштрома и Корсаковскихъ также имѣли свое дѣйствіе.

До какой степени Зубовъ и Морковъ завладѣли нашей дипломатіей въ это время, показываютъ замѣтки Храповицкато. Графъ Безбородко обнаружилъ неудовольствіе на то что польскія дѣла отъ него скрываются и подалъ записку съ просьбою объ увольненіи. Императрица отвѣтила ему милостивымъ письмомъ (отъ 1го іюля), гдѣ между прочимъ говорила: „Всѣ дѣла вамъ открыты; польскій сеймъ отправляется публично и отвѣты Сиверсу или у васъ заготовляются или вамъ и вице-канцлеру показываются, и я при подписаніи всегда о томъ спрашиваю; но что̀ я сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана.“ Послѣ заключенія трактата объ уступкѣ земель Россіи „Зубову пожалованъ портретъ ея величества и орденъ Св. Андрея, а на Аркадія Моркова возложенъ орденъ Св. Александра.“

Не входя въ болѣе подробныя соображенія о причинахъ паденія Сиверса, укажемъ только на то что̀ намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Несмотря на интриги Коссаковскихъ и Зубова съ Морковымъ, императрица оставляла посланника на его посту до тѣхъ поръ пока онъ не окончилъ своей задачи, то-есть не вынудилъ у сейма формальнаго согласія на всѣ требованія русскаго правительства. Когда заключены были трактаты о раздѣлѣ и о союзѣ и выработана новая польская конституція, существенная задача Якова Ефимовича могла считаться оконченною. Его нѣсколько сантиментальные взгляды на будущія отношенія Польши къ Россіи, сочиняемые имъ многочисленные предложенія и совѣты, а также проявлявшаяся иногда наклонность дѣйствовать самостоятельно, все это несовсѣмъ нравилось императрицѣ, и при удобномъ случаѣ конечно выставлялось на видъ его недоброжелателями. По закрытіи Гродненскаго сейма, она сдѣлалась доступнѣе ихъ внушеніямъ, и воспользовалась дѣломъ о военномъ орденѣ какъ удобнымъ предлогомъ для отозванія Сиверса. Въ эту минуту при дворѣ вѣроятно пущена была въ ходъ та мысль, что Сиверсъ слишкомъ мягокъ для Поляковъ; что теперь нуженъ человѣкъ, который съ помощью военной диктатуры проводилъ бы въ жизнь отношенія установленныя послѣднимъ сеймомъ, и безпрекословно исполнялъ бы всѣ сообщаемыя изъ Петербурга распоряженія, не разсуждая много о высшихъ политическихъ вопросахъ. Такого исполнителя думали найти въ лицѣ генерала Игельштрома. Не даромъ въ рескриптѣ 10го ноября было сказано: *пора перестать договариваться съ Поляками, а заняться ихъ организаціей.* Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что недоброжелатели Якова Ефимовича успѣли въ значительной степени навлечь на него немилость императрицы: такъ какъ форма его отозванія невполнѣ согласовалась съ ея обычною деликатностію въ отношеніи къ подобнымъ людямъ. Но еще болѣе тутъ дѣйствовалъ конечно политическій разсчетъ: требовалось произ-

---

Далѣе, подъ 5 августа, Храповицкій замѣчаетъ: „Поистинѣ онъ (Безбородко) лично обиженъ, недоволенъ Морковымъ и общею его администраціею съ Зубовымъ, ибо и князь Потемкинъ въ дѣла политическія не мѣшался. Миръ Турецкій и планъ занятія Польши непосредственно принадлежатъ графу Безбородко. Но по первому, надѣть орденъ Св. Андрея прежде на Самойлова, а по второму, все отнесено къ Зубову и Моркову.“

вести сильное впечатлѣніе на Поляковъ и отбить у нихъ охоту къ дальнѣйшей оппозиціи противъ Россіи.

Покончивъ съ исторіей Гродненскаго сейма, представимъ въ нѣскольких словахъ тѣ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе данной эпохи:

1. Второй раздѣлъ Польши былъ прямымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ и условій сложившихся помимо воли Русской императрицы. Какъ ни желала Екатерина предохранить Рѣчь Посполитую отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны ея нѣмецкихъ сосѣдей и подчинить ее исключительно русскому вліянію, она принуждена была уступить настояніямъ Пруссіи. Главнымъ образомъ она уступила потому, что Поляки не хотѣли или не могли понять своей полной несостоятельности посреди сосѣднихъ державъ, и, вмѣсто того чтобы примкнуть къ Россіи для спасенія своей цѣльности, при всякомъ удобномъ случаѣ становились къ ней во враждебныя отношенія.

2. Давъ согласіе на второй раздѣлъ, русская дипломатія приняла на себя неблагодарную задачу принудить Рѣчь Посполитую къ формальной уступкѣ провинцій; созвала для того сеймъ изъ элементовъ соотвѣтствующихъ этой задачѣ, и заставила его подписать раздѣлъ. Эта мѣра, основанная на уваженіи къ существовавшимъ формамъ международныхъ отношеній (т. е. къ подтвержденію всякаго пріобрѣтенія трактатомъ, хотя бы и вынужденнымъ) являлась неизбѣжнымъ шагомъ въ ряду событій; тѣмъ не менѣе ея моральное впечатлѣніе по своимъ послѣдствіямъ было невыгодно для Россіи.

3. На Гродненскомъ сеймѣ Рѣчь Посполитая еще разъ проявила свое ораторское искусство. Она выставила оппозиціонную группу, которая, при всемъ безсиліи своемъ, показала что двадцать лѣтъ протекшія со времени перваго раздѣла не остались безплодны для возбужденія духа въ умирающей Рѣчи Посполитой, хотя это возбужденіе уже не могло спасти ее, такъ какъ оно пришло слишкомъ поздно.

4. Союзный договоръ, заключенный между Россіей и Польшей, представляетъ послѣднюю попытку Русской императри-

цы спасти остатокъ Польши отъ новаго раздѣла и подготовить его сліяніе съ Россіей. Этотъ договоръ приводитъ въ непосредственную связь политику Екатерины II съ политикой Александра I. Учрежденное имъ Царство Польское, тѣсно соединенное съ Россіей, можетъ быть разсматриваемо какъ продолженіе Екатерининскихъ стремленій, хотя въ подробностяхъ политики существуютъ нѣкоторыя различія.

5. Какъ ни тяжело иногда впечатлѣніе, производимое картиной послѣдняго польскаго сейма, мы не въ правѣ безусловно охуждать дѣйствія нашей дипломатіи въ то время, и должны воздать полную справедливость памяти великой императрицы, которая дѣйствовала сообразно съ обстоятельствами и существовавшими обычаями, а главное, во всемъ и прежде всего имѣла въ виду русскіе интересы.

СПИСОКЪ ПОСЛОВЪ ГРОДНЕНСКАГО СЕЙМА.

Воеводство Краковское.

Іосифъ Анквичъ кавалеръ орд. польскихъ.
Петръ Дембинскій староста Валецкій.
Юрій Ожаровскій подстолій Краковскій.
Кароль Гленбоцкій совѣтникъ генер. корон. конфедераціи.
Казиміръ Мѣчковскій староста Рабштыньскій.
Феликсъ Гродзицкій каштелянычъ Освѣцимскій.
Бобровницкій шамбелянъ королевскій.
Коссаковскій шамбелянъ королевскій.

Воеводство Виленское.

Повѣтъ Виленскій.

Максимильянъ Яздовскій судья.
Петръ Горскій хорунжій артил. корон.

Повѣтъ Ошмянскій.

Іосифъ Гуторовичъ маршалъ конфедераціи Ошмянской.
Іосифъ Кулевичъ судья земскій.
Северинъ Беньковскій струкчашій (стольникъ).
Людвикъ Ходзко ловчичъ, совѣтникъ конф.

Повѣтъ Лидскій.

Іосифъ Шишко судья земскій.
Александръ Нарбутъ регентъ войскъ лит.
Францишекъ Александровичъ капит. 4-го лит. полка.
Венедиктъ Скиндеръ хорунжій 1-й лит. бригады.

Повѣтъ Вилькомірскій.

Іосифъ Кучевскій судья земскій.
Хризостомъ Новомейскій судья земскій.
Іосифъ Бальзевичъ подчашій.
Іосифъ Валентиновичъ судья гродскій.

Повѣтъ Браславскій.

Августинъ Кадлубицкій полковникъ, совѣтникъ ген. конф.
Янъ Рудницкій судья земскій Браціавскій.

Воеводство Сендомірское.

Теофилъ Залускій староста Хенциньскій.
Константинъ Янковскій членъ Постояннаго совѣта.
Антоній Рачинскій генералъ-майоръ войскъ корон.
Станиславъ Ожаровскій шефъ 7-го полка.
Игнатій Гославскій совѣтникъ конфедераціи Сендомірской.
Францишекъ Ксаверій Блещинскій регентъ (секретарь) коммиссіи скарб. корон.
Іосифъ Служевскій ротмистръ народовой кавалеріи.

Воеводство Троцкое.

Повѣтъ Троцкій

Яковъ Годачевскій судья земскій.
Антоній Клечковскій староста Поровсянскій, совѣт. конф.
Михаилъ Шолковскій мечникъ Волковыйскій, совѣт. конф.
Іосифъ Карловичъ судья земскій.

Повѣтъ Гродненскій.

Іосифъ Забѣлло ловчій Вел. Кн. Лит. маршалъ конф. лит.
Жиневъ староста Березницкій.

Повѣтъ Ковенскій.

Михаилъ Коссаковскій подкоморій Ковенскій шефъ 3-го полка
Антоній Блинструбъ маршалъ конфед. Ковенской.
Антоній Домейко совѣт. ген. конф.
Адамъ Коваковскій судья земскій.

Повѣтъ Упитскій.

Станиславъ Бруновъ маршалъ конфедераціи.
Іосифъ Кимбаръ стольникъ.

Княжество Жмудское.

Людвигъ Гелгудъ старостичъ жмудскій.
Іосифъ Бялозоръ вице-бригадиръ войскъ лит. совѣт. конф.
Билевичъ совѣт. конф.
Доминикъ Коссаковскій.
Іосифъ Хржонтовскій шамбелянъ.
Александръ Пузына шамбелянъ.

Воеводство Русское.

Земля Хельмская.

Францишекъ Куницкій подкоморій Хельмскій.
Антоній Алексій Суфчинскій коммиссаръ скарбу короннаго.

Воеводство Волынское.

Антоній Пулавскій вице-маршалъ корон. конф.
Станиславъ Костка Саржинскій скарбникъ, совѣт. кон.
Ксаверій Валевскій членъ Пост. Совѣта.
Антоній Цѣшковскій совѣт. конф.
Тадеушъ Шеметъ совѣт. конф.
Адамъ Подгорскій шамбелянъ.

Воеводство Смоленское.

Повѣтъ Смоленскій.

Фабіанъ Александровичъ.
Людвигъ Сыруцъ поручникъ народ. кавалеріи.

Повѣтъ Стародубскій.

Романовичъ судья Витеб. совѣт. ген. конф.
Гіеронимъ Швейковскій шамбелянъ, совѣт. ген. конф.

Воеводство Люблинское.

Земля Люблинская.

Каетанъ Міончинскій писарь польный кор., маршалъ конф. Люблин.
Ксаверій Стоинскій шамбелянъ, совѣт. конф.

Земля Луковская.

Казимiръ Залѣскiй писарь гродскiй Луковскiй.
Антонiй Бжезинскiй поручникъ войскъ корон.

Повѣтъ Ужендовскiй.

Филиппъ Обнискiй совѣт. конф. Люблин.
Винцентiй Галензовскiй регентъ гродскiй Люблин.

Воеводство Бельзское.

Цѣшковскiй маршалъ конф.
Оранскiй хорунжiй Бельзскiй.
Фран. Done Ласкажевскiй хорунжiй Люблин. совѣт. конф.
Киприанъ Рокосовскiй ротмистръ кавалерiя народовой.

Воеводство Плоцкое.

Iосифъ Рокитницкiй подчашiй, марш. конф.
Iосифъ Дембовскiй хорунжiй войскъ корон.
Петръ Целестинъ Больковскiй хорунжiй.
Шимонъ Шидловскiй шамбелянъ.
Антонiй Карскiй подвоеводичъ Добжинскiй.
Александръ Гжегожевскiй шамбелянъ.

Воеводство Новогродское.

Повѣтъ Новогродскiй.

Михаилъ Лопотъ екс-обозный литовскiй.
Флорiанъ Войниловичъ рот. кав. народ. судья земскiй.
Рафаилъ Митарнавскiй марш. конф. и судья земскiй.
Марекъ Тугановскiй марш. конф. и судья земскiй.

Повѣтъ Слонимскiй.

Тадеушъ Чудовскiй марш. конф.
Стефанъ Незабитовскiй хорунжiй войскъ лит.

Повѣтъ Волковыйскiй.

Шимонъ Забѣлло генералъ поручикъ войскъ лит.
Доминикъ Суходольскiй судья земскiй.

Княжество Мазовецкое.

Земля Черская.

Станишевскій староста.
Остророгъ шамбелянъ.

Земля Варшавская.

Станиславъ Бѣлинскій коронный подчашій марш. сеймовый.
Станиславъ Клицкій подчашій Рожанскій.

Земля Визская.

Яковъ Раковскій подвоевода и марш. конф.
Іосифъ Хойновскій регентъ.

Земля Вышегродская.

Діонисій Микорскій шамбелянъ.
Касперъ Богуцкій майоръ батальона понтон.

Земля Закрочимская.

Юліанъ Виламовскій совѣт. конф.
Кн. Александръ Понинскій кавалеръ Мальтійскій.

Земля Цѣхановская.

Шидловскій подкаморій марш. конф.
Гославскій совѣт. конф.

Земля Ломжинская.

Флоріанъ Древновскій стольникъ и марш. конф.
Тадеушъ Скаржинскій скарбникъ.

Земля Рожанская.

Іосифъ Млодзяновскій коморникъ. совѣт. конф.
Андрей Цѣмневскій сендзичъ (сынъ судьи).

Земля Ливская.

Онуфрій Оборскій марш. конф.
Краснодембскій ловчій.

Земля Нурская.

Стефанъ Замбжицкій стольникъ.
Игнатій Дзежбицкій воеводичъ Ленчицкій.

Воеводство Подляское.

Земля Дрогичинская.

Залескій судья земскій.
Пудловскій подчашій.

Земля Мѣльницкая.

Шидловскій староста.
Франковскій подстароста.

Земля Бѣльская.

Олдаковскій совѣт. конф.
Дронговскій совѣт. конф.

Воеводство Равское.

Земля Равская.

Камоцкій скарбникъ Бѣльскій.
Дескуръ полковникъ гвардіи пѣшей лит.

Земля Сохачевская.

Плихта писарь Сохачевскій.
Гр. Скарбекъ шамбелянъ.

Земля Гостынская.

Влодекъ подкоморій королевскій.
Лютоборскій регентъ земли Равской.

Воеводство Брестъ-Литовское.

Повѣтъ Брестъ-Литовскій.

Буховецкій хорунжій.
Верещака судья гродскій.
Выгановскій подкоможичъ.
Озенбловскій судья земскій.

Повѣтъ Пинскій.

Викторъ Куженецкій подкоморій и маршалъ.
Адамъ Скирмонтъ судья земскій.
Павелъ Орда стражникъ Пинскій.
Викторъ Любецкій обозный.

Воеводство Инфлянтское.

Отъ Короны.

Кн. Адамъ Понинскій ротмистръ кав. народ.
Винцентій Модзелевскій кавалеръ Мальт.

Отъ Литвы.

Іозефовичъ староста Мерецкій.
Мануцци старостичъ Опескій.
Снарскій совѣт. конф. лит.
Штейнъ совѣт. конф. лит.

Воеводство Черниговское.

Станиславъ Рогозинскій ловчій Луцкій.
Людвигъ Голынскій марш. конф.
Людвигъ Фабрицій совѣт. конф.
Игнатій Лобаржевскій майоръ.